

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

12

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume twelve

**CAPTIVE UNIVERSE
STONEHENGE: WHERE
ATLANTIS DIED**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга двенадцатая

**ПЛЕНЕННАЯ
ВСЕЛЕННАЯ
СТОУНХЕНДЖ**

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Captive Universe

Copyright © 1972 by Harry Harrison

Stonehenge: Where Atlantis Died

Copyright © 1972, 1983 by Harry Harrison
and Leon Stover

© 1994 Издательская фирма «Полярис»
*оформление, составление, перевод на рус-
ский язык*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя

ISBN 5-88132-086-7

ПЛЕНЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Долина

О нен нонтлакат
О нен нонкизако
 Йе никан ин тлалтикпак:
 Нинотолиниа,
Ин манел нонквиз,
Ин манел нонтлакат,
 Йе никан ин тлалтикпак.

Напрасно был я рожден,
Напрасно написан закон,
 Управляющий этой землей:
 Здесь я страдалец,
Однако не напрасны
Наши муки.

Ацтекская песня

1

Чимал бежал, охваченный паникой. Луна все еще была скрыта за ограничивающими долину с востока утесами, но ее свет уже посеребрил их вершины. Как только луна подыметя выше гор, его станет видно так же отчетливо, как бывает видно священную пирамиду посреди полей со всходами маиса. Почему он не подумал об этом? Что заставило его так рисковать? Дыхание со свистом вырывалось из его горла, сердце колотилось. Даже яркие воспоминания об объятиях Квиау не могли вытеснить всепожирающий страх — зачем только он это сделал!

Если бы ему удалось добраться до реки! Она ведь уже совсем близко! Плетеные сандалии Чимала вязли в сухой земле, но каждый шаг приближал его к воде — и к спасению.

Отдаленное свистящее шипение нарушило тишину ночи, и ноги Чимала подкосились — он рухнул на землю, скованный ужасом. Это Коатлики, богиня со змеиными головами! Он погиб! Погиб!

Лежа среди стеблей убранного маиса — они были высотой всего по колено и не могли его укрыть, — Чимал попытался привести мысли в порядок и прошептать предсмертную молитву, ибо пришло время умереть. Он нарушил закон и поплатится за это жизнью: человек не может скрыться от богов.

Шипение теперь было громче, оно как нож вонзалось в его мозг, не давая сосредоточиться. Но он должен! Усилием воли Чимал заставил себя прошептать первые слова молитвы. Луна вышла из-за горной гряды, сияющая, почти полная, и залила долину серебряным светом. Теперь каждый кукурузный стебель, каждая неровность почвы отбрасывала чернильно-черную тень. Чимал оглянулся и ужаснулся: его глубоко отпечатавшиеся между бороздами следы были видны отчетливо, словно проторенная дорога к храму. О Квиау! Боги тебя найдут!

Он виновен, и нет ему спасения. Табу нарушено, и Коатлики Ужасная идет за ним. Но виноват он один! Это он навязал свою любовь Квиау — именно так. Ведь она же противилась! В древних книгах написано, что боги справедливы: если они не найдут доказательств ее вины, они принесут в жертву его одного, а Квиау оставят жить. Ноги Чимала не слушались, но он заставил себя подняться и побежать обратно к деревне Квилапа — той самой, откуда он еще недавно пытался скрыться, — прокладывая след уже в стороне от предательской цепочки отпечатков, ведущих к дому Квиау.

Страх гнал его дальше и дальше, хотя он и знал, что спасение невозможно: каждый раз, когда шипение вспарывало воздух, оно было все ближе. Внезапно большая тень поглотила его собственную, бежавшую впереди, и Чимал упал. Ужас парализовал его, и только с трудом удалось ему заставить непослушные мускулы повернуть голову так, чтобы видеть то, что его преследовало.

— Коатлики!

Отчаянный вопль опустошил его легкие.

Она стояла над ним, вдвое выше любого человека, обе ее змеиные головы вытянулись вперед, в красных глазах тлел адский огонь, раздвоенные жала мелькали в приоткрытых пастьях. Коатлики обошла Чимала, и лунный свет озарил ее ожерелье из человеческих рук и сердец и юбку из извивающихся змей. Это живое одеяние шевелилось и отвечало шипением на шипение голов-близнецов. Чимал лежал неподвижно: чувства при-тупились и достигли предела, за которым страха уже не было и смерть стала просто неизбежностью, — лежал распластавшись, как жертва на алтаре.

Богиня наклонилась над ним, и теперь Чимал видел, что она действительно такова, какой изображали ее каменные изваяния в храме — вселяющая ужас и лишенная чего-либо человеческого, даже клешни вместо рук. Огромные, длиной с предплечье взрослого мужчины, плоские клешни — совсем не похожие на скорпионьи или речных раков. И теперь они жадно раскрылись, нацеленные на него. Раздался хруст костей. Еще две руки прибавятся к ожерелью богини.

— Я нарушил закон, ушел из своей деревни ночью и пересек реку. Я умру, — шепот Чимала стал громче, когда он начал читать предсмертную молитву в тени ожидающей богини.

*Я ухожу,
Спускаюсь во тьму подземного мира
Там мы встретимся скоро
Здесь, на земле, наша встреча мимолетна..*

Когда молитва кончилась, Коатлики наклонилась еще ниже, протянула клешни над своим извивающимся змеиным одеянием и вырвала его еще бьющееся сердце.

2

Рядом с Квиау в маленьком глиняном горшке, заботливо отодвинутом в тень за хижинкой, чтобы не завял, зеленел побег квиауксочитля, дождевого цветка, имя которого она носила. Склонившись над каменной ступой и растирая в ней зерна маиса, Квиау шептала

молитву, обращенную к богине цветка, прося ее защиты от богов тьмы. Сегодня они подступили так близко, что Квиау едва могла дышать, и только многолетняя привычка помогала ей двигать пест по каменной поверхности. Сегодня шестнадцатая годовщина того дня — дня, когда на берегу реки нашли тело Чимала, растерзанного мстительной Коатлики. Всего через два дня после праздника урожая. Почему Коатлики ее пощадила? Ведь она должна была знать, что Квиау, как и Чимал, нарушила табу. С тех пор в этот день Квиау каждый раз дрожала от страха, но смерть не приходила за ней. Пока.

Нынешний год страшнее всех предыдущих: сегодня ее сына увели в храм на суд. Несчастье должно случиться именно теперь. Боги ждали все эти годы, ждали этого дня, хотя и знали с самого начала, что ее сын Чимал — сын Чимала-Попоки из Заачилы, того, кто нарушил табу. Стон рождался в груди Квиау с каждым вдохом, но руки продолжали ритмично двигать жернов.

Тень горной гряды уже легла на ее хижину, и тортильи пеклись на кумале над огнем, когда Квиау услышала медленные шаги. Весь день соседи избегали ее. Квиау не обернулась. Сейчас ей сообщат, что ее сын принесен в жертву, мертв. Жрецы пришли за ней: в храме ее ждет расплата за грех, совершенный шестнадцать лет назад.

— Мама, — сказал мальчик.

Квиау увидела, как он обессиленно прислонился к стене и там, где ее коснулась его рука, осталась красная отметина.

— Ложись скорее, — Квиау поспешно вынесла из хижины петлатль и расстелила соломенную циновку снаружи, где было еще светло. Он жив, они оба живы, жрецы просто избили его! Она стояла, стиснув руки, и в душе ее росло ликование. Мальчик лег на циновку лицом вниз, и она увидела рубцы от ударов, покрывавшие его спину так же, как и руки. Он лежал спокойно, глядя на горы, окружающие долину, и Квиау, смешав настой целебных трав с водой, принялась промывать кровавые рубцы, вспухшие на теле сына. Мальчик слегка поежился от ее прикосновения, но ничего не сказал.

— Можешь ты рассказать своей матери, что случилось? — спросила Квиау, глядя на неподвижный профиль сына и пытаясь прочесть на его лице хоть что-нибудь.

Как всегда, она не знала, о чем он думает. Так было со времен его младенчества. Мысли сына были ей недоступны, они будто говорили на разных языках. Должно быть, это часть наказания: нарушивший табу должен страдать.

— Это была ошибка.

— Жрецы не ошибаются и не бьют мальчиков незаслуженно.

— На этот раз они ошиблись. Я взбирался на скалу...

— Тогда они правы, побив тебя: взбираться на скалу запрещено.

— Нет, мама, — терпеливо объяснил мальчик, — это не запрещено, нельзя только влезать на скалы, чтобы уйти из долины — таков закон, как учит Тецатлипока. Разрешено влезать на высоту в три человеческих роста за птичьими яйцами или с другими важными целями. Я лез за яйцами, и всего на два человеческих роста. Закон это разрешает.

— Но... Если закон это разрешает, то почему тебя побили?

Квиау сидела, поджав ноги, и сосредоточенно хмурилась.

— Они не помнили как следует закон и не соглашались со мной, так что пришлось смотреть по книге, а на это ушло много времени, и, когда они убедились, что я прав, а они ошибаются, — мальчик холодно, совсем не по-мальчишески улыбнулся, — они меня высекли за то, что я спорил с жрецами и ставил себя выше их.

— Ты заслужил порку. — Квиау поднялась и налила воды из кувшина, чтобы вымыть руки. — Нужно знать свое место. Ты не должен спорить с жрецами.

Сколько Чимал себя помнил, ему всегда говорили это; он давно уже понял, что в ответ лучше всего молчать. Даже когда он очень старался объяснить матери, что думает и чувствует, она никогда его не понимала. Уж лучше держать мысли при себе.

Особенно теперь, когда он солгал. Он действительно пытался влезть на скалу. Птичьи яйца были только предлогом — на случай, если его увидят.

— Поешь, — сказала Квиау, кладя перед сыном его вечернюю порцию еды — две тортильи, плоские сухие лепешки в фут шириной. — Пока ты их ешь, я приготовлю атолли.

Чимал посыпал тортильи солью и, оторвав кусок, стал медленно жевать, глядя сквозь открытую дверь хижины на мать. Квиау, склонившись над очагом, помещивала варено в горшке. Она была спокойна, все страхи остались в прошлом и забыты, морщинки на ее типично ацтекском лице разгладились. Отблески огня играли на ее золотистых волосах и отражались в голубых глазах. Чимал ощутил свою близость с матерью: в этой хижине они жили вдвоем с тех пор, как умер его отец — Чимал был тогда еще совсем маленьким. В то же время он чувствовал, как они далеки друг от друга — он никогда не мог ей объяснить, что его волнует.

Он сел и стал есть атолли, которую ему принесла мать, подцепляя кашу из миски кусочком тортильи. Атолли густая и сытная, восхитительно пахла медом и перцем. Спина и руки болели теперь меньше, кровь перестала сочиться из рассеченной розгой кожи. Чимал напился холодной воды из кувшина и глянул на темнеющее небо. Над утесами, окружавшими долину с запада, пламенел закат, и черные силуэты зопилотов-стервятников мелькали на фоне золотого неба. Мальчик смотрел на них, пока свет не померк и птицы не отправились на ночлег. Именно там, в западной части долины, он и пытался вскарабкаться на скалы — из-за птиц.

Появились звезды, яркие и сверкающие на темном небе. Знакомые шорохи, доносившиеся из хижины, где Квиау стелила петлатль на лежанке, прекратились, и мать окликнула Чимала:

— Время спать.

Я немного побуду здесь, холодный воздух на пользу моей спине.

В голосе Квиау появилось беспокойство:

— Не следует спать снаружи, все всегда спят в доме.

— Ну еще немного, меня здесь никто не увидит, а потом я уйду в дом.

Квиау ничего не ответила, и Чимал, лежа на боку, продолжал смотреть на звезды, совершающие свой путь по небу. В деревне было тихо, все спали. Чимала одолела боссонница, и его мысли снова вернулись к стервятникам.

Он вспомнил все детали своего плана, одну за другой, и не нашел в них изъяна. Точнее, изъян был

один-единственный: случай привел жреца к скалам, и тот увидел Чимала. В остальном план превосходен, даже закон, разрешавший **влезать** на скалы, был именно таким, как он его помнил. И стервятники действительно слетались в одно и то же место на скалах. Сколько Чимал себя помнил, это всегда его интересовало: он хотел узнать причину. Его беспокоило и раздражало, что она ему неизвестна. Поэтому-то в конце концов он и придумал свой план. Разве стервятники не были тотемом его клана? Он имел право знать о них все. А в деревне никто, кроме него, такими вещами не интересовался. Чимал многим задавал вопросы, но обычно не получал ответа — взрослые просто отталкивали его, если он пытался настаивать. А когда его все же удоставляли вниманием, то пожимали плечами, смеялись и говорили, что таковы уж стервятники — и тут же забывали о разговоре. Никому до них нет дела: ни детям — особенно детям! — ни взрослым, ни даже жрецам. А Чимал хотел знать.

Его интересовали и другие вещи, но он уже много лет назад перестал о них спрашивать. Он понял, что только сердит взрослых — кроме тех случаев, когда на его вопросы находились простые и всем известные ответы или когда их можно было прочесть в священных книгах жрецов. На него **начинали** кричать и могли даже ударить, хотя вообще детей били редко, и вскоре Чимал понял, в чем причина: они не знали ответов. Так что ему пришлось все узнавать самому — как, например, про стервятников.

Стервятники будоражили его любопытство, хотя о них многое известно, существовало одно обстоятельство, о котором не знал никто — да никто и не задумывался. Всем известно, что стервятники питаются падалью: Чимал сам видел, как они рвут останки броненосцев и мелких птиц; они устраивают гнезда в песке и там выводят своих неопрятных птенцов. Вот и все, больше о них и нечего знать. Но все-таки — почему они всегда летят к одному и тому же месту в скалах? Чимал злился на свое незнание, на односельчан, которым **лень** поинтересоваться этим или хотя бы выслушать его; недавние побои только усилили его злость. Он не мог спать и даже оставаться в неподвижности. Чимал встал с циновки, невидимый в темноте, сжимая и разжимая кулаки.

Почти против собственной воли он бесшумно двинулся прочь от дома, мимо спящих хижин деревни Квилапа.

Пусть люди не ходят по ночам, это не табу — просто так делать не принято. Чимала это не смущало, он чувствовал полную уверенность в себе. Дойдя до полосы голой пустыни, отделявшей утесы от деревни, он остановился. Взгляд на темный барьер скал заставил его поежиться. Стоит ли рисковать идти туда ночью? Посмеет ли он сейчас сделать то, что ему помешали осуществить днем? Его ноги сами ответили на этот вопрос — они понесли его вперед. Взобраться будет легко: он еще днем приметил расщелину, идущую почти до самого карниза, на котором обычно сидели стервятники.

Москит больно укусил в ногу, когда, свернув с тропы, Чимал стал пробираться через заросли высоких кактусов. Добравшись до поля, где рос магу, Чимал почувствовал, что идти стало легче: теперь он шел между ровных рядов растений, которые вели прямо к подножию скал.

Только дойдя до утесов, Чимал признался себе, до чего же ему страшно. Он внимательно осмотрелся, но поблизости никого не было, за ним никто не следил. Ночной воздух охлаждал его тело — Чимала пробрала дрожь; спина и руки все еще болели. Если его увидят за этим занятием, его ожидают куда худшие беды, чем просто побои. Он снова поежился и обхватил себя руками, чтобы согреться; ему было стыдно за собственную слабость. Быстро, прежде чем страх заставит его найти оправдание отступлению, Чимал подпрыгнул и, ухватившись за горизонтальный выступ, подтянулся на руках.

Начав подъем, Чимал почувствовал облегчение — внимание нужно было сосредоточить на том, чтобы найти опору для рук и ног, и времени на размышления не оставалось. Он миновал гнездо — объект своего утреннего набега — и ощутил приступ малодушия. Теперь он наверняка поднялся выше, чем на три человеческих роста. Но ведь он же не собирается добраться до вершины скалы и покинуть долину — так что все же нельзя сказать, что он нарушает закон... Камень, за который ухватились его пальцы, покачнулся, Чимал чуть не сорвался, и испуг заглушил прочие страхи — его

руки судорожно искали новую опору. Подъем продолжался.

Добравшись почти до самого карниза, Чимал остановился передохнуть, упершись пальцами ног в трещину в скале. Уступ нависал над ним, и, казалось, пути дальше нет. Чимал внимательно оглядывал камень, чернеющий на фоне звездного неба; взгляд его скользнул по лежащей у его ног долине. Чимал содрогнулся и плотнее прижался к скале — он и не представлял себе, насколько высоко забрался. Далеко внизу были видны его родная деревня Квилапа и глубокий овраг, по которому протекала река. Он мог различить даже другую деревню — Заачилу — и дальнюю горную гряду. Ночью река была табу — ее охраняла Коатлики, и одного взгляда на ее змеиные головы было бы достаточно, чтобы убить человека и погрузить его во мрак подземного мира. Чимала передернуло, и он поспешно обратил лицо к скале. Неподатливость камня, холодный ночной воздух, пустота и одиночество тяжелым грузом давили на душу.

Чимал не знал, сколько времени так провисел — наверняка долго: пальцы ног, которыми он упирался в трещину, совсем онемели. Все, чего он теперь хотел — это благополучно спуститься на землю, столь недоступно далекую, и только тлеющее пламя злости поддерживало его решимость довести дело до конца. Он начнет спускаться, но сначала выяснит, как далеко тянется этот нависающий над ним уступ. Если пути наверх нет, ему придется вернуться — и уж тогда ему не в чем будет себя упрекнуть: он сделал все возможное, чтобы взобраться на карниз. Обогнув выступ скалы, Чимал увидел, что нависающая часть утеса тянется и дальше — но в одном месте в ней есть углубление. Когда-то давно его, должно быть, пробил сорвавшийся сверху камень. Путь наверх был. Цепляясь за малейшие неровности, Чимал подтянулся, и его голова поднялась над карнизом.

Что-то черное налетело на него, ударило по голове, обдав запахом гнили и тления. Слепой ужас заставил его руками вцепиться в скалу. Затем сгусток тьмы сместился, и огромный стервятник неуклюже взлетел с карниза. Чимал громко рассмеялся от облегчения. Здесь нечего бояться, он достиг своей цели и просто спутнул устроившуюся на ночлег птицу — вот и все. Чимал подтянулся выше и влез на карниз. Скоро подыметесь луна, ее сияние уже посеребрило дальнюю гряду обла-

ков и затмило звезды на краю неба. Уступ был отчетливо виден — других стервятников на нем не оказалось, только камень вокруг сплошь покрыт их пометом. Ничего особенно интересного — кроме чернеющего в скале входа в пещеру. Чимал подобрался к отверстию, но непроницаемая тьма внутри не позволяла ничего разглядеть. Он остановился у входа, не в силах заставить себя шагнуть внутрь. Что там может быть? Теперь уже недолго ждать, пока взойдет луна. Может быть, тогда он что-нибудь увидит. Лучше не спешить.

Здесь наверху, где гулял ветер, было холодно, но Чимал не замечал этого. Небо светлело с каждой минутой, темнота в пещере отступала все дальше. Когда наконец лунный свет озарил всю пещеру, Чимал почувствовал себя обманутым. Смотреть не на что. Это даже и не пещера — так, просто выемка в скале глубиной не больше чем в два человеческих роста. Сплошной камень стен и пола, усыпанного обломками. Чимал пнул ногой ближайший, и тот перевернулся с каким-то странным шлепком. Это был не камень — но что? Чимал нагнулся и ощупал находку. Пальцы подсказали ему ответ, и в тот же момент он ощутил знакомый запах.

Мясо.

Чимал в ужасе отшатнулся, едва не свалившись с уступа, и остановился на самом краю, дрожа и снова и снова вытирая руку о камень скалы,

Мясо. Плоть. Он действительно коснулся его — огромного куска не меньше двух футов в длину и толщиной с его предплечье. Чималу случалось есть мясо на пиршествах, и он видел, как мать его готовит. Рыбу, или мелких птичек, пойманных сетью, или — самое вкусное блюдо — сладкое белое мясо гвайолота, дикой индейки. Его жарили кусочками и ели с бобами или тортильями. Но насколько велик самый большой кусок мяса от самой большой птицы? Есть только одно существо, куски плоти которого могут быть так велики... Человек.

Удивительно, как Чимал не разбился насмерть, спускаясь с карниза. Но его руки и ноги сами отыскивали опору, и он понемногу находил дорогу вниз. Он не запомнил спуск. Поток его мыслей разбивался на отдельные фрагменты, как струя воды на капли, когда он пытался вспомнить увиденное. Мясо, люди, жертвенные приношения — должно быть, это бог-зопилот кор-

мит здесь своих стервятников. Он сам это видел. Не окажется ли он следующей жертвой, предназначенной для пропитания хищникам? К моменту, когда Чимал достиг подножья скал, его тело сотрясала такая дрожь, что он упал и долго не мог встать; потом он заставил себя подняться с песка и побрел обратно в деревню. Физическое изнеможение отчасти заслонило собой ужас увиденного, и Чимал начал осознавать, какой опасности подвергается, если его увидят теперь, когда он идет от скал. Он осторожно пробирался между бурными хижинами с темными окнами-глазами, пока не достиг безопасности собственного дома. Его петлатль так и лежал там, где он его оставил; казалось невероятным, что за целую вечность, пока он отсутствовал, ничего не изменилось. Чимал поднял петлатль и потащил его внутрь хижины. Расстелив циновку у прогоревшего, но еще теплого очага, он натянул на себя одеяло и провалился в сон — надежное убежище от реального мира, который стал для него страшнее любого кошмара.

3

Число месяцев равно восемнадцати. Восемнадцать месяцев составляют год. Третий месяц — Тозозтонтли, это время сеять маис. Нужно молиться и соблюдать пост, чтобы выпали дожди, тогда к седьмому месяцу маис созреет. С наступлением восьмого месяца нужно молиться, чтобы отворотить дождь, который не даст созреть урожаю.

Бог дождя Тлалок в этом году не был милостив. Он всегда отличался суровостью, может быть, и небезосновательно: люди так часто надоедали ему просьбами. В весенние месяцы молодой маис отчаянно нуждается в дождях, потом, наоборот, чистое небо и яркое солнце необходимы ему, чтобы вызреть. Как бы то ни было, часто случались годы, когда Тлалок не приносил дождей вовремя или низвергал чересчур обильные ливни, тогда урожай бывал невелик и люди голодали.

Теперь Тлалок и вовсе не хотел их слушать. Солнце сияло на безоблачном небе, один жаркий день сменялся другим. Маису нужна была вода; крохотные росточки, с трудом пробившиеся сквозь затвердевшую растре-

скавшуюся почву, казались серыми и изможденными; они были куда ниже, чем должны были бы быть к этому времени. И вот почти вся деревня Квилапа высыпала на поле, крестьяне топали ногами и стонали, вторя молитвам жреца. Поднятое ими облако пыли висело в душном воздухе.

Чималу нелегко было заставить себя плакать. У всех собравшихся по щекам текли слезы, оставляя бороздки на покрытых пылью лицах: слезы должны тронуть сердце бога, тогда и его слезы дождем прольются на землю. Пока Чимал был ребенком, ему не приходилось участвовать в подобных церемониях, но теперь ему минул двадцатый год, он стал взрослым и должен разделять с другими взрослыми их обязанности, их ответственность. Ноги Чимала с трудом месили пыль; он подумал о грядущем голоде, о боли в животе, но вместо рыданий эта мысль вызвала лишь раздражение. Когда, чтобы вызвать слезы, он тер глаза, они только болели и воспалялись. В конце концов Чимал украдкой посплюнул палец и нарисовал полосы на пыльном лице.

Конечно, у женщин это всегда получается гораздо лучше: они с воплями рвут на себе волосы, превращая аккуратно заплетенные косы в растрепанные космы, падающие на плечи. Когда же поток их слез иссякает и они перестают рыдать, мужчины бьют их мешками, наполненными соломой.

Чей-то теплый и мягкий бок прижался к Чималу. Он отодвинулся между рядами майса, но вскоре прикосновение повторилось. Это оказалась Малиньче, девушка с круглым лицом, круглыми глазами, округлой фигурой. Она таращилась на Чимала, не переставая при этом плакать. Ее рот был так широко открыт, что Чимал видел дырку на месте одного из верхних зубов — она сломала его о камешек в бобах еще ребенком. Слезы ручьем текли из ее глаз, нос был мокрый — в доказательство ее сильных переживаний. Малиньче была еще почти ребенком, хотя, перейдя рубеж шестнадцатилетия, и считалась женщиной.

С внезапным ожесточением Чимал принялся бить ее мешком по плечам и спине. Она не отошла, казалось, она вообще не замечает ударов; ее наполненные слезами глаза, бледно-голубые и пустые, как зимнее небо, по-прежнему были устремлены на Чимала.

Между соседними рядами маиса прошествовал старый Ататотль, неся жрецу откормленную собаку. Это была его привилегия как касика, вождя деревни Квилапа. Чимал присоединился к толпе, следовавшей за жрецом. На краю поля их ждал Ситлаллатонак, в своем устрашающем черном одеянии, запятнанном кровью, с волочащимся по пыли подолом, расшитым черепами и костями. Ататотль подошел к жрецу и простер руки; двое старцев склонились над вырывавшимся щенком. Тот смотрел на людей, высунув язык и часто дыша от жары. Ситлаллатонак — это была его обязанность как верховного жреца — вонзил черный обсидиановый нож в грудь маленького животного. С профессиональной сноровкой он вырвал еще бьющееся сердце и высоко поднял его — жертву Тлалоку, — оросив стебли маиса свежей кровью.

Все возможное было сделано. Но безоблачное небо по-прежнему раскаленной чашей висело над землей. Опечаленные жители Квилапы по одному, по двое побрели обратно в деревню. Чимал, шедший, как всегда, один, не удивился, обнаружив рядом с собой Малиньче. Ее ноги тяжело переступали в пыли, однако долго хранить молчание она не могла.

— Теперь дожди придут. — В ее голосе звучала непоколебимая уверенность. — Мы плакали и молились, а жрец принес жертву.

«Мы всегда плачем и молимся, — подумал Чимал, — а дожди когда выпадают, а когда и нет. Зато жрецы сегодня вечером будут пировать в храме — им досталась отличная жирная собака». Вслух он произнес:

— Дожди придут.

— Мне уже шестнадцать, — произнесла Малиньче, и, не дождавшись ответа, продолжала: — Я хорошо готовлю тортильи, и я сильная. Однажды у нас не было закваски, маис был не очищен, и не было даже сока лайма, чтобы сделать закваску для теста, и моя мать сказала...

Чимал не слушал. Он ушел в свои мысли и почти не слышал голоса Малиньче, как и шума ветра. Они вместе дошли до деревни. Что-то перемещалось в небе, из солнечного сияния выплыл стервятник и скользнул к серой стене западных скал. Чимал проводил глазами зопилота до уступа в скалах... Он еще продолжал следить взглядом за парящей птицей, но постарался не

думать о ней. И птицы, и уступ — это все неважно, они ничего для него не значат. Думать сейчас о некоторых вещах невыносимо.

Его лицо оставалось суровым и бесстрастным, однако за неподвижностью его черт скрывалось закипающее раздражение. Можно заставить себя забыть и о стервятниках, и о ночном подъеме на утес, — но только не под нудный голос Малиньче.

— Я люблю тортильи, — буркнул Чимал, заметив, что Малиньче умолкла.

— Больше всего я люблю их есть так.. — снова затянула девушка, ободренная проявлением его интереса, и Чимал опять перестал обращать на нее внимание. Но крохотная заноза раздражения осталась в его мозгу, даже когда, резко повернувшись, он вошел в свою хижину, оставив Малиньче снаружи. Склонившись над метатлом, его мать молола маис для вечерней еды: на ее приготовление, как всегда, уйдет два часа. И еще два часа, чтобы намолоть зерно к завтраку. Такова женская работа. Квиау взглянула на Чимала и кивнула ему, не прерывая ритмичных движений.

— Я вижу там Малиньче. Она славная девушка и работающая.

Через незавешенный дверной проем им была видна Малиньче, твердо стоящая на земле широко расставленными босыми ногами, с выпирающими из-под накидки большими круглыми грудями, с опущенными вдоль тела руками будто в ожидании чего-то. Чимал отвернулся и, опустившись на циновку, стал пить холодную воду из кувшина.

— Тебе уже почти двадцать один, сын мой, — с раздражающей невозмутимостью произнесла Квиау, — и ты должен выполнить свой долг перед кланом.

Чималу все это было известно, но у него не было ни малейшего желания подчиняться обычаям. В двадцать один год юноша должен жениться, а девушка в шестнадцать — выйти замуж. Женщине нужен мужчина, который будет добывать для нее пищу; мужчине необходима женщина, которая будет готовить еду. Вожди кланов решают, кто на ком должен жениться, чтобы этот союз принес клану наибольшую пользу, и посылают сваху.

— Пойду, может, удастся поймать рыбы, — сказал вдруг Чимал и взял из ниши в стене свой нож.

Мать промолчала, ее низко опущенная голова покачивалась в такт работе. Малиньче ушла, и Чимал быстро прошел между хижинами к тропинке, уходящей, петляя между кактусами и скалами, к южному концу долины. Было по-прежнему очень жарко; когда дорожка привела его к краю оврага, стала видна река снизу, превратившаяся от засухи в лениво текущий ручеек. И все же это была вода, и от нее, казалось, тянуло прохладой. Чимал заторопился к пыльной зелени деревьев — за ними почти вертикальные каменные стены смыкались, ограничивая долину. Здесь, в тени, было не так жарко. Чимал заметил упавшее дерево — его не было, когда он был здесь в последний раз. Можно будет принести домой дров.

Он дошел до небольшого озера в скалах. Его взгляд скользнул к водопаду, тонкой струйкой низвергавшемуся с высоты. Журчащий поток впадал в озеро, сильно обмелевшее и окруженное широкой полосой грязи, хотя, Чимал знал, в середине все еще глубокое. Здесь должна быть рыба, крупная вкусная рыба; она прячется под камнями у берега. Он срезал длинную тонкую ветку и принялся мастерить острогу.

Лежа на животе на выступе скалы, нависающей над озером, Чимал вглядывался в прозрачные глубины. Он заметил серебристый отблеск — в тени мелькнула рыба, но слишком далеко. Воздух был горяч и сух, далекий стук дятла раздавался в тишине неестественно громко. Зопилоты — птицы. Они питаются любым мясом, в том числе человеческим, он сам это видел. Когда это было? Пять или шесть лет назад?

Как всегда, он попытался прогнать это воспоминание, но на сей раз не смог. Заноза раздражения, засевшая в нем еще на поле, не давала ему покоя, и с внезапной злостью Чимал ухватился за мысль о той ночи. Что же он все-таки видел? Куски мяса. Чьего? Может быть, кролика или броненосца? Нет, ему не удастся обмануть себя. Человек — единственное существо, куски плоти которого достаточно велики. Кто-то из богов — возможно, бог смерти Микстек — бросил их стервятникам, своим слугам, заботящимся об умерших. Чимал видел подарок бога и обратился в бегство — и ничего не случилось. С той ночи он молчаливо ожидал возмездия, а его все не было.

Куда ушли годы? Что стало с мальчиком, который вечно попадал в неприятности, который вечно задавал вопросы, на которые нет ответов? Острые раздражения вонзалось все глубже, и Чимал заерзал на скале, перекатился на спину и стал смотреть в небо; там, еле доступные взгляду, парили стервятники, как черные вестники судьбы. «Я был ребенком, — Чимал рассуждал уже почти вслух, впервые признаваясь себе в том, что тогда произошло, — и я так испугался, что замкнулся в себе, создал защитную оболочку: так делают оболочку из глины для рыбы, прежде чем жарить ее на углях. Но почему это беспокоит меня сейчас?»

Он мгновенно поднялся, озираясь будто в поисках жертвы. Теперь он мужчина, и его не оставят в покое так легко, как когда он был ребенком. Ему придется взять на себя ответственность, делать новые для него вещи. Он должен жениться, построить дом, обзавестись семьей; он состарится и в конце концов...

— Нет! — рявкнул он изо всех сил и спрыгнул со скалы.

Вода озера, питаемого тающими горными снегами, была холодной; она давила на Чимала все сильнее, по мере того как он погружался глубже и глубже. Он не закрывал глаз: его окружили голубоватые тени, над ним играла бликами подернутая легкой рябью поверхность воды. Здесь был другой мир, и Чималу хотелось в нем остаться, не возвращаясь к унылой действительности суши. Он нырнул еще глубже, в ушах возникла боль, а руки погрузились в ил на дне озера. Да, он хотел бы остаться здесь, но его легкие жгло огнем, и руки самопроизвольно вынесли его на поверхность. Не дожидаясь его сознательной команды, рот его широко раскрылся, и он глубоко вдохнул живой воздух.

Чимал выбрался на берег, вода струйками стекала с его набедренной повязки и хлюпала в сандалиях; он смотрел на водопад, на окружающие скалы. Нет, остаться навсегда в подводном мире он не сможет. И тут во внезапной вспышке прозрения он осознал, что не сможет больше жить и в долине, своем родном мире. Если бы он был птицей и мог улететь отсюда! Когда-то выход из долины существовал — какие тогда, должно быть, были чудесные времена! Но землетрясение положило конец этому. Перед его внутренним взором предстало болото на противоположном конце длинной долины,

доходящее до подножия чудовищной груды скал и валунов, закрывающей выход. Вода понемногу просачивалась сквозь камни, птицы могли перелетать через преграду, но для людей пути не было. Они заперты громадными нависающими скалами и тяготеющим над ними проклятием, которое, пожалуй, преодолеть еще труднее. Это проклятие Омейокана, бога, чье имя нельзя произносить вслух — только шепотом, чтобы он не услышал. Говорят, когда-то люди забыли богов, храм пришел в запустение, жертвенный алтарь высох. И тогда разгневанный Омейокан целый день и целую ночь тряс горы, пока они не обрушились и не завалили проход, связывавший долину с внешним миром, на пять раз по сто лет — тогда, если люди будут хорошо служить храму, выход откроется снова. Жрецы никогда не говорили о том, сколько времени уже прошло, да и какое это имело значение? Наказание не кончится при их жизни.

Что из себя представляет внешний мир? Там есть горы, это он знал. Можно было видеть их далекие пики, которые зимой покрывал снег, остававшийся летом только на северных склонах. Больше ему ничего не было известно. Там должны быть деревни вроде его собственной, он был почти уверен в этом. Что еще? Жители тех мест должны знать вещи, неизвестные его соплеменникам — например, где искать металл и как его получить. У обитателей долины еще сохранилось несколько драгоценных топоров и мачете, сделанных из блестящего материала, называемого железом. Они были мягче обсидиановых, но не ломались так легко, и их можно было точить снова и снова. А у жрецов хранилась шкатулка, сделанная из этого железа, украшенная сверкающими драгоценностями, которую они показывали народу в дни особых празднеств.

Как бы он хотел увидеть мир, сотворивший все эти чудеса! Если бы ему только удалось вырваться отсюда! Если бы только существовал выход — даже боги не смогли бы остановить его. И все же, рассуждая так, Чимал съеживался и закрывал голову руками в ожидании неминуемого удара богов.

Боги остановят его. Коатлики настигнет и покарает — он сам видел ее безрукие жертвы.

Чимал вновь впал в оцепенение — что ж, это и к лучшему. Нельзя причинить боль тому, кто ничего не

чувствует. Его нож лежал на скале там, где он его оставил — Чимал вспомнил о нем потому, что изготовление ножа стоило ему многих часов тяжелой работы: не так-то легко высечь из куска обсидиана подходящее лезвие. Но рыба, как и дрова, вылетели у него из головы; Чимал прошел мимо сухого дерева, даже не взглянув на него. Ноги сами привели на тропинку, и он в благословенной бесчувственности направился мимо деревьев обратно в деревню.

Дорожка шла вдоль русла обмелевшей реки, и на противоположном берегу были видны храм и школа. Какой-то мальчик — он был из другой деревни, Заачилы, и Чимал не знал его имени, — стоя на высоком берегу, махал ему и что-то кричал, приложив руки ко рту. Чимал остановился и прислушался.

— Храм... — донеслось до Чимала, потом что-то еще, похожее на «Тецатлипока». Чимал надеялся, что это ему показалось: имя Владыки небес и земли, насылающего и излечивающего ужасные болезни, нельзя произносить всуе. Мальчик, поняв, что Чимал его не слышит, спустился с откоса и, разбрызгивая воду, пересек узкий поток, вскарабкался туда, где стоял Чимал. Он совсем запыхался, но глаза его возбужденно сверкали.

— Попока — ты его знаешь? Паренек из нашей деревни? — не дожидаясь ответа Чимала, мальчик продолжал, захлебываясь словами: — Ему было видение, он об этом рассказывал, жрецы услышали и позвали его в храм, и они говорят, что Тецатлипока... — как ни возбужден был мальчик, произнеся имя бога вслух, он запнулся, — ...вошел в него. Жрецы забрали Попоку в храм на пирамиде.

— Зачем? — спросил Чимал, хотя знал ответ.

— Ситлаллатонак освободит бога.

Они должны идти в храм, конечно, — все должны присутствовать на столь важной церемонии. Чималу совсем не хотелось видеть то, что произойдет, но он и не пытался уклониться: быть там его долг.

Войдя в деревню, Чимал оставил мальчика и направился к своей хижине, но мать, как и большинство односельчан, уже ушла. Чимал положил нож на место и направился по сплошь утопанной тропе, ведущей к храму. Молчаливая толпа собралась у подножия пира-

миды, но Чималу все было отлично видно и с его места позади собравшихся.

На уступе перед храмом находился резной каменный алтарь с просверленными в нем отверстиями, обильно покрытый за бесчисленные годы засохшей кровью. Попока покорно дал привязать себя к камню; чтобы он не мог двигаться, веревки были пропущены сквозь отверстия в алтаре. Один из жрецов встал над юношей. Приставив ко рту свернутый из листьев конус, он дунул через него. В то же мгновение словно белое облако окутало лицо Попоки. Йахтли, порошок из корня того растения, что усыпляет людей и делает их нечувствительными к боли. К тому времени, когда Ситлаллатонак появился у алтаря, младшие жрецы уже обрили голову юноши — все было готово к началу обряда. Верховный жрец собственноручно вынес чашу с необходимыми инструментами. Дрожь пробежала по телу юноши, когда с его лба срезали кусок кожи, но он даже не вскрикнул. И ритуал начался.

Толпа всколыхнулась: вращающееся острие начало сверлить отверстие в черепе Попоки. Совсем того не желая, Чимал очутился в первом ряду. Отсюда все детали происходящего были видны с мучительной отчетливостью: верховный жрец просверлил несколько отверстий в черепе, как бы соединяя их — и снял освободившийся костный диск.

— Ты можешь выйти, Тецатлипока, — провозгласил верховный жрец; гробовое молчание воцарилось в толпе при упоминании ужасного имени.

— Теперь говори, Попока, — обратился жрец к юноше, — что ты видел?

С этими словами он вонзил нож в блестящую серую массу в зияющей ране. Ответом был тихий стон, и губы юноши зашевелились.

— Кактусы... на осыпи у скал... Я собирал их плоды, было уже поздно, а я еще не закончил... После захода солнца мне пришлось бы идти в деревню в темноте... Я повернулся и увидел...

— Выходи, Тецатлипока, дорога тебе открыта, — перебил Попоку верховный жрец, погружая нож еще глубже.

— УВИДЕЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ, ОН СНИЗОШЕЛ НА МЕНЯ ОТ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА!.. — закричал Попока, судорожно изгибаясь на алтаре, и затих.

— Тецатлипока вышел, — возвестил жрец, кидая инструменты в чашу, — и юноша свободен.
И мертв, подумал Чимал, отворачиваясь.

4

С наступлением вечера стало прохладнее, и солнце уже не так нещадно припекало спину Чимала. После того как народ разошелся от храма, он так и сидел здесь, на белом песке у реки, глядя на узкую полосу мутной воды. Сначала он не осознал, что же привело его сюда, но потом, когда до него это дошло, страх приковал его к месту. День выдался тяжелый во всех отношениях, и смерть Попоки на жертвенном камне дала мыслям Чимала новое направление. Что видел юноша? Мог ли Чимал увидеть такое? А если бы увидел, ему это тоже стоило бы жизни?

Когда Чимал поднялся, ноги почти отказались его держать — он слишком долго просидел на корточках, так что, вместо того чтобы перепрыгнуть поток, он перебрался вброд. Какая разница, если он умрет теперь — ведь хотел же он остаться под водой, просто ему это не удалось. Жизнь в долине была — он запнулся, подыскивая подходящее слово — непереносимой. Мысль о бесконечной череде одинаковых дней впереди казалась гораздо более ужасной, чем перспектива смерти. Попока что-то видел, боги овладели им за это, а жрецы убили. Что же могло быть настолько важным? Чимал не мог себе такого представить, да это и не имело значения. Все, что обещало хоть какую-то новизну в этой никогда не меняющейся жизни, должно быть им испытано.

Держась кромки болота в северном конце долины и обходя стороной поля маиса и магу, окружающие деревню Заачила, можно было остаться незамеченным. На этой заброшенной земле не было ничего, кроме кактусов, москитов и песка. Фиолетовые тени росли с приближением сумерек, и Чимал заторопился к утесам, встававшим стеной за деревней. Что же там видел Попока?

Было лишь одно место, где росли кактусы с плодами, соответствующее описанию — наверху длинной осы-

пи из мелких камней и песка. Чимал знал, где это, и добрался туда как раз к тому моменту, когда солнце начало садиться за дальние горные утесы. Он вскарабкался на вершину осыпи и устроился на венчающем ее большом камне. Высота могла иметь какое-то отношение к тому, что видел Попока, — так что чем выше, тем лучше. С этой выгодной позиции Чимал мог видеть всю долину — деревню Заачила прямо перед собой, темную полосу речного русла, свою родную деревню за рекой. Выступающие утесы скрывали от него водопад на юге, но болота на севере и замыкающие долину гигантские каменные блоки были отчетливо видны, хотя теперь, когда солнце садилось, быстро начинала сгущаться темнота.

Пока Чимал смотрел на окрестности, солнце окончательно скрылось за горами. Вот и все. Он ничего не увидел. Сияющее красками заката небо приобрело более темный оттенок, и Чимал уже собрался покинуть свой наблюдательный пост.

И тут ему в глаза ударил луч чистого золотого света.

Это длилось всего мгновение. Если бы он не смотрел пристально в нужном направлении, он ничего бы не увидел. Золотая полоса, тонкая, как нить, пересекала небо от той точки, где скрылось солнце, — сверкающая подобно отражению света на воде. Но только какая же водная поверхность может быть на небе? Что это было?

Осознание того, как далеко он от дома и как уже поздно, заставило Чимала вздрогнуть. На небе появились первые звезды, скоро совсем стемнеет, а он на чужом берегу реки.

Коатлики!

Забыв обо всем остальном, Чимал спрыгнул с валуна, споткнувшись, растянулся на песке, вскочил и помчался к реке. Сумерки уже совсем сгустились, его односельчане, должно быть, сидят за ужином, а он... Страх гнал его мимо темных сгорбившихся кактусов, через низкие колючие кусты. Коатлики! Она совсем не выдумка жрецов: он видел ее жертвы. Не раздумывая, Чимал бежал, как преследуемая охотниками дичь.

Когда он достиг берега реки, тьма стала совсем непроглядной и только свет звезд указывал ему путь. У воды было еще темнее — берега заслоняли звезды, — и именно там охотилась Коатлики. Дрожь пробежала по

телу, и Чимал замедлил шаги, не в силах заставить себя нырнуть в эту густую черноту.

И тут издалека, со стороны находящихся справа болот, раздалось шипение, похожее на шипение гигантской змеи. Это она!..

Не колеблясь более, Чимал кинулся вперед, споткнувшись, перевернулся на мягком песке и, разбрызгивая воду, пересек обмелевший поток. Шипение раздалось снова. Не стало ли оно громче? Отчаянно цепляясь за выступы берега, он вскарабкался по откосу и, судорожно хватая ртом воздух, помчался через поля. Чимал не замедлял бега до тех пор, пока надежная стена хижины не появилась перед ним. Чимал упал у первой же хижины, задыхаясь и прижимаясь к грубым необожженным кирпичам — здесь он был в безопасности. Сюда Коатлики не придет.

Когда его дыхание выровнялось, Чимал встал и бесшумно пошел между домами к своей хижине. Его мать переворачивала тортильи на кумале и бросила на него озабоченный взгляд.

— Ты сегодня поздно.

— Я был в гостях.

Чимал сел и потянулся было к кувшину с водой, но передумал и взял сосуд с октли. Перебродивший сок магу опьянял и приносил радость и успокоение. Чимал еще не привык к мужской привилегии — пить октли, когда захочет. Квиау искоса глянула на сына, но ничего не сказала. Чимал сделал большой глоток и с трудом удержался, чтобы не закашляться.

Ночью во сне Чимал был оглушен страшным ревом. Ему казалось, что он попал в горах под камнепад и получил удар по голове. Неожиданная вспышка света, заметная даже сквозь сомкнутые веки, разбудила его, и Чимал лежал в темноте в жутком страхе, а волны звука все накатывались и накатывались на него. Не сразу он сообразил, что на дворе ливень: стук дождя по соломенной крыше и был тем звуком, который слышался ему во сне. Новая вспышка молнии озарила хижину на долгую секунду, залив помещение странным голубым светом, в котором были отчетливо видны очаг, кухонные горшки, неподвижная фигура Квиау, крепко спящей на своем петлатле, колеблемая ветром циновка на двери, ручеек дождевой воды, извивающийся по земляному полу. Затем снова наступила темнота, и

грохот грома, казалось, заполнил собой всю долину. Когда боги играют, говорили жрецы, они крушат горы и кидают огромные камни, вроде тех, которыми они когда-то завалили выход из долины.

Голова Чимала заболела, как только он сел: по крайней мере, эта часть его сна соответствовала реальности. Он выпил слишком много окли. Мать была обеспокоена, вспомнил Чимал: опьянение было священо и допустимо только во время праздничных торжеств. Ну что же, у него был свой собственный праздник.

Чимал отодвинул циновку и вышел под дождь. Теплые струи текли по его запрокинутому лицу и омывали обнаженное тело, Чимал ловил ртом и глотал сладкую воду. Головная боль утихла, и ощущение чистоты было приятно. Даже подумалось: теперь посевам хватит влаги, урожай, несмотря ни на что, все же может оказаться неплохим.

Молния снова осветила небо, и Чимал сразу же вспомнил о том световом луче, который видел на закате. Может быть, это родственные явления? Вряд ли: молния извивалась, как обезглавленная змея, а та полоса света была прямой, как стрела.

Ему больше не хотелось стоять под дождем — он продрог. Стараясь отогнать мысли об увиденном накануне вечером, Чимал повернулся и быстро нырнул в хижину.

На рассвете, как и каждый день, его разбудил стук барабана. Мать уже раздувала угли в очаге. Она молчала, но Чимал прочел неодобрение в том, как она отвернулась от него. Потрогав подбородок, Чимал укололся об отросшую щетину: пора привести себя в порядок. Он налил в плошку воды и покрошил в нее копал-ксокотль, сушеный корень мыльного дерева. Взяв плошку с мыльным раствором и нож, Чимал устроился за домом, там, куда падали первые солнечные лучи. Тучи ушли, и день обещал быть ясным. Чимал как следует намылил лицо и посмотрелся в лужицу: легче чисто побриться, если видишь свое отражение.

Закончив бритье, Чимал провел рукой по щекам теперь они были гладкие, а отражение в лужице подтверждало, что дело сделано на совесть — на Чимала смотрело почти незнакомое лицо, так он изменился за последние годы. У него был решительный квадратный подбородок — совсем не как у его отца: по рассказам

старших, у того были тонкие черты лица, да и вообще он был миниатюрным. Даже теперь, наедине с собой, Чимал по привычке крепко сжимал губы, как бы стремясь удержать готовые сорваться ненужные слова: за многие годы Чимал хорошо усвоил умение молчать. Даже его глубоко сидящие серые глаза под тяжелыми бровями хранили выражение замкнутости. Прямые светлые волосы Чимала, ровно подстриженные и сзади и с боков доходящие до плеч, спереди челкой падали на его высокий лоб. Больше не было мальчика, лицо которого было Чималу знакомо; теперь его место занял взрослый незнакомец. Что значили для него те события в прошлом, странные чувства, волновавшие мальчика, странные вещи, которые он видел? Почему он не мог жить спокойно, как все?

Чимал услышал шаги позади себя, а затем рядом с его лицом отразилось еще одно: Куаутемок, вождь его клана, седой и морщинистый, суровый и неразговорчивый.

— Я пришел поговорить о твоей свадьбе, — сказал отражение.

Чимал выплеснул в лужу мыльную воду из плошки, и отражение разбилось на тысячу фрагментов и исчезло.

Когда Чимал выпрямился и обернулся к вождю, оказалось, что он на несколько дюймов выше Куаутемока: они не встречались лицом к лицу давно, и Чимал успел вырасти. Все ответы, которые приходили на ум, казались неправильными, так что Чимал промолчал. Куаутемок прищурился на встающее солнце и потер подбородок загрубелыми от работы пальцами.

— Нужно укреплять клан. Такова воля, — он понизил голос, — Омейокана. Девушка Малиньче достигла брачного возраста, и ты тоже. Ваша свадьба будет скоро, после праздника созревающего урожая. Ты ведь знаешь девушку Малиньче?

— Конечно, я ее знаю. Именно поэтому я и не хочу на ней жениться.

Куаутемок был изумлен. Его глаза широко раскрылись, а палец прикоснулся к щеке в традиционном жесте, выражающем удивление.

— Чего ты хочешь, не имеет значения. Разве тебя не учили повиноваться? Другой подходящей для тебя девушки нет, так сказала мне сваха.

— Дело не в Малиньче — я вообще не хочу жениться. Не теперь. Со свадьбой можно подождать...

— Ты был со странностями еще мальчишкой, недавно жрецы тебя побили. Казалось, это пошло тебе на пользу, я даже подумал, ты исправился. А теперь ты говоришь так же странно, как и тогда. Если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я... — Куаутемок запнулся, подыскивая слова, — то я должен буду все рассказать жрецам.

Воспоминание о черном обсидиановом ноже, вонзающемся в белую массу в голове Попоки, внезапно отчетливо встало у Чимала перед глазами. Если жрецы решат, что он одержим богом, они точно так же освободят и его. Все очень просто, неожиданно понял Чимал. Перед ним два пути: или он будет вести себя как все — или умрет. Выбор за ним.

— Я женюсь на девушке.

Чимал отвернулся и поднял корзину с навозом, чтобы отнести ее на поле.

5

Кто-то передал ему чашу с октли, и Чимал наклонился над ней, вдыхая сильный острый запах, перед тем как выпить. Он сидел в одиночестве на новой травяной циновке, окруженный со всех сторон шумными родичами — своими и Малиньче. Они смеялись, толкались, старались перекрыть друг друга, а девушки разносили кувшины с октли. Для праздника была отведена песчаная площадка посреди деревни, ради такого случая чисто выметенная; она еле вмещала всех собравшихся. Чимал оглянулся и встретился глазами со своей матерью. Квиау улыбнулась, а он уже и не помнил, когда в последний раз видел ее улыбающейся. Чимал отвернулся от нее так резко, что октли выплеснулось из чаши на его тилманть — новый белый свадебный плащ, специально сотканный Квиау к этому событию. Чимал стал стряхивать липкую жидкость — и замер, когда все вокруг внезапно затихли.

— Она идет, — прошептал кто-то, и по толпе пробежал шорох — все повернулись и стали смотреть в одном направлении. Чимал не отрывал взгляда от своей

уже почти пустой чаши, не поднял он глаз и тогда, когда гости расступились, давая дорогу свахе. Старуха еле ковыляла под тяжестью невесты, но она всю свою жизнь таскала подобную ношу — в этом состояли ее обязанности. Она остановилась рядом с циновкой и аккуратно поставила на нее Малиньче. Девушка тоже была одета в новый белый плащ, а ее лунообразное лицо натерли ореховым маслом, чтобы кожа красиво блестела. Пооглядевшись, она опустилась на колени — совсем как собака, устраивающаяся поудобнее — и обратила свои круглые глаза на Куаутемока, который приблизился и величественно простер руки. Как вождь клана жениха он имел право произнести речь первым. Он прочистил горло и сплюнул на песок.

— Мы собрались здесь сегодня ради укрепления уз между кланами. Вы помните, что, когда Йотихуак умер от голода в неурожайный год, он оставил вдову Квиау — вон она сидит — и сына по имени Чимал — вон он на циновке...

Чимал не слушал. Ему приходилось бывать на свадьбах, и сейчас происходило все то же самое. Вожди кланов разразятся длинными речами, усыпив собравшихся, потом столь же длинную речь скажет сваха, потом все, кому только взбредет в голову. Гости будут дремать, будет выпито много октли, и наконец уже почти на закате, их плащи завяжут традиционным узлом, который соединяет невесту и жениха на всю жизнь. Даже и на этом речи еще не закончатся. Только когда совсем стемнеет, церемония подойдет к концу и Малиньче отправится к себе домой. У нее, как и у Чимала, не было отца — тот умер за год до того от укуса гремучей змеи, — но были дядья и братья. Они уведут ее с собой, и многие из них будут с ней спать этой ночью. Она принадлежала к их клану, и поэтому только справедливо, что они избавят Чимала от духов, угрожающих браку, приняв на себя их проклятия. Лишь вечером следующего дня Малиньче переселится в его дом.

Все это было Чималу известно... и безразлично. Хотя он и понимал, что молод, сейчас ему казалось, будто его жизнь подошла к концу. Он видел свое будущее так отчетливо, словно уже прожил его: все будет неизменным, его жизнь ничем не будет отличаться от существования других жителей деревни. Дважды в день Малинь-

че будет готовить для него тортильи, раз в год — рожать ребенка. Чимал будет засеивать поле, ухаживать за посевами, и каждый день окажется таким же, как предыдущий, пока он не состарится и не умрет.

Так это должно быть.

Чимал протянул чашу за новой порцией октли, ее наполнили. Так это должно быть. В жизни нет ничего другого, и Чимал не мог найти выхода из этого круга. Стоило его мыслям отклониться от предписанного пути, как он тут же призывал их к порядку и снова прикладывался к чаше. Он будет молчать и прогонит всякие мысли прочь.

Тень прочертила песчаное пространство и коснулась собравшихся мимолетной тьмой — огромный стервятник уселся на конек крыши ближайшей хижины. Он был пыльный и неопрятный и тряс крыльями, устраиваясь на крыше, как старуха, расправляющая свои лохмотья. Зопилот холодно глянул на Чимала сначала одним глазом, потом другим. Глаза птицы были такие же круглые, как у Малиньче, и такие же пустые. Запекшаяся кровь покрывала хищный крючковатый клюв и перья, окружающие воротником голую шею.

Потом наступил вечер, и стервятник давно уже улетел: ему здесь было не по нраву, здесь все были слишком живые — ему гораздо больше нравилась мертвечина. Долгая церемония подошла наконец к концу. Вожди обоих кланов торжественно приблизились и взялись за концы тилмантлей, готовясь связать вместе свадебные плащи. Чимал мигая смотрел на грубые руки, теребящие ткань, и внезапно им овладело багровое безумие. Он чувствовал то же, что раньше у озера, но гораздо сильнее. Была единственная вещь, которую он мог сделать — единственная, которую он должен был сделать, — другого выхода не оставалось.

Чимал вскочил словно ошпаренный и выдернул край плаща из вцепившихся в него пальцев.

— Нет, ни за что! — выкрикнул он охрипшим от выпитого октли голосом. — Я не женюсь ни на ней, ни на ком-либо еще! Вы не можете меня заставить!

Он кинулся в темноту сквозь замершую в пораженном молчании толпу, и никому не пришлось в голову задержаться или остановить его.

Если жители деревни и наблюдали за происходящим, они ничем не выдавали своего присутствия. Утренний ветерок шевелил циновки в дверных проемах, но за ними не было заметно никакого движения.

Чимал шел с высоко поднятой головой такими широкими шагами, что два жреца в своих черных одеяниях еле поспевали за ним. Его мать вскрикнула, когда на рассвете они пришли за Чималом, — это был единственный короткий крик боли, как если бы она увидела его смерть. Они стали в дверях, черные, как посланцы смерти, и потребовали его, держа оружие наготове — на случай, если он начнет сопротивляться. Каждый из них был вооружен маквахуитлем — самым смертоносным оружием, известным ацтекам: обсидиановые лезвия с рукоятками из железного дерева были настолько остры, что отрубали человеку голову одним махом. В этой угрозе не было нужды — совсем наоборот. Чимал был за домом, когда услышал их голоса. «Что же, идемте в храм», — сказал он тогда жрецам, накидывая на плечи плащ и завязывая его узлом уже на ходу. Молодым жрецам пришлось поторопиться, чтобы утнаться за ним.

Он знал, что должен бы испытывать ужас перед тем, что может ждать его в храме, но по какой-то непонятной причине чувствовал душевный подъем. Он не был счастлив — никто, кому предстоял разговор с жрецами, счастлив быть не мог, — но его ощущение собственной правоты было столь велико, что давало ему силы не замечать темную тень, угрожающую его будущему. Казалось, с его души снят тяжелый груз — да так оно на самом деле и было. В первый раз со времен раннего детства он не лгал, чтобы скрыть свои мысли: он говорил то, что думал, не считаясь с общепринятым мнением. Чимал не знал, к чему это приведет, но сейчас ему было все равно.

Его ждали у подножия пирамиды, и дальше он уже не мог идти по собственной воле. Двое жрецов преградили ему дорогу, и еще двое самых сильных взяли его за руки. Чимал не сделал попытки освободиться, когда они повели его вверх по лестнице к храму. Он никогда там не бывал: обычно только жрецы проходили через

резные двери, украшенные изображениями змей, извергающих скелеты. Когда жрецы задержались у входа, настроение Чимала несколько упало перед лицом той угрозы, которую нес барельеф. Он отвернулся от двери и стал смотреть на долину.

С этой высоты была видна вся река. Она начиналась в роще деревьев на юге и извивалась в крутых берегах, разделяя две деревни. Ее нижнее течение было отмечено золотым песком, а потом река пропадала в расположенных недалеко от пирамиды болотах. За болотами поднимался скальный барьер, а за ним были видны еще более высокие вершины...

— Введите его, — раздался из храма голос Ситлаллатонака, и жрецы втокнули Чимала внутрь.

Верховный жрец сидел, скрестив ноги, на резном каменном сиденье перед статуей Коатлики. В полумраке храма богиня казалась устрашающе живой, камень статуи был отполирован и украшен драгоценностями и золотыми пластинками. Ее головы-близнецы смотрели на вошедшего, а руки-клешни, казалось, были готовы его схватить.

— Ты послушался вождей, — громко сказал главный жрец. Другие жрецы отошли назад, давая Чималу возможность приблизиться к старцу. Глядя на него вблизи, Чимал понял, что жрец еще старше, чем ему казалось. Его волосы, не мытые годами, свалились и были покрыты кровью и пылью — это производило желаемый устрашающий эффект, как и кровавые пятна на накидке, покрытой символами смерти. Глубоко сидящие глаза жреца были красными и слезились, морщинистая шея походила на шею индюка. Лицо было восковым, несмотря на румяна, долженствующие придать ему здоровый вид. Чимал молча смотрел на жреца. — Ты послушался. Известно ли тебе, какое наказание тебя ждет? — Голос старика дрожал от злобы.

— Я не послушался, поэтому и наказания быть не может.

Жрец привстал в изумлении, услышав эти спокойно произнесенные слова. Его глаза сузились от гнева, и он рухнул на свое каменное сиденье, кутаясь в накидку.

— Ты уже спорил однажды — и был высечен. С жрецами не спорят.

— Я и не спорю, преподобный Ситлаллатонак, я просто объясняю, что произошло...

— Мне не нравятся твои объяснения, — прервал его жрец. — Разве ты не знаешь своего места? Разве тебя не учили этому в храмовой школе вместе с другими мальчиками? Боги правят. Жрецы передают их волю и возносят молитвы. Люди повинуются. Твой долг — повиноваться, и только.

— Я исполняю свой долг. Я повинуюсь богам. Но я не повинуюсь людям, когда они нарушают установленные богами законы. Повиноваться им было бы святотатством, наказание за которое — смерть. Я не хочу умирать и поэтому повинуюсь богам, даже если это вызывает гнев смертных.

Жрец моргнул, затем концом грязного пальца смахнул соринку из угла глаза.

— Что значат твои слова? — произнес он с сомнением в голосе. — Ведь это боги повелели тебе жениться.

— Вовсе не боги — люди. В священных текстах сказано, что мужчины должны жениться ради продолжения рода, а женщины — выходить замуж. Но там не говорится, в каком возрасте, и нет ни слова о том, что их можно принуждать к этому против воли.

— Брачный возраст мужчины двадцать один, женщины — шестнадцать лет.

— Таков обычай, но это всего лишь обычай. Он не имеет силы закона..

— Однажды ты уже спорил — и был побит, — визгливо повторил жрец. — Тебя могут побить снова.

— Побить можно мальчика. Нельзя бить мужчину за то, что он говорит правду. Я хочу только одного — соблюдения закона, установленного богами. Как же можно наказывать меня за это?

— Принесите мне священные книги! — крикнул верховный жрец служителям, ожидавшим за дверью. — Это ничтожество узнает правду прежде, чем его накажут. Я не помню подобного закона.

— А я хорошо помню, — спокойно ответил Чимал. — Он таков, как я сказал.

Старый жрец откинулся на сиденье, щурясь от упавшего на него солнечного луча. Солнечный свет, лицо жреца... это всколыхнуло память Чимала, и он произнес почти с вызовом:

— Я помню также, что ты говорил нам о солнце и звездах — ты прочел об этом в книгах. Солнце — пылающий газовый шар, который движут боги. Разве не

так ты говорил? Или твои слова были иными — что солнце окружено огромной алмазной оболочкой?

— Что такое ты говоришь о солнце? — нахмурившись, спросил жрец.

— Да нет, ничего, — пробормотал Чимал. «Я не смею говорить об этом вслух, — подумал он, — иначе буду мертв, мертв, как Попока, который первым увидел луч. Я видел его тоже, и он был похож на отражение солнца в воде или в алмазе. Почему жрецы ничего не говорили о том, что вызывает этот луч?»

Жрецы принесли священные книги, и мысли Чимала прервались.

Древние и почитаемые книги были в переплетах из человеческой кожи. По праздникам жрецы читали их народу. Теперь служитель положил их на каменную полку и отошел. Ситаллатонак потянулся к тяжелым томам, поднеся к свету сначала один, потом другой.

— Тебе нужна вторая книга Тецатлипоки, — сказал Чимал. — То, о чем я говорю, написано на тринадцатой или четырнадцатой странице.

С громким стуком книга выпала из рук жреца: тот удивленно вытаращил глаза на Чимала.

— Откуда ты это знаешь?

— Когда эту книгу читали народу, называли страницу. Я запомнил.

— Ты умеешь читать, вот откуда тебе это известно. Ты тайком приходил в храм читать запретные книги...

— Не будь глупцом, старик. Я никогда раньше не бывал в храме. Я просто запомнил, вот и все. — Какой-то бес подбил Чимала продолжать — уж очень велико было изумление на лице жреца. — И я умею читать, если уж хочешь знать. Это тоже не запрещено. В школе при храме я выучил, как и остальные дети, цифры, а также буквы, составляющие мое имя. Когда других учили писать их имена, я слушал и запоминал, так что узнал все буквы. Не так уж это сложно.

Жрец лишился дара речи. Вместо ответа он стал рыться в книге, пока не нашел названных Чималом страниц. Он медленно перелистывал книгу, шепотом читая священные слова. Старик прочел главу один раз, потом вернулся к предыдущей странице и прочел опять. Книга выскользнула у него из рук.

— Вот видишь, я прав, — сказал ему Чимал. — Я скоро женюсь, но только по своему выбору, хорошенько все обсудив со свахой и вождями. Так учит закон...

— Не учи меня закону, послушник! Я верховный жрец, закон — это я, и ты должен повиноваться.

— Мы все должны повиноваться, великий Ситлаллатонак, — тихо ответил Чимал. — Никому не позволено попираť закон, и каждый выполняет свой долг.

— Ты хочешь сказать, что и я?.. Ты смеешь учить меня обязанностям жреца, ты, козявка! Я могу убить тебя!

— За что? Я не сделал ничего плохого.

Жрец вскочил на ноги, трясаясь от гнева и брызгая слюной.

— Ты споришь со мной, думаешь, что знаешь закон лучше меня, умеешь читать, хотя тебя никто не учил. Я знаю, тобой овладел злой дух, и нужно выпустить его из твоей головы.

Чимал ощутил холодный гнев. Grimаса отвращения скривила его рот.

— Это все, что ты умеешь, старче? Убить человека, который с тобой не согласен, хотя он прав, а ты ошибаешься? Что же ты за жрец?

С хриплым воплем верховный жрец поднял кулаки и кинулся на Чимала, чтобы заставить его замолчать. Чимал схватил старика за руки и с легкостью удержал, хотя тот боролся изо всех сил. Сзади раздался топот ног — служители кинулись на помощь своему главе. Как только они оказались рядом, Чимал отпустил старика и отступил, криво улыбаясь.

И тут это случилось. Старик снова поднял руки, широко открыл беззубый рот и закричал — но не мог выговорить ни слова. Крик перешел в болезненный стон, и жрец, как подрубленное дерево, рухнул на пол. Его голова гулко ударилась о камень, и он остался лежать неподвижно. Глаза старика закатились, а на губах появилась пена.

Другие жрецы бросились ему на помощь, подняли и унесли. Один из стражей, вооруженный дубинкой, ударил сзади Чимала по голове. Будь это другое оружие, удар был бы смертельным. Чимал потерял сознание, и жрецы, пиная бесчувственное тело, уволокли его тоже.

Солнце, вышедшее из-за гор, светило сквозь проем в стене и зажигало огонь в драгоценных камнях, из которых были сделаны глаза Коатлики.

Священные книги, хранящие закон, так и остались валяться там, куда упали.

7

— Похоже, старый Ситламатонак очень болен, — тихо сказал молодой жрец, проверяя, хорошо ли заперта камера, куда поместили Чимала. Мощные бревна, каждое толще ноги взрослого мужчины, входили в отверстия в камне стен. Бревна имели пазы, куда вставлялась задвижка, закреплявшаяся снаружи — так, чтобы узник не мог до нее дотянуться: дверь нельзя было отпереть изнутри. К тому же сама возможность такой попытки со стороны Чимала была исключена — его руки и ноги были связаны крепкой веревкой из волокон магу. — В его болезни виноват ты, — продолжал жрец, гремя запорами. Они с Чималом были ровесниками и вместе учились в храмовой школе. — Зачем только ты это сделал? Ну, были у тебя неприятности в школе — так ведь они у всех были, — мальчишки есть мальчишки. Я никогда не думал, что ты кончишь так плохо.

Как бы ставя точку в разговоре, жрец просунул в камеру копье и ткнул им Чимала в бок. Чимал откатился, но обсидиановое острие успело рассечь мускулы, и из раны потекла кровь.

Жрец ушел, и Чимал снова остался один. Высоко в каменной стене было узкое отверстие, через которое пробивался пыльный солнечный лучик. Через него же до Чимала доходили и звуки: взволнованные крики и испуганный женский плач.

Люди пришли все до единого, как только новость дошла до деревень. Как потревоженные муравьи, они бежали из Заачилы — через поля, вброд через реку, по прибрежному песку. На другом берегу жители Заачилы смешались с жителями Квилапы — те тоже в страхе бежали к храму. Пришедшие стояли у подножия пирамиды сплошной стеной, переключаясь и обмениваясь крохами новостей. Шум затих, только когда из храма вышел жрец и медленно спустился по лестнице,

подняв руки, призывая к тишине. Подойдя к жертвенному камню, он остановился. Ицкоатль — так его звали — ведал храмовой школой. Это был суровый высокий человек средних лет, со спутанными белокурыми волосами, падавшими ниже плеч. Все знали, что когда-нибудь он станет верховным жрецом.

— Ситлаллатонак болен, — провозгласил жрец, и толпа откликнулась тихим стоном. — Сейчас он отдыхает, и мы ухаживаем за ним. Он пока не приходит в себя.

— Какая болезнь поразила его столь внезапно? — крикнул снизу один из вождей.

Ицкоатль не торопился отвечать; грязным ногтем он счищал пятнышко засохшей крови со своего плаща.

— Один человек напал на Ситлаллатонака, — произнес он наконец. — Мы держим его взаперти, чтобы позже допросить и казнить. Он безумен или одержим демоном. Мы это выясним. Он не ударил Ситлаллатонака, но, возможно, наложил на него заклятие. Имя этого человека Чимал.

Толпа всколыхнулась и загудела, как потревоженный улей, раздаваясь в стороны — люди и так стояли тесно сгрудившись, теперь же давка еще увеличилась, когда они, как от прокаженной, отшатнулись от Квиау. Мать Чимала стояла посреди пустого пространства с опущенной головой, стиснув руки у подбородка — жалкая одинокая фигурка убитой горем женщины.

Так прошел день. Солнце поднималось все выше, но люди не расходились. Квиау тоже оставалась у храма; она только отошла в сторону от толпы. Никто не разговаривал с ней и даже не смотрел в ее сторону. Люди сидели на земле и тихо переговаривались, некоторые отходили по естественным надобностям, но обязательно возвращались. В обеих деревнях никого не осталось, и очаги в хижинах гасли один за другим. Порывы ветра доносили вой собак, оставшихся без воды и пищи, но никто не обращал на это внимания.

К вечеру стало известно, что верховный жрец пришел в себя, но был еще очень слаб. Его правая рука и правая нога были неподвижны, и он еле мог говорить. По мере того как солнце краснело и опускалось за холмы, напряжение в толпе росло. Как только светило скрылось из виду, жители Заачилы неохотно поспешили в свою деревню. Они должны были пересечь реку до

темноты — времени, когда появляется Коатлики. Они останутся в неведении о том, что происходит в храме, но по крайней мере будут спать на своих циновках. Жителям Квилапы предстояла долгая бессонная ночь. Они запаслись охапками соломы и стеблями маиса и соорудили из них факелы. Хотя матери кормили грудных детей, никто больше ничего не ел — да никто и не чувствовал голода, — все были слишком поглощены ужасными событиями.

Потрескивающие факелы разгоняли темноту ночи, и лишь немногие дремали, положив головы на колени. Большинство сидело в ожидании и смотрело на храм. Оттуда доносились приглушенные голоса молящихся жрецов, а непрерывающийся барабанный бой звучал, как сердцебиение храма.

За ночь Ситлаллатонаку не стало ни хуже ни лучше. Он был жив и, наверное, сможет произнести утренние молитвы, но позже, днем, жрецы должны будут обратиться на торжественную церемонию, избрать нового верховного жреца и совершить все приличествующие случаю обряды. Все будет в порядке. Все должно быть в порядке.

Когда на небе появилась утренняя звезда, ожидавшие у храма люди восторженно зашевелились. Восход этого светила означал наступление нового дня и служил сигналом для жрецов: они должны были просить о помощи Хицилапочтли, Повелителя Колибри. Он был единственным, кому по силам победить богов тьмы, и с тех пор как он создал ацтеков, он был их защитником. Каждую ночь они молились ему; чтобы он вышел на битву, вооруженный громами, и прогнал ночь и мрак и дал солнцу засиять снова.

Хицилапочтли всегда приходил на помощь своему народу, хотя для этого приходилось задабривать его жертвами и молитвами. Разве не служил доказательством действительности молитв тот факт, что солнце каждый день появлялось на небе? Молитвы... нет ничего важнее молитв.

И только верховный жрец мог произнести необходимые слова.

Невысказанная мысль тревожила собравшихся всю ночь. Страх, что некому будет произнести спасительные молитвы, лежал на сердцах, как тяжелый груз, когда наконец из храма появилась процессия жрецов, освещенная факелами.

щавших чадящими факелами дорогу верховному жрецу. Он шел медленно, его поддерживали — почти несли — два молодых жреца. Старик опирался только на левую ногу, правая безжизненно волочилась. Его подвели к алтарю и помогли стоять прямо, пока жертвы не были принесены. Это были три индейки и собака — на этот раз от бога требовалась особенно большая помощь. Сердца жертв поочередно были вырваны и осторожно положены в действующую руку жреца. Его пальцы крепко стиснули сердца, кровь побежала между пальцами и закапала на алтарь; однако голова старика никак не держалась прямо, а рот был перекошен и полуоткрыт.

Подошло время молитвы.

Барабанный бой и пение жрецов прекратились, тишина стала абсолютной. Ситлаллатонак открыл рот, жилы на его шее напряглись — он изо всех сил старался заговорить. Но вместо слов раздался только хрип, изо рта старика побежала слюна. Жрец приложил еще большее усилие, извиваясь в поддерживающих его руках, пытаясь выдавить слова из непослушного горла; его лицо побагровело от напряжения. И старик не выдержал: его тело задергалось от боли, руки взметнулись, как конечности подброшенной в воздух тряпичной куклы, и он бессильно сник. Ситлаллатонак больше не шевелился, и Ицкоатль, подбежав, приложил ухо к его груди.

— Верховный жрец мертв, — прошептал он, и в тишине все услышали эти ужасные слова.

Собравшаяся толпа как один человек выдохнула скорбный стон; за рекой в Заачиле люди слышали его и поняли, что произошло. Женщины прижимали к себе детей и скулили, мужчины молчали, хотя были перепуганы не меньше.

Собравшиеся у храма смотрели, надеясь на чудо, как с каждой минутой утренняя звезда поднимается все выше. Она поднималась и поднималась, ее никогда еще не видели так высоко — утром обычного дня ее уже затмили бы лучи взошедшего солнца.

Но сегодня восточная часть неба не была залита сиянием. Мир оставался погружен в ночную тьму. Солнце будто не собиралось вставать из-за гор.

Вопль, который издала толпа, теперь был исполнен не скорби, а ужаса, страха перед богами и тем, чем кончится извечная битва света и тьмы. Не победят ли

теперь темные силы, не поглотит ли мрак весь мир навсегда? Сумеет ли новый верховный жрец произнести достаточно могущественные заклинания, чтобы возвратить солнце и свет, дарующие жизнь?

Люди с криками разбегались. Некоторые факелы погасли, и наступившая темнота усиливала панику. Упавших топтали, не замечая этого, — не конец ли мира наступил?

В глубоком подземелье под пирамидой Чимал пробудился от тяжелого сна: его разбудили крики и топот ног. Он не мог разобрать слов. Отблески факелов мелькали и исчезали в прорезанной в стене узкой щели. Он попытался перекатиться так, чтобы лучше видеть, но обнаружил, что почти не может двигаться: его руки и ноги стянуты веревкой. Он пролежал связанным бесконечные часы; сначала боль в запястьях и лодыжках была невыносимой, но потом они онемели, и Чимал совсем не чувствовал, есть ли у него конечности. Он провел в заточении весь день и всю ночь, его мучила жажда. К тому же обмочился, как маленький ребенок: он ничего не мог с этим поделать. Ужасная усталость навалилась на Чимала, душа горела от желания, чтобы все уже было кончено и он нашел успокоение в смерти. Мальчики не спорят с жрецами. Мужчины тоже не спорят.

Снаружи послышалось движение: кто-то спускался по лестнице, держась за стену в темноте. Шаги остановились у его двери, и Чимал услышал, как кто-то отодвигает запоры.

— Кто это? — выкрикнул Чимал, не в силах вынести это невидимое присутствие. — Вы наконец пришли убить меня? Так чего же вы медлите? — В ответ раздалось только тяжелое дыхание... и стук упавшей задвижки. Затем одно за другим тяжелые бревна были вынуты из пазов в стене. Чимал почувствовал, как кто-то вошел в камеру и остановился рядом с ним. — Кто это? — повторил Чимал и попытался сесть, упираясь в стену.

— Чимал, — произнес тихий голос его матери.

Сначала он не поверил своим ушам — ему пришлось произнести ее имя вслух, прежде чем он удостоверился в реальности происходящего. Квиау опустилась на колени рядом с сыном, и Чимал ощутил ее пальцы на своем лице.

— Что произошло? — спросил он. — Как ты сюда попала и где жрецы?

— Ситлаллатонак мертв. Он не вознес молитвы, и солнце теперь не взойдет. Люди обезумели, воют как собаки и мечутся.

«Могу себе представить», — подумал Чимал, и на мгновение паника коснулась и его; но мысль, что для обреченного на смерть один конец ничем не отличается от другого, принесла ему странное успокоение. Какая ему разница, что случится с надземным миром, раз он обречен блуждать в темноте преисподней?

— Тебе не надо было приходить, — сказал Чимал мягко, чувствуя нежность и теплоту, которых не испытывал к матери уже много лет. — Уходи, а то жрецы схватят тебя и тоже принесут в жертву. Хицилапочтли потребуются много сердец, чтобы он смог победить в битве с ночью и звездами — теперь, когда они так сильны.

— Я должна тебя освободить, — прошептала Квиау, нащупывая веревки, которыми был связан Чимал. — В том, что случилось, виновата я, а не ты, и ты не должен пострадать из-за меня.

— Да нет же, виноват я сам. Я был так глуп, что стал спорить со стариком. Он разволновался и неожиданно почувствовал себя плохо. Они правы, когда винят в этом меня.

— Нет, — ответила Квиау, склоняясь над веревкой, стягивающей запястья Чимала: ножа у нее не было. — Двадцать два года назад я согрешила, и теперь должна быть наказана.

Она стала перегрызать жесткие волокна.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно спросил Чимал, ничего не понимая.

Квиау остановилась на секунду, выпрямила стан и сложила руки на коленях. То, что она должна сказать, требует правильных слов.

— Я твоя мать, но твоим отцом был не тот человек, кого ты им всегда считал. Ты сын Чимала-Попоки из Заачилы. Он приходил ко мне, и я очень его любила и не отказывала ни в чем, хотя и знала, что это неправильно. Однажды ночью, когда он возвращался от меня и переходил через реку, его настигла Коатлики. Все эти годы я ждала, когда же она придет и за мной, но она не

пришла. Ее месть более ужасна. Она хочет взять моего сына вместо меня.

Я не могу в это поверить, — сказал Чимал, но не получил ответа: Квиау снова грызла веревку. Волокна распадались одно за другим, и наконец его руки были свободны. Квиау принялась за путы на ногах Чимала. — Подожди, — простонал Чимал, чувствуя ужасную боль в оживающих мышцах. — Разотри мне руки. Я не могу ими двигать, они так болят

Квиау стала мягко массировать руки сына, хотя каждое прикосновение жгло его, как огнем.

— Все в мире меняется, — сказал Чимал почти грустно. — Может быть, действительно нельзя нарушать правила. Мой отец погиб, ты много лет жила под страхом смерти. Я видел плоть, которой питаются стервятники, и свет в небе. А теперь наступила бесконечная ночь. Уходи, пока они не схватили тебя. Нет такого места, где я мог бы спрятаться.

— Но ты должен скрыться, — ответила Квиау, слыша только то, что отвечало ее мыслям, и принялась за веревки на ногах Чимала. Чтобы доставить ей удовольствие и ради наслаждения ощутить себя свободным — он не стал ее останавливать

— Пойдем, — сказала Квиау, когда он наконец снова мог стоять.

Чимал опирался на мать, пока они поднимались по лестнице, но даже и с ее помощью каждый шаг был подобен ходьбе по раскаленным углям. За дверью были только тишина и мрак. Звезды сияли отчетливо и ярко, рассвет так и не наступил. Издалека доносились голоса жрецов, совершающих обряд посвящения нового верховного жреца.

— Прощай, сын мой. Мы больше никогда не увидимся.

Он кивнул в темноте. Боль переполняла его, и он не мог произнести ни слова. Она сказала правду: надежды не было. Пытаясь успокоить мать, Чимал обнял Квиау как она обнимала его еще ребенком. Наконец Квиау мягко отстранилась.

Уходи, а я вернусь в деревню

Квиау подождала у двери храма, пока его спотыкающаяся фигура не скрылась в бесконечной ночи, а затем бесшумно спустилась по лестнице в его камеру. Она изнутри поставила запоры на место и села у дальней стены. Ее пальцы нащупали на полу веревки, от

которых она освободила сына. Они были теперь слишком коротки, и завязать их было нельзя, но Квиау обернула обрывки вокруг лодыжек и запястий, прижимая концы пальцами. Сделав это, она спокойно откинулась к стене, почти улыбаясь в темноту.

Наконец-то кончилось ожидание, все эти бесконечные годы. Скоро она обретет покой. Когда придут жрецы и найдут ее здесь, они поймут, что она освободила узника. Ее убьют, но она была готова к этому.

Смерть милосердна.

8

В темноте кто-то наткнулся на Чимала и ухватился за него; на мгновение Чимала охватил ужас: он подумал, что его снова схватили. Но когда Чимал уже собрался ударить напавшего, этот кто-то — непонятно, мужчина или женщина — со стенаниями побежал дальше. Чимал понял, что в этой бесконечной ночи все кругом испытывают не меньший страх, чем он сам. Он поковылял дальше, прочь от храма, вытянув перед собой руки, чтобы не наткнуться на людей. Когда пирамида с мелькающими на ее вершине огнями превратилась всего лишь в туманный силуэт вдалеке, Чимал сел, опершись на большой камень, и стал думать.

Что же делать? Он едва не произнес эти слова вслух и только тут понял, что не должен паниковать, если хочет найти выход. Темнота была ему защитой, а не врагом, как для всех остальных. Ею необходимо воспользоваться. Что ему нужно в первую очередь? Может быть, вода? Нет, не сейчас. Вода есть только в деревне, а туда ему хода нет. Недоступна ему и река, вдоль которой бродит Коатлики. Придется просто забыть о жажде: ему случалось и раньше ее испытывать, но он умел терпеть.

Можно ли выбраться из долины? Много лет мысль об этом не покидала его: жрецы не могли наказать только за то, что ты думаешь, как бы преодолеть утесы; за эти годы Чимал осмотрел скальную стену на всем ее протяжении. В некоторых местах взобраться было можно, но только на незначительную высоту. Дальше или каменная поверхность становилась слишком гладкой,

или дорогу преграждал скальный карниз. Чимал так никогда и не нашел места, где можно было бы попытаться добраться до самой вершины.

Если бы только он умел летать! Вот птицы могли покинуть долину, но он же не птица. Еще из долины течет вода, но и водой он не был тоже. Хотя — ведь он же умеет плавать: может быть, возможен такой путь?

Не то чтобы он действительно на это надеялся. На его решение могла повлиять мучительная жажда... и еще тот факт, что он находился на полпути от храма к болоту: туда легко будет добраться незамеченным. Во всяком случае, нужно было что-то делать, и такой путь казался самым вероятным. Его ноги нащупали тропу, и он медленно двинулся по ней сквозь тьму, пока не услышал звуки ночной болотной жизни совсем близко. Тогда он остановился и даже отошел немного назад: ведь Коатлики бродила и по болоту тоже. Чимал нашел песчаный участок рядом с тропой и прилег там. Бок его болел, голова тоже. Порезы и синяки покрывали все его тело. Небо над ним было усыпано звездами, и он подумал о том, как странно видеть летние и осенние созвездия в это время года — весной.

Со стороны болота доносились жалобные крики птиц, не дождавшихся рассвета, и под их голоса Чимал уснул. Когда он проснулся, на небе были знакомые весенние созвездия — похоже, прошел целый день, а солнце так и не взошло. Он уснул снова, а когда опять проснулся, увидел на востоке еле заметный отблеск. Чимал положил в рот камешек, чтобы обмануть жажду, сел и стал смотреть на горизонт.

Новый верховный жрец, должно быть, уже возведен в сан; наверное, им стал Ицкоатль — и молитвы наконец произнесены. Однако успех дался нелегко: Хицилапочтли, похоже, пришлось выдержать тяжелую битву. Отсвет на востоке долго не разгорался, затем очень медленно сияние распространилось по всему небу, и солнце поднялось над горизонтом. Оно было красным и выглядело недовольным, но оно все-таки взошло. Начался день, и теперь начнется охота за Чималом.

Чимал спустился к болоту, разгреб слой ряски и наконец-то напился.

Уже полностью рассвело, солнце утратило болезненный красный оттенок и торжествующе свершало свой

путь по небу. Оглянувшись, Чимал увидел цепочку оставленных им следов, отпечатавшихся на болотной грязи. Это, правда, не имело большого значения. В долине было совсем немного мест, где можно спрятаться, и болото представляло собой единственное из них, которое нельзя быстро обшарить. Но его обязательно будут здесь искать. Повернувшись спиной к долине, Чимал побрел сквозь доходившую ему до пояса жижу в глубь болота.

Он никогда раньше не заходил так далеко, — да, насколько ему было известно, и никто не заходил. Понятно почему: за полосой издававшего сухой треск тростника поднимались стеной окаймлявшие водные окна высокие деревья. Их плотно переплетенные корни вставали из воды, а выше начиналась сплошная масса ветвей. Толстые серые космы болотных растений свисали с сучьев и уходили в воду, под непроницаемым пологом листьев и побегов царили полумрак и духота. Кругом кишели насекомые. Москиты и мошки с пронзительным писком лезли в уши и впивались в кожу. Буквально за несколько минут лицо и руки Чимала вспухли от укусов и были испещрены кровавыми пятнами там, где он раздавил своих мучителей. Наконец, не выдержав, Чимал зачерпнул со дна мерзко пахнущую грязь и обмазался ею. Это помогло на какое-то время, хотя грязевое покрытие смывалось каждый раз, как Чималу приходилось переплывать более глубокие участки болота.

В болоте подстерегали и другие, более серьезные опасности. Зеленая водяная змея плыла навстречу Чималу, извиваясь в воде и высоко подняв голову, готовая к нападению. Он отогнал змею, плеснув на нее водой, потом выломал сухую ветку для защиты от ее родичей.

Впереди между деревьями блеснул солнечный свет. Узкая полоса воды отделяла болото от нагромождения камней. Чимал влез на скалу, радуясь солнцу и отсутствию насекомых.

Раздутые черные твари, каждая с его палец длиной, свисали с его тела, влажные и отвратительные на вид. Когда он коснулся одной из них, она лопнула, и рука его сделалась липкой от его собственной крови. Пиявки. Чимал видел, как их применяли жрецы. Каждую нужно было осторожно снять, что Чимал и сделал. Тело его осталось покрыто многочисленными мелкими ранка-

ми. Смыв с себя кровь и остатки пива, Чимал посмотрел на вздымающийся над ним скальный барьер.

Ему ни за что на него не влезть. Огромные каменные блоки, не уступающие по величине храму, нависали друг над другом. Даже если удастся миновать один, другие наготове. И все же придется попытаться, если, конечно, не найдется проход там, где вытекает вода — хотя это казалось не менее безнадежным.

Размышления Чимала были прерваны победными криками. Он поднял голову и увидел жреца, стоящего на скале в нескольких сотнях футов от него. Со стороны болота слышались всплески: преследователь был не один. Чимал снова нырнул в воду и поплыл в поисках укрытия к деревьям.

День тянулся бесконечно долго. Чимал больше не попадался на глаза своим соплеменникам, но много раз слышал их шумное продвижение по болоту вокруг себя. Ему удавалось скрыться от них, ныряя в мутную воду и оставаясь там, насколько хватало дыхания, или прячась в самой густой, кишашей насекомыми чаще, куда преследователи предпочитали не заходить. К вечеру он был настолько измучен, что понял: долго он не продержится. Его спасло чужое несчастье — раздался вопль, а потом гул встревоженных голосов: кого-то ужалила водяная змея, и это охладило пыл остальных охотников. Чимал слышал, как они удаляются, но еще долго прятался под нависающей ветвью, погрузившись в воду так, что только голова была на поверхности. Его веки настолько распухли от укусов moskitov, что ему приходилось раздвигать их пальцами, чтобы видеть.

— Чимал! — раздался голос издалека. — Чимал! Мы знаем, что ты там. Тебе не удастся скрыться. Лучше сдавайся, мы ведь все равно тебя найдем. Выходи...

Чимал отошел еще глубже в заросли и не стал отвечать. Он знал так же хорошо, как и они, что пути к бегству нет. И все же он не сдастся, не позволит им себя терзать. Лучше уж он погибнет в болоте, но умрет целым. И сохранит свое сердце.

Когда небо начало темнеть, он стал осторожно продвигаться к краю болота. Чимал знал, что никто из его преследователей не останется ночью в воде, но в скалах на берегу его могла ждать засада. От боли и усталости было трудно думать, но составить какой-то план необходимо. Если он останется там, где вода глубока, к утру

он будет мертв. Как только стемнеет, нужно выбраться в тростник у берега и решить, что делать дальше. До чего же трудно думать...

На какое-то время он, должно быть, потерял сознание, потому что, раздвинув пальцами свои воспаленные веки, увидел звезды. На небе не было уже отсветов заката. Это почему-то его встревожило — в своем одурманенном состоянии Чимал никак не мог сообразить почему. Ветер шевелил шуршащий тростник за его спиной, потом всякое движение прекратилось, и воздух заполнила вечерняя тишина.

И тут далеко слева от реки донеслось рассерженное шипение. Коатлики!

Он совсем забыл о ней! Быть у воды ночью и забыть о Коатлики!

Чимал остался неподвижен, парализованный ужасом, и вдруг на берегу раздался скрип гравия и торопливые шаги. Первой его мыслью было, что это Коатлики, затем он понял, что кто-то прятался в скалах, чтобы схватить его, если он выйдет из болота. Этот кто-то тоже слышал Коатлики и теперь спасался бегством.

Шипение раздалось снова, ближе.

Раз уж он находил убежище в болоте целый день и раз на берегу его ждет засада, — почему бы снова не искать спасение в воде? Чимал медленно отошел от берега, не думая о том, что делает: голос богини прогнал все мысли из его головы. Медленно и бесшумно он пятился, пока вода не дошла ему до пояса.

Коатлики появилась на берегу, обе ее сердито шипящие головы были повернуты к Чималу. Звездный свет бросал блики на ее раскрытые клешни. Чимал был не в силах смотреть в лицо собственной смерти: оно выглядело слишком устрашающим. Он глубоко вдохнул воздух, нырнул и поплыл под водой. От Коатлики, конечно, так не скроешься, но по крайней мере он не увидит, как она приближается к нему по воде, чтобы, подобно чудовищному рыбаку, выудить его оттуда.

Его легкие уже разрывались, а удара все не было. Когда Чимал оказался не в силах терпеть дольше, он поднял голову из воды — и увидел пустой берег. Издалека смутно доносилось эхо удаляющегося шипения.

Чимал долго стоял неподвижно под шелест капель, стекавших с его тела, пока его затуманенный рассудок пытался понять, что же произошло. Коатлики ушла.

Увидела его, но он скрылся под водой. Она не нашла его и удалилась. Мысль, прорвавшаяся сквозь пелену усталости, так его поразила, что он высказал ее вслух: «Я перехитрил богиню...»

Что это могло означать?

Чимал вылез из воды и растянулся на еще теплом песке. Нужно было как следует все обдумать. Да, он отличался от других, это всегда было так, даже когда он изо всех сил старался скрыть отличие. Он видел странные вещи, и боги не наказали его за это. И вот теперь он ускользнул от Коатлики. Может быть, он сам — бог? Разве он не перехитрил богиню? Нет, конечно, такое просто невозможно. Тогда как же, как же?..

Потом он уснул и спал тревожным сном, просыпаясь и снова засыпая. Его кожа горела, его мучили кошмары, и иногда он не знал, во сне или наяву видит то, что видит. Его легко могли схватить, но часовые в страхе убежали, а Коатлики не вернулась.

Ближе к рассвету лихорадка прошла, Чимал проснулся, испытывая мучительную жажду. Он подполз к берегу, зачерпнул в горсть воды и напился, затем умыл лицо. Все его тело с ног до головы было покрыто ранами и синяками, так что многочисленные мелкие боли сливались в одну всепоглощающую боль. Голова все еще кружилась, а мысли ворочались тяжело, как камни, — но одна мысль повторялась снова и снова, как удары ритуального барабана: он ускользнул от Коатлики. По какой-то причине она не обнаружила его в воде. Может быть, дело в этом? Проверить легко: она скоро вернется, можно ее дожидаться. Почему бы и нет? Однажды это удалось — можно попробовать еще раз. Да, именно так он и сделает: посмотрит ей в лицо, а потом скроется под водой.

Да, он сделает это, бормотал Чимал, ковыляя на запад по краю болота. Отсюда богиня вышла и сюда она должна вернуться. Тогда он увидит ее снова. За поворотом берега открылось устье реки, и осторожность заставила его войти в воду — Коатлики стерегла реку. Скоро рассвет, и здесь, на глубине, он будет в безопасности. Чимал зашел в воду по горло, выглядывая из тростников.

Небо порозовело и звезды начали гаснуть, когда богиня вернулась. Ежась от страха, Чимал остался на месте, только еще глубже — по самые глаза — погру-

зился в воду. Коатлики, не останавливаясь, тяжело шла по берегу, и змеи на ее одеянии шипели в ответ на шипение ее двух громадных голов. Когда она миновала Чимала, тот высунулся из воды и стал смотреть ей вслед. Богиня скрылась за поворотом берега, и Чимал остался в одиночестве. Свет нового дня зажег золотым сиянием вершины гор.

Когда совсем рассвело, Чимал последовал за Коатлики. Теперь это было безопасно: Коатлики сторожила реку только ночью, а днем ходить сюда не возбранялось. Чимала наполнял восторг: он следовал за богиней. Он видел, куда она пошла, да к тому же на засохшей грязи отпечатались ее следы. Наверное, она ходила этой дорогой часто — Чимал обнаружил, что идет по утопанной дорожке. Он наверняка подумал бы, что это тропинка, по которой ходят охотники на уток, если бы не видел, как тут прошла богиня. Путь вел вокруг болота, затем к скалам. Здесь, на твердой поверхности, следы обнаружить было бы трудно, если бы Чимал не знал, что искать. Коатлики прошла именно здесь.

В скале оказалось углубление — там, где когда-то трещина расколола камень. С обеих сторон поднимались утесы, и Коатлики свернуть было некуда, — если только она не улетела, что богини, возможно, и умели делать. Если же она шла по земле, то могла идти только прямо.

Чимал как раз собрался заглянуть в углубление, как из него хлынула волна гремучих змей и скорпионов. Вид этого поверг Чимала в шок — он никогда не встречался с ядовитыми созданиями более чем с одним заразом, — так что он замер на месте, и смерть прошелестела рядом. Только его естественное отвращение спасло ему жизнь. Чимал отпрянул от гадин и вскарабкался на валун, подтянув ноги как раз вовремя: живой поток достиг подножия камня. Стараясь забраться повыше, Чимал ухватился за верхний выступ утеса, и его руку пронзила огненная игла. Он оказался не первым, кто облюбовал валун: на его запястье сидел большой, желтый, как воск, скорпион, чье жало глубоко вонзилось в тело Чимала.

Содрогнувшись от отвращения, Чимал стряхнул его на камень и раздавил сандалией. Другие ядовитые твари одна за другой вползали по противоположному — полугому — боку валуна, и Чималу пришлось топтать и

сбрасывать их, прежде чем заняться своим запястьем. Он расцарапал руку об острый край камня, чтобы пошла кровь, и попытался высосать из ранки яд. Сильная боль в руке вытеснила все остальное.

Предназначался ли поток шевелящейся смерти ему? Это оставалось непонятным, и он не хотел думать на неприятную тему. Известный ему мир так быстро изменялся, старые законы рушились. Он увидел Коатлики и остался жив, пошел за ней и тоже остался жив. Может быть, гремучие змеи и скорпионы были ее свитой и следовали за ней, как роса следует за ночной прохладой? Все это было Чималу непонятно. Яд скорпиона вызывал головокружение, но в то же время и душевный подъем. Чимал чувствовал себя так, будто все может и нет на земле, под землей и на небе силы, способной его остановить.

Когда последняя змея и последний скорпион скрылись между камнями, Чимал осторожно соскользнул на землю и пошел по тропинке. Она извивалась между огромных обломков скал, упавших с горной стены, и скрывалась в трещине утеса. Трещина уходила высоко вверх, но была неглубокой. Чимал, шедший по проторенной дорожке, неожиданно оказался перед сплошной каменной стеной.

Дальше пути не было. След вел в тупик. Чимал прислонился к неровному камню, чтобы отдышаться. Ему следовало бы предположить это раньше. Из того, что Коатлики появлялась в долине в натуре, вовсе не следовало, что она подобна человеку и имеет те же возможности. Она могла испариться или улететь отсюда. А может быть, она способна проходить сквозь камень, как сквозь воздух. Какое значение это имеет сейчас — и вообще, что он тут делает? Усталость навалилась на Чимала, рука его горела от ядовитого укуса. Ему следует найти убежище на день или поискать что-нибудь съедобное — все, что угодно, только не оставаться здесь. Что за безумие толкнуло его в эту странную погоню?

Чимал повернулся, чтобы уйти — и отскочил, увидев гремучую змею. Она была в тени у самого подножия скалы. Змея не двигалась. Подойдя поближе, Чимал увидел, что челюсти ее широко распахнуты, а глаза подернулись пленкой. Он осторожно потрогал ее ногой. Тело змеи было изогнулось: она наверняка была мертва.

Но при этом каким-то странным образом прикреплена к скале.

Одолеваемый любопытством, Чимал протянул руку и слегка прикоснулся к ее холодному телу. Возможно, змеи Коатлики могли выходить из сплошного камня так же, как она сама могла входить в него. Он потянул змею, сначала осторожно, потом сильнее и сильнее, пока наконец она не оторвалась от скалы и не повисла у него в руке. Низко нагнувшись и присмотревшись, Чимал обнаружил, что кровь змеи запятнала песок у скалы, а хвост был расплюснут. Он был совсем плоским, не толще, чем его ноготь, и казался уходящим в камень. Нет: с обеих сторон от него шла трещина, тонкая, как волос, и почти невидимая в тени там, где скала соприкасалась с землей. Чимал кончиками пальцев проследил трещину по всей ее длине — прямую как стрела. Линия неожиданно оборвалась, но, когда Чимал приблизил глаза к этому месту, он увидел, что оттуда трещина шла вертикально вверх — узенькая прямая трещина в скале.

Пальцы Чимала проследили трещину высоко вверх, потом под прямым углом влево, потом снова вниз. Только когда его рука вернулась к тому месту, где была раздавленная змея, понял он значение того, что обнаружил: узкая трещина образовывала высокий правильный четырехугольник.

Это была дверь!

Могло ли так быть на самом деле? Да, это все объясняло: и куда ушла Коатлики, и каким образом были выпущены змеи и скорпионы. Дверь — выход из долины...

Когда это открытие в полной мере дошло до сознания Чимала, тот от неожиданности сел на землю, ошеломленный. Выход. Путь наружу. Конечно, это был путь, по которому ходили только боги — но все же, если все тщательно продумать... В конце концов, он дважды встречался с Коатлики, и она не схватила его. Вдруг существует возможность последовать за ней из долины? Да, это нужно очень хорошо обдумать, а голова так болит... Кроме того, в настоящий момент гораздо важнее сообразить, как остаться в живых, — тогда позднее он сможет как-нибудь использовать это потрясающее открытие. Солнце поднялось уже высоко, и преследователи Чимала, должно быть, уже вышли на охоту. Ему нужно спрятаться — и не на болоте. Еще

один день там ему не выдержать. Спотыкаясь и преодолевая боль, Чимал побежал по тропе, ведущей к Заачиле.

Вокруг болота простирались пустоши, камни и песок, изредка попадалась группа кактусов. Там было негде спрятаться, несмотря на то что местность не была пустынной. Чимала охватила паника: в любой момент он мог встретиться с соплеменниками. Они уже вышли на поиски, Чимал это знал. Взобравшись по каменистому склону, он оказался на краю поля магу и увидел вдалеке первых преследователей. Чимал кинулся на землю и пополз между рядов широколиственных растений. Они были посажены с большими промежутками, земля между ними была мягкой и хорошо вскопанной. Может быть...

Лежа на боку, Чимал лихорадочно рыл обеими руками податливую почву между двумя растениями. Выкопав похожее на могилу углубление, он заполз в него и закидал себя землей, только голова да руки оставались свободными. Конечно, если искать будут тщательно, это не поможет, но земля и развесистые колючие листья в какой-то мере скрывали его. Кончив маскироваться, Чимал замер в неподвижности: голоса раздавались уже совсем близко.

Они прошли всего через два ряда растений от него. Их было шестеро, они переключались друг с другом и с кем-то еще, кого Чимал не видел. Растения магу скрывали их тела: ниже листьев были видны ноги, а выше — головы.

— Окотре распух от укуса водяной змеи, как дыня. Я думал, его кожа лопнет, когда его несли на погребальный костер.

— Это Чимал лопнет, когда мы передадим его жрецам.

— Вы слышали, Ицкоатль обещает пытать его целый месяц, до того как принесет в жертву...

— Только месяц? — произнес удаляющийся голос.

Теперь преследователи не были видны Чималу. «Как же любят меня мои соплеменники», — подумал Чимал, криво улыбаясь нависающим над ним зеленым листьям. Растения были мясистыми и сочными; как только поисковая партия отойдет подальше, можно будет высосать сок из листьев.

Торопливые шаги раздалась совсем рядом, казалось, человек сейчас наткнется на Чимала. Над самой его головой раздался радостный вопль:

— Я принес октли!

Чимал напрягся, готовый схватить и убить крикуна прежде, чем тот поднимет тревогу: совершенно невозможно, чтобы он не заметил спрятавшегося беглеца. Сандалии чуть не задели лицо Чимала, затем миновали его, и шаги затихли вдали. Счастливый обладатель октли искал собутыльников и вовсе не смотрел под ноги.

Чимал остался лежать в своем убежище, руки его тряслись, голова была как в тумане. И все же нужно составить какой-то план. Нельзя ли пройти через дверь в скале? Коатлики известно, как это делается, но Чимал поежился при одной мысли о том, чтобы идти за Коатлики, не выпуская ее из виду, или прятаться в скалах рядом с дверью. Это было бы самоубийство. Чимал протянул руку и сорвал лист магу. Его же собственной колючкой он процарапал в листе канавки, чтобы мог по ним стекать сок. Пока он слизывал капли, время неумолимо бежало, а он все еще не мог ничего придумать. Боль в руке утихла и Чимал начал дремать, когда его слуха коснулись приближающиеся крадущиеся шаги.

Кто-то знает, что он здесь, и ищет его. Осторожным движением Чимал нашарил гладкий камень, который удобно лег в ладонь. Он будет биться до последнего, чтобы не даваться живым для обещанных жрецами пыток.

Человек появился в поле зрения. Он шел согнувшись, прячась среди растений магу и постоянно оглядываясь. Чимал удивился — что бы это могло значить? — потом понял, что тот сбежал с охоты на болоте. Прощедшие два дня были потеряны для работы в поле, а кто не работает — голодает. Вот и пробирался крестьянин на свое поле: в той неразберихе, которая царит среди обыскивающих болото, его не хватятся, а к вечеру он вернется.

Когда человек подошел поближе, Чимал узнал одного из немногих счастливицов — обладателей железных мачете. Он небрежно держал это сокровище в руке, и тут Чимала осенило — для чего мог бы пригодиться этот нож.

Не тратя времени на дальнейшие раздумья, он поднялся, когда человек поровнялся с ним, и занес камень над его головой. Заметив его движение, тот в изумлении

повернулся, и камень угодил ему в висок. Обмякнув, человек осел на землю и больше не двигался. Поднимая с земли длинный и широкий нож, Чимал услышал хриплое дыхание своей жертвы. Ничего, сожалеть не приходится: убийств было и без того слишком много. Прячась между растениями, как это делал крестьянин из Заачилы, Чимал вернулся к скале, где укрылась Коатлики.

Поблизости никого не было: к этому времени преследователи, должно быть, уже углубились в болото. Чимал пожелал им избежать укусов moskitov и пиявок — всем, кроме жрецов: те заслуживали и кое-чего похуже, например встречи с водяной змеей. Никем не замеченный, Чимал проскользнул по тропе и вновь оказался перед казальсь бы сплошной скалой.

Здесь ничего не изменилось. Поднявшееся высоко солнце освещало углубление в утесе, мухи жужжали над мертвой змеей. Приблизив лицо к камню, Чимал убедился, что трещина в скале существует.

Что там внутри — ожидающая его Коатлики?

Об этом лучше не думать. Он мог погибнуть под пытками жрецов, мог погибнуть и от руки Коатлики. Такая смерть, вероятно, оказалась бы даже более быстрой. Здесь находится возможный выход из долины, и он должен выяснить, нельзя ли им воспользоваться.

Лезвие мачете оказалось слишком толстым, чтобы просунуть его в вертикальные трещины, но щель внизу была более широкой — возможно, из-за застрявшего в ней тела змеи. Чимал воткнул туда нож и потянул рукоятку вверх. Ничего не произошло, скала оставалась все такой же неподвижной. Чимал попробовал втыкать нож в разных местах и давить на него сильнее — результат был тот же. Но ведь Коатлики смогла открыть каменную дверь — почему же он не может? Чимал всунул мачете поглубже, надавил изо всех сил... и почувствовал, как что-то сдвинулось. Он давил еще и еще. Вдруг раздался громкий треск, и лезвие ножа обломилось. Чимал едва не потерял равновесие и невольно сделал шаг назад, сжимая в руках отшлифованную от долгой службы деревянную рукоятку и глядя в остолбенении на блестящий обломок металла.

Это был конец. Над ним тяготело проклятие разрушения и смерти — теперь он это ясно сознавал. Из-за него умер верховный жрец, из-за него не встало солнце, он был причиной горя и боли, а вот теперь он сломал

одно из драгоценных и невосполнимых орудий, необходимых для самого выживания его народа. В мучительном самобичевании Чимал снова воткнул обломок ножа под дверь — и тут услышал возбужденные голоса приближающихся по тропе людей.

Кто-то увидел отпечатки его ног и выследил его. Они вот-вот очутятся здесь, его схватят, и он умрет.

В отчаянии и страхе он раскачивал сломанный нож в щели туда-сюда, ненавидя все на свете. В одном месте лезвие встретило сопротивление, Чимал поднажал, и что-то поддалось. Ему пришлось откинуться назад: огромный сегмент скалы величиной с человеческое туловище бесшумно отошел в сторону.

Сидя на камне, Чимал, вытаращив глаза, смотрел на то, что открылось его взору. Полукруглый туннель в сплошном камне уходил в глубь скалы. Того, что лежало за закруглением, видно не было.

Не ждет ли его там Коатлики? У него не было времени обдумать это: голоса слышались уже совсем близко, почти рядом с углублением в скале. Перед ним был тот самый выход, который он искал — так что же колебаться?

Сжимая в руке обломок ножа, Чимал ринулся в проем, упав за порогом на четвереньки. Каменная дверь тут же закрылась за ним так же бесшумно, как и открылась. Солнечный свет превратился в тоненький лучик, затем в золотой волосок, затем вовсе исчез.

Чимал осторожно поднялся, сердце его колотилось, словно отбивали дробь на барабанах во время жертвоприношения. Впереди была чернота. Чимал сделал нерешительный шаг вперед.

Внешний мир

Куикс ок кеппа тоннемиквун?
Ин йю квимати мойол, хай!
Зан сен тинемико. Охуайо охуайо.

Не повторится ли наша жизнь еще раз?
Нам сердце подсказывает:
Мы живем лишь единожды.

1

Нет, он не мог пойти вперед — просто взять и пойти. Чимал прижался к надежному камню двери, ища в нем опору.

Здесь ходят боги, а он — всего лишь смертный. Нельзя требовать от себя слишком многого. Позади ждала верная смерть, но такая смерть, о которой он все знал — почти старая приятельница. Соблазн повернуться спиной к неизвестности был так велик, что Чимал даже снова сунул обломок ножа в щель под дверью, — но все же ему удалось сдержать свой трусливый порыв.

— Бойся, Чимал, — прошептал он в темноту, — но не ползай на брюхе, как тварь пресмыкающаяся.

Все еще дрожа, он шагнул навстречу черной пустоте. Если его ждет смерть — что ж, пусть будет так. Он встретит ее лицом к лицу, довольно прятаться.

Касаясь левой рукой шершавой поверхности камня и выставив вперед обломок ножа — скорее символическое, чем реальное оружие, — Чимал двинулся впе-

ред. Он шел на цыпочках, сдерживая дыхание и стараясь не производить никакого шума. Так Чимал добрался до поворота туннеля; впереди забрезжило слабое свечение. Дневной свет? Выход из долины? Он бросился вперед, но, разглядев источник света, остановился.

Увиденное было трудно описать. Туннель вел прямо вперед, но в этом месте вправо отходило ответвление. Перед его темным устьем на потолке было что-то, что светилось. Именно что-то — другого названия Чимал не нашел. Это было круглое пятно, белое и гладкое, и из него исходил свет. Как будто здесь находился вертикальный туннель, и в него попадали солнечные лучи или свет факела. Так, по крайней мере, казалось. Чимал медленно подошел поближе к светящемуся кругу, но даже и вблизи ничего больше не смог разглядеть. Впрочем, это не имело значения. Здесь, внутри скалы, был источник света — этого достаточно. Гораздо важнее выяснить, куда ведет тот, другой туннель.

Чимал заглянул в него и на расстоянии не более чем вытянутой руки перед собой увидел головы-близнецы Коатлики.

Его сердце как будто разрывалось, заполнив собой всю грудь и не давая дышать. Коатлики стояла там, возвышаясь над ним во весь свой рост, и смотрела прямо перед собой. Ее ядовитые клыки были длиной с руку человека. Юбка из живых змей оказалась почти на уровне лица Чимала. Гирлянды высушенных человеческих рук и сердец обвивали шею богини. Громадные клешни почернели от запекшейся человеческой крови.

Коатлики не двигалась. Прошло несколько секунд, прежде чем Чимал осознал увиденное. Глаза богини были широко открыты, но теперь она смотрела на него, не двигаясь. Может быть, она спит? Чимал не надеялся убежать от Коатлики, но находиться в такой близости от нее было невыносимо. Слепой ужас от ее присутствия погнал Чимала по туннелю, он бежал и не мог заставить себя остановиться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем усталость свалила его. Чимал споткнулся и растянулся во весь рост на грубом камне пола. Упав, он был уже не в силах подняться: лежал и со всхлипами втягивал в себя воздух, ощущая страшное жжение в груди. Но удара Коатлики так и не последовало. Когда силы вернулись к Чималу, он поднял голову и оглянулся. Светящиеся

пятна шли по всей длине туннеля, становясь все более тусклыми и наконец исчезая вдали. Его никто не преследовал. Коридор был пуст, в нем ничто не двигалось.

— Почему? — вырвалось у Чимала, но окружающий его со всех сторон камень не дал ответа. Тишина и одиночество породили новое опасение: а имеет ли этот туннель конец? Или он, презираемый, попал в царство богов, и теперь ему предстоит, как термиту в дереве, вечно кружить по бесконечным ходам замкнутого лабиринта? Здесь все было настолько другим — наверняка законы, действующие в долине, здесь не имеют силы. Мысли Чимала блуждали, как в тумане. Если бы не боль, голод и жажда, он почти поверил бы, что умер в тот момент, когда скальная дверь задвинулась за ним.

Но если он не умер еще, то несомненно скоро умрет в этом пустом месте — или замерзнет. Камень, на котором он лежал, был ледяным, и, остыв после своего безумного бега, Чимал начал дрожать. Цепляясь за стену, он поднялся и побрел дальше.

Миновав восемь светящихся пятен, Чимал обнаружил, что туннель кончается. Подойдя поближе, он увидел другой туннель, идущий перпендикулярно тому, по которому он шел. Этот новый проход был гораздо лучше освещен, имел более гладкие стены, а его пол покрывало какое-то белое вещество. Чимал наклонился и потрогал его — и отдернул руку, почувствовав тепло: на мгновение он подумал, что это какое-то огромное белое животное разлеглось в туннеле. Но хотя оно было мягким и теплым, оно не казалось живым, и Чимал осторожно ступил на него.

Коридор, уходящий направо, был пуст и однообразен, зато в левом туннеле с обеих сторон были видны более темные участки стены. Это было хоть какое-то отличие, так что Чимал повернул налево. Дойдя до одного из темных пятен, он обнаружил, что это дверь — дверь из сплошного металла, с маленькой ручкой-кнопкой. Такое чудо было невиданным для человека из долины. Чимал толкнул дверь, потом потянул за ручку — ничего не произошло. Может быть, это и не дверь вовсе, а что-то, назначение чего он и вообразить себе не может? Здесь все было возможно. Чимал пошел дальше, миновал еще две таких же металлических двери и дошел до третьей — как раз в тот момент, когда она распахнулась.

Чимал пригнулся и напрягся, сжав кулаки и держа обломок ножа на изготовку в ожидании того, что могло появиться из двери.

Через порог перешагнула фигура в черном, захлопнув за собой дверь с громким стуком, и повернулась к Чималу. У нее оказалось лицо молодой девушки.

Время остановилось: оба они замерли, глядя друг на друга с одинаковым выражением изумления и недоверия.

Вглядевшись повнимательнее в черные складки одежды, Чимал пришел к выводу, что они скрывают человеческое тело. Но одеяние поразило Чимала. Капюшон из черной блестящей ткани оставлял открытым только лицо, худое, очень бледное, почти бескровное, с большими темными глазами под тонкими черными бровями, сходящимися на переносице. Девушка была гораздо ниже Чимала, и, чтобы взглянуть ему в лицо, ей пришлось запрокинуть голову. Ее туловище было закутано в какую-то мягкую ткань, похожую на те, из которых изготавливались одеяния жрецов, а ноги ниже колен имели покрытия из чего-то твердого и блестящего. И все ее тело было оплетено сверкающими металлическими полосами: они шли вдоль рук и ног, опоясывали ее, служили воротником, сгибались на суставах. Девушка носила широкий блестящий пояс, с которого свисало несколько непонятных темных предметов.

Ее взгляд скользнул по полуобнаженному юноше; вид ссадин, синяков, запекшейся крови заставил ее содрогнуться. Непроизвольным движением она поднесла руку к губам. Пальцы девушки оказались тоже обтянуты чем-то черным.

Чимал заговорил первым. Потрясений было так много, что страх куда-то ушел, да и девушка сама явно была напугана его появлением.

— Ты умеешь говорить? — спросил он. — Кто ты?

Она открыла рот, но смогла только судорожно вздохнуть. Вторая попытка оказалась более успешной: тонким высоким голосом она произнесла:

— Тебя здесь нет. Это невозможно.

Чимал рассмеялся в ответ.

— Я здесь, ты же видишь меня. А теперь ответь на мои вопросы. — Ободренный ее очевидным страхом, он шагнул вперед и потянул за один из предметов, подвешенных к поясу девушки. Однако тот был прочно прикреплен. Девушка вскрикнула и попыталась отстра-

ниться. Чимал разжал руку, и от неожиданности она отшатнулась к стене. — Скажи, — продолжал Чимал, — где я?

Не сводя с Чимала испуганных глаз, девушка сняла с пояса квадратный предмет. Чимал подумал, что это может быть оружие, и приготовился отнять его, но она только поднесла предмет к лицу и приблизила к нему губы. Затем она заговорила.

— Говорит семнадцать порфер стейнет наблюдательница Стил. Здесь, в туннеле один девять девять бей эмма, находится оболданол. Вы слышите меня?..

— Что ты бормочешь? — прервал ее Чимал. — Говорить ты умеешь, но некоторые твои слова мне непонятны.

Действия девушки оставались для него загадкой. Она продолжала говорить, по-прежнему испуганно глядя на Чимала. Закончив произносить слова, которые казались ему смесью бессмысленных слов и странных звуков, она повесила квадратный предмет на пояс, медленно опустилась на пол и закрыла лицо руками. Неудержимые рыдания сотрясали все ее тело, и она никак не прореагировала, даже когда Чимал толкнул ее ногой.

— Зачем ты это делаешь? Почему не хочешь говорить понятными мне словами?

Девушка только покачала склоненной головой, потом, оторвав руки от лица, ухватила за что-то, что висело у нее на шее на цепочке из мелких металлических звеньев. Чимал выхватил предмет из ее пальцев, разозлившись на нее за странные действия и нежелание отвечать разумно, — преодолеть ее слабое сопротивление было легко. Предмет оказался черным, как и все на девушке, и таким же непонятным. Он был невелик — меньше ладони — и по форме напоминал кирпич. На одной из его граней Чимал обнаружил шесть глубоких отверстий и, повернув предмет к свету, увидел на дне углублений цифры: 1 8 6 1 7 3.

Все это было Чималу в диковинку; не смог он определить и назначения тонкого блестящего стержня, торчавшего из конца пластинки. Его не удавалось ни вытянуть, ни согнуть — ни вообще как-нибудь переместить. Чимал попробовал нажать на стержень, но только поранил об него палец: на конце стержня оказались мелкие шипы, вонзившиеся ему в кожу. Что за чушь! Он

выронил пластинку; девушка тут же подхватила ее и прижала к груди.

Все, что касалось девушки, было загадочным. Чимал нагнулся и потрогал широкую металлическую полосу, охватывающую ее голову сзади. Полоса была прикреплена к капюшону и имела гибкое сочленение на шее, так что позволяла девушке поворачивать голову.

Из дальнего конца туннеля послышался крик.

Чимал мгновенно отпрыгнул и сжал в руке свой сломанный нож. К ним подбежала еще одна девушка. Одета она была так же, как и первая. Не обращая внимания на Чимала, она склонилась над своей соплеменницей и стала ей что-то тихо и ласково говорить. Вновь послышался крик, и третья такая же фигура появилась из металлической двери и присоединилась к двум первым. На сей раз это оказался старик, но вел он себя так же, как и девушки.

В туннеле появилось еще трое мужчин, и Чимал, напуганный их многочисленностью, попятился, хотя на него никто не обращал внимания. Пришедшие помогли подняться первой девушке и, окружив ее, о чем-то заговорили хором — Чимал услышал все ту же бессмысленную смесь непонятных слов и звуков. Через некоторое время они, по-видимому, пришли к какому-то решению: с явной неохотой присутствие Чимала было признано реальным фактом, собравшиеся стали бросать на него быстрые взгляды, тут же отводя глаза. Старший из мужчин даже шагнул к Чималу, посмотрел ему прямо в лицо и заговорил:

— Мы идем к главтелю.

— Куда?

Все с тем же странным нежеланием обращаться к Чималу старик, глядя в сторону, несколько раз повторил непонятное слово, пока наконец Чимал не смог выговорить его сам, хотя по-прежнему не понимал смысла.

— Мы идем к главному смотрителю, — и старик сделал движение в сторону туннеля. — Ты идешь с нами.

— С какой стати? — Голос Чимала звучал враждебно. Он устал, был голоден и хотел пить, все эти непонятные действия раздражали его. — Кто вы такие? Что здесь за место? Отвечайте.

В ответ старик только безнадежно покачал головой и поманил Чимала за собой. Первая девушка, все еще всхлипывая и глядя на Чимала заплаканными глазами, прошептала:

— Пойдем с нами к главному смотрителю.

— Сначала ответьте на мои вопросы.

Прежде чем вновь заговорить с Чималом, девушка оглянулась на остальных.

— Главный смотритель ответит тебе.

— Главный смотритель — человек? Что же вы сразу не сказали?

Ответа не последовало. Безнадежно. Можно, конечно, пойти с ними — он ничего не выигрывает, оставаясь на месте. Должны же эти люди что-то есть и пить, может быть, удастся по дороге раздобыть что-нибудь съедобное.

— Пошли, — сказал Чимал.

Вся компания быстро двинулась вперед по туннелю, показывая ему дорогу. Никто из них явно не был озабочен тем, чтобы охранять его сзади. Скоро туннель разветвился, потом еще раз, они прошли мимо множества дверей, и Чимал окончательно утратил представление о направлении. Они спустились по широким ступеням, напоминавшим лестницу пирамиды, и прошли через несколько пещер. Некоторые из них были довольно велики и содержали различные непонятные металлические конструкции. Нигде не было видно ни воды, ни пищи, но Чимал не стал больше задавать вопросов. Как же он устал! Казалось, прошла вечность, прежде чем они достигли еще большей пещеры, где находился старик, одетый так же, как и остальные — только его одежды были красного цвета. Должно быть, это вождь, подумал Чимал, или даже жрец.

— Если ты главный смотритель, ответь мне...

Старец не обратил на Чимала никакого внимания, как будто его тут и не было, и заговорил с остальными.

— Где вы его нашли?

Девушка ответила ему все так же непонятно; Чимал уже стал привыкать к этой тарабарщине. Юноша нетерпеливо огляделся — пещера была заполнена совершенно непонятными сооружениями, изогнутыми или нависающими — и только на маленьком столике у стены среди всяких загадочных предметов оказалось что-то похожее на чашу. Чимал подошел поближе и увидел,

что в одном из сосудов налита какая-то прозрачная жидкость, похожая на воду. В этом мире можно было ожидать чего угодно, поэтому Чимал сначала окунул кончик пальца в жидкость и осторожно лизнул его. Обычная вода. Поднеся сосуд к губам, Чимал одним глотком наполовину осушил его. Вода напоминала дождевую — такая же безвкусная, но, главное, он утолил жажду. На столе оказалось еще что-то, похожее на серую вафлю; когда Чимал ткнул в нее пальцем, она раскрошилась. Чимал взял кусочек и протянул его стоящему рядом человеку:

— Это еда? — Человек отвернулся и попытался скрыться в толпе. Чимал схватил его за руку и развернул к себе лицом. — Ну? Еда? Скажи.

Человек испуганно кивнул и быстро отошел, как только Чимал выпустил его руку. Чимал заткнул обломок ножа за пояс и принялся есть. Это, конечно, была плохая еда — все равно что жевать золу, — но все же она наполняла желудок.

Немного утолив голод, Чимал вновь заинтересовался происходящим. Девушка закончила говорить, и теперь главный смотритель обдумывал ее слова. Заложив руки за спину и надув губы, он шагал взад-вперед перед людьми, молча ожидавшими его заключения. Морщины, избороздившие его лицо, говорили о том, что ответственность и необходимость принимать решения — его постоянный удел. Чимал, запив безвкусную еду остатками воды, больше не пытался заговаривать с ним. Все действия этих людей носили оттенок безумия или детской игры — когда дети притворяются, будто кого-то не замечают.

— Мое решение таково, — сказал главный смотритель, поворачиваясь к толпе; он двигался с трудом, словно физически ощущал груз ответственности. — Вы слышали отчет наблюдательницы Стил. Вы знаете, где... — его взгляд впервые задержался на Чимале, — его нашли. Я пришел к выводу, что он из долины. — Кое-кто из собравшихся обернулся к Чималу, как будто это заключение придавало ему материальность, которой до того он был лишен. Теперь, когда Чимал был сыт, усталость чувствовалась все больше, и он, привалившись к стене, выковыривал из зубов остатки пищи. — Теперь слушайте внимательно: то, что я скажу, очень важно. Этот человек из долины, но он не может туда

вернуться. Я объясню вам почему. В клефг вебрет записано, что жители долины, дерреры, не должны знать о наблюдателях. Таков закон. Так что этот деррер не вернется в долину. Внимание! Он здесь, но он — не наблюдатель. А только наблюдателям разрешено быть здесь. Кто скажет мне, что из этого следует?

Последовало долгое молчание, которое наконец нарушил слабый голос:

— Он не может находиться здесь и не может вернуться в долину.

— Правильно, — величественно кивнул главный смотритель.

— Скажи нам, где же он должен быть?

— Пусть ваши сердца подскажут вам ответ. Человек, который не может находиться в долине и не может находиться здесь, вообще нигде не может находиться. Такова реальность. Тот, кто не может находиться нигде, не существует и, стало быть, мертв.

Значение последних слов было достаточно понятно, и Чимал мгновенно занял оборонительную позицию, прижавшись к стене и сжимая в руке нож. Остальным понадобилось больше времени, чтобы понять сказанное; прошло несколько долгих секунд, прежде чем кто-то произнес:

— Но он не мертв, он жив.

Главный смотритель кивнул и поманил сказавшего это из толпы. Это оказался сгорбленный старик с морщинистым лицом.

— Ты верно сказал, наблюдатель Стронг, и раз ты все так хорошо понимаешь, тебе и решать задачу — сделай так, чтобы он был мертв. — За этими словами последовали совершенно непонятные инструкции, и главный смотритель вновь повернулся к собравшимся, а наблюдатель Стронг куда-то ушел. — Наш тикв — охранять и защищать жизнь, поэтому мы и называемся наблюдателями. Но Великий Создатель, — при этих словах главный смотритель коснулся висевшей у него на шее маленькой коробочки и все последовали его примеру, так что по толпе пробежало движение, — в своей мудрости предвидит любые случайности, поэтому мы имеем все необходимое...

В этот момент вернулся старик-наблюдатель, неся кусок металла, по размерам и форме напоминающий большое полено. Он тяжело опустил его на пол, толпа

расступилась, освобождая место. Чималу было видно, что на одном конце к металлическому полену приделана рукоятка, а под ней выдавлены крупные буквы. Чимал наклонил голову, чтобы прочесть надпись: П...О...В...Е...Р...Н...У...Т...Ь.

Повернуть. Все буквы были ему знакомы — такие же он учил в храмовой школе.

— Повернуть, — вслух прочел наблюдатель Стронг.

— Выполняй! — приказал главный смотритель.

Старик повиновался: он поворачивал рукоятку до тех пор, пока не раздалось громкое шипение. Конец полена вместе с рукояткой отделился, и Чимал увидел, что полено полое. Наблюдатель вынул из него нечто похожее на длинный металлический стержень с выступами. Из полена при этом выпал листок бумаги; старик взглянул на него и подал главному смотрителю.

— Пуиклиг струсиин, — прочел тот. — Это оружие убийства. Часть, помеченную буквой А, нужно взять в левую руку.

Взоры всех присутствующих обратились на наблюдателя Стронга; он в замешательстве вертел в руках стержень.

— Здесь много букв, — пролепетал он. — Вот С, вот G...

— Это ясно, — отрезал главный смотритель. — Найди часть с буквой А и возьми ее в левую руку.

Ежась от слов главного смотрителя, как от ударов хлыста, старик наконец нашел нужную букву и, ухватив стержень левой рукой, торжественно поднял его.

— Теперь дальше. Сужающуюся часть с буквой В на ней взять в правую руку. — Главный смотритель удостоверился, что старик сделал это. — Часть, помеченную буквой С, прижать к правому плечу.

Все с интересом взирали, как наблюдатель Стронг поднял стержень и приложил его к правому плечу — левая рука оказалась снизу, правая сверху. Главный смотритель удовлетворенно кивнул.

— Теперь я прочту, как нужно убивать. Направить устройство на объект, подлежащий уничтожению. — Главный смотритель оторвался от бумаги и обнаружил, что механизм нацелен прямо на него. — Да не на меня, дурак! — прошипел он гневно, разворачивая старика в сторону Чимала. Толпа расступилась; люди ждали продолжения. Главный смотритель вновь обратился к тек-

сту. — Для того чтобы убить, указательным пальцем правой руки нажать металлический рычажок *D* на нижней поверхности устройства, — прочитал он и посмотрел на старика; тот тщетно пытался нащупать рычажок.

— Я не могу, — промямлил он, — мой палец наверху, а рычажок — внизу.

— Так поверни свою неуклюжую руку! — потеряв терпение, рывкнул главный смотритель.

Чимал наблюдал за происходящим, не веря своим глазам. Неужели эти люди никогда не пользовались оружием, не убивали? Похоже, что так — иначе почему они ведут себя столь нелепо? Действительно ли они собираются убить его — вот так просто? Только схожесть событий со сновидением удерживала Чимала от активных действий; да и по правде сказать, ему хотелось увидеть, как действует это странное оружие. Из-за своего любопытства он чуть было не опоздал отскочить, когда престарелый наблюдатель все-таки нащупал рычажок и нажал на него.

Чимал кинулся в сторону, поняв, что оружие направлено на него. Его обдала волна жара; одно из устройств у стены взорвалось, от него повалил дым. Поднялся крик. Чимал метнулся в гущу толпы; оружие повернулось вслед за ним и снова выстрелило. Вскрикнув, одна из женщин упала — полголовы у нее обутлилось.

Теперь огромная пещера была заполнена мечущимися в испуге людьми, и Чимал продирался сквозь толпу, сбивая оказавшихся у него на пути. Старик-наблюдатель застыл на месте от шока, рука с оружием бессильно повисла. Чимал ударил его в грудь кулаком и вырвал оружие из его ослабевших пальцев. Теперь, когда он оказался вооружен, Чимал готов был отразить любое нападение.

Однако в рядах противника царили смятение и неразбериха. Несмотря на то что он овладел оружием, на него снова никто не обращал внимания. Чимал двигался сквозь толпу одинаково одетых людей, пока не нашел ту девушку, которую первой встретил в туннеле. Он мог захватить кого угодно; ее он выбрал потому, наверное, что в этом безумном мире знал ее дольше всех. Чимал схватил девушку за руку и потащил к выходу из пещеры.

— Выведи меня отсюда! — приказал он.

— Куда? — спросила она, делая слабые попытки освободиться от его железной хватки.

В самом деле куда? Туда, где можно будет отдохнуть и поесть.

— Отведи меня к себе домой.

Чимал вытолкнул ее в коридор, ткнув в спину своим новым оружием.

2

В этом коридоре даже стены были сделаны из металла и из какого-то неизвестного Чималу материала; камня нигде не было видно. Они проходили мимо множества одинаковых дверей, и, когда девушка наконец остановилась перед одной из них, Чимал чуть не налетел на нее.

— Вот моя комната.

Страх неведомого все еще сковывал девушку.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Чимал, опасаясь ловушки.

— По номеру.

Чимал взглянул на черные цифры на металле, хмыкнул и толкнул дверь ногой. Дверь распахнулась. Чимал втолкнул девушку внутрь, вошел сам, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Какая маленькая хижина, — сказал он.

— Это комната.

Комната была не больше человеческого роста в ширину и примерно вдвое длиннее. На боковом выступе лежало что-то похожее на циновку для сна, а у стен стояли шкафы. В комнате обнаружилась еще одна дверь; когда Чимал открыл ее, там оказалась еще одна маленькая комнатка с накрытым крышкой сиденьем и какими-то приспособлениями на стене.

— У тебя есть еда? — спросил Чимал.

— Нет, конечно. Здесь нет.

— Но ты же должна есть?

— Только не в моей комнате. В тейкохе вместе с остальными, как положено.

Еще одно незнакомое слово; от них у него уже болела голова. Хотя, конечно, нужно узнать, где он находится и кто эти люди, но сначала он должен отдохнуть: усталость, как серое одеяло, вот-вот упадет на него и задушит. Девушка, конечно, позовет на помощь, стоит ему заснуть: у нее ведь есть та коробочка, в

которую она говорила, когда они повстречались впервые.

— Сними его! — приказал Чимал, показывая на пояс со свисающими с него предметами.

— Это нельзя делать при посторонних! — ужаснулась она.

Чимал слишком устал, чтобы препираться с ней. Он ударил ее по лицу.

— Сними.

Его пальцы оставили багровый отпечаток на ее бледном лице; всхлипывая, девушка нащупала что-то на поясе, он расстегнулся и упал на пол. Чимал отбросил пояс к дальней стене.

— Из той маленькой комнаты с сиденьем есть выход? — спросил он.

Девушка отрицательно покачала головой, и на сей раз он поверил ей. Втолкнув ее туда, он закрыл дверь и улегся на полу так, чтобы она не смогла выйти, не потревожив его. Подложив руку под голову и прижав палку к груди, Чимал мгновенно уснул.

Через какое-то время он открыл глаза. Как долго он спал? Определить это было невозможно: свет, как и прежде, лился с потолка. Чимал повернулся на другой бок и снова уснул.

Сквозь сон он ощутил толчки — они раздражали его; Чимал что-то сердито пробормотал во сне, но не проснулся. Он подвинулся, чтобы избежать толчков, но что-то в этом было неправильным — смутное беспокойство вызволило его из тяжелого вязкого забытья. Он приоткрыл глаза и не сразу понял, где находится; моргая, он уставился на убегающую черную фигуру. Наблюдательница Стил была уже у двери, когда его затуманенное сном сознание прояснилось. Чимал рванулся вперед, протянув руку, и еле успел ухватить ее за лодыжку. Одно его прикосновение полностью подавило все попытки сопротивления; она только всхлипывала, когда он втаскивал ее обратно в комнату. Чимал поднялся и пинком закрыл дверь. Прислонившись к ней, он потряс головой, чтобы прогнать сон. Его тело ныло; несмотря на сон, он все еще чувствовал усталость.

— Где здесь вода? — спросил Чимал, пиная скорчившуюся на полу девушку. Она только застонала, глядя на него полными слез глазами и прижав руки к груди.

— Ну-ка перестань, я не сделаю тебе ничего плохого. Мне просто нужна помощь.

Несмотря на свое обещание, Чимал снова пнул девушку, разозлившись на ее молчание.

Все еще всхлипывая, она указала ему на ту комнатку, где Чимал закрыл ее, пока спал. Он заглянул внутрь: под крышкой маленького сиденья, откидывающейся на петлях, оказался сосуд с водой; но когда Чимал наклонился, чтобы зачерпнуть воды, девушка вскрикнула. Он оглянулся: девушка сидела, испуганно махая на него руками.

— Нет, — наконец выдохнула она, — нет. Эта вода... не для питья. Там на стене подрен, воду из него можно пить.

Обеспокоенный смятением девушки, Чимал втащил ее в комнатку, чтобы она объяснила ему, что там к чему. Она упорно отворачивалась от сосуда-сиденья, но показала ему другую чашу, прикрепленную к стене, которая наполнилась холодной водой, когда она что-то сделала с металлическим приспособлением над ней. Напившись, Чимал потыкал во всякие другие предметы в комнатке, и девушка объяснила ему их назначение. Душ привел его в восторг. Он пустил горячую воду, скинул максти и встал под обжигающую струю. Дверь в большую комнату он оставил открытой, чтобы можно было следить за девушкой; когда она, вскрикнув, отбежала к дальней стене и прижалась к ней лицом, Чимал не обратил на это особого внимания. Ее поведение было настолько непредсказуемым, что он уже и не пытался ее понять: пусть делает что угодно, лишь бы не сбежала. Он нажал кнопку, и его обдало струей мыльной пены; сначала его ссадины защипало, но потом он почувствовал облегчение. Используя свое новое умение, Чимал сделал воду ледяной, затем вызвал поток теплого воздуха. Пока его тело высыхало, он выстирал максти в той чаше, от которой девушка так упорно отворачивалась, выжал и снова надел.

Впервые с того момента, как за ним закрылась дверь в скале, Чимал имел время на размышления. До этого события происходили помимо его воли; он только успевал реагировать на них. Может быть, теперь ему удастся получить ответы на бесчисленные вопросы, теснящиеся в его голове.

— Повернись и перестань плакать, — обратился он к девушке и сел на циновку для сна. Она оказалась очень удобной.

Пальцы девушки вцепились в стену, как будто она хотела пройти сквозь нее; она искоса бросила на Чимала нерешительный взгляд. Обнаружив, что он сидит на циновке, она повернулась к нему, продолжая, однако, прижиматься к стене и напряженно скрестив руки на груди.

— Так-то лучше. — На ее бледном неподвижном лице выделялись покрасневшие от слез и окруженные темными кругами глаза. — Скажи мне, как тебя зовут?

— Наблюдательница Стил.

— Хорошо, Стил. А что вы здесь делаете?

— Я выполняю свою работу, как предписано. Я трепиол мар.

— Да не ты лично — что делаете вы все здесь, в туннелях под горой?

Она беспомощно покачала головой.

— Я... я не понимаю. Мы все делаем, что предписано во славу Великого Создателя.

— Опять эта галиматья Замолчи, — перебил ее Чимал.

Так они разговаривали еще некоторое время — она произносила новые неизвестные слова, а Чимал никак не мог растолковать ей, что же он хочет узнать. Приходилось начинать снова и снова, медленно приближаясь к взаимопониманию.

— Да перестань же ты бояться! Я не собираюсь делать тебе ничего плохого. Это ведь твой главный смотритель послал за вещью, которая убивает — я тут ни при чем. Сядь. Вот тут, рядом со мной.

— Я не могу Ты же — она была слишком испугана, чтобы продолжать.

— Что я?

— Ты... ты не... ты не прикрыт

Все ясно. У этих пещерных жителей существует табу — они не могут появляться на людях иначе как закутанные с головы до пят — в долине женщины тоже должны прикрывать верхнюю часть тела накидкой, когда входят в храм.

— На мне же макстли, — сказал Чимал, показывая на свою набедренную повязку — У меня здесь нет

другой одежды. Если у тебя найдется что-нибудь подходящее, я сделаю, как ты скажешь.

— Ты сидишь на одеяле, — прошептала девушка.

Чимал обнаружил, что циновка состоит из нескольких слоев — верхний оказался сделанным из добротной мягкой ткани. Он закутался в него, и девушка с облегчением вздохнула. Рядом с ним она все же не села — вместо этого она повернула защелку на стене, и оттуда появилось небольшое сиденье без спинки; на нем она и устроилась.

— Для начала объясни мне вот что. Вы прячетесь тут в скале, но вам известно о моем народе и о долине. — Наблюдательница кивнула. — Отлично. Итак — вы знаете о нас, а мы о вас — нет. Почему?

— Так предписано, потому что мы — наблюдатели.

— Ну да, ведь тебя зовут наблюдательница Стил. Но только почему вы наблюдаете за нами тайно? Какова ваша цель?

Она снова беспомощно покачала головой.

— Я не могу сказать. Это запретное знание. Лучше убей меня. Я не смею сказать...

Она так сильно закусилась нижней губу, что большая капля крови скатилась по подбородку.

— Но я должен узнать этот секрет, — мягко возразил Чимал. — Я хочу понять, что происходит. Вы живете во внешнем мире, куда нет хода жителям долины. У вас есть металлические инструменты и другие вещи, которых мы лишены, вы знаете о нас, но прячетесь. Я хочу знать — почему.

Низкий звук, подобный удару огромного гонга, наполнил комнату. Чимал мгновенно вскочил, держа наготове смертоносное оружие.

— Что это? — спросил он, но девушка не слушала его.

Со вторым ударом гонга она упала на колени и склонила голову над сложенными ладонями. Молитва или заклинание, которое она начала шептать, утонули в гуле третьего удара гонга. Услышав его, девушка подняла вверх висевшую у нее на шее коробочку, стянула с руки покрывавшее ее одеяние и с четвертым ударом гонга прижала палец к торчащему из коробочки металлическому стержню. Тот ушел внутрь коробочки, затем медленно вернулся в прежнее положение. Девушка выпустила коробочку и стала снова натягивать перчат-

ку. Прежде чем она успела это сделать, Чимал схватил ее за руку и повернул к свету. Острие, которым заканчивался стержень, оставило на пальце кровоточащую ранку; подушечка пальца вся была покрыта крохотными белыми шрамами. Наблюдательница вырвала руку и быстро прикрыла палец.

— Твой народ делает много странных вещей, — Чимал взял коробочку из рук девушки. Цепочка вокруг ее шеи заставила наблюдательницу склониться к нему. Чимал взглянул на углубления с цифрами на боковой грани. Цифры были все те же — или нет? Кажется, раньше последней была тройка? Теперь в последнем окошечке оказалась цифра четыре. Из любопытства Чимал нажал на стержень, не обращая внимания на острие, вонзившееся в его палец. Девушка с криком вцепилась в коробочку. Теперь последняя цифра стала пятеркой. Чимал выпустил коробочку, и девушка отскочила от него, бережно сжимая свое сокровище в ладонях. — Очень странных вещей, — повторил Чимал, глядя на капли крови у себя на пальце.

Он не успел больше ничего сказать — в дверь комнаты негромко постучали, и чей-то голос произнес:

— Наблюдательница Стил!

Чимал бесшумно подскочил к девушке и зажал ей рот рукой. Глаза наблюдательницы закрылись, дрожь прошла по телу, и она безжизненно обмякла. Чимал продолжал крепко держать ее: это могла быть всего лишь уловка с ее стороны.

— Наблюдательница Стил? — снова послышалось из-за двери; потом другой голос сказал:

— Ее там нет, открой дверь и посмотри.

— Но подумай о неприкосновенности жилища! Что, если она там, а мы войдем!

— Если она там, то почему не отвечает?

— Она не сообщила о готовности к федмио в последний Йерф, может быть, она больна.

— Главный смотритель велел ее отыскать и даже войти в ее комнату.

— Он сказал «найти ее» или «осмотреть ее комнату»?

— Он сказал «осмотреть комнату».

— Тогда придется открыть дверь.

Дверь слегка приоткрылась; Чимал рывком распахнул ее и ударил в живот стоящего перед ней человека. Тот скорчился и упал — прямо на орудие для убийства,

которое он сжимал в руке. Его напарник попытался убежать; оружия у него не было. Чимал быстро поймал его, отвесил затрепину и втащил в комнату.

Глядя на три бесчувственных тела, он гадал, что же ему делать дальше. Здесь оставаться нельзя, это ясно — скоро появятся новые стражники. Но где же ему спрятаться в этом странном мире? Необходим проводник — и с девушкой будет легче всего справиться. Он вскинул ее на плечо, затем поднял орудие для убийства и выглянул в коридор: пусто. Чимал быстро пошел в сторону, противоположную той, откуда пришли те двое.

В этом туннеле было много дверей, но Чимал хотел отойти подальше прежде, чем начнутся поиски. Он свернул один раз, потом другой, все время напряженно ожидая встречи с кем-нибудь из местных обитателей. Но коридор был по-прежнему пуст. За следующим поворотом оказался небольшой зал, вырубленный в скале, заканчивавшийся широкой дверью. Чем идти назад, лучше попробовать найти убежище здесь: Чимал нажал на ручку и распахнул дверь, держа оружие наготове. За дверью его никто не ждал. Перед ним уходила вдаль огромная пещера, разделенная на множество отсеков с полками и ящиками. Какая-то кладовая. Здесь можно подождать, пока девушка придет в себя; потом он заставит ее показать ему более безопасное место — и помочь найти еду. Впрочем, еда может храниться и здесь — почему бы нет?

Чимал пробрался в глубь пещеры, в дальний отсек, куда почти не проникал свет, и опустил девушку на пол. Она не подавала признаков жизни, и Чимал, оставив ее лежать, принялся обследовать пещеру, открывая ящики и рассматривая содержимое полок. В одном из ларей он нашел груду черной одежды странного покроя. Вытащив одно из одеяний, он понял, что в такие одеваются наблюдатели — длинные части костюма можно было натянуть на руки и на ноги. Чимал отнес две охапки одежды туда, где лежала наблюдательница Стил, и свалил свою ношу рядом с ней; девушка по-прежнему не двигалась. Чимал уселся там, где было посветлее, и попытался разобраться, как расстегивается одежда. В пещере было прохладнее, чем в комнате Стил, и он не отказался бы надеть что-нибудь теплое. Ему пришлось изрядно помучиться; не выдержав, он в ярости разорвал один из костюмов в клочья, прежде чем понял, что

маленькая металлическая пуговка, если ее повернуть, сдвигается вниз и раскрывает одежду почти по всей длине. Чимал расстегнул несколько одеяний, но его ноги пролезали в них едва до середины, и он с отвращением отшвырнул никчемную одежду. Наверное, эти костюмы бывают разных размеров, и те, которые он нашел — самые маленькие. Нужно найти большие — девушка должна знать, где они хранятся. Чимал подошел к ней, но наблюдательница все еще лежала с закрытыми глазами; ее дыхание было хриплым, кожа приобрела сероватый оттенок и оказалась холодной и влажной на ощупь. Чимал забеспокоился. Может быть, она повредила что-нибудь, когда падала? Он крутанул пуговку у нее под подбородком и потянул за нее. Одежда распахнулась. Не похоже, чтобы девушка была ранена. Но она была худой и бледной, ребра у нее торчали. Груды оказались маленькими, как у девочки-подростка, и вид ее вялой наготы не вызвал у него никакого желания. Широкий серый пояс охватывал ее талию, прoderнутый через его концы шнур был завязан на животе. Чимал развязал веревку и снял пояс; кожа под ним оказалась красной и воспаленной. Он потрогал внутреннюю поверхность пояса: она была шершавой и грубой, как будто утыканной колючками кактуса. Все это было за пределами его понимания. Чимал отбросил пояс в сторону и стал рассматривать гибкие прутья, крепившиеся к одежде. Может быть, она так слаба, что нуждается в этих стержнях для того, чтобы держаться прямо? Но тогда и все ее соплеменники такие же хилые? Когда он коснулся металлической полосы, поддерживавшей голову девушки сзади, та сложилась пополам, увлекая вместе с собой капюшон. Ее волосы были коротко острижены и стояли на голове короткой темной щеткой. Нет, это все невозможно понять. Чимал застегнул костюм девушки, натянул ей капюшон, сел и погрузился в размышления. Через некоторое время девушка шевельнулась и открыла глаза.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Она несколько раз моргнула и, прежде чем ответить, огляделась.

— Со мной, кажется, все в порядке. Я только очень устала.

На этот раз Чимал решил быть терпеливым: если ее бить, она снова начнет плакать и тогда из нее ничего не вытянешь.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он, показывая на грудку одежды.

— Это вебин. Где ты их взял?

— Тут их полно. Я хотел найти себе что-нибудь теплое, но они мне все малы.

— Размер обозначен внутри, вот, смотри.

Она села и показала Чималу, где нужно искать метку.

— Я отведу тебя туда, где они лежат, и ты найдешь мне подходящий.

Наблюдательница Стил проявила полную готовность помочь, но зашаталась, попробовав встать. Чимал поддерживал ее; ей было так плохо, что она не обратила внимания на его прикосновение. Когда он подвел ее к ящикам, она глянула на обозначения размеров и указала на последний:

— Здесь самые большие.

Девушка зажмурилась и отвернулась, когда Чимал, вытащив один из костюмов, стал натягивать его на себя. На этот раз одежда оказалась как раз, и Чимал сразу согрелся.

— Ну вот, теперь я выгляжу как все здесь.

Девушка взглянула на него без прежней настороженности.

— Могу я теперь уйти? — спросила она робко.

— Скоро сможешь, — соврал Чимал. — Только сначала ответь мне на несколько вопросов. Здесь есть какая-нибудь еда?

— Я... не знаю. Я была здесь на складе всего один раз, к тому же давно...

— Как ты назвала это место?

— Склад. Место, где хранятся вещи.

— Склад. Надо запомнить. — «Я запомню еще многие слова, прежде чем покину это место», — подумал Чимал. — Ты не посмотришь, нет ли где-нибудь здесь еды?

— Да, я думаю, можно поискать.

Чимал следовал за ней по пятам, готовый схватить девушку, если она сделает попытку убежать, но все же на достаточном расстоянии, чтобы создать у нее иллюзию свободы. Она нашла какие-то плотно запечатанные

брикеты, которые она назвала неприкосновенным запасом — то, что едят, когда нет другой пищи. Чимал отнес их в дальний отсек, облюбованный им с самого начала, и только там вскрыл прозрачную оболочку.

— Не так уж вкусно, — сказал он, попробовав содержимое.

— Зато это очень питательно, — возразила наблюдательница и, колебавшись, попросила порцию себе. Он дал ей еду после того, как она объяснила ему, что это новое слово — «питательно» — означает.

— Ты прожила в этом мире всю жизнь? — спросил Чимал, облизывая пальцы.

— Да, конечно, — ответила она, удивленная вопросом.

Чимал сосредоточенно сдвинул брови. Девушка знает все, что ему нужно, но как заставить ее разговориться? Он понимал: чтобы получить нужные ответы, нужно задавать верные вопросы — как в детской игре, только правила немного другие. Какие вопросы нужно задать, чтобы выудить разгадку?

— И ты никогда не выходила наружу — я имею в виду не долину, а другие места, за горами?

Девушка озадаченно посмотрела на него.

— Нет, конечно, это же невозможно. — Ее глаза вдруг широко раскрылись. — Я не должна об этом говорить.

Чимал быстро сменил тему.

— Ты знаешь о наших богах? — Она кивнула. — А что тебе известно о Коатлики?

— Мне нельзя об этом говорить.

— Похоже, тебе можно говорить со мной об очень немногих вещах. — Чимал улыбнулся девушке — раньше он попробовал бы добиться от нее ответов побоями, — и она почти улыбнулась в ответ. Еще немного — и он научится находить с ней общий язык. — Разве тебе не интересно, как я попал туда, где мы с тобой встретились?

— Я не задумывалась об этом, — честно призналась наблюдательница; неизвестное, похоже, мало ее интересовало. — И как же ты туда попал?

— Я последовал из долины за Коатлики. — Как же все-таки получить от нее нужные сведения? Что девушка хотела бы услышать? — Я должен вернуться к себе. Как ты думаешь, это возможно?

Девушка выпрямилась и радостно закивала.

— Да-да, именно это тебе и следует сделать.

— Ты мне поможешь?

— Да... — Но тут она насупилась. — Это невозможно. Ты расскажешь им о нас, а это запрещено.

— Если бы я и рассказал — думаешь, мне поверят? Меня отведут в храм, чтобы выпустить бога, который мной овладел.

Она глубоко задумалась.

— Да, именно так все и будет. Жрецы убьют тебя в храме, а остальные будут считать тебя одержимым.

«Ты много знаешь о нас, — отметил про себя Чимал, — а я не знаю о вас ничего, кроме того факта, что вы существуете. Так дело не пойдет». Вслух он сказал:

— Я не могу вернуться той дорогой, которой пришел, но ведь должен же существовать и другой путь?

— Думаю, что другого пути нет. Кроме, конечно, отверстия, через которое кормят стервятников. — Девушка зажала рот рукой, поняв, что сказала лишнее; ее глаза расширились.

— Конечно же, стервятники, — почти выкрикнул Чимал, вскочив, — ну да, вы же кормите их. Вы приносите им жертвы и отдаете своих мертвецов, вместо того чтобы сжигать. Именно так мясо и попадает на скалу, боги тут ни при чем.

Наблюдательница пришла в ужас.

— Мы не отдаем им своих мертвых — это было бы святотатством. Стервятники получают мясо тивов. — Она оборвала себя. — Я не буду больше с тобой разговаривать, потому что говорю вещи, о которых говорить нельзя.

— Нет, ты будешь говорить, — Чимал двинулся к ней; девушка отшатнулась, ее глаза вновь наполнились слезами. Так он ничего не добьется. — Я тебя не трону, — сказал Чимал, отходя в дальний конец прохода, — не бойся. — Как же заставить ее помочь ему? Взгляд Чимала упал на груду одежды; из-под нее торчал конец пояса. Чимал вытащил его и помахал им перед девушкой.

— Что это такое?

— Это монашин — ему здесь не место.

— Научи меня этому слову. Что оно значит?

— Смирение. Он — священное напоминание о непорочности, он помогает отогнать дурные мысли. —

Девушка запнулась, ее руки метнулись к талии. Когда она поняла, что произошло, краска волной залила ее лицо. Чимал кивнул.

— Да, это твой. Я снял его с тебя. Теперь ты в моей власти — поняла? Ты отведешь меня туда, где кормят стервятников?

Когда она отрицательно покачала головой, Чимал сделал шаг к ней.

— Отведешь. Тогда я вернусь к своему народу, и ты сможешь забыть о случившемся. Оказавшись в долине, я не смогу причинить тебе вреда. Если же мне придется остаться здесь, я нарушу твою табу. Я не только сниму твой пояс смирения, я расстегну твою одежду и сниму ее...

Девушка осела на пол, но сознания не потеряла. Он не стал поднимать ее: от его прикосновения ей может стать еще хуже, и уж тогда она точно ничем ему не поможет. Сейчас ему нужно только, чтобы она боялась его.

— Вставай, — скомандовал Чимал, — и веди меня! У тебя нет выбора.

Он отступил назад, пропуская девушку. Цепляясь за полки, она медленно поднялась и двинулась по проходу. Чимал шел за ней почти вплотную, но не касаясь ее и держа оружие для убийства наготове.

— Держись подальше от людей, — предупредил он девушку. — Я убью всякого, кто попытается остановить нас. Если позовешь на помощь, ты станешь убийцей.

Чимал не знал, подействовало ли его предупреждение и девушка сознательно выбирала безлюдные коридоры, или же люди просто не ходили этой дорогой; так или иначе, они никого не встретили. Только однажды кто-то мелькнул впереди на перекрестке, но, когда они дошли до того места, в коридоре уже никого не было.

Идти пришлось долго. Наконец они добрались до пещеры, уходящей вбок от центрального туннеля. Наблюдательница Стил шаталась от усталости и только молча указала на нее, кивнув, когда Чимал спросил, дошли ли они до своей цели. Туннель напомнил Чималу тот, по которому он попал в этот мир. Пол был гладким, а грубо отесанный камень стен и потолка еще хранил следы инструментов. Существовало, однако, одно важное отличие: к полу были прикреплены две тонкие металлические полосы; они уходили вдаль, теряясь в глубине прямого как стрела туннеля.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка.

— Нет, мы дойдем вместе до конца пути.

Не стоило пока объяснять ей, что в его намерения вовсе не входит покидать мир туннелей, что пока он только собирает информацию о нем.

Да, путь оказался долгим, и Чимал пожалел, что не захватил с собой воды. Наблюдательница Стил начала спотыкаться, и им пришлось дважды останавливаться, чтобы она могла немного отдохнуть. Туннель закончился в довольно большой пещере. Металлические полосы пересекали ее и уходили в другой туннель вдали.

— Что тут такое? — спросил Чимал, озираясь.

— Выход там, — показала девушка. — Если хочешь выплунуть наружу, можно поднять крышку на смотровом окошке, а это — механизм, который открывает дверь.

В стену была вделана широкая металлическая плита с диском посередине. Чимал нажал на диск, тот отошел в сторону, открыв отверстие. Через щель между двумя камнями Чимал смотрел в бездонное полуденное небо. Вдали голубели скалы на противоположном конце долины, за ними были видны дальние горные пики. Прямо перед ним на затененном уступе вырисовывался четкий силуэт стервятника. Под взглядом Чимала птица расправила крылья и взмыла в воздух, медленно делая большой круг в солнечном сиянии.

— Говорит наблюдательница Стил, — услышал Чимал голос девушки и быстро обернулся. Пока он смотрел на долину, она пересекла пещеру и теперь говорила в висящую на стене металлическую коробочку. — Он здесь со мной. Ему некуда бежать. Немедленно заберите его.

3

Чимал схватил девушку за руку, оттащил от металлической коробочки и швырнул на пол. На передней поверхности коробочки располагался диск, кнопки и несколько отверстий; из нее доносился чей-то голос.

— Наблюдательница Стил, твой доклад услышан. Мы сверяем рапорт. Укажи свое точное местонахождение...

Чимал поднял орудие для убийства и нажал на рычажок. Для уничтожения черных коробочек оно тоже вполне годилось. Голос пискнул и умолк, коробочка взорвалась.

— Это тебе не поможет, — сказала девушка, поднимаясь с пола и потирая руку. Ее губы кривила холодная торжествующая улыбка. — Они выяснят, откуда я докладывала, и найдут тебя. Теперь тебе не скрыться.

— Я могу вернуться в долину. Как открывается эта металлическая дверь?

Девушка неохотно подошла к рычагу, торчащему из стены, и потянула на себя. Металлическая плита бесшумно распахнулась наружу, в пещеру хлынул дневной свет. Стервятник, собравшийся сесть на уступ, испугался неожиданного движения, захлопал крыльями и взмыл ввысь. Чимал бросил взгляд на долину, вдыхая знакомый прохладный воздух, к которому примешивался запах птичьего помета.

— Если я вернусь туда, меня сразу убьют, — сказал Чимал и вытолкнул наблюдательницу на уступ.

— Что ты делаешь! — прошептала она.

Ее шепот перешел в вопли, когда Чимал потянул за рычаг и дверь начала закрываться. Громкие причитания внезапно оборвались, когда с глухим стуком плита встала на место.

Зато из туннеля позади Чимала послышался нарастающий вой, и из отверстия вырвался поток воздуха. Чимал прижался к стене у выхода из туннеля и поднял убийственное орудие. Шум и ветер усилились. Жители туннелей обладали огромным могуществом; какую непонятную силу они еще послали, чтобы убить его? Чимал вжался в скалу, а вой все нарастал, и тут из туннеля вырвалась платформа, на которой сидело несколько человек. Раздался пронзительный визг, платформа остановилась, и Чимал увидел, что все прибывшие вооружены орудиями для убийства. Он прицелился в них из своего оружия и нажал рычажок. Из стержня дважды вырвалось пламя, поражая его противников, но тут его оружие умерло: сколько Чимал ни нажимал на рычажок, оно больше не действовало. В отчаянии он нажал слишком сильно, и рычажок обломился.

Он думал, что его убьют прежде, чем он сделает хотя бы шаг. Его кожа покрылась мурашками в предчувствии огненной волны. Но его два выстрела попали в толпу и произвели поразительный результат: часть его противников погибла, остальные получили мучительные ожоги. Насилие и смерть были непривычны жителям скал, Чимал же был знаком с этими ужасными близнецами

всю свою жизнь. Пока он может двигаться, он будет бороться. Размахивая стержнем, как дубинкой, Чимал ринулся в атаку.

Битва была неравной. Не прошло и минуты, а Чимал уже стоял над поверженными врагами, тяжело дыша, готовый отреагировать на малейшее движение. Один из его противников шевельнулся, но, получив удар по голове, безжизненно распластался рядом с остальными. Отбросив бесполезное орудие для убийства, Чимал подошел к рычагу в стене и открыл дверь, ведущую на уступ для кормления стервятников. Наблюдательница Стил скорчилась, прижавшись к двери так близко, как только могла, закрыв лицо руками. Ему пришлось втащить ее внутрь — сама она была не в состоянии двигаться. Она осталась лежать на полу, пока Чимал освобождал платформу от убитых и раненых; наученный горьким опытом, он старался не задеть блестящие кнопки и рычаги в передней части механизма. Освободив платформу, Чимал дал волю своему любопытству и обследовал ее. Колеса тележки были похожи на те, что иногда бывают у детских игрушек; они ехали по металлическим полосам, прикрепленным к полу. Какая-то сила заставляла колеса вращаться и двигала платформу. Чимала особенно заинтересовал укрепленный спереди щит, твердый, будто металлический, но при этом прозрачный как вода: сквозь него все было видно, как если бы его там и вовсе не было.

Платформа ездит по металлическим полосам. Чимал проследил взглядом их направление — через всю пещеру и в меньший туннель в ее дальнем конце. Может быть, ему не придется возвращаться в те коридоры, по которым они сюда пришли, и снова идти навстречу орудиям, которые убивают?

— Вставай! — приказал он девушке и рывком поднял ее. — Куда ведет этот туннель? — Она все еще в ужасе смотрела на лежащих на полу раненых и не сразу поняла вопрос.

— Не знаю, — заикаясь выдавила она. — Я не знакома с работой эксплуатационников. Наверное, это рабочий туннель.

Чимал заставил ее объяснить значение слова «эксплуатация», потом подтолкнул к платформе.

— А как называется это?

— Машина.

— Ты можешь заставить ее двигаться? Говори правду. Насилие и смерть убили в ней всякую надежду.

— Да, могу... — прошептала она.

— Покажи мне, как это делается.

Управлять машиной оказалось совсем просто. Чимал взял с пола новое орудие для убийства и сел в машину рядом с девушкой. Она показала ему, что нужно делать: если нажать на один рычаг, машина будет двигаться вперед или назад, и чем сильнее на него надавишь, тем быстрее она поедет, а другой рычаг замедляет движение или останавливает машину. Чимал заставил платформу медленно двинуться вперед и низко пригнулся, когда они въезжали в туннель; впрочем, он скоро понял, что в этом нет необходимости — коридор был достаточно высок. Светильники на потолке — он уже выучил их название — проносились мимо все быстрее и быстрее по мере того, как он все сильнее нажимал на рычаг. Рычаг дошел до упора, машина с бешеной скоростью мчалась по туннелю. Стены по бокам сливались в сплошную полосу, встречный ветер выл вокруг прозрачного щита спереди. Наблюдательница Стил в страхе сжалась на сиденье, Чимал посмеялся над ней, но скорость все-таки уменьшил. Ряд светильников впереди стал изгибаться вправо, и Чимал еще больше сбавил скорость. Поворот изменил направление туннеля под прямым углом, дальше коридор пошел вниз. Спуск был очень постепенным, но бесконечным. Через несколько минут Чимал остановил машину и высадил из нее девушку.

— Не бросай меня здесь! — запричитала она.

— Если будешь себя хорошо вести, не брошу. Я просто хочу разобраться с туннелем... Стой прямо, так прямо, как только можешь. Да, коридор идет вниз... Во имя богов — мы ведь все время спускаемся — куда? Под землей ничего нет, кроме ада, где обитает Микстек, бог смерти. Эта дорога ведет туда?

— Я не знаю, — ответила она слабым голосом.

— Или не хочешь сказать. Ну что ж, если это дорога в ад, ты отправишься туда вместе со мной. Садись в машину. Я видел столько чудес и странных вещей за последние дни, сколько и представить себе не мог даже во сне. Теперь ад меня не особенно удивит.

Через некоторое время коридор выровнялся и дальше шел без поворотов и спусков. Наконец далеко

впереди стал виден освещенный выход из туннеля, и Чимал совсем замедлил движение машины. Перед ними появилась огромная пещера, хорошо освещенная и пустая. Чимал остановил машину недалеко от выхода из туннеля и пошел дальше пешком, толкая перед собой наблюдательницу Стил. На пороге пещеры они остановились и заглянули за угол.

Пещера была гигантской. Огромный зал, размерами не уступающий пирамиде, высеченный в сплошной скале. Рельсы выходили из туннеля, по которому они добрались сюда, пересекали пещеру и пропадали в другом туннеле. На стенах и потолке было много светильников, но их свет терялся в сиянии, лившемся через большое отверстие в потолке в дальнем конце зала, — очень похожем на солнечные лучи; казалось, над отверстием простерлось голубое небо.

— Этого просто не может быть! — воскликнул Чимал. — Я готов поклясться, что мы удалялись от долины, когда покинули место кормления стервятников! Туннель шел сквозь скалу вниз. Это не может быть солнечный свет — или я ошибаюсь? — В нем неожиданно проснулась надежда: — Если мы спускались, то мы могли пройти гору насквозь и оказаться у выхода в долину, которая лежит ниже, чем наша. Твой народ все-таки знает дорогу во внешний мир — это она и есть!

Чимал вдруг заметил, что свет становится ярче. Теперь он освещал длинный пологий скат, шедший от дыры в потолке. Рельсы, очень похожие на те, по которым передвигалась их машина, но только гораздо шире, спускались по скату, пересекали пещеру и уходили в дыру в полу — такую же большую, как и та, что на потолке.

— Что происходит? — спросил Чимал.

Свет стал ослепительным, в направлении отверстия в потолке невозможно было смотреть.

— Пошли отсюда, — потянула его за руку наблюдательница Стил. — Нужно отойти назад.

Он не спросил почему — ответ и так был ясен. Вместе с ослепительным сиянием пришел жар, опаливший их лица. Они повернулись и побежали в глубь туннеля, а позади них бушевала стена пламени. Закрыв глаза руками, они бросились к машине — спасительному убежищу. Еще какое-то время раскаленные лучи заливали все вокруг, потом пошли на убыль.

Когда все кончилось, воздух туннеля показался прохладным и освежающим; открыв глаза, Чимал долго не видел ничего, кроме пляшущих во тьме радужных пятен — так ослепил его глаза невероятный свет.

— Что это было? — спросил он.

— Солнце, — ответила девушка.

К тому времени, когда его зрение полностью восстановилось, наступила ночь. Они снова вошли в огромную пещеру, теперь освещенную только светильниками. Сквозь отверстие в потолке было видно усыпанное звездами ночное небо. Чимал и девушка медленно поднимались по скату, пока не оказались на уровне потолка пещеры. Звезды становились все ближе и все ярче — пришельцы оказались в самой их гуще. Взглянув вниз, Чимал с ужасом увидел, как сияющая звезда — диск размером с тортлью — проплыла рядом с его ногой и исчезла. Медленно и с достоинством — страх все еще владел им, и требовалось огромное усилие воли, чтобы не дать ему взять над собой верх — Чимал вместе с девушкой спустился по скату в благословенную безопасность пещеры.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он ее.

— Точно не уверена. Я слышала обо всем этом, но никогда не видела. Это не имеет отношения к моей работе.

— Ну да. Ты — наблюдательница и больше ни о чем не знаешь, а о своей работе рассказывать мне не хочешь.

Девушка отрицательно покачала головой, крепко сжав губы. Чимал сел на пол, повернувшись спиной к отверстию с непостижимой тайной звезд, и заставил ее сесть рядом.

— Я хочу пить, — пожаловалась она. — На таком удалении от жилых туннелей должны быть аварийные запасы. Вон, наверное, шкафы, в которых они хранятся.

— Давай посмотрим.

Действительно, за толстой металлической дверцей оказались брикеты неприкосновенного запаса и прозрачные сосуды с водой. Девушка показала Чималу, как открыть сосуд, и они по очереди напились. Еда оказалась такой же безвкусной, но сытной, как и раньше. Утолив голод, Чимал почувствовал, как он устал — не только телом, но и умом: представить себе проходящее рядом солнце и проплывающие у ног звезды было

совершенно невозможно. Ему о многом хотелось спросить девушку, но сейчас — впервые в своей жизни — он боялся услышать ответы.

— Я собираюсь поспать, — сказал он, — и хочу найти и тебя, и машину здесь, когда проснусь. — Он задумался на мгновение, затем, не обращая внимания на ее слабые протесты и сопротивление, снял у нее с шеи коробочку на металлической цепочке.

— Как ты ее называешь? — спросил он, взвешивая коробочку на ладони.

— Это мой деус. Пожалуйста, верни его мне.

— Мне эта штукавина не нужна, но я хочу, чтобы ты не предала и не сбежала. Дай руку.

Чимал застегнул один конец цепочки вокруг ее запястья, другой — вокруг собственной руки, сжав деус в ладони. Каменный пол, на котором он растянулся, был холодным, но Чималу было все равно: едва он сомкнул веки, как провалился в сон.

Когда он проснулся, девушка спала рядом, вытянув руку так, чтобы быть как можно дальше от него; через отверстие в потолке струился солнечный свет. Может быть, солнце снова сейчас пройдет рядом? Чимал испытал острый приступ страха и грубо потряс девушку, чтобы разбудить, однако, полностью проснувшись, понял, что непосредственной опасности нет. Он размотал цепочку, стягивавшую его затекшие пальцы, и отправился за пищей и водой для них обоих.

Когда они поели, Чимал подтолкнул девушку к полному скату, ведущему к дыре в потолке:

— Мы еще раз сходим туда.

Они вылезли через отверстие на голубую поверхность неба. Она была твердой, и, когда Чимал стукнул по ней прикладом орудия для убийства, кусочек голубого покрытия откололся, обнажив камень. Непонятно — ведь это же небо! Чимал окинул его взглядом — вверх до зенита и снова вниз, к ограниченному горами горизонту. Как только он увидел горы, он вскрикнул и отшатнулся, на мгновение потеряв равновесие.

Горная гряда была наклонена под углом в сорок пять градусов.

Казалось, весь мир подвешен перед ним за краешек. Чимал не знал, что и думать: увиденное было совершенно фантастическим. Не в силах выносить возникшее головокружение, Чимал сделал несколько спотыкающих-

ся шагов вниз по скату — к непоколебимой безопасности вырубленной в скале пещеры. Наблюдательница Стил последовала за ним.

— Что все это значит? — спросил ее Чимал. — Я ничего не могу понять.

— На этот раз я действительно не знаю. Это не имеет отношения к моей работе. Я ведь наблюдательница, а эксплуатационники никогда об этом не рассказывали, хотя они, конечно, знают, в чем дело.

Чимал бросил взгляд в темный туннель, куда скрылось солнце, но тот безмолвствовал.

— Я так легко не отступлюсь. Мне нужно понять, что же это все значит. Куда ведет тот коридор? — спросил он, указывая на отверстие в дальнем конце пещеры — туда уходили рельсы, на которых стояла их машина.

— Не знаю, я же не эксплуатационница.

— Да ты вообще мало что знаешь, — заметил Чимал с бессознательной жестокостью. — Пошли.

Он медленно вывел машину из туннеля и остановил ее так, чтобы девушка могла погрузить в нее пищу и сосуды с водой. Чимал предпочитал иметь запасы при себе, а не полагаться на благосклонность случая. Потом они пересекли зал и углубились в туннель. Коридор был ровным и прямым, хотя и казалось, что ряд светильников впереди изгибается кверху. Но подъем так и не начался: туннель оставался совершенно горизонтальным. Что-то появилось на стене впереди, и Чимал замедлил ход машины, а потом остановил ее вовсе. Перед ним была вделанная в камень металлическая лестница, уходившая в прорезанное в потолке отверстие.

— Пойдем выясним, куда она ведет, — сказал Чимал, выпихивая из машины свою спутницу. Он предоставил ей первой подняться по лестнице. Труба высотой футов в двадцать была чуть шире его плеч и освещалась двумя светильниками. Верхний из них помещался как раз под металлической крышкой, закрывавшей выход из углубления. — Толкни-ка ее! — приказал Чимал. — Не похоже, чтобы она была заперта.

Крышка из тонкого металла откидывалась на петлях, и наблюдательница легко открыла ее и вылезла наружу. Чимал последовал за ней на твердую поверхность голубого неба. Он взглянул вверх — сначала на маленькие белые облачка, проплывавшие у него над головой, а

потом дальше — на долину с пересекавшей ее рекой и двумя темневшими по берегам деревнями, висевшую прямо у него над головой.

На этот раз он не удержался — упал и приник к надежному камню небесного свода, цепляясь за край углубления. Ему казалось, что он падает — падает вниз и может разбиться насмерть у самой реки. Он зажмурился, отгоняя ужасное видение, и ему стало легче. Он ощущал твердую скалу под собой и собственный вес.

Чимал поднялся на четвереньки и посмотрел вниз: да, камень покрыт голубой краской, которая легко отделилась от скалы, когда он ковырнул ее у края отверстия. На его поверхности отпечатались пыльные следы тех, кто ходил здесь раньше, а неподалеку блестящие металлические рельсы, похожие на те, по которым движется солнце. Чимал на четвереньках подобрался к ним и ухватился за надежный металл. От долгого употребления рельс был истерт сверху до блеска. Медленно переведя взгляд, Чимал проследил направление колеи через весь небосвод: рельсы пересекали плавно закругляющуюся поверхность, сходились вдали и наконец исчезали в черном отверстии. Чимал старался не думать об увиденном и не пытаться понять. Пока рано. Сначала нужно все осмотреть. Он осторожно перевернулся на спину, все еще крепко держась за рельс.

Над ним из конца в конец раскинулась долина, — такая, какой он ее знал, со всех сторон окруженная горами, вершины которых смотрели прямо на Чимала. В северном конце громоздился скальный барьер, у его подножия расстилалось болото, по полям извивалась река, по обе стороны ее виднелись два бурых храма, заросли деревьев в южной части долины окружали серебряный блик озера. Водопад был почти незаметен — и никакой водный поток не питал его: дальше были только горы, за которыми поднимался голубой склон неба.

Краем глаза Чимал заметил какое-то движение; он повернул голову как раз в тот момент, когда наблюдательница Стил нырнула в отверстие шахты.

Позабыв о своем головокружении, Чимал бросился за ней. Девушка быстро спускалась по лестнице — Чимал не ожидал от нее такой прыти — и не смотрела вверх. Чимал начал спуск, но к этому времени она уже достигла туннеля. Он разжал руки и прыгнул вниз,

тяжело приземлившись на каменный пол. Поток пламени пронесся над его головой.

В руках девушки было оружие, она собиралась убить его, как только он появится из шахты. Промажнувшись, она в ошоломлении смотрела на обгорелые перекинутые лестницы и обуглившийся участок стены, и, прежде чем она смогла снова прицелиться, Чимал подскочил к ней и вырвал оружие из ее рук.

— Поздно! — прорычал он, швыряя оружие в машину и разворачивая наблюдательницу спиной к стене. Схватив ее за подбородок, он начал трясти ее голову. — Поздно убивать меня, я знаю правду. Знаю все о вас, наблюдателях, и о вашем мире, и о всей той лжи, которой меня потчевали. И мне больше не нужно ни о чем спрашивать тебя — теперь я сам могу ответить на все вопросы. — Он рассмеялся и сам удивился своему визгливому смеху. Чимал отпустил девушку; она принялась массировать подбородок, на котором пальцы Чимала оставили красные отпечатки. — Ложь, — продолжал Чимал, — мой народ обманывают во всем. Неправда, что мы живем в долине на планете Земля, которая вращается вокруг Солнца, пылающего газового шара. Нас заставляют верить во всю эту чушь — планеты, звезды, раскаленный газ. Тот отблеск, который видел Попока, да и я тоже — это отражение света от рельсов, только и всего. Наша долина и есть мир, больше ничего не существует. Мы живем внутри гигантской пещеры, вырубленной в скале, а твой народ тайно наблюдает за нами. Кто вы — слуги или хозяева? Или и те и другие одновременно? Вы служите нам, ваши эксплуатационники следят за тем, чтобы солнце всегда сияло как положено. И за дожди тоже они отвечают, и за реку, которая кончается в болоте. Интересно, что вы потом делаете с водой — перекачиваете ее обратно по трубам и снова выливаете в водопад?

— Да, — ответила девушка, высоко подняв голову и сжимая в руках деус. — Мы именно это и делаем. Мы наблюдаем за вами, защищаем и оберегаем от бед — день и ночь, в любое время года, ибо мы — наблюдатели, мы призваны служить, ничего не прося за это.

Чимал горько рассмеялся.

— Вы призваны служить! Что-то плохо вы служите. Почему бы вам не сделать так, чтобы река всегда была полноводной или чтобы дожди шли именно тогда, когда

нужно? Мы возносим молитвы, призывая дождь, но ничего не происходит. Боги не слушают нас — или это вы не слушаете? — Он отступил на шаг, пораженный внезапным озарением. — А существуют ли вообще боги? Коатлики смиренно стоит у вас в туннеле, и дождь вы посылаете по своему желанию. — С грустью, рожденной прозрением, он прошептал: — И в этом, как и во всем остальном, ложь. Богов нет.

— Ваши боги не существуют, это так. Но бог есть, единственный бог — Великий Создатель. Он создал мир, задумал и воплотил его, вдохнул в него жизнь — так все и началось. Солнце вышло из своего туннеля в первый раз, зажглось и отправилось в свой путь по небу. В первый раз вода упала со скал, наполнила озеро и побежала по ожидающему ее руслу. Он посадил деревья и создал животных, и, когда все было готово, Он населил долину ацтеками и поставил наблюдателей следить за ними. Он всемогущ и всезнающ, и мы, Его подобие, обладаем силой и знанием, мы чтим Его и выполняем Его волю. Мы — Его дети, и мы всегда будем заботиться о вас — наших младших братьях, ибо так повелел Он.

Слова девушки не произвели на Чимала особого впечатления. Напевность ее речи и блеск в глазах напомнили ему жрецов и их молитвы. Если боги мертвы, он не так уж огорчится, но совершенно ни к чему немедленно заменять их новыми. Тем не менее он кивнул — наблюдательница знала факты, которые были ему необходимы.

— Все наоборот, — заключил он. — Все, чему нас учили, — обман. Нет ни пылающего газового шара, ни Земли, а звезды — всего лишь маленькие светящиеся пятна. Вселенная — это скала, вечная скала, а наш мир — маленькая пещера в середине.

Чимал сгорбился, словно придавленный весом этой бесконечной скалы.

— Нет, так будет не всегда, — возразила девушка, слегка покачиваясь и молитвенно сложив руки. — Придет день, когда наступит конец — Великий день, дарующий нам свободу. Посмотри. — Она подняла свой деус. — Посмотри, как много дней прошло с сотворения мира. Дни текут к нашей радости, ибо мы верны заветам Великого Создателя, нашего Отца.

— Сто восемьдесят шесть тысяч сто семьдесят пять дней с сотворения мира, — сказал Чимал, глядя на цифры. — И ты отсчитала все эти дни сама?

— Нет, конечно. Мне нет еще и семидесяти лет. Этот деус — священное сокровище, доверенное мне, когда я принесла присягу наблюдателя...

— Сколько тебе лет? — переспросил Чимал, думая, что ослышался. Может быть, она сказала «семнадцать»?

— Шестьдесят восемь, — ответила она с издевательской улыбкой. — Мы созданы ради нашего служения, и те, кто тверд в вере, награждены годами жизни. Мы не столь недолговечны, как низшие животные: индейки, змеи... и вы.

На это ответить было нечего. Девушка выглядела двадцатилетней. Может ли она действительно быть такой старой, как говорит? Еще одна загадка в придачу к остальным. В наступившей тишине он расслышал далекое, еле слышное жужжание, подобное писку насекомого.

Звук нарастал, и девушка первой узнала его. Оттолкнувшись от стены, она бросилась бежать по туннелю обратно — в ту сторону, откуда они приехали. Чималу ничего не стоило бы догнать ее, но тут он тоже узнал звук и замер в нерешительности.

Приближалась еще одна машина.

Конечно, он мог бы поймать наблюдательницу, но тогда и сам окажется пойманным. Можно использовать орудие для убийства — но какой прок в том, что он ее убьет? Он перебирал в уме возможные варианты и отбрасывал их один за другим. В той другой машине будет много людей с оружием. Самое разумное — бежать. Они наверняка остановятся, чтобы подобрать девушку, и это даст ему время. Не успев еще додумать свою мысль до конца, Чимал уже прыгнул в машину и до отказа надавил на рычаг. Что-то взвыло под днищем машины, и она рванулась с места, словно выпущенная из лука стрела. Но не успела еще машина набрать скорость, как Чимал сообразил, что это не выход из положения. Нужно еще что-то придумать. Как будто в ответ на заданный себе вопрос перед ним появилось темное пятно в стене туннеля: еще одна шахта с лестницей. Чимал судорожно вцепился в другой рычаг и резко затормозил.

Это выход из туннеля — куда? Конечно, на небо, к рельсам, по которым ходит солнце. Это вторая такая

шахта, наверняка они есть и дальше. Как только Чимал об этом подумал, он снова нажал на рычаг. К тому времени, когда он доберется до следующей шахты — если она, конечно, существует, — он придумает, что делать дальше. В этом был риск — но что не было риском в этом странном новом мире? Ему необходим план действий.

Еда и запас воды — их нужно взять с собой. Одной рукой Чимал расстегнул спереди свое одеяние и засунул за пазуху столько пакетов еды, сколько смог. Потом он откупорил сосуд с водой, напился и выбросил пустую посудину. Полный сосуд он возьмет с собой. Теперь оставалась единственная проблема — что делать с машиной. Если оставить ее у начала шахты, наблюдатели поймут, куда он направился, и погонятся за ним. Сумеет ли он ускользнуть от многих преследователей? Нельзя ли заставить машину двигаться самостоятельно? В конце концов, она сможет ехать вперед, пока кто-то или что-то нажимает на рычаг. Чимал окинул взглядом внутренность машины. Можно было бы привязать рычаг — но не к чему. Как насчет распорки? Чимал подергал соседнее сиденье: оно держалось не так уж крепко. Тогда, нажимая на рычаг одной рукой, он осторожно выпрямился, уперся в спинку сиденья и нажал — сильнее, еще сильнее: в кресле что-то треснуло, и оно опрокинулось. Да, если им заклинить рычаг, все получится замечательно. Опустившись на сиденье водителя, он увидел перед собой новую лестницу.

Чимал выпрыгнул из машины раньше, чем она окончательно остановилась. Он бросил сосуд с водой и орудие для убийства к подножию лестницы и занялся сломанным сиденьем. Машины преследователей пока не было видно, но гудение нарастало. Он повернул кресло так, чтобы его спинка упиралась одним концом в сиденье водителя, а другим — в рычаг. Машина рванулась вперед, чуть не сбив его с ног, но замедлила движение и остановилась: распорка выскользнула из нужного положения. Под приближающийся шум второй машины Чимал бросился исправлять свое устройство.

На этот раз он развернул кресло так, чтобы его сиденье всей тяжестью давило на рычаг, и поспешно отскочил. Серdito взревев, машина устремилась вперед и помчалась по туннелю со все возрастающей скоростью. Чимал не стал смотреть, что будет с ней дальше:

пригнувшись, он метнулся к лестнице — преследователи были уже совсем близко. Прижав одной рукой к груди весь свой скарб, Чимал полез по лестнице так быстро, как только мог.

Он едва успел скрыться, как снизу промелькнула вторая машина. Чимал замер, затаив дыхание, и прислушался: не остановятся ли преследователи. Звук двигателя становился тише и тише, а затем и вовсе затих вдали. Они не заметили его и не остановились. К тому времени, когда они поймут, что произошло, он будет уже далеко. Они не смогут определить, каким выходом он воспользовался, и это еще больше увеличит его шансы на благополучное бегство. Медленно, преодолевая одну ступеньку за другой, Чимал выбрался на небо.

Вылезая из отверстия, он ощутил жар: намного жарче, чем было ему привычно.

В испуге он обернулся: на него катился пылающий шар солнца.

4

Чимал застыл, наполовину высунувшись из шахты; на мгновение его охватил панический страх. Однако испуг прошел, когда он осознал, что жар не усиливается и солнце не приближается к нему. Оно двигалось, конечно, но медленно — так, чтобы пересечь небо за половину суток. Жару вполне можно выдержать, и он успеет убраться с дороги светила прежде, чем оно приблизится. Точным движением он забросил свою ношу на поверхность неба, вылез и закрыл за собой люк. Приходилось отворачиваться от солнца: его свет был ослепителен. Взяв сосуд с водой в одну руку, а орудие для убийства — в другую, Чимал повернулся и направился к северной оконечности долины — туда, где под скалами проходили потайные коридоры наблюдателей. Его тень, черная и длинная, бежала перед ним, указывая дорогу.

Теперь, когда он немного привык к происходящему, все это было ему интересно: такого подъема он не испытывал никогда в жизни. Он шел по широкой голубой равнине. Она окружала его со всех сторон, плоская и бесконечная, плавно загибающаяся кверху вдали. Над ним, где в обычном мире полагалось бы быть небу,

висела долина. Остроконечные вершины гор нависали справа и слева и пересекались впереди. У него под ногами была твердь, прочная скала, теперь он знал это точно; его больше не пугало, что его мир, мир, в котором он вырос, единственный, известный ему еще совсем недавно, теперь висит над ним всей своей чудовищной тяжестью. Он — муха, ползущая по небесному потолку, посматривая сверху на несчастных узников долины.

Отойдя на достаточное расстояние от солнца, Чимал устроил привал: уселся на голубую небесную твердь, открыл сосуд с водой и напился. Запрокинув голову, он смотрел на пирамиду с храмом на вершине — они находились прямо у него над головой. Поставив сосуд рядом с собой, Чимал растянулся на спине, закинув руки за голову и рассматривая свою родную землю. Если очень постараться, можно даже различить крестьян, работающих в поле. Посевы маиса выглядели зелеными и пышными: скоро наступит время жатвы. Жители долины занимались своими обычными делами, жили своей обычной жизнью — не подозревая о том, что являются узниками. Почему все так устроено? А их надзиратели — сами пленники своих похожих на термитники туннелей, — почему они тайком наблюдают за жителями долины? Да еще эти странные рассуждения девушки о Великом Создателе...

Да, он точно видит крошечные фигурки, идущие с полей в Квилапу. Интересно, а они могут его разглядеть? Чимал помахал руками — может, увидят? Что они подумают? Наверное, решат, что это какая-то птица. А не выцарапать ли ему свое имя металлическим орудием на поверхности неба — соскрести голубизну, чтобы стала видна скала? ЧИМАЛ — висящие в небе буквы, неподвижные и неизменные. Ну-ка пусть жрецы попробуют это объяснить!

Смеясь, он встал и поднял свое имущество. Теперь еще больше, чем раньше, ему хотелось понять смысл всего. Ведь должна же существовать истина! Чимал тронулся в путь.

Он с интересом посмотрел наверх: проходил как раз под скальным барьером, замыкающим долину. Он выглядел достаточно впечатляюще, если не считать того, что отсюда огромные камни казались мелкой галькой. За скалами долина обрывалась, дальше не было ничего, кроме серого камня, слагавшего горные пики. Чимал

разгадал уловку: чтобы создать иллюзию расстояния, дальние горы были сделаны меньшими, чем те, что непосредственно примыкали к долине. Чимал миновал их, высматривая, что же лежит за горами, но вскоре его продвижение замедлилось: теперь приходилось карабкаться по склону.

Сначала подъем был еле заметен, но крутизна быстро нарастала, и Чимал сначала должен был сильно наклониться вперед, а потом и встать на четвереньки, чтобы удержаться на склоне. Поверхность перед ним изгибалась самым невообразимым образом: там, где небо встречалось с землей, пройти было нельзя. Чимала охватил ужас, он представил себя вечным пленником бесплодной пустыни неба — в панике он все же сделал попытку взобраться выше, но напрасно: гладкая поверхность была скользкой, и удержаться на ней он не смог. Съехав обратно, Чимал некоторое время лежал неподвижно, пока страх не отпустил его. Нужно было придумать выход из этой западни.

Идти вперед он не может — это ясно; однако всегда есть возможность вернуться туда, откуда пришел — стало быть, ловушка еще не захлопнулась. А если пойти налево или направо? Чимал повернулся и посмотрел на запад: небо там поднималось все выше и выше, пока не смыкалось с горами над головой. Тут он вспомнил, что туннель, от которого отходят шахты, ведущие на поверхность неба, казался изгибающимся кверху, хотя на самом деле был прямым. Похоже, во внешнем мире существует два направления вверх: настоящее и кажущееся. И Чимал направился со своими пожитками к горам.

Это оказалось кажущееся направление вверх: он шел будто внутри гигантского колеса, которое поворачивалось ему навстречу. «Низ» был всегда у него под ногами, а горизонт неуклонно приближался. Горы, нависавшие над ним, когда он тронулся в путь, теперь стали похожи на навес с зубчатым краем, разделяющий небо и долину посередине. С каждым его шагом горы как будто опускались ниже, пока наконец их вершины не оказались прямо впереди, устремленные на него, как огромные кинжалы.

Когда он оказался рядом с ближайшей горой, оказалось, что она лежит на боку, примыкая к поверхности неба, и еле доходит ему до плеча. Чимал уже ничему не удивлялся, этот день сюрпризов притупил его чувства.

Вершина горы была покрыта каким-то белым веществом — похоже, тем же самым, что и небесная твердь, только другого цвета. Чимал влез на острие горного пика, лежащего на поверхности неба, и пошел по нему к подножию горы. Белизна под ногами кончилась, дальше была обычная скала. Что бы это значило? Он мог видеть долину, теперь уже не над собой, а как бы подвешенную за краешек посередине расстояния до зенита. Чимал закрыл глаза и попробовал представить себе, как это место выглядело бы из долины. Если смотреть от подножия утесов за Заачилой, то поверх пирамиды будут видны ограничивающие долину скалы, а за ними все более далекие могучие горы, столь высокие, что на их вершинах снег не тает крутлый год. Снег! Чимал открыл глаза, посмотрел на блестящую белую массу и расхохотался. Так он на заснеженной вершине! Если его видят из долины, он должен казаться каким-то сказочным гигантом.

Чимал пошел дальше, пробираясь между этих странных лежащих гор, пока не оказался у отверстия в скале со знакомыми, уходящими вглубь металлическими ступенями. Еще один вход в туннель.

Он сел рядом и глубоко задумался. Что ему делать дальше? Это несомненно вход в лабиринты наблюдателей, в ту их часть, где он еще не бывал, поскольку сейчас находился на противоположном конце долины от скальной двери. Ему придется спуститься туда, никуда от этого не денешься, ведь в голых скалах спрятаться негде. Даже если он и найдет укрытие, его запасы пищи не безграничны. Мысль о еде разбудила в нем чувство голода. Чимал достал пакет и вскрыл его.

Хорошо, он спустится вниз, а что потом? Он был одинок, как никогда. Жители долины убили бы его, как только увидели — хотя, пожалуй, предпочли бы захватить живьем, чтобы дать жрецам возможность сделать его смерть медленной и мучительной. А главный наблюдатель объявил его несуществующим, а значит, мертвым, и его подручные старались изо всех сил привести Чимала в это состояние. Но ведь им это не удалось! Даже их оружие, их машины и все их знания не помогли им! Он ускользнул от них, он был свободен — и намеревался оставаться таковым. Но для этого нужно было составить план.

Во-первых, он спрячет еду и воду здесь, в этих скалах. Потом он спустится в туннель и начнет шаг за шагом обследовать пещеры, чтобы вывести, сколько удастся, секреты наблюдателей. Это, конечно, был не такой уж великолепный план, но ведь и выбора у него по сути не оставалось.

Придя к такому решению, Чимал спрятал припасы и пустую обертку от пакета с едой и откинул крышку люка. Высеченный в скале коридор начинался сразу под отверстием шахты. Чимал осторожно двинулся вперед и вскоре попал в более широкий туннель с двумя рельсовыми путями посередине. Машин не было ни видно, ни слышно. Выбирать было не из чего, и Чимал, держа оружие наготове, пошел направо, к краю долины. Он был на виду, и это ему не нравилось; он быстро преодолел прямую часть коридора, передвигаясь между рельсами трусцой, и свернул в первое же ответвление. Этот проход привел его к металлической винтовой лестнице, уходящей вниз, в глубь скалы. Чимал стал спускаться, стараясь идти быстро, хотя голова его кружилась от бесконечных поворотов.

Вскоре Чимал услышал гул, становившийся громче, по мере того как он спускался. Дойдя до конца лестницы, он оказался в сыром туннеле, по дну которого струилась вода; гул превратился в оглушительный рев. Чимал осторожно продвигался вперед, держась стены; коридор вывел его в высокую пещеру, заполненную огромными металлическими сооружениями: они и были источником лавины звуков. Назначение их было Чималу непонятно. Гигантские круглые секции уходили ввысь сквозь камень потолка; из одной сочились вода, ручейком убегавшая в туннель. Притаившись у входа в пещеру, Чимал с безопасного расстояния разглядывал непонятные конструкции. В дальнем и лучше освещенном конце зала перед доской с рядами маленьких блестящих предметов спиной к Чималу сидел человек. Оставаясь незамеченным, Чимал нырнул обратно в туннель и пошел по нему в противоположную сторону, миновав металлическую лестницу. Прежде чем вернуться на более высокий уровень, нужно выяснить, куда ведет этот коридор.

Рев понемногу стихал, и теперь Чималу стал слышен откуда-то спереди шум льющейся воды. Туннель вел в сплошную тьму. Чимал осторожно выбрался из туннеля

на карниз, нависающий над этой чернотой. Ряд светильников, уходящий влево, отражался в темной поверхности, и Чимал понял, что перед ним огромное подземное озеро: издали по-прежнему доносилось журчание, а мелкие волны играли бликами на водной глади. Пещера, в которой находилось озеро, была огромной, эхо падающей где-то воды отражалось от стен и, казалось, звучало со всех сторон. Куда он попал? Чимал мысленно попытался восстановить пройденный путь, вспомнить все повороты и оценить расстояние. Он спустился глубоко вниз, шел сначала на север, затем на восток. Конечно! Если сопоставить его маршрут с расположением долины, то окажется, что подземное озеро лежит под болотом на северной ее оконечности. Вот куда стекает вода! А те огромные сооружения в зале перекачивают воду по трубам обратно к водопаду. Интересно, куда ведет проход, освещаемый теми светильниками, что идут слева от озера? Чимал решил выяснить это.

В каменной стене пещеры был высечен уступ; над ним светили редкие огни. Скала под ногами была влажной и скользкой, Чимал шел осторожно. Уступ охватывал четверть окружности озера и кончался у нового туннеля. От всей этой круговерти Чимал вскоре изнемог. Стоит ли идти дальше? Не разумнее ли вернуться туда, где он спрятал еду и воду? Однако тайна этих пещер манила его вперед. Куда ведет этот новый туннель? Чимал вошел в него. Здесь было намного сырее, хотя в остальном этот коридор был похож на другие: те же равномерно расположенные светильники на потолке. Впрочем, нет: впереди на месте одного из светильников чернела брешь, похожая на дырку от выбитого зуба. Дойдя до нее, Чимал обнаружил, что сам светильник есть, а огонь не горит. Такое он видел впервые. Может быть, этим туннелем редко пользуются и еще не обнаружили неполадку? Проход заканчивался у новой винтовой лестницы; Чимал полез вверх и очутился в маленькой комнатке с дверью в одной стене. Приложив ухо к двери, он ничего не услышал; тогда он чуть-чуть приоткрыл ее и заглянул в щелку.

Его взору открылась самая большая пещера из всех виденных, пустая и тихая. Гулкий звук его шагов лишь подчеркивал ее невероятные размеры. Пещера была освещена значительно более скудно, чем туннели, но света вполне хватало, чтобы Чимал смог оценить ее

величину и разглядеть роспись, покрывающую стены. Изображения были странно живыми: люди, невероятные животные, какие-то непонятные металлические предметы. Все они были устремлены в едином порыве застывшего движения к находящейся в дальнем конце пещеры двери, охраняемой с обеих сторон золотыми статуями. На изображенных на картине людях была необычная, фантастическая одежда, и даже кожа у них была разных цветов, — однако все они двигались к общей цели. Это безмолвное движение захватывало и влекло за собой. Прежде чем пойти к двери, Чимал огляделся.

Другой конец пещеры был перекрыт нагромождением огромных камней, по какой-то причине показавшихся Чималу знакомыми. Как это может быть? Он ведь никогда раньше здесь не бывал. Чимал подошел поближе. Увиденное очень напомнило ему скальный барьер, запиравший его долину.

Конечно! Перед ним та самая преграда, только с другой стороны. Если убрать каменные глыбы, выход из долины будет открыт, и Чимал нисколько не сомневался в том, что те же силы, которые прорубили туннели в скалах и создали солнце, освещавшее долину, могли быть использованы для разрушения барьера. Со стороны долины казалось, что выхода нет: проход замурован скалами. Возможно ли, чтобы легенда оказалась правдой? Придет день, путь вновь будет свободен, и люди устремятся по нему. Куда? Чимал обернулся и посмотрел на высокую дверь в дальнем конце пещеры. Куда она ведет?

Он прошел между двумя большими золотыми фигурами — мужчины и женщины, — обрамлявшими портал, и двинулся дальше по проходу. Этот туннель был широким и прямым, на стенах блестели золотые украшения. Из него вело множество дверей, но Чимал не стал заглядывать в них: это может подождать. Безусловно, за дверями скрывается множество интереснейших вещей, но не ради них был прорублен этот коридор. Главное лежало впереди. Чимал шел все быстрее и быстрее, почти бежал. Туннель заканчивался двойными золотыми дверями. Казалось, за ними нет ничего, кроме тишины.

Со странным стеснением в груди Чимал распахнул двери. Перед ним лежал огромный зал, почти такой же

большой, как пещера с росписью, но только ничем не украшенный и темный, освещенный лишь отдельными редкими светильниками. Задняя и боковые стены зала были на месте, а передняя отсутствовала: перед Чималом открылся вид ночного звездного неба.

То не было небо, которое Чимал видел раньше. Не было ни луны, ни близкого горизонта, ограниченного стенами долины. Только звезды, звезды, несметное число их, накрывшие его, словно волной! Знакомые созвездия, если они и были здесь, затерялись среди бесконечности других светил, бесчисленных, как песчинки в пустыне. И звезды перемещались, словно укрепленные на ободе гигантского колеса. Маленькие, тусклые звездочки, звезды, подобные пылающим разноцветным факелам — чистые и немигающие светила, совсем не такие, как звезды в небе над долиной.

Что все это могло означать?

С непонятым трепетом Чимал пошел вперед, пока не наткнулся на какое-то холодное невидимое препятствие. Он прикоснулся к нему рукой и вдруг понял, что перед ним то же прозрачное вещество, из которого был сделан щит у машины; страх его исчез. Значит, вся эта стена — огромное окно, выходящее — куда? Закругленное окно выдавалось вперед, и, когда Чимал приблизил лицо к самой его поверхности, он увидел, что звезды заполняют небо справа и слева, сверху и снизу. У Чимала закружилась голова, ему показалось, что он падает в эту звездную бездну. Он оперся рукой о твердый прозрачный материал, но в его непривычном холоде было что-то такое зловещее, что он поскорее отстранился. Может быть, это небо над другой долиной? Если так, то где же сама долина?

Чимал в смятении отступил, напутанный новой неизвестностью. В этот момент до его слуха донесся слабый звук.

Шаги? Он сделал попытку развернуться, но орудие для убийства неожиданно было вырвано у него из рук, и он отлетел к холодной поверхности окна: перед ним стояли главный смотритель и еще трое; все они были вооружены, все держали его на прицеле.

— Ты наконец достиг конца, — произнес главный смотритель.

Звезды

Данфе тогуй тогуй
Хин хамби тегу.
Ндахи тогуй тогуй
Хин хамби тегу.
Нбуй тогуй...
Хин хамби пенгуй.

Река течет, течет
И не знает преград.
Ветер веет, веет
И не знает преград.
Жизнь проходит...
Что о том жалеть!

1

Чимал расправил плечи, готовый встретить смерть. Слова предсмертной молитвы сами пришли ему на память, и он произнес первые фразы, прежде чем осознал это. Он готов был вырвать свой предательский язык и твердо сжал непослушные губы. Не существовало богов, которым можно было бы молиться; мир был совсем незнакомым местом.

— Я готов убить тебя, Чимал, — раздался сухой и бесстрастный голос главного смотрителя.

— Ты узнал мое имя и теперь признаешь мое существование, но все равно хочешь меня убить. Почему?

— Я задам тебе вопрос, и ты на него ответишь, — не обращая внимания на его слова, продолжал старик. —

Мы слушали разговоры жителей долины и многое узнали о тебе, кроме самого главного. Твоя мать не может сказать это нам — она мертва...

— Мертва! Как это случилось? Почему?

— ...ее казнили вместо тебя, когда узнали, что она тебя освободила. Гнев жрецов был велик. А она, казалось, была рада смерти и умерла с улыбкой на губах.

Да, они следили за происходящим в долине, очень внимательно следили. Мама...

— Прежде чем умереть, она сказала очень важную вещь. Она утверждала, что в случившемся виновата она, согрешившая двадцать два года назад, а тебя винить не следует. Знаешь ли ты, что она имела в виду?

Так, значит, она умерла. Но Чимал чувствовал себя настолько отстраненным от своей жизни в долине, что боль утраты оказалась меньше, чем он ожидал.

— Говори! — приказал главный смотритель. — Знаешь ли ты, что она хотела этим сказать?

— Знаю, но тебе не скажу. Ты не испугаешь меня угрозой смерти.

— Ты глупец. Отвечай немедленно: почему она сказала «двадцать два года назад»? Имел ли ее грех отношение к твоему рождению?

— Да, — ответил Чимал удивленно. — Откуда ты узнал?

Старик нетерпеливо замахал руками.

— Отвечай мне и не лги, ибо это самый важный вопрос, который тебе когда-либо будет задан. Скажи мне, как звали твоего отца?

Наступила мертвая тишина — спутники главного смотрителя наклонились вперед в ожидании ответа, забыв об оружии, которое сжимали в своих руках. Почему бы и не сказать им? Какое теперь значение имеет нарушенное табу?

— Моим отцом был Чимал-Попока из Заачилы.

Эти слова, казалось, нанесли старику удар. Он зашатался и сделал шаг назад, два человека кинулись ему на помощь, бросив оружие на пол. Третий встревоженно смотрел на главного смотрителя; его собственное оружие для убийства и то, которое они отобрали у Чимала, были обращены дулами вниз. Чимал напрягся: сейчас был подходящий момент, чтобы завладеть оружием и скрыться.

— Но.. — хрипло прошептал старик. — Наблюдатель Стедфаст, немедленно бросьте оружие!

Человек, как и было ему велено, наклонился и положил оружие на пол. Чимал сделал было шаг к двери, но остановился.

— Что все это значит?

Старик оттолкнул своих помощников и что-то сделал с одним из свисающих с пояса приспособлений. Его металлическая портупея расправилась и выпрямила тело старика, давая ему опору.

— Это значит, что мы приветствуем тебя, Чимал, и просим присоединиться к нам. Сегодня радостный день — день, до которого никто из ныне живущих не надеялся дожить. Пусть твое присутствие даст силу тем, в ком крепка вера, и да поможешь ты нам достичь мудрости.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал окончательно сбитый с толку Чимал.

— Нам предстоит многое рассказать тебе, так что давай начнем с начала.

— Что это за звезды? Я *это* хочу узнать сначала.

Старик кивнул и улыбнулся.

— Вот ты и начал вести нас к мудрости. Звезды — это действительно начало как ты уже понял. — Остальные тоже кивнули — Там, снаружи, Вселенная, и звезды в ней — те самые, о которых тебе говорили жрецы, ибо то, чему они учили, правда.

— И о богах тоже? Но ведь в тех рассказах — все ложь.

— Снова ты пришел к истине без посторонней помощи. Нет, конечно, ложные боги не существуют — они легенда, придуманная для того, чтобы управлять простым народом. Существует единственный бог — Великий Создатель — отец всего сущего. Я говорил не о сказках про Хицилапочтли и Коатлики; остальное, чему жрецы учат в школе — правда.

Чимал рассмеялся.

— Так, значит, то, что солнце — шар пылающего газа в пустоте, — правда? Я сам видел солнце вблизи и касался рельсов, по которым оно движется.

— И все-таки это правда просто жрецы, сами того не подозревая, передают знания не о том мире, в котором живут. Слушай — и истина откроется тебе. Настоящее Солнце — такая же звезда, как и остальные — те, что ты видел в иллюминатор, — и вокруг

него свершает свой вечный путь Земля. Мы все приходим с Земли, но покинули ее ради вечной славы Великого Создателя. — При этих словах наблюдатели прошептали короткую молитву и коснулись своих деусов. — И разве не заслуживает Он нашей хвалы — ты только подумай о Его деяниях! Он видел многие миры, вращающиеся вокруг Солнца, и крошечные корабли, построенные людьми для сообщения между ними; как ни быстры эти корабли — мы даже и представить себе не можем, как они быстры, — на путь от одной планеты к другой уходят недели и даже месяцы. Но расстояния между планетами ничтожны в сравнении с бездной, разделяющей солнца. Самый быстрый из человеческих кораблей затратил бы тысячу лет, чтобы добраться до ближайшей звезды. Людям это известно, и они отказались от всякой надежды на межзвездные путешествия, на чудеса других миров, вращающихся вокруг других светил. Но то, что недоступно слабому человеку, свершил Великий Создатель: он построил этот мир и послал его путешествовать между звезд...

— О чем ты говоришь? — перебил его Чимал, охваченный внезапным страхом — страхом, смешанным с ликованием.

— О том, что мы — путешественники внутри каменного мира, летящего сквозь пустоту от звезды к звезде. Наш мир — огромный корабль, пересекающий невообразимые просторы космоса. Он полый, и в самой его сердцевине находится долина, а в долине живут ацтеки — пассажиры корабля. Пока не пробьет час, это путешествие для них — нераскрытая тайна, они проводят свои счастливые дни в покое и неведении под лучами благословенного солнца. Мы существуем для того, чтобы оберегать и направлять их, и мы с честью выполняем свой долг.

Словно в подтверждение его слов раздался низкий звук гонга — удар, еще удар. Наблюдатели подняли свои деусы и с третьим ударом все дружно нажали на торчащие стержни — к числу в углублениях добавилась единица.

— И вот еще один день позади, — произнес нараспев главный смотритель, — и мы еще на один шаг ближе к Дню Прибытия. Мы верны Великому Создателю все дни нашей жизни.

— Все дни нашей жизни, — как эхо повторили наблюдатели.

— Кто я? — спросил Чимал. — Почему я не такой, как все?

— Ты — дитя, которому мы поклялись служить, ты — цель самого нашего существования. Разве не записано, что дети будут вести за собой? Что настанет День Прибытия, барьеры падут, а люди долины получат свободу? Они придут сюда, увидят звезды и наконец-то познают истину. В этот день Коатлики будет уничтожена у них на глазах, и они станут любить друг друга; браки между жителями одной деревни будут запрещены, и мужчинам будет позволено брать в жены женщин только из другой деревни.

— Моя мать и мой отец...

— Твой отец и мать слишком рано удостоились благодати и родили истинного сына Дня Прибытия. В своей неизреченной мудрости Великий Создатель повелел ацтекам смиренно сеять и собирать урожай и жить в неведении в своей долине. Так оно и было. Но когда День Прибытия станет близок, Он одарит их детьми, которые пойдут путями, невысказанными для родителей, прочтут книги, ожидающие прочтения, и будут готовы покинуть долину навеки.

Конечно! Чимал не знал, откуда у него это знание, но не сомневался в том, что слова главного смотрителя — правда. Только он один не принял долину с ее неизменностью, только он один восставал против бессмысленного существования, он один искал выход. И нашел его. Он был иным и всегда знал это и стыдился. Теперь ему стыдиться было нечего. Он расправил плечи и оглядел собравшихся.

— У меня много вопросов.

— На все свои вопросы ты получишь ответы. Мы расскажем тебе обо всем, что нам известно, а потом ты пойдешь туда, где тебя ожидает великое знание. И тогда ты станешь нашим учителем.

Чимал громко и радостно рассмеялся.

— Так у тебя больше нет желания убить меня?

Главный смотритель склонил голову.

— Это была моя ошибка, и я молю тебя меня простить: я совершил ее по неведению. Ты можешь убить меня, если хочешь.

— Не торопись умирать, старик, тебе еще многое предстоит мне рассказать.

— Это правда. Итак — начнем.

2

— Что это? — спросил Чимал, с подозрением глядя на источающий пар коричневый кусок мяса на тарелке перед ним. — Я не знаю животного, достаточно крупного, чтобы получить так много мяса. — Недоверчивый взгляд, которым он одарил главного зрителя, красноречиво говорил о том, что одно такое живое существо ему известно.

— Это называется бифштекс, и сегодня он изготовлен из самой лучшей вырезки — такой мы едим только по праздникам. Конечно, если захочешь, ты можешь есть его и каждый день — мясохранилище справится.

— Я не знаю такого животного — мясохранилище.

— Позволь мне показать, — главный зритель что-то переключил в телевизоре на стене. Его личные апартаменты, где они с Чималом обедали, вовсе не были столь аскетически безликими, как комнаты рядовых наблюдателей. Откуда-то лилась музыка, стены были украшены картинами, пол покрывал пушистый ковер. Чимал, отмытый и побрившийся при помощи крема-депилятора, сидел в мягком кресле перед роскошно накрытым столом — и перед тарелкой с людоедски большим куском мяса. — Опиши свою работу! — приказал главный зритель человеку, появившемуся на экране телевизора.

Человек поклонился.

— Я — зритель продовольствия, и большая часть моей работы заключается в заботе о мясохранилище. — Он отступил в сторону и показал на большой бак. — Здесь в питательной жидкости растут съедобные части животных, по воле Великого Создателя. Мы следим за тем, чтобы питательные вещества поступали бесперебойно и ткани хорошо росли — это дает возможность срезать необходимое количество мяса для питания.

— Получается, что эти части животных бессмертны, — задумчиво произнес Чимал, когда экран погас. — Хотя

какие-то куски идут в пищу, сам орган никогда не умирает. Интересно, что это было за животное?

— Я никогда не задумывался о бессмертии мясохранилища. Благодарю тебя, Чимал. Я теперь хорошенько изучу этот вопрос — он представляется важным. Животное называлось «корова» — это все, что я знаю.

Чимал нерешительно проглотил кусочек, потом еще и еще. Ничего вкуснее ему пробовать не доводилось.

— Единственно, чего здесь не хватает — это чили *, — произнес он вполголоса.

— Завтра будет, — пообещал главный смотритель, делая пометку

— Так ведь таким мясом вы кормите и стервятников!

На Чимала снизошло прозрение

— Да. Худшими кусками. В долине недостаточно дичи, чтобы стервятникам хватало падали, так что мы обеспечиваем им пропитание.

— Но зачем они вообще нужны?

— Такова воля Великого Создателя.

Уже не первый раз Чимал получал такой ответ на свои вопросы. По дороге в апартаменты главного смотрителя он спрашивал и спрашивал, наблюдатели ничего от него не скрывали, но ему часто казалось, что во многом они так же невежественны, как и ацтеки. Он не стал высказывать это подозрение вслух. Ему так много еще предстоит узнать!

— Насчет стервятников понятно. — Внезапно воспоминание о смертоносном потоке змей и скорпионов ожило в Чимале. — Но есть ведь еще и другая нечисть — когда Коатлики входила в туннель, из него выползли гремучие змеи и скорпионы. Это-то зачем?

— Долг наблюдателей — быть безжалостными, когда нужно. Если у человека слишком много детей — он плохой отец, потому что не в состоянии обеспечить их пищей и дети голодают. То же самое и с долиной — если ее население излишне увеличится, еды на всех не хватит. Поэтому, когда число жителей начинает превышать определенный предел, специально рассчитанный по таблицам, в долину выпускается больше змей и насекомых.

* Острая приправа из красного перца

— Но это ужасно! Ты хочешь сказать, что вы специально выращиваете этих ядовитых тварей, чтобы убивать людей?

— Иногда бывает очень трудно принять правильное решение. Поэтому-то наблюдателей учат быть сильными и стойкими, верными предначертаниям Великого Создателя.

На это нечего было ответить. Чимал ел и пил — на столе перед ним было так много вкусных вещей — и пытался осмыслить все то, что узнал. Он показал на ряды книг на стене комнаты и спросил:

— Я попытался прочесть что-нибудь в твоих книгах, но это трудно — я не знаю многих слов. Нет ли где-нибудь более простых книг?

— Конечно, есть — я должен был подумать об этом сам. Я стар, и память начинает изменять мне.

— Позволь тебя спросить... Сколько тебе лет?

— Я вступил в свой сто девяностый год. Если Великому Создателю будет угодно, я надеюсь увидеть и свое двухсотлетие.

— Твой народ живет много дольше, чем мой.

— Каждый из нас в течение своей жизни должен сделать гораздо больше, чем простой крестьянин, поэтому наше долголетие — награда за труды. Специальные машины и лекарства помогают нам сохранять силы, кроме того, наши тела защищают и поддерживают экзоскелеты. Мы рождаемся для того, чтобы служить, и чем дольше наша жизнь, тем больше мы успеваем сделать.

И снова Чимал предпочел оставить свои мысли при себе.

— А те книги, о которых ты говорил...

— Да, конечно. После сегодняшней службы я отведу тебя туда. Вход разрешен только зрителям, чей ранг позволяет им носить красные одежды.

— Поэтому и меня одели в красное?

— Да. Думаю, что это разумно. Это свидетельствует о твоём высоком положении, подобающем Первопроходцу, и все будут почитать тебя.

— Пока ты будешь присутствовать на службе, я хотел бы увидеть помещение наблюдателей — то, откуда видна долина.

— Мы пойдем туда сейчас, если ты готов. Я отведу тебя сам.

Совсем другое дело идти по туннелям, ничего не боясь. Теперь перед ним, одетым в красные одежды и сопровождаемым главным смотрителем, все двери были открыты, а все встречные приветливы и почтительны. Наблюдательница Стил ждала их у входа в зал.

— Я пришла просить прощения, — сказала она Чималу, опустив глаза. — Я не знала, кто ты такой.

— Никто из нас не знал, наблюдательница, — ответил ей главный смотритель, касаясь висящего у нее на шее деуса, — но это не означает, что мы избежим наказания — грех по неведению все равно остается грехом. Ты будешь носить пояс смирения тридцать дней, и носить его с радостью.

— Да, буду... — Ее глаза лихорадочно блестели, руки были стиснуты на груди. — Через боль приходит очищение.

— Да благословит тебя Великий Создатель, — сказал старик, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Покажи мне, как вы работаете, — попросил Чимал девушку.

— Я благодарна тебе за честь, которую ты мне оказываешь.

Она ввела его в большую круглую комнату со сводчатым потолком, все стены которой были заняты экранами, установленными на уровне глаз. Перед экранами сидели наблюдатели с наушниками; иногда они что-то говорили в висящие перед ними микрофоны. В центре комнаты находилось возвышение с установленным на нем экраном.

— Здесь сидит главный наблюдатель, — объяснила Стил, показывая на возвышение. — Он руководит работой остальных. Подымись сюда, и я покажу тебе, как это делается.

Чимал сел на стул перед экраном, и наблюдательница принялась показывать ему, как управлять механизмами.

— При помощи этих кнопок ты выбираешь камеру, изображение с которой хочешь увидеть. Камер 134, каждая из них имеет собственный код, и любой наблюдатель обязан знать все коды наизусть, чтобы немедленно вызвать нужный. На обучение этому уходят годы. Изображение чего ты желаешь увидеть?

— Есть ли камера, показывающая озеро у водопада?

— Есть. Ее номер 67. — Девушка нажала какие-то кнопки, и на экране появилось озеро — такое, каким оно было бы видно с высоты за водопадом. — Чтобы слышать звуки, нужно сделать так. — Новое нажатие кнопки, и стал слышен плеск воды и пение птицы в деревьях. Изображение было четким и передавало все оттенки цвета — как будто он смотрел на долину сквозь прорубленное в скале окно.

— Камера укреплена снаружи или внутри скалы?

— Большинство камер установлены за отверстиями в камне, чтобы их нельзя было обнаружить, хотя, конечно, многие замаскированы внутри храмов. Вот смотри. — Озеро исчезло с экрана, и Чимал увидел Ицкоатля, спускающегося по широким ступеням храмовой лестницы. — Это новый верховный жрец. Как только он прошел посвящение, произнес положенные молитвы и принес жертвы, мы позволили солнцу подняться. Смотрители солнца всегда радуются возможности остановить светило на денек — им редко выпадает такой хороший шанс для осмотра и регулировки.

Чимал сам стал нажимать кнопки, выбирая номера камер наугад и задавая их умной машине. Как оказалось, камеры были установлены в скалах вокруг всей долины, а одна даже вмонтирована в небо — она давала панорамный обзор долины; поворачивая ее и включая увеличение, можно было в деталях рассмотреть любую точку, хотя, конечно, без звукового сопровождения.

— Там, — сказала Стил, — видны четыре скалы на берегу реки. Они такие крутые, что на них нельзя влезть...

— Я знаю — пробовал.

— ...и на вершине каждой установлена вдвоенная камера. Они используются для управления Коатлики в случае непредвиденных обстоятельств.

— Я уже включал одну из них — ее номер 28, — сказал Чимал, нажимая соответствующую кнопку. — Да, вот она.

— Как быстро ты запомнил код, — с почтением произнесла наблюдательница. — Мне на это понадобилось много лет.

— Покажи мне и все остальные помещения, пожалуйста, — обратился Чимал к Стил, поднимаясь с места.

— Как пожелаешь. Здесь все к твоим услугам.

Сначала они отправились в столовую, и там один из служителей усадил их за стол и принес какой-то теплый напиток. Других посетителей столовой служители не обслуживали: еду нужно было брать самим.

— Похоже, что здесь все меня знают, — удивленно произнес Чимал.

— Нам сообщили о тебе на утренней службе. Ты — Первопроходец, таких, как ты, еще никогда не было, и все очень взволнованы.

— Что это за напиток? — спросил Чимал, чтобы переменить тему.

Не так уж приятно было видеть благоговение на ее бледном лице с приоткрытым ртом и покрасневшим носом.

— Напиток называется чай. Как он тебе нравится?

Чимал оглядел большую комнату, наполненную голосами и звоном посуды, и внезапно осознал, чего в ней не хватает.

— А где же дети? По-моему, я вообще еще не видел здесь ни одного ребенка.

— Мне ничего об этом не известно, — ответила девушка, бледнея еще больше. — Если они существуют, то находятся в детском отсеке.

— Ничего не известно? Станный ответ. Сама-то ты была замужем, наблюдательница Стил? У тебя есть дети?

Ее лицо залилось краской, и со сдавленным писком девушка вскочила и выбежала из столовой.

Чимал допил свой чай и вернулся на обсервационный пост, где и нашел поджидающего его главного смотрителя. Когда Чимал рассказал ему о странном поведении девушки, тот серьезно кивнул.

— Мы с тобой можем это обсуждать, поскольку такие вещи входят в компетенцию главного смотрителя, но простые служители приучены избегать данной темы. Их жизнь проходит в чистоте и воздержании, они воспитаны так, чтобы быть выше животных отношений между мужчиной и женщиной, обычных для обитателей долины. Они в первую очередь наблюдатели, только во вторую — женщины, а лучшие из них и вовсе себя женщинами не считают. Для них женское тело, которым они наделены отроду, — источник огорчений и неудобств, оно мешает им в выполнении долга. Вера наблюдателей сильна.

— Похоже на то. Надеюсь, мой вопрос не покажется тебе нескромным, но ведь и наблюдатели должны откуда-то появляться?

— Нас не так уж много, и наша посвященная служению жизнь долга.

— Несомненно. Но все же, если только вы не бессмертны, вам бывает нужно пополнение? Откуда оно берется?

— Из детского отсека. Впрочем, это мелочь. Мы можем продолжить наш обход.

Главный смотритель поднялся, но Чимал не был склонен оставить разговор неоконченным.

— Что представляет собой детский отсек? Место, где машины вырабатывают полностью развитые человеческие существа?

— Хотел бы я, чтобы так было. Самая моя неприятная обязанность — присматривать за детским отсеком. Там невозможно навести порядок. Сейчас в детском отсеке четыре матери, хотя одна из них вот-вот умрет. Эти женщины были отобраны потому, что они — ну, они не учились как следует и не могли освоить другие полезные обязанности. Пришлось сделать их матерями.

— А отцы?

— Великий Создатель позаботился об этом. У нас имеется банк замороженной спермы, и техники знают, как им пользоваться. Неисповедимы Его тайны. Ну, нам пора.

Чимал понял, что больше он сейчас ничего не узнает. Он решил пока не расспрашивать об этом, но о предмете разговора не забыл. Главный смотритель вел его тем же путем, каким они шли после того, как прозвучала тревога и наблюдатели захватили Чимала: через огромный зал, по украшенному золотом коридору. Главный смотритель распахнул перед Чималом двойные двери.

— Здесь все готово с самого начала и ждет тех, кто придет. Ты — первый. Садись в кресло перед экраном и все увидишь.

— Ты останешься со мной?

Впервые на сумрачном лице старика появилась улыбка.

— Увы, нет. Это место — только для первопроходцев. Моя священная обязанность — заботиться о том, чтобы здесь все всегда было в готовности, но и только.

Он вышел из зала, и дверь закрылась за ним.

Чимал опустился в удобное кресло перед экраном и поискал глазами выключатель. Однако в этом не было необходимости: механизм включился сам, вероятно, под действием его веса. Экран осветился, и гулкий голос заполнил зал:

— Добро пожаловать! Вы прибыли на Проксиму Центавра.

ЭРОС — одна из многих крошечных планет, образующих пояс астероидов, которые, за немногими исключениями, вращаются между орбитами Марса и Юпитера. Орбита Эроса весьма необычна: она вытянута, и в одной точке почти пересекается с орбитой Земли. Эрос имеет сигарообразную форму, состоит из скальных пород и достигает двадцати миль в длину. Это и легло в основу плана, величайшего плана из всех, осуществленных человечеством за его историю. У истоков его стоял человек, которого называли Великим Властителем, но который теперь по праву носит титул Великого Создателя. Кто, кроме него, был бы способен задумать проект, на одну только подготовку к которому ушло шестьдесят лет? И на осуществление которого нужно шесть столетий?

Эрос, приблизившись к Земле, обрел новую судьбу. Крошечные по сравнению с ним корабли, управляемые совсем уж микроскопическими людьми, преодолели безвоздушное пространство, чтобы начать великую работу. Сначала глубоко в скале люди вырубили жилища для себя — ведь многие из них собирались оставаться здесь всю свою жизнь. Затем настала очередь невероятно огромной полости, в которой должна была поселиться мечта...

БАКИ ДЛЯ ГОРЮЧЕГО так велики, что на их заполнение требуется шестнадцать лет. Какова масса горы в двадцать миль длиной? Она сама и является рабочим телом, горючее нужно для того, чтобы выбрасывать вещество: тогда вся малая планета придет в движение и устремится прочь от Солнца, спутником которого она была миллиарды лет, умчится от него навсегда...

АЦТЕКИ — народ, выбранный после длительных исследований из всех примитивных племен Земли. Про-

стая, самодостаточная культура, с обилием богов, безразличная к благам земным. Культура, оказавшаяся настолько устойчивой, что по сей день существуют затерянные горные деревушки, куда не доберешься иначе чем пешком по узким тропам, обитатели которых ведут такую же жизнь, как и много столетий назад, когда испанские конкистадоры завоевывали континент. Выращивая единственный злак — маис, — они посвящают этому почти все свое время; маис в основном удовлетворяет их потребности в пище. Стол ацтеков преимущественно вегетарианский, с небольшими добавками мяса и рыбы, когда они доступны; из растения магу изготавливается галлюциногенный напиток. Ацтеки видят богов и духов во всем: в воде, деревьях, скалах. Пантеон богов необыкновенно развит и велик: Тецатлипока, повелитель небес; Микстек, бог смерти; Миктлатекутли, повелитель подземного мира и душ умерших. Ацтеки — народ, живущий тяжелым трудом, со своей всепроникающей религией, с совершенной и гибкой культурой. Народ, все особенности жизни которого воспроизведены в созданной внутри астероида долине, — все, вплоть до мельчайших: ибо кто может гарантировать, устранение какого элемента культуры безвредно для нее, а какого — приведет к распаду? Поэтому культура ацтеков перенесена в долину в своей целостности — она должна сохраниться на протяжении пяти столетий. Лишь немногие фактические сведения добавлены к знаниям ацтеков — умение писать, основы космогонии. Это понадобится ацтекам, когда путешествие будет закончено и их дети осуществят предначертанное.

ЦЕПИ ДНК — сложные переплетающиеся спирали, состоящие из невообразимо большого числа звеньев. Они — основа жизни, обеспечивающая правильное строение и функционирование любого органа — от щетинки на ножке блохи до всего организма двадцатитонного кита. На их развитие ушли миллиарды лет, и столетия понадобились для того, чтобы разобраться в их строении. Этот ген отвечает за рыжий цвет волос? Замените его вон тем, и ребенок родится черноволосым. Генная хирургия, генетический отбор, тончайшие операции над мельчайшими кирпичиками жизни — для того, чтобы перестроить живой организм, улучшить, создать новые качества...

ГЕНИАЛЬНОСТЬ — исключительная природная способность к творчеству, высочайший интеллектуальный уровень. Поскольку это врожденное качество, оно определяется генами, цепями ДНК. Гении представлены в значительном количестве в каждом поколении людей, поэтому их ДНК может быть сохранена. Более того, цепи ДНК разных людей могут быть объединены. Дети, рожденные с такой наследственностью, будут гениальны — это гарантировано. Каждый из них, хотя, возможно, гениальность данного индивида окажется скрытой: любая способность, или качество, может быть представлена как доминантным, так и рецессивным геном. Например, пес-отец — черный, у него ген, ответственный за черный цвет, доминантный, за белый — рецессивный; то же самое относительно собаки-матери. Гены, ответственные за цвет потомства этих родителей — ЧБ и ЧБ; согласно учению знаменитого Менделя, из них возможны четыре сочетания: ЧЧ, ЧБ, БЧ и ББ, так что если родится четыре щенка, один из них — обладатель сочетания ББ — окажется белым, чего не было в предыдущем поколении. Можно ли искусственным путем превратить доминантный ген в рецессивный? Да, это возможно. Именно это и было сделано применительно к гениальности. Соответствующий ген был связан с геном тупости, и эта комбинация, с некоторым различием, передана двум группам людей. Пока эти группы не смешиваются, их представители ограничены, пассивны, покорны. Внутри каждой группы поколение за поколением будут рождаться послушные и ограниченные дети. И каждый такой ребенок будет нести в себе связанный доминантный ген гениальности, не востребованный и ждущий своего часа. Потом, когда придет день — должный день, — две группы встретятся, смешаются, заключат браки между собой. Цепи падут. Связанный доминантный ген не будет больше рецессивным, он снова станет доминантным. Дети, которые родятся, будут непохожи на своих родителей. Это будут гениальные дети.

Как же много всего нужно усвоить. Пока длилась эта записанная на пленку лекция, Чимал в любой момент мог нажать кнопку, если хотел задать вопрос — тогда изображение и звук прерывались и машина выда-

вала список источников, из которых можно почерпнуть необходимые сведения. Иногда это оказывались такие же записанные на пленку лекции, а иногда — указания на определенные книги из библиотеки.

Библиотека была для Чимала целой неисследованной вселенной. Большинство книг в ней хранилось в виде микрофильмов, но были и настоящие переплетенные тома основополагающих трудов. Когда его голова и глаза начинали болеть от напряжения, он принимался бродить по библиотеке, наугад вытаскивая с полки книги и перелистывая их.

До чего же сложным оказалось человеческое тело: прозрачные страницы анатомического атласа, переворачиваясь, открывали ему различные органы, как если бы Чимал видел их в натуре.

А звезды — они действительно гигантские шары пылающего газа: Чимал нашел таблицы с указанием их размеров и температуры, с описанием туманностей, звездных скоплений, облаков газа. Вселенная была невообразимо велика, а ведь было время, когда он считал ее сплошной скалой!

Оставив очередной раз книгу по астрономии раскрытой на столе, Чимал откинулся в кресле и потянулся; ему все время приходилось протирать воспалившиеся от напряжения глаза. Теперь он приносил с собой термос с чаем, так что, отдыхая, можно было прихлебывать напиток. Книга раскрылась на изображении великой туманности Андромеды, похожей на гигантское колесо света на фоне испещренного звездами неба. Звезды. Среди них есть одна, которой следовало бы поинтересоваться — та, имя которой прозвучало, когда начиналось обучение Чимала. Как же она называется? За это время пришлось запомнить так много нового... Проксима Центавра! До нее еще далеко, но Чимал ощутил внезапное желание увидеть цель путешествия своей плененной вселенной. В библиотеке были подробные звездные карты, по ним не так уж трудно найти именно это светило. Надо поискать их в библиотеке, а заодно и размяться: его тело болело от непривычного многочасового сидения за столом.

Как приятно снова пройтись быстрым шагом, даже пробежать несколько шагов по длинному проходу! Сколько же дней прошло с тех пор, как он впервые вошел в обсервационный зал? Он не мог вспомнить точно, а

записей не вел. Не обзавестись ли ему деусом, подобно всем остальным? Но уж очень это кровавый и болезненный способ отсчитывать дни. Обычай казался ему бессмысленным, как и многие другие действия наблюдателей, хотя и был столь важен для них. Казалось, причиняя себе ритуальную боль, они наслаждаются ею. Возвращаясь в обсервационный зал, Чимал распахнул массивные двери и вновь увидел межзвездное пространство — столь же впечатляющее, как и при первом знакомстве.

Искать обозначенную на карте звезду в небе было трудно. Прежде всего, созвездия не сохраняли своего относительно постоянного положения, как в небе над долиной: они проплывали перед глазами Чимала в своем вечном величественном шествии. За несколько минут их расположение менялось так же, как в долине со сменой времен года. Едва Чимал успевал найти знакомое созвездие, как оно уже скрывалось из виду, и приходилось начинать все сначала...

Когда в зал вошел главный смотритель, Чимал даже обрадовался предлогу прекратить поиски.

— Прости, что я беспокою тебя...

— Да нет, что ты. У меня ничего не получается с этой картой, только голова разболелась.

— Тогда можно мне попросить тебя о помощи?

— Конечно. В чем дело?

— Ты сам поймешь, когда увидишь. Пойдем.

Лицо главного смотрителя прорезало еще больше морщин, хотя такое и казалось Чималу уже невозможным. Пытаясь поддерживать разговор, он получал вежливые, но краткие ответы. Старик явно был чем-то очень озабочен. Ну что же, скоро выяснится, что случилось.

Они спустились на уровень, где Чималу еще не приходилось бывать, и сели в ожидающую их машину. Ехать пришлось долго, дольше, чем во все предыдущие разы, и главный смотритель всю дорогу молчал. Чимал смотрел на проносящиеся мимо стены и наконец не выдержал:

— Мы далеко едем?

— Да. На корму, к машинному отделению, — кивнул главный смотритель. Хотя Чимал и знакомился с планами расположения различных служб внутри астероида, он все еще ориентировался по тому, как они

соотносились с его родной долиной. То, что наблюдатели называли носом и где находился обсервационный зал, было на севере, далеко за пределами болота. Тогда, значит, корма расположена к югу от водопада, с другой стороны долины. Чималу было интересно увидеть, что же там такое.

Машина остановилась у пересечения с туннелем, и старик подвел Чимала к одной из многих одинаковых дверей; там их ждал человек в красной одежде зрителя. Не говоря ни слова, он распахнул перед ними дверь. Это была жилая каюта. К вентиляционной решетке в потолке была привязана веревка с петлей на конце, и в петле висел человек в черном. Позвонок его шеи выдержали, и он умер медленной и мучительной смертью от удушья. Наверное, он провисел уже несколько дней: его тело вытянулось, и ноги почти доставали до пола, рядом с опрокинутым стулом. Наблюдатели отвернулись от этой картины, но Чимал, привычный к виду смерти, смотрел на повешенного достаточно спокойно.

— Что я должен делать? — спросил Чимал, предполагая, что его могли позвать в качестве могильщика.

— Он был помощником смотрителя воздуха и последнее время работал в одиночку, потому что смотритель воздуха умер, а новый еще не назначен. Книга инструкций здесь, на письменном столе. Похоже, в его хозяйстве возникли какие-то неполадки, и он не мог с ними справиться. Глупец, вместо того чтобы сообщить об этом, покончил с собой.

Чимал взял со стола потрепанную, в пятнах машинного масла книгу и пролистал ее. Там были диаграммы, показания приборов, инструкции, которым надлежало следовать. Чимал так и не смог понять, что же так встревожило погибшего техника. Главный смотритель показал ему на дверь в помещение рядом, откуда доносился звук зуммера и где все время вспыхивал красный сигнал тревоги.

— Это предупреждение о неисправности. Смотритель воздуха обязан, как только услышит сигнал тревоги, немедленно сделать необходимый ремонт, а потом доложить мне в письменной форме. Я такого отчета не получал.

— Сигнал тревоги все еще звучит. У меня сильное подозрение, что этот техник не смог устранить неисправность, запаниковал и решил уйти в мир иной.

Главный смотритель кивнул еще более мрачно.

— Такая неприятная мысль возникла и у меня, когда мне доложили о происшедшем. Я беспокоился с тех пор, как прежний смотритель умер таким молодым, едва достигнув ста десяти лет, и вся ответственность легла на его помощника. Смотритель воздуха никогда не был о нем высокого мнения, и мы собирались готовить нового смотрителя.

Внезапно до Чимала дошел смысл происходящего.

— Так теперь нет никого, кто знал бы, как исправить неполадку? А речь ведь идет о механизмах, производящих воздух для нас всех?

— Да.

Главный смотритель провел Чимала через массивную двойную дверь в большое гулкое помещение. Вдоль стен выстроились высокие резервуары; к основаниям каждого из них были подключены какие-то блестящие аппараты. Толстые трубы уходили в пол, и над всем стоял неумолчный гул и завывание моторов.

— Эти машины снабжают всех воздухом? — спросил Чимал.

— Нет, все совсем не так. Ты можешь прочесть об этом в книге: производство воздуха каким-то образом связано с зелеными растениями, которые специально для этого выращиваются в оранжереях. Эти механизмы делают с воздухом что-то другое, но тоже очень важное — что именно, я не знаю.

— Не могу обещать, что помогу, но сделаю все, на что окажусь способен. А пока не позвать ли кого-нибудь, кто умеет с этим работать?

— Никто не умеет, конечно. Никому и в голову не придет делать что-то, кроме предписанного. Вся ответственность на мне. Я просматривал эту книгу, но многое в ней мне непонятно. Я стар, слишком стар, чтобы чему-то учиться. Молодой наблюдатель сейчас обучается работе смотрителя воздуха, но пройдут еще годы, прежде чем он сможет здесь работать. Тогда может быть уже слишком поздно.

Ощущая груз свалившейся на него ответственности, Чимал раскрыл книгу. В первой части излагались общие сведения по очистке воздуха, и Чимал только просмотрел эти главы. Он прочтет этот раздел более внимательно, когда получит общее представление о назначении механизмов. В главе «Аппаратура» было двенадцать

параграфов, обозначенных большими красными цифрами. Те же цифры значились на табличках, прикрепленных к разным механизмам, и Чимал заключил, что описание каждого из них находится в соответствующем параграфе. Осматривая оборудование, Чимал обнаружил, что красный сигнал тревоги мигает на механизме номер пять. Подойдя поближе, он прочел под красной лампочкой слово «авария». Раскрыв книгу на параграфе номер пять, Чимал погрузился в чтение.

«Очистные сооружения. Удаление следов загрязняющих агентов. Жизнедеятельность живых организмов, работа механизмов и многие другие процессы приводят к появлению газообразных загрязнений и взвешенных частиц. Количество этих агентов невелико, но со временем они накапливаются. Данный аппарат удаляет из воздуха загрязнения такого рода, поскольку по прошествии лет они могут представить опасность. Воздух прогоняется сквозь химический фильтр, абсорбирующий их...»

Чимал читал дальше с интересом, пока не дошел до конца параграфа. Этот резервуар, похоже, был сконструирован так, что мог работать без вмешательства человека на протяжении столетий; однако книга рекомендовала наблюдение и уход за ним. На основании резервуара была табличка с инструкциями по обслуживанию, и Чимал нагнулся, чтобы их прочесть. Еще одна лампочка вспыхивала рядом со шкалой прибора; надпись под ней гласила: «Заменить химикаты». Тем не менее стрелка стояла на значении «максимальная химическая активность» — как ей и было положено, согласно книге, если аппаратура функционирует нормально.

— Кто я такой, чтобы оспаривать показания машины? — сказал Чимал главному зрителю, следовавшему за ним по пятам. — Но, с другой стороны, перезарядка — совсем простая процедура. Она происходит автоматически, если нажать эту кнопку. Если автоматика не работает, то же самое можно сделать вручную. Посмотрим, что получится.

И он нажал кнопку.

Загорелась лампочка, сигнализирующая о начале перезарядки, включились реле. Раздался приглушенный поющий звук, исходящий, казалось, из глубин резервуара, и в ту же секунду стрелка на шкале метнулась в красную зону, обозначающую истощение химикатов

фильтра. Главный смотритель, шевеля губами и щурясь, прочел надпись у красного конца шкалы и в ужасе поднял глаза на Чимала.

— Что же это? Стало хуже, а не лучше. Происходит что-то ужасное.

— Не думаю, — рассеянно ответил Чимал, перечитывая параграф в книге. — Тут сказано, что химикаты нужно периодически заменять. Для этого, как мне кажется, сначала удаляются отработанные химикаты, и именно поэтому стрелка на шкале отклоняется в красную зону. Ведь наверняка отсутствие фильтра оказывает то же действие, что и выход его из строя.

— Твои рассуждения абстрактны, мне трудно их понять. Я рад, что ты здесь, Первопроходец, по воле Великого Создателя. Без тебя мы ничего не смогли бы сделать.

— Сначала посмотрим, что из этого получится. Пока что я просто следовал указаниям книги, и передо мной не вставало никаких проблем. Смотри, новые химикаты, наверное, уже поступили в фильтр, и теперь стрелка возвращается к верхней отметке: «максимальная химическая активность». Похоже, только в этом и была неисправность.

Главный смотритель с прежним страхом показал на вспыхивающий сигнал тревоги:

— И все-таки — это продолжается. С воздухом по-прежнему что-то не в порядке.

— Дело не в воздухе — дело в машине. Она перезаряжена, новые химикаты работают как положено, так что единственное, что приходит на ум, — это, видимо, неисправен сам сигнал. — Чимал перевернул несколько страниц книги, пока не нашел то, что хотел. — Вот оно. Где здесь склад? Мне нужна деталь 167-R.

— Сюда.

На складе было множество полок, но детали на них все были пронумерованы по порядку, и Чимал с легкостью нашел нужное: деталь 167-R оказалась толстостенным цилиндром с рукояткой. На нем была красная этикетка с предостережением: **ОСТОРОЖНО! СЖАТЫЙ ГАЗ**. Чимал в соответствии с инструкцией осторожно повернул рукоятку. Раздалось громкое шипение, а когда оно стихло, крышка цилиндра легко отделилась. Чимал заглянул внутрь и обнаружил там блестящую металлическую коробочку, по форме похожую на кни-

гу. Там, где у книги был бы корешок, коробка имела ручку, а на противоположной стороне — ряд блестящих медных зажимов. Чимал не имел ни малейшего представления о том, какова ее функция.

— Теперь посмотрим, как это работает.

Следуя указаниям книги, Чимал нашел в боку резервуара рукоятку, помеченную *167-R*, так же как и та, что была на обнаруженной в цилиндре коробке. Когда он потянул за ручку, деталь вынулась легко, как книга с полки. Чимал отбросил ее и вставил на ее место новую.

— Сигнал тревоги погас, авария устранена, — голосом, дрожащим от волнения, объявил главный смотритель. — Тебе удалось то, что не удалось помощнику смотрителя воздуха.

Чимал поднял вынутую деталь и стал рассматривать ее, гадая, что же такое могло в ней испортиться.

— Ну, все было довольно просто. После перезарядки аппарат работал исправно, так что неполадка должна была быть в самом сигнале тревоги. Это все описано в соответствующем разделе книги. Какое-то реле включилось и не отключалось, хотя механизм был исправен, так что сигнал тревоги продолжал звучать. Техник должен был догадаться.

Нужно быть круглым дураком, чтобы не сообразить этого, добавил Чимал про себя. Не следует говорить плохо об умершем, но факт налицо.

Наблюдатели были по-своему так же тупы, как и ацтеки. Они были приспособлены к выполнению определенной функции, и только — совсем как жители долины.

3

— Мне очень жаль, но я все равно ничего не понимаю.

Наблюдательница Стил, хмурясь, вертела в руках листок с диаграммой в тщетной надежде, что, повернутое под другим углом, изображение раскроет свой смысл.

— Попробую объяснить тебе по-другому. — Чимал пошел в ванную за приспособлением, заранее приготовленным им на этот случай. Его апартаменты, как и у всех имеющих право на красное одеяние смотрителей, были просторными и хорошо оборудованными. Он вернулся с пластиковым контейнером, привязанным к концу прочной бечевки. — Что ты там видишь?

Девушка послушно наклонилась и заглянула в контейнер.

— Воду. Сосуд наполовину наполнен водой.

— Правильно. А что произойдет, если я опрокину его на бок?

— Ну... Вода прольется, конечно.

— Правильно.

Наблюдательница радостно улыбнулась, довольная своей догадливостью. Чимал поднял контейнер за привязанную к нему веревку.

— Говоришь, прольется. А если я тебе скажу, что могу повернуть контейнер на бок, не пролив ни капли?

Стил с благоговением смотрела на него, явно уверенная, что для него нет ничего невозможного. Чимал начал вращать контейнер на веревке все быстрее и быстрее, одновременно изменяя угол наклона его траектории до тех пор, пока контейнер не начал описывать окружность в вертикальной плоскости. Даже в верхней точке, когда отверстие контейнера смотрело вниз, из него не пролилось ни капли. Чимал начал уменьшать скорость вращения, и скоро контейнер снова стоял на полу.

— Теперь еще один вопрос, — сказал Чимал, беря со стола книгу. — Что будет, если я разожму руку и отпущу книгу?

— Она упадет на пол, — ответила девушка, исполненная гордости за то, что отвечает правильно на такое множество вопросов.

— Ты совершенно права. А теперь следи внимательно. Одна и та же сила заставляет книгу падать на пол, а воду оставаться во вращающемся сосуде — эта сила называется центробежной. Существует еще одна сила, которая на больших планетах действует так же: она называется тяготением; правда, трудно объяснить, как она действует. Важно запомнить одно: центробежная сила прижимает нас книзу, не дает взлететь в воздух. В ней причина того, что мы можем ходить по небу, глядя на долину над нашими головами.

— Я так ничего и не поняла, — призналась Стил.

— Но это же просто. Представь себе, что вместо веревки у меня вращающееся колесо. Если контейнер прикреплен к его ободу, вода останется в нем точно так же, как и когда я раскручиваю сосуд на веревке. А теперь представь, что к ободу колеса прикреплены два контейнера, один напротив другого — вода не прольет-

ся ни из одного из них. Дно каждого сосуда находится снизу относительно находящейся в нем воды — хотя направление «вниз» для обоих сосудов прямо противоположно. То же самое происходит и с нами, потому что наш каменный мир вращается. Так и получается, что пока ты в деревне, «низ» — земля у тебя под ногами, а когда ты на небе — поверхность неба. Понятно?

— Да, — кивнула наблюдательница, по-прежнему ничего не понимая, но желая угодить Чималу.

— Хорошо. Следующий шаг очень важен, поэтому я хочу, чтобы ты внимательно следила за моими рассуждениями. Если «низ» — у тебя под ногами на земле долины или тоже под ногами, но на небесной тверди, то тогда посередине между ними силы равны, но направлены в противоположные стороны, так что, если ты там окажешься, на тебя не будет действовать вообще никакая сила. Если бы удалось из деревни подняться на половину расстояния до неба, то там можно было бы просто парить.

— Но туда очень трудно попасть, если ты не птица. Даже птицам, я слышала, какое-то устройство не дает покинуть долину.

— Совершенно верно. По воздуху нам туда не добраться, но мы можем воспользоваться туннелем в скале. Долина лежит в выдолбленной в камне полости, и оба ее конца упираются в сплошную породу. Если есть туннель, ведущий как раз туда, — на ось вращения, как это называется в книге, то можно пройти по нему, а выйдя — парить в воздухе.

— Не думаю, что мне это понравилось бы.

— А мне понравится, я уверен. И я уже нашел на карте нужный туннель. Ты пойдешь со мной?

Наблюдательница Стил заколебалась. Ее не привлекали приключения подобного рода, но ведь желание Первопроходца — закон.

— Да, я пойду.

— Отлично. Отправимся прямо сейчас.

Книги, конечно, интересны, и Чималу нравилось учиться, но ему не хватало общения с людьми. Жители деревни всегда держались вместе. Стил была первым человеческим существом, встреченным им в этом новом для него мире, и они через многое прошли вместе. Конечно, она не блистала талантами, но старалась угодить.

Чимал уложил несколько пакетов с пищевыми концентратами и сосуд с водой в поясную сумку: он теперь носил ее постоянно, как и все наблюдатели. Там лежала рация, письменные принадлежности и некоторые мелкие инструменты.

— Нам нужно пройти по второй лестнице за столовой, — сообщил он Стил, и они отправились.

У подножия лестницы Стил настроила свой экзоскелет на подъем. Аппарат принял на себя большую часть ее веса и помогал ей переставлять ноги, снимая тем самым чрезмерную нагрузку на сердце. Чимал пошел медленнее, подстраиваясь под темп ее механических шагов. Они миновали семь уровней; лестница кончилась.

— Это верхний уровень, — сказала Стил, переключая экзоскелет на другой режим. — Я была здесь только один раз. Тут нет ничего, кроме кладовых.

— Есть, если верить плану.

Они шли по длинному коридору; скоро двери по бокам кончились, дальше стены были обработаны грубо. Стало прохладно: пол, в отличие от других туннелей, не подогревался, но толстые подошвы защищали их от холода. В торце коридора оказалась металлическая дверь с надписью большими красными буквами: **ТОЛЬКО ДЛЯ СМОТРИТЕЛЕЙ.**

— Мне нельзя туда входить, — сказала девушка.

— Можно, если я велю. В инструкции для зрителей сказано, что начальник может приказать наблюдателю войти в любое помещение, если в этом есть необходимость.

Чимал никогда не читал ничего подобного, но его спутнице совершенно незачем это знать.

— Конечно, тогда я могу пойти с тобой. Ты знаешь код?

Она указала на сложный цифровой замок, вделанный в дверь.

— Нет, на плане эта дверь не была обозначена как имеющая замок.

Это была первая запертая дверь, которую ему пришлось увидеть. Обычно правил и привычки к послушанию вполне хватало, чтобы не дать наблюдателям входить туда, куда им не положено. Чимал внимательно присмотрелся к замку и его креплениям.

— Его поставили когда-то позже — изначальная конструкция замка не предусматривала. — Он показал на

болты. — Кто-то просверлил отверстия в косяке и в самой двери и вставил его. — Чимал достал отвертку и вывинтил один шуруп. — Сработано грубо. Завернули их плохо.

Несколько минут — и замок, так и оставшийся запертым, лежал на полу туннеля. Дверь легко открылась. За ней оказалась маленькая комнатка с металлическими стенами.

— Что все это значит? — поинтересовалась Стил, вслед за Чималом входя в комнату.

— Не знаю. Подробностей на плане не было. Будем следовать инструкциям и посмотрим, что получится. — Он кивнул на надпись на стене. — Первое: закрыть дверь. Ну, это просто. Второе: крепко держаться за поручни.

Они ухватились за вделанные в стену на уровне пояса металлические скобы.

— Третье: повернуть указатель в нужном направлении.

Металлическая стрелка под надписью, вращающаяся на оси, указывала на слово «вниз». Чимал освободил одну руку и повернул ее так, что она стала указывать на слово «вверх». Как только он это сделал, послышалось гудение и комнатка целиком медленно поехала вверх.

— Прекрасно, — обрадовался Чимал, — нам не придется самим карабкаться вверх. Должно быть, эта машина укреплена в вертикальной шахте, и какой-то механизм перемещает ее вверх и вниз... Что случилось?

— Я... я не знаю, — задыхаясь, прошептала вцепившаяся обеими руками в скобу девушка. — Я чувствую себя так странно, так непривычно.

— Это точно. Ты чувствуешь себя более легкой. — Он засмеялся и подпрыгнул: для того чтобы опуститься на пол, ему понадобилось больше времени, чем обычно. — Центробежная сила уменьшается. Скоро она совсем исчезнет.

Стил, у которой, в отличие от него, такая перспектива не вызвала особого энтузиазма, словно приросла к скобе; она прижалась лбом к стене и закрыла глаза.

Путешествие продолжалось сравнительно недолго, и, когда кабина остановилась, Чимал оттолкнулся от пола и поплыл в воздухе.

— И правда — сила перестала действовать. Мы находимся на оси вращения.

Стил скрючилась, тяжело дыша и пытаясь бороться с тошнотой. Дверь открылась автоматически, и они увидели перед собой кольцевой коридор с металлическими поручнями, похожими на приподнятые рельсы, идущими по всей его длине. Здесь не было направления «вверх» или «вниз», и у Чимала закружилась голова, когда он попытался разобраться в этом.

— Пошли. Будем парить, а потом переместимся вдоль поручней и посмотрим, куда приведет нас туннель. Это должно быть несложно.

Девушка не двинулась с места. Он разжал ее руки и легонько подтолкнул вперед; этого движения оказалось достаточно, чтобы сам он отлетел к стене. Стил тихо вскрикнула и замахала руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Чимал попытался последовать за ней, но обнаружил, что это не так-то просто.

В конце концов Чимал нашел, что самый надежный способ передвижения — слегка сместиться вперед, а затем скользить вдоль поручня, придерживаясь за него. Наблюдательницу Стил все-таки вырвало; после этого она почувствовала себя немного лучше и была уже в состоянии следовать указаниям Чимала. Шаг за шагом они прошли весь коридор и добрались до двери, за которой оказалась шарообразная комната: из нее открывался вид на звезды.

— Я узнаю этот длинный инструмент! — взволнованно вскричал Чимал. — Это телескоп; если смотреть через него, далекие предметы кажутся больше. Его используют для изучения звезд. Интересно, а для чего остальные приборы?

Он совсем забыл о Стил, но она и не возражала. Обнаружив у одной из стен кушетку с привязными ремнями, благодаря которым можно было не беспокоиться о том, что любое движение унесет тебя к потолку, девушка устроилась на ней и закрыла глаза.

Чимал был так поглощен изучением инструкции к телескопу, что уже не замечал отсутствия силы тяжести. Объяснения были простыми и ясными и обещали много удивительного. За выступающим полусферическим окном медленно вращались вокруг неподвижного центра звезды: не с такой скоростью, как в обсервационном зале, и они не всходили и не закатывались, но все же перемещались. Чимал потянул на себя ручку управления, как предписывала инструкция, и внезапно

ощутил воздействие некой силы. Стил на кушетке застонала, но новое ощущение быстро прошло. Когда Чимал взглянул через дверь на туннель, по которому они пришли, ему показалось, что туннель кружится. Звезды же больше не перемещались. Похоже, что круглая комната теперь вращалась в направлении, противоположном вращению их мира, так что оказалась неподвижной по отношению к звездам. Неисповедимы чудеса Великого Создателя!

Для начала работы компьютеру требовались две точки отсчета: после этого он настраивался сам. Следуя инструкции, Чимал навел маленький вспомогательный телескоп на яркую красную звезду и, когда она оказалась в перекрестье линий тубуса, нажал кнопку спектрального анализа. В тот же миг на маленьком экране засветился ответ: Альдебаран. Недалеко от Альдебарана Чимал выбрал другую яркую звезду, входившую в созвездие, которое он узнал: созвездие Стрельца. Ее название оказалось Ригель. Входила ли она на самом деле в состав Стрельца? Узнать даже знакомые созвездия в бесконечности заполняющих небо сверкающих звезд было так трудно!

— Ты только посмотри! — обратился он к Стил, исполненный восхищения и гордости. — Ведь это же настоящее небо, настоящие звезды! — Она кинула быстрый взгляд, кивнула и снова закрыла глаза. — Представляешь, там за окном — космос, вакуум, там нет воздуха для дыхания; вообще ничего нет, кроме бесконечной пустоты. Как можно измерить расстояние до звезды — расстояние, которое и вообразить невозможно? И мы, наш мир — несемся от звезды к звезде, чтобы в один прекрасный день достичь цели. Ты знаешь, как называется солнце, к которому мы летим?

— Нас учили, но, боюсь, я забыла.

— Проксима Центавра. Так на древнем языке называется ближайшая звезда из созвездия Центавра. Хочешь посмотреть на нее? Какая возможность! Она прямо перед нами, машина ее найдет.

Очень внимательно он набрал код, дважды сверив цифры с приведенными в списке. Все правильно. Чимал нажал кнопку и откинулся назад.

Словно морда гигантского, что-то выискивающего животного, телескоп дрогнул и медленно повернулся. Чимал отошел и издали наблюдал за его величествен-

ным и точным движением; наконец телескоп снова застыл в неподвижности. Он был обращен куда-то вбок, почти перпендикулярно направлению к центру окна.

— Этого не может быть, — рассмеялся Чимал. — Если бы Проксима Центавра была так далеко в стороне, мы летели бы мимо нее...

Его руки дрожали, когда он вновь и вновь сверял заданные телескопу координаты со списком.

4

— Взгляни на эти цифры: все, что я хочу знать — это соответствуют ли они действительности.

Чимал положил бумаги на стол перед главным смотрителем.

— Я уже говорил тебе — я не слишком силен в математике. Для этого существуют машины.

Старик не смотрел ни на бумаги, ни на Чимала; взор его был устремлен куда-то вдаль, он сидел неподвижно, и только пальцы непроизвольно тербели край одежды.

— Я и принес тебе машинную распечатку. Посмотри и скажи, правильная ли она.

— Я уже немолод, а сейчас время молитв и отдыха. Оставь меня, пожалуйста.

— Нет. Сначала ответь мне. Ты ведь не хочешь отвечать, не так ли?

Упорное молчание старика окончательно лишило Чимала терпения. Он схватил деус, висевший на шее главного смотрителя, и резким рывком оборвал тонкую цепочку, на которой тот висел. Главный смотритель издал хриплый стон. Чимал бросил взгляд на цифры в углублениях.

— Сто восемьдесят шесть тысяч двести девяносто три... Ты знаешь, что означают эти цифры?

— Это... Это святотатство. Верни сейчас же.

— Мне говорили, что деус отсчитывает время пути в земных днях. Насколько я помню, год на Земле равен примерно 365 суткам.

Чимал швырнул деус на стол, и старик тут же схватил его и сжал в ладонях. Чимал вынул из поясной сумки дощечку для письма и стилус.

— Разделим... это не так уж трудно. В результате, — он подчеркнул полученную цифру и сунул дощечку под нос главному зрителю, — получается, что прошло более 510 лет с момента отбытия. По оценкам, приведенным в книгах, путешествие должно продлиться не более 500 лет; по поверьям ацтеков, они должны быть освобождены через пять столетий. Так что доказательств хватает. Я собственными глазами видел: мы больше не летим к Проксиме Центавра, наша цель лежит теперь где-то в окрестности созвездия Льва.

— Откуда ты знаешь?

— Я был в навигационной рубке и использовал телескоп. Ось вращения больше не указывает на Проксиму Центавра. Мы движемся куда-то в другом направлении.

— Все это очень сложные вопросы, — пробормотал старик, вытирая платком покрасневшие глаза. — Я не помню, какая связь существует между осью вращения и направлением движения.

— Зато я помню. И я все проверил, чтобы убедиться в этом. Чтобы навигационные приборы работали как следует, нужно, чтобы направление на Проксиму Центавра и ось вращения совпадали. Если происходит отклонение от курса, автоматы сами производят коррекцию — так что мы всегда движемся туда, куда смотрит главная ось. Это нельзя изменить. — Чимал щелкнул пальцами — ему в голову пришла неожиданная мысль. — А ведь мы можем направляться к другой звезде! А теперь скажи мне правду: что произошло?

Еще секунду главный зритель сидел выпрямившись, потом со вздохом поник в объятиях своего экзоскелета.

— Ничто не может скрыться от тебя, Первопроходец; теперь я понимаю это. Но я не хотел, чтобы ты узнал обо всем прежде, чем овладеешь полным знанием. Наверное, этот момент уже наступил, иначе ты не узнал бы о случившемся. — Старик щелкнул выключателем, сервомоторы заработали, и экзоскелет поднял его на ноги и помог пересечь комнату. — Здесь, в судовом журнале, записано решение совета зрителей. Я был тогда еще совсем юным, самым младшим из зрителей — все остальные давно уже мертвы. Как много лет прошло с тех пор? Точно не скажу, хотя я отлично помню все подробности. Это было деяние веры, понимания, доверия. — Главный зритель снова

сел, держа обеими руками книгу в красном переплете. Он смотрел на судовой журнал, но перед глазами у него стояли события того памятного дня. — Недели, месяцы понадобились нам, чтобы взвесить все факты и прийти к решению. То был торжественный, захватывающий дух момент. Главный смотритель встал и огласил результаты наблюдений. Приборы показывали, что мы начали торможение, нужно было ввести новые данные для того, чтобы выйти на орбиту вокруг звезды. Потом он зачитал сведения, полученные о планетах, вращающихся вокруг звезды, и все мы ощутили тревогу и огорчение. Планеты были непригодными для жизни, вот в чем была беда, абсолютно непригодными. Мы могли бы стать свидетелями Дня Прибытия, но мы нашли в себе силы побороть искушение. Мы должны были оправдать оказанное нам доверие и позаботиться о людях, вверенных нашему попечению. Когда главный смотритель объяснил нам это, мы все поняли, что нужно делать. Великий Создатель предусмотрел все: в случае, если бы у Проксимы Центавра не оказалось подходящих планет, корабль должен следовать к альфе Центавра. Или, может быть, к Волку-359 в созвездии Льва? Я забыл, ведь прошло так много лет. Но все о тех давних событиях записано здесь, в журнале. Как ни тяжело было принять такое решение, мы приняли его. Память о том дне я унесу с собой в могилу. Немногим выпадает шанс так исполнить свой долг.

— Могу я посмотреть записи? Когда вы приняли решение?

— Этот день вошел в историю. Смотри! — Старик улыбнулся и наугад раскрыл книгу на столе. — Видишь, она сама открывается там, где нужно. Я так часто перечитывал это место.

Чимал прочел запись. Она занимала меньше страницы — поистине, рекорд краткости для столь эпохального события.

— Здесь ничего не сказано о планетарных наблюдениях и нет обоснования решения, — удивился Чимал. — Нет никаких доказательств того, что планеты непригодны для жизни.

— Ну как же, в начале второго абзаца. Подожди, я процитирую тебе по памяти: «Таким образом, наши последующие действия основываются на данных наблюдений. Планеты непригодны».

— Но почему они признаны непригодными? Здесь не приведены обоснования.

— В этом не было нужды. Наше решение было продиктовано верой. Великий Создатель допускал, что у Проксимы Центавра мы не найдем подходящих планет — а разве Он не всеведущ? Если бы планеты годились, разве предоставил бы Он нам выбор? То, какое мы примем решение, было проверкой истинности нашей веры. Мы все посмотрели в телескоп и единодушно согласились в том, что планеты непригодны: они были малы, не светились подобно солнцу и очень далеко отстояли друг от друга. Совершенно очевидно, что они были непригодными.

Чимал резко поднялся, захлопнув книгу.

— Ты хочешь сказать, что вы приняли решение только на основании того, что увидели в телескоп, находясь еще в миллиардах миль от планетной системы? Что вы не вышли на стационарную орбиту, не совершили посадки, даже не сделали снимков?

— Я ничего не знаю об этих вещах. Должно быть, это то, что входит в обязанности первопроходцев. Мы не могли открыть выход из долины до тех пор, пока не убедились, что планеты подходят. Страшно подумать — что, если бы первопроходцы обнаружили непригодность планет! Это значило бы, что мы не выполнили свой долг. Нет, гораздо лучше было нам взять эту ответственность на себя. Мы ведь знали, как много зависит от нашего решения. Мы искали ответ в наших сердцах и нашли его. Планеты оказались непригодными.

— Так ваше решение было продиктовано одной только верой?

— Да, верой добродетельных и знающих свой долг людей. Иного пути не было, да мы и не искали его. Как могли мы ошибиться, пока оставались крепки в вере?

Чимал молча занес дату принятия решения на свою табличку и вернул судовой журнал главному смотрителю.

— Разве ты не согласен с тем, что мы приняли самое мудрое решение? — с улыбкой спросил его старик.

— Я думаю, что вы все сошли с ума, — ответил Чимал.

— Ты богохульствуешь! Почему ты сказал такое?

— Потому что вы ничего не знали о тех планетах, а решение, принятое не на основании фактов и знаний, просто суеверная чепуха.

— Я не намерен выслушивать подобные оскорбления — даже от Первопроходца. Со всем почтением прошу тебя покинуть мою комнату.

— Факты остаются фактами, а догадки — это всего лишь догадки. Если отбросить все это мумбо-джумбо и правдоверные бредни, ваше решение окажется просто безосновательным. Оно даже хуже чем просто догадка — это предположение, основанное на неполных данных. Вы, благочестивые идиоты, вообще не располагали фактами. А что сказали остальные по поводу вашего решения?

— Им ничего не было известно. Не их дело — принимать решения. Долг наблюдателей — служить, и им больше ничего не нужно. То, что сочли правильным зрители, хорошо и для всех остальных.

— Ну так я расскажу им, а потом найду компьютер и рассчитаю новый курс; мы еще можем повернуть.

Сервомоторы экзоскелета взвыли, когда старик резко выпрямился и встал, гневно уставив на Чимала палец:

— Ты не смеешь. Для них это знание запрещено. Я запрещаю тебе даже упоминать о нем, так же как и приближаться к компьютеру. Решение зрителей не может быть пересмотрено.

— Почему? Вы же обычные люди. К тому же люди, как оказалось, тупые и недалекие. Вы допустили ошибку, и я собираюсь ее исправить.

— Тем самым ты лишь докажешь, что ты вовсе не Первопроходец. Не знаю, кто ты на самом деле. Я должен прочесть инструкции, чтобы понять все это.

— Прочти, но только это меня не остановит. Мы поворачиваем.

Дверь за Чималом захлопнулась, но главный зритель еще долго стоял, глядя ему вслед. Когда он наконец принял решение, ему с трудом удалось сдержать стон отчаяния и ужаса. Но бремя ответственности требовало от него принятия трудных решений. Он взялся за рацию, чтобы отдать распоряжения.

Надпись на двери гласила: НАВИГАЦИОННАЯ РУБКА — ТОЛЬКО ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ. В момент своего открытия Чимал был так зол, что ему даже не пришло в голову найти это помещение и проверить полученную информацию. Нельзя сказать, чтобы те-

перь он успокоился, но гнев его стал холодным и подчиненным цели: Чимал сделает все, что должно быть сделано. Изучение плана корабля помогло ему найти рубку. Чимал толкнул дверь и вошел.

Рубка оказалась маленькой; все, что в ней было — это два кресла, компьютерный терминал и несколько справочников. На стене висела схема простейших операций по управлению компьютером. Терминал был рассчитан на одного оператора и выполнял команды, вводимые на обычном языке. Чимал пробежал глазами инструкцию, сел перед дисплеем и одним пальцем отстукал вопрос: НАШ КУРС — К ПРОКСИМЕ ЦЕНТАВРА?

Как только он нажал на клавишу «ответ», монитор мгновенно ожил; на экране засветилась надпись: НЕТ.

МИНОВАЛИ ЛИ МЫ ПРОКСИМУ ЦЕНТАВРА?

ВОПРОС НЕЯСЕН. СМОТРИ ИНСТРУКЦИЮ 13.

Чимал на секунду задумался и снова застучал по клавишам: МОЖЕТ ЛИ КУРС БЫТЬ ИЗМЕНЕН В НАПРАВЛЕНИИ ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА?

ДА.

Так-то лучше.

СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ПОТРЕБУЕТСЯ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА, ЕСЛИ КУРС БУДЕТ ИЗМЕНЕН НЕМЕДЛЕННО?

На этот раз, чтобы найти ответ, компьютеру понадобилось около трех секунд — машина должна была провести сложные расчеты с привлечением большого объема памяти.

РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ ПУТИ ДО ПРОКСИМЫ ЦЕНТАВРА — 17 432 ДНЯ, РАССТОЯНИЕ ОКОЛО 100 АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.

Чимал быстро подсчитал: это меньше пятидесяти лет. Если произвести поворот сейчас, они могут прибыть на место еще при его жизни!

Но как? Как заставить зрителей изменить курс? Может быть, если бы ему не мешали, он и сам смог бы справиться, используя инструкции и справочники. Но только при активном сопротивлении зрителей об этом нечего и думать. Одни увещевания тут не помогут. Как же быть? Что сделать, чтобы они повернули корабль, хотя бы они этого или нет? Насилие не годится: ведь нельзя же захватить всех зрителей и заставить их выполнить необходимые действия: наблюдатели вос-

противятся такому террору. Не мог он и просто убить их: такая мысль была ему отвратительна, хотя ему и хотелось сорвать зло на чем-нибудь.

Машина для очистки воздуха? Тот резервуар, который он налаживал — он ведь необходим для жизни корабля, хотя и не сразу, а через какой-то промежуток времени. Если как-нибудь повредить его, то никто, кроме Чимала, починить его не сможет. А он не возьмется за работу, пока курс не будет изменен и они не устремятся к ближайшей звезде

Да, так и надо поступить. Чимал выбежал в коридор и увидел, что к нему спешат насколько это позволяют экзоскелеты, главный смотритель и несколько охранников. Не обращая внимания на их крики, Чимал бросился бежать в противоположном направлении, легко уйдя от погони. Со всей доступной ему быстротой, выбирая самый короткий путь, он мчался к туннелю, ведущему к воздушным машинам.

Туннель был пуст. Ни одной машины.

Идти пешком? На это потребуется несколько часов — ведь нужно преодолеть расстояние, равное длине долины. И если за ним в догонку пошлют машину, скрыться не удастся. Ему обязательно нужна машина — но сможет ли он ее вызвать? Если наблюдатели уже предупреждены, он только выдаст себя.

Времени на размышления не оставалось. Скорее всего, наблюдатели еще ничего не знают — сообщать им что-либо не в привычках главного смотрителя. Чимал подошел к переговорному устройству на стене.

— Говорит Первопроходец. Мне немедленно нужна машина на станции 187

На другом конце провода воцарилось секундное молчание, затем голос произнес.

— Приказание принято к исполнению. Машина прибудет через несколько минут

Прибудет ли? Или наблюдатель доложит о вызове смотрителям? Чимал шагал туда-сюда по коридору, мучимый сомнениями; но ничего больше не оставалось, только ждать. Наконец появилась машина — прошло всего несколько минут, но Чималу они показались вечностью.

— Прикажешь отвезти тебя? спросил водитель.

— Нет, я справлюсь сам.

Человек выбрался из-за руля и почтительно отсалютовал вслед удаляющейся машине. Путь был свободен. Даже если водитель донесет на него, Чимал доберется до места первым. Если он будет работать быстро, то управится до появления преследователей. А сейчас, пока он едет, нужно разработать план действий. Аппараты для очистки воздуха столь велики, что на их серьезное повреждение уйдет слишком много времени. А вот панель управления меньше и сработана не так капитально. Пожалуй, достаточно будет сломать или вынуть из нее какую-нибудь деталь. Смотрители не смогут починить прибор без его помощи. Но прежде чем что-нибудь разрушить, необходимо убедиться в наличии запасных частей. Просто отсоединить деталь мало — главный смотритель, если постарается, поймет, чего не хватает, и найдет замену. Придется ломать.

Когда машина со скрежетом остановилась у конца туннеля, Чимал выскочил из нее: каждое движение было им обдуманно заранее. Первым делом справочник. Он лежал там, где Чимал его оставил. В помещении никого не было — новый техник явно еще не назначен. Отлично. Теперь найти нужную диаграмму, посмотреть номера деталей.

Не отрываясь от книги, Чимал прошел на склад. Вот они, шкалы и выключатели от панели. Больше десяти каждой разновидности. Да, Великий Создатель все хорошо продумал и обеспечил запасы с избытком. Одного только он не предусмотрел — саботажа. В качестве дополнительной предосторожности Чимал собрал все запасные части к панели, отнес их в другое складское помещение и запрятал за целой горой тяжелых труб. Теперь можно заняться разрушением.

Большой — с его руку длиной — тяжелый гаечный ключ вполне подойдет для этой цели. Чимал отнес его к резервуару, встал перед панелью и обеими руками поднял ключ. Так, первым делом застекленная шкала датчика давления. Чимал замахнулся ключом, как боевым топором, и обрушил его на прибор; раздался треск и звон разбитого стекла.

Тут же по всему помещению замигали красные лампочки, пронзительно завывала сирена и усиленный динамиком, громовой голос прорычал: **«ПРЕКРАТИ! НЕ МЕДЛЕННО ПРЕКРАТИ! ТЫ ПОРТИШЬ АППАРАТ! ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — ДРУ-**

ГОГО НЕ БУДЕТ!» Тревожные огни и предупреждения не остановят его — Чимал обрушил гаечный ключ снова. В тот же момент в потолке распахнулась металлическая дверца, подняв целое облако пыли. Из отверстия появилось дуло лазерного ружья, и вращающийся луч, как зеленый карандаш, очертил полукруг перед панелью управления

Чимал отскочил в сторону, но недостаточно быстро. Лазер обжег ему левый бок, руку, ногу, мгновенно спалив одежду и проникнув глубоко в тело. Чимал рухнул на пол, почти потеряв сознание от внезапного шока и боли.

Великий Создатель предвидел все — даже возможность саботажа. Чимал понял это слишком поздно.

Когда зрители ворвались в помещение, Чимал с трудом полз, оставляя за собой кровавый след. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но по знаку главного зрителя человек с баллоном за спиной и распылителем в руках нажал на кнопку, и Чимала окутало облако газа. Его голова тяжело ударилась о каменный пол

5

Пока он был без сознания, о нем заботились машины. Зрители сняли с него одежду и положили его на стол с приподнятыми бортиками. Они ввели описание его травм в машину и предоставили ей принимать решения. С этого момента вся операция проходила полностью под контролем автоматов.

Был сделан рентгеновский снимок, измерены артериальное давление, температура и другие показатели. Раны были сфотографированы и сразу вслед за этим обрызганы пеной, останавливающей кровотечение. Компьютер поставил диагноз и назначил лечение. Место анализатора занял металлический хирург. Аппарат повис над раной, окуляры его микроскопа разглядывали повреждения, многочисленные руки были в готовности. Робот обрабатывал одновременно лишь крохотный участок поверхности, и все же, подчиняясь командам компьютера, он работал неизмеримо быстрее любого самого опытного хирурга-человека. Инструменты мелькали с молниеносной скоростью: пена была убрана, поверхность раны очищена, обгоревшие ткани удалены. По-

врежденное место робот обработал специальным клеем вместо повязки, который одновременно способствовал заживлению; сверкающие инструменты побежали вниз по руке Чимала, сшивая разорванные сухожилия, соединяя рассеченные нервы. Затем робот-хирург переключился на бок Чимала, по которому полоснул луч лазера — к счастью, он задел только мышцы и не повредил внутренние органы. Последней была обработана самая незначительная рана — ожог на бедре.

Придя в себя, Чимал никак не мог вспомнить, что с ним произошло и почему он находится в госпитале. Он получил большую дозу обезболивающих лекарств и поэтому не чувствовал боли, но голова у него кружилась и не было сил даже перевернуться на другой бок.

Когда же память вернулась к нему, вместе с ней пришла горечь поражения. Бесконечный полет в никуда будет продолжаться. Правоверные зрители никогда не решатся что-либо изменить. Похоже, что Великий Создатель совершил одну-единственную ошибку: он все слишком хорошо спланировал. Наблюдатели полностью поглощены своей работой, она им в радость — конечно, они и не подумают сделать то, что положит ей конец. Если они когда-нибудь и долетят до другой звезды, ее планеты снова будут признаны непригодными. У него был единственный шанс положить конец их путешествию — и он не сумел им воспользоваться. Больше такой возможности не будет — уж зрители позаботятся об этом, так же как и о том, чтобы другой Чимал никогда не появился. Предостережение будет принято к сведению. Если и родятся дети — потомки жителей разных деревень, они не будут здесь желанными гостями. Не исключено, что боги наметают верховному жрецу, что такая жертва была бы им приятна.

Механическая сиделка заметила, что Чимал пришел в себя; она извлекла из его вены иглу, через которую поступали питательные вещества, и протянула ему чашку с бульоном.

— Пожалуйста, открой рот, — произнес нежный, записанный на пленку голос девушки, жившей столетия назад; изогнутый конец трубки опустился в чашку, другой коснулся его губ. Чимал послушно открыл рот.

Робот, по-видимому, доложил о том, что пациент в сознании; дверь распахнулась, и вошел главный смотритель.

— Почему ты совершил этот невероятный поступок? Никто из нас не может этого понять. Пройдут месяцы, прежде чем мы сможем устранить поломку — ведь тебе мы больше доверять не можем.

— Я сделал это, чтобы заставить вас изменить курс. Ради этого я готов на все. Если мы сейчас повернем, то достигнем Проксимы Центавра меньше чем за пятьдесят лет. Возможность исследовать планеты — это все, о чем я прошу. Тебе даже не нужно никому, кроме зрителей, ничего говорить. Ты сделаешь это?

— Ну же, не останавливайся, — ласково пожурил его нежный голос, — ты должен выпить все до последней капли. Слышишь?

Никто не обратил на него внимания.

— Нет. Конечно, нет. Я не вправе поступить так. Решение было принято, записано, и я не могу даже думать о том, чтобы его изменить. И не проси меня об этом.

Я прошу тебя, заклинаю — во имя человечности! Положи конец столетиям рабства, страха, смерти. Освободи свой собственный народ от гнета, лежащего на нем.

— Что за безумные вещи ты говоришь!

— Правду. Посмотри на моих соплеменников — их короткая жизнь полна насилия и суеверий, их численность контролируется ядовитыми змеями. Ведь это же чудовищно! А твой собственный хилый народ — несчастные, истязавшие себя женщины вроде наблюдательницы Стил, лишенные всяких признаков своего пола! Извращенные настолько, что ненавидят материнство и находят наслаждение в боли! Ты можешь освободить их всех.

— Остановись, — поднял руку главный зритель. Я не желаю больше слушать эти богохульственные речи. Наш мир совершенен, по воле Великого Создателя, и даже говорить о том, чтобы изменить его преступно. Много часов я размышлял, что делать с тобой, совещался с другими зрителями, и мы пришли к решению.

— Убить меня и заставить замолчать навеки?

— Нет, так поступить мы не можем. Несмотря на свою дикость — результат воспитания среди жителей долины, — ты все же Первопроходец. И ты действительно станешь им — так мы решили.

— Что за бред?

Чимал устал спорить. Он оттолкнул чашу с недопитым бульоном и закрыл глаза.

— Согласно схемам, в углублениях во внешней оболочке нашего мира находятся пять объектов, называемых «космические корабли». В справочниках есть их подробное описание, они предназначены для путешествий к тем планетам, которые предполагается заселить. Мы поместим тебя в один из таких кораблей, и ты улетишь. Ты хотел отправиться к планетам — ты сможешь удовлетворить это желание. Ты же Первопроходец.

— Убирайся, — устало произнес Чимал. — Ну да, вы сохраните мне жизнь, только отправите меня в изгнание, обрекая на пятидесятилетнее путешествие и одиночество до конца жизни — в корабле, который, вероятно, не приспособлен для обеспечения человека продовольствием и воздухом на столь длительный срок. Уйди, низкий лицемер.

— Медицинский автомат сообщил мне, что через десять дней ты поправишься и сможешь встать с постели. Для тебя будет приготовлен экзоскелет — он поможет тебе двигаться. Через десять дней за тобой придут смотрители и проводят на корабль. Если понадобится, тебя усыпят и отнесут туда — ты улетишь, как бы ты ни сопротивлялся. Я не буду при этом присутствовать: видеть тебя я больше не желаю. Я не хочу даже прощаться с тобой — ты оказался тяжелым испытанием для меня, ты произносил столь богохульные речи, что я не смогу забыть этого до конца жизни. Ты — само зло.

Старик повернулся и вышел, едва закончив фразу.

Десять дней, размышлял Чимал на пороге сна. Десять дней. Что можно успеть за это время? Что вообще можно сделать? Наступает конец всей трагедии. Если бы только можно было показать наблюдателям убожество их существования! Даже жизнь, которую ведут ацтеки, пусть короткая, пусть несчастливая, все же лучше этого прозябания. Ах, если бы можно было взломать этот термитник, чтобы люди долины увидели этих существ, прячущихся, подсматривающих и отдающих приказы!

Глаза Чимала широко раскрылись, и он сел в постели, не отдавая себе в этом отчета.

«Ну конечно. Нужно впустить моих соплеменников в пещеры. Тогда у зрителей не останется выбора — придется вернуться на курс к Проксиме Центавра».

Он откинулся на подушки. За десять дней он должен составить план, решить, что делать в первую очередь.

Четыре дня спустя экзоскелет был готов, его принесли и поставили в углу палаты Чимала. Во время следующего сна Чимал заставил себя поползти до него: нужно было освоить управление и попрактиковаться. Управление оказалось простым и надежным, и каждую ночь после этого Чимал вставал с постели и упражнялся в передвижении с помощью экзоскелета: сначала еле ковылял, потом, несмотря на боль, стал ходить более уверенно. Аппетит у него стал лучше. Ему не требовалось десяти дней на выздоровление. Вероятно, компьютер рассчитал срок, ориентируясь на замедленный метаболизм наблюдателей, Чимал же поправлялся значительно быстрее.

У дверей его комнаты на страже все время стоял смотритель; Чимал слышал, как часовые переговаривались при смене караула. Внутри смотрители никогда не входили, предпочитая не иметь с ним дела. На девятую ночь Чимал поднялся и тихо оделся. Он был еще слаб, и экзоскелет очень пригодился, поскольку брал на себя большую часть нагрузки при ходьбе. Легкий стул оказался единственным оружием, которое можно было найти в комнате. Подняв его обеими руками, Чимал спрятался за дверью и завопил:

— Помогите! Кровотечение... я умираю... Помогите!

Ему пришлось кричать непрерывно и громко, чтобы заглушить голос механической сиделки, приказывавшей ему вернуться в постель для обследования. Наверное, где-то уже включился сигнал тревоги. Нужно действовать быстро. Где этот дурак смотритель? Сколько времени ему требуется, чтобы принять решение? Если он не появится сейчас же, придется идти за ним, а это опасно — он может быть вооружен.

Но тут дверь распахнулась, и Чимал обрушил стул на голову смотрителя, едва тот вошел. Человек со стоном рухнул на пол, но у Чимала не было времени даже глянуть на него. Что значит один человек по сравнению

с целым миром? Чимал выхватил лазерное ружье из его рук и бросился бежать так быстро, как только мог с помощью экзоскелета.

Свернув за угол, Чимал покинул больничный отсек; он хотел попасть во внешние коридоры, обычно — и уж тем более в этот поздний час — пустынные. До рассвета оставалось уже недолго — наблюдатели жили по тому же распорядку, что и жители долины — и Чималу была дорога каждая минута. Он выбрал окольный путь, а двигался он все же медленно.

К счастью, никто не догадается, что он задумал. Принимать решения может только главный смотритель, и они даются ему нелегко. Первое, о чем он подумает, — что Чимал решил завершить разрушение воздушных резервуаров; он отправит туда вооруженных наблюдателей. На это уйдет время. Время уйдет и на размышления, когда выяснится, что Чимала там нет. Потом начнутся поиски, и через какое-то время будет объявлена общая тревога. Как долго все это продлится? Невозможно рассчитать. Чимал надеялся, что у него есть хотя бы час. Если тревогу поднимут раньше, он будет сражаться — убивать, если это окажется необходимым. Кому-то придется умереть ради жизни следующих поколений.

Главный смотритель действовал даже медленнее, чем предполагал Чимал. Прошел почти час, прежде чем Чималу встретился хоть один человек, и тот явно был занят своей обычной работой. Увидев Чимала, наблюдатель был так поражен, что ничего не предпринял. Оказавшись за спиной бедолаги, Чимал обхватил сзади его шею и с помощью экзоскелета сильно сжал; человек потерял сознание. Теперь — вниз, в последний коридор.

Жизнь идет по кругу. Чимал снова был в туннеле, по которому когда-то делал первые робкие шаги в неизвестность подземного мира. Как он изменился с тех пор, как много узнал! Однако знания — ничто, если их нельзя применить на деле. Чимал подошел к концу туннеля как раз в тот момент, когда каменная дверь отворилась и на фоне голубого утреннего неба обрисовалась чудовищная фигура Коатлики со змеиными головами и клешнями вместо рук. Она надвигалась на него. Несмотря на все знания, сердце бешено заколотилось в груди Чимала. И все же он не остановился; он пошел навстречу богине.

Огромный камень бесшумно встал на место. Коатлики продолжала идти, глядя вперед остановившимися невидящими глазами. Она приблизилась к Чималу и прошла мимо него, развернулась в нише и застыла, неподвижная и бездействующая: до следующей ночи, когда снова нужно будет стоять на страже.

— Ты всего лишь машина, — сказал ей Чимал, — и ничего больше. Там, за твоей спиной, в шкафах — запчасти, инструменты и инструкции для работы с тобой. — Чимал обогнул богиню, взял справочник и прочел название. — И даже звать тебя вовсе не Коатлики, ты — **ТЕРМОРЕЦЕПТОРНЫЙ ПАТРУЛЬНЫЙ РОБОТ**. Теперь понятно, как мне удалось от тебя скрыться — как только я погрузился в воду, я стал недоступен твоим органам чувств.

Чимал раскрыл книгу. Хотя устройство робота Коатлики было весьма сложным, инструкции по управлению и ремонту, как всегда, оказались простыми и понятными. Сначала Чимал думал, что достаточно будет открыть дверь и выпустить Коатлики днем, однако, как выяснилось, можно было сделать гораздо больше. Следуя указаниям справочника, он открыл дверцу на спине робота и присоединил провод от переносного пульта управления: с этого момента автоматика отключалась, и машина начинала повиноваться командам оператора. Чимал включил пульт.

— Иди! — И богиня неуверенно двинулась вперед. — По кругу! — И Чимал нажал соответствующую кнопку: Коатлики послушно обошла вокруг Чимала, задевая за стены пещеры; ее змеиные головы доставали почти до потолка. Он может вывести ее в долину, может приказать ей все, что пожелает. Нет, не вывести! Есть гораздо лучший вариант. — На колени! — приказал он, и Коатлики повиновалась. Рассмеявшись, Чимал поставил ногу на ее согнутый локоть, влез на плечи и уселся; его ноги оказались рядом с ожерельем из высохших рук, а держаться ему пришлось за одну из жестких, покрытых металлической чешуей змеиных шей. — А теперь вперед. Мы отправляемся. Я — Чимал! — закричал он. — Тот, кто покинул долину и вернулся, тот, кто оседлал богиню!

При их приближении дверь автоматически открылась. Чимал остановил машину в проеме и принялся изучать устройство двери. Она открывалась и остава-

лась открытой, когда из стены выдвигались два толстых стержня. Если бы удалось расплавить их и согнуть не ломая, дверь осталась бы открытой и ее не скоро удалось бы починить. А то, что ему предстояло сделать в долине, не займет много времени. Чимал направил луч лазера на стержень; тот постепенно раскалился докрасна и внезапно прогнулся под тяжестью каменной двери. Чимал быстро отвел луч, дверь начала падать, но тут же остановилась, удерживаемая вторым стержнем. Первый погнутый стержень остыл, металл затвердел, и дверь оказалась заклиненной.

Чимал пришпорил своего необычного скакуна; головы Коатлики и змеи на ее одеянии громко шипели, но не могли заглушить торжествующий смех Чимала.

У выхода из расщелины Чимал остановил робота, глядя на долину со смешанными чувствами: до этой минуты он не осознавал, что будет рад вернуться обратно. Домой. Утренний туман еще висел над полями, тянущимися вдоль реки. Он растает, как только солнце покажется из-за гор. Чимал глубоко вдохнул чистый прохладный воздух, напоенный запахом свежей зелени. До чего же приятно снова оказаться на воле после затхлых мертвенных коридоров! Тут Чимал вспомнил, что долина — всего лишь часть полости, вырубленной в сплошной скале и окруженной туннелями; вспомнил он и о безмерной пустоте и звездах снаружи. Ему стало не по себе от этих мыслей, он поежился и прогнал воспоминания прочь. Его раны ныли: он все-таки слишком рано и слишком активно начал двигаться. Послушная его команде, богиня пошла вперед — вниз к реке, вброд через мелководье, к деревне.

Его соплеменники, наверное, еще только умываются, женщины готовят завтрак. Скоро крестьяне отправятся на поля; если он поторопится, он окажется там одновременно с ними. Поворот рычажка — и Коатлики перешла на рысь, немилосердно подбрасывая седока при каждом шаге. Чимал стиснул зубы и решил не обращать внимания на боль. Богиня бежала все быстрее, ее головы-близнецы и змеи на юбке трепыхались, их шипение стало оглушительным.

Чимал направил робота вдоль края долины, потом свернул на юг, к храму. Жрецы как раз должны заканчивать утренние молитвы, и он сможет застать их всех вместе. Вблизи пирамиды Чимал уменьшил скорость

Коатлики, шипение стало тише. Богиня величественно обогнула лестницу, и Чимал оказался лицом к лицу с собравшимися у храма жрецами.

Жрецы застыли на месте, словно окаменев. Обсидиановый нож с громким стуком выпал из руки пошатнувшегося от неожиданности Ицкоатля. Двигались одни только извивающиеся змеи Коатлики. Жрецы, не веря своим глазам, уставились на богиню и оседавшего ее Чимала.

— Вы согрешили! — вскричал Чимал, размахивая лазерным ружьем. Вряд ли они узнали его в возвышающейся над ними фигуре, облаченной в кроваво-красную одежду. — Коатлики жаждет мщения. В Квилапу, быстро. Бегом!

С устрашающим шипением богиня двинулась на жрецов; торопить их не понадобилось — жрецы повернулись и помчались к деревне, преследуемые по пятам змееголовым чудовищем. Они достигли Квилапы как раз в тот момент, когда ее жители отправлялись в поля — зрелище, открывшееся их глазам, заставило их остолбенеть. Чимал, не давая им собраться с мыслями, выкрикнул приказ: всем идти в Заачилу.

Чимал замедлил шаги Коатлики, когда она оказалась между деревенскими хижинами; жрецы смешались с перепутанными крестьянами, и они все вместе — мужчины, женщины, дети — хлынули на тропу, ведущую в Заачилу. Чимал не давал им остановиться, подгоняя толпу подобно демон-пастуху. Первые беглецы уже достигли Заачилы, слух о происшедшем пронесся по деревне. Не успел Чимал добраться туда, как обнаружил, что все жители долины обратились в паническое бегство.

— К болоту! — ревел Чимал, направляя толпу по убраным майсовым полям, вдоль посадок магу. — К скалам, к расщелине! Мне есть что показать вам!

Люди бежали в слепой панике, Чимал следовал за ними по пятам. Они уже почти достигли каменного завала, конец пути был близок. Еще несколько минут, и они ворвутся в туннели — это будет начало конца привычной жизни. Чимал смеялся и плакал, подгоняя соплеменников. Конец этому кошмару...

Впереди раздался и начал нарастать грохот, подобный раскатам грома. Каменная стена окуталась облаком пыли. Толпа замедлила свой бег и остановилась; люди

метались, не зная, от какой опасности спастись, в страхе отшатываясь от Коатлики, когда Чимал, охваченный ужасным предчувствием, рванулся к расщелине в скалах.

Он боялся признаться себе в том, что могло случиться. Слишком близка была его цель, чтобы теперь снова оказаться перед непреодолимой преградой. Подгоняемая Чималом, Коатлики бежала по тропе к расщелине — и застыла на месте перед новым каменным барьером, полностью скрывавшим дверь в скале.

Камешек с шуршанием скатился с вершины осыпи — единственный звук в мертвой тишине. Пыль медленно оседала. Больше не было входа в туннель, на его месте громоздились каменные глыбы.

И тут пришла тьма. Облака появились так внезапно, что, прежде чем люди это заметили, все небо оказалось затянуто черной грозовой тучей. Но еще до того как туча скрыла солнце, светило померкло и ледяной ветер пронесся по долине. Люди жались друг к другу, стеная в ужасе перед свалившимся на них несчастьем. Не спустились ли боги в долину, чтобы сражаться здесь между собой? Что происходит? Может быть, это конец света?

К тьме добавился ливень, смешанный с градом. Толпа стала разбегаться. Чимал, борясь со слепящей горечью поражения, повернул Коатлики следом за соплеменниками. Борьба еще не закончена. Можно найти другой выход из долины. Коатлики заставит людей помогать ему, их страх перед богиней сильнее боязни темноты и ливня.

Но совершив половину оборота, богиня замерла в неподвижности. Змеи застыли, их шипение оборвалось. Какое-то мгновение Коатлики балансировала на одной ноге, подняв вторую для шага вперед, потом остановилась окончательно. Подача энергии прекратилась, пульт управления стал бесполезным. Чимал медленно, преодолевая боль, спустился по мокрой и скользкой спине робота в жидкую грязь.

Только тут он осознал, что все еще сжимает в руке лазерное ружье. В бессильной ярости он направил его на каменный барьер и нажал курок. Но даже в этом слабом утешении ему было отказано: дождевая вода проникла в механизм и вывела его из строя. Чимал отбросил бесполезное оружие.

Дождь продолжал лить; самая темная ночь была бы светлее поглотившей долину тьмы.

6

Чимал сидел на берегу вздувшейся от ливня реки; невидимая в темноте вода с ревом проносилась мимо него. Он опустил голову на колени; правый бок, рука и нога горели: длительная ходьба не пошла на пользу его ранам. Судя по шуму, вода все прибывала, и если ему переходить вброд, то нужно делать это быстро, пока река не стала слишком глубокой. Особых причин стремиться на другой берег у Чимала не было — смерть ожидала его там столь же наверняка, как и здесь, — но все же там лежала Квилапа, его родная деревня.

Но когда Чимал с усилием попытался подняться, то обнаружил, что не может это сделать: вода проникла в экзоскелет, и короткие замыкания в электрических цепях сделали его почти неподвижным. Чималу с трудом удалось освободить одну руку, затем расстегнуть крепления. Наконец поднявшись, Чимал оставил экзоскелет лежать на земле, как сброшенную отслужившую свое в прошлой жизни оболочку, склонившуюся в вечном поклоне на берегу. Он вошел в реку, вода дошла ему сначала до колен, потом до пояса; ему приходилось нащупывать опору перед каждым шагом, не давая течению сбить себя с ног. Чимал знал: если не удастся сохранить равновесие, выплыть ему уже не хватит сил.

Шаг за шагом он продвигался вперед, преодолевая безжалостный напор воды; так легко было бы сдаться и позволить реке унести себя в небытие. Но мысль об этом — как и внезапное воспоминание о повесившемся помощнике зрителя воздуха — была ему отвратительна. Теперь вода снова доходила ему только до бедер, потом до колен. Переправа осталась позади. Прежде чем вылезти на берег, Чимал нагнулся, зачерпнул воды в пригоршни и жадно напился. Его все время мучила жажда, несмотря на дождь и холод, тело горело. О том, что стало с его ранами, лучше было не думать.

Идти больше некуда? Все кончено, навсегда? Чимал, пошатываясь, выпрямился и подставил лицо дождю. Что, если действительно существует Великий Созда-

тель, который следит за ним и воздвигает препятствия всюду, куда бы Чимал ни повернулся? Нет, это не может быть правдой. Он не может поддаться большому суеверию после того, как победил все малые. Этот мир задуман и создан людьми; Чимал сам читал их горделивые отчеты и прекрасно понимал их мысли. Ему даже было известно имя того, кого называли Великим Создателем; Чималу были известны и его цели. Все это записано в книгах, но только допускает двоякое толкование.

Чимал понимал, что проиграл по воле случая — и из-за своего невежества. Ему еще повезло, что он смог так далеко продвинуться. Человек не может достигнуть полной зрелости за несколько коротких месяцев. Он обрел знания, да; он узнал так много и так быстро; но думать он продолжал как деревенский житель: бей! беги! сражайся! умри! Если бы только он сумел сделать следующий шаг!

Если бы ему только удалось повести свой народ через расписной зал и золотой коридор к звездам!

Эта мысль, это видение принесло ему первый смутный луч надежды.

Чимал двинулся дальше. Он снова шел по долине в одиночестве, но, когда дождь прекратится и выглянет солнце, за ним начнется охота. Как преданно жрецы будут заботиться о его здоровье, чтобы сохранить его для пыток! Какие пытки они изобретут! Они, всегда внушавшие страх, теперь сами познали ужас, были обращены в бегство, заискивали. Их месть будет изобретательной!

Ну нет, они его не получают. Уж если раньше, ничего не зная, он сумел покинуть долину — теперь он сделает это снова. Теперь ему известно, что лежит за скальной стеной, где находятся входы в туннели и куда они ведут. Ведь должен же быть способ достичь одного из них. Впереди, на вершине утеса, был люк, рядом с которым он спрятал еду и воду. Если бы ему удалось добраться туда, он смог бы отдохнуть и найти убежище, обдумать свои планы.

Но, даже размышляя об этом, Чимал понимал, что на самом деле такое невозможно. Ему не удавалось влезть на скалы, когда он был здоров и полон сил. Стенам долины была придана такая форма, чтобы никто не мог покинуть долину этим путем. Даже уступ стервятников,

много ниже вершин утесов, был бы недостижим, если бы не случайность — брешь в выступе скалы.

Чимала вдруг разобрал смех, он остановился и хохотал так долго, что смех в конце концов перешел в кашель.

Вот он, путь! Так он сможет добраться до выхода. Теперь у Чимала была цель, и, несмотря на боль, он уверенно двинулся вперед сквозь дождь. К тому времени, когда он достиг стены долины, ливень сменился изморосью и небо посветлело. Боги показали свою власть: они ее вовсе не утратили. Раз так, то незачем затоплять долину.

Только они не были богами; они были людьми, слабыми и глупыми, чья работа закончилась, хотя они еще и не знали этого.

Сквозь пелену дождя Чимал мог различить темный силуэт пирамиды; там было тихо и ничто не двигалось. Если жрецы и вернулись, они попрятались в самых дальних покоех. Чимал улыбнулся и потер подбородок. Что ж, ему по крайней мере удалось напугать их так, что они этого никогда не забудут, о да! Может быть, это сойдет за расплату — очень маленькую расплату — за то, что они сделали с его матерью. Эти высокомерные, надменные глупцы никогда больше не будут так уверены в том, что их слово — закон для людей.

Добравшись до места, откуда нужно было начинать подъем к уступу стервятников, Чимал остановился передохнуть. Дождь прекратился, но долина все еще казалась озером влажного тумана. Его бок болел, и, когда он потрогал его, рука окрасилась кровью. Плохо, но он не позволит этому остановить себя. Нужно завершить подъем прежде, чем видимость улучшится, так чтобы ни жители долины, ни наблюдатели не смогли его обнаружить. Передающие камеры в небе сейчас бесполезны, но могли ведь быть другие, расположенные ближе, которые его засекут. Наверняка в туннелях сейчас царит неразбериха, и чем скорее он проникнет туда, тем больше шанс остаться незамеченным. Но он так устал! Чимал стоял, опершись руками о скалу.

Единственное воспоминание, которое у него сохранилось от этого подъема — это воспоминание о боли. Докрасна раскаленные иглы словно пронизывали все его тело, боль туманила глаза, почти не давая видеть. Его пальцы находили неровности в камне, за которые

можно уцепиться, сами по себе, ноги вслепую искали опору. Может быть, он поднимался как раз тем путем, что и в детстве — Чимал не знал. Боль была бесконечной, а скала скользкой от воды или крови — этого он тоже не знал. Когда наконец он перевалился через край уступа, стоять он не мог, да и двигался с трудом. Отталкиваясь ногами, Чимал прополз по жидкой грязи, покрывающей карниз, в глубь небольшой пещеры, к двери. Нужно спрятаться сбоку от нее, где его не будет видно через смотровое отверстие, но откуда он сможет напасть на того, кто придет кормить стервятников. Чимал с трудом уселся поудобнее, опираясь спиной о камень.

Если никто не появится в скором времени, все усилия окажутся напрасными. Подъем отнял у Чимала так много сил, что ему с трудом удавалось не потерять сознание. Но он должен. Должен быть начеку и атаковать сразу же, как дверь откроется. Должен проникнуть в туннели, напасть, победить. Если бы не усталость... Но ведь сейчас никто не придет, никому не будет дела до стервятников, пока в долине не восстановится порядок. Может быть, если сейчас он немного поспит, силы его восстановятся, и когда дверь откроется... До этого наверняка пройдет несколько часов, а то и целый день.

Размышления Чимала были прерваны дуновением ветерка: дверь в скале распахнулась.

Неожиданность этого, серая тяжесть усталости dokonали Чимала: он смог только вытаращить глаза на появившуюся в дверном проеме наблюдательницу Стил.

— Что происходит? — спросила она. — Ты должен объяснить мне, что все это значит

— Как ты меня нашла? С помощью экрана?

— Да. Мы наблюдали за странными вещами, происходящими в долине. До нас дошли слухи. Никто ничего точно не знает. Ты исчез, потом я узнала, что ты где-то в долине. Я включала все камеры по очереди, пока не нашла тебя. Что все-таки происходит? Объясни мне, пожалуйста. Никто из нас ничего не понимает, и это ужасно.

Ее лицо побледнело от страха: нет большего ужаса, чем беспорядок в мире, где все и всегда упорядоченно.

— Но что все-таки вам говорили? — спросил Чимал девушку, пока она вела его внутрь туннеля и усаживала в

машину. Закрыв дверь на уступ, она вынула из своей поясной сумки маленький сосуд и протянула его Чималу.

— Чай. Он тебе всегда нравился. — Страх перед неизвестностью охватил ее снова, как только она начала вспоминать. — Я ведь так и не видела тебя больше с тех пор, как ты показал мне звезды. Ты кричал тогда, что мы отклонились от курса к Проксиме Центавра и что нужно повернуть. Когда мы вернулись туда, где снова стал чувствоваться вес, ты убежал, и я тебя больше не видела. Прошло много дней, и начались неприятности. Главный смотритель во время службы сказал нам, что зло вырвалось на свободу, но больше не сказал ничего. Он отказался отвечать на вопросы о тебе, как если бы тебя никогда не существовало. Несколько раз объявлялась тревога, происходили странные вещи, два человека умерли, четыре девушки попали в госпиталь и не могут работать, так что остальным приходится дежурить чаще. Все разладилось. Когда я увидела тебя на экране — там, в долине, — я подумала, что ты, наверное, знаешь, в чем дело. Но ты же ранен!

Она не сразу это заметила и, только увидев кровь на сиденье машины, отшатнулась и запричитала.

— Это случилось уже давно. Меня лечили. Но только сегодня мне пришлось потревожить раны снова. У тебя в поясной сумке есть какие-нибудь лекарства?

— Аптечка первой помощи, нам всем полагается их иметь при себе.

Дрожащими пальцами девушка вытащила из сумки пакет и передала Чималу. Тот вскрыл его и начал читать перечень содержимого.

— Прекрасно. — Он расстегнул свой комбинезон, и девушка отшатнулась, отводя глаза. — Бинты, антисептики, обезболивающие. Это должно помочь. — Взглянув на наблюдательницу, Чимал произнес с неожиданным сочувствием: — Я скажу тебе, когда можно будет смотреть. — Девушка закусил губу и кивнула, крепко зажмурившись. Похоже, главный смотритель совершил большую ошибку, не рассказав наблюдателям о том, что произошло. Чимал не собирался говорить ей о некоторых вещах, но основные факты он сообщит — так, чтобы от этого было больше пользы. — То, что я сказал тебе, когда мы смотрели на звезды, — правда. Мы действительно отклонились от курса к Проксиме Центавра. Я

знаю это точно: я нашел навигационные приборы, которые сказали мне об этом. Если ты сомневаешься, могу тебя туда отвести, и приборы скажут это тебе. Я обратился к главному смотрителю, и он ничего не отрицал. Если мы повернем сейчас, то достигнем Проксимы Центавра через пятьдесят лет и воля Великого Создателя будет исполнена. Но много лет назад главный смотритель и другие смотрители восстали против воли Великого Создателя. Я могу это доказать — все записано в судовом журнале, который хранится в апартаментах главного смотрителя: свидетельства тех, кто принял такое решение, а также решение скрыть это от всех остальных. Тебе все пока понятно?

— Думаю, да. — Голос ее был так тих, что Чимал с трудом расслышал. — Но ведь это же ужасно! Почему они решились на такой отвратительный грех — ослушаться Великого Создателя?

— Потому что они были безнравственными и эгоистичными людьми — хотя и смотрителями. Смотрители и теперь не лучше — они тоже скрывают правду. Они хотят помешать мне обнародовать ее. У них есть план отослать меня навсегда. Ну вот — теперь ты знаешь. Ты поможешь мне исправить это зло?

Снова девушка оказалась на совершенно неизвестной ей территории, блуждая в дебрях представлений и обязанностей, разобраться в которых ей было не под силу. В ее упорядоченной жизни всегда было только послушание, ей никогда не приходилось принимать решений. Она не могла принудить себя составить собственное мнение. Решение бежать к нему, искать у него ответов было, возможно, единственным порывом свободной воли за всю ее долгую, но лишенную событий жизнь.

— Я не знаю, как поступить. Мне не хотелось бы... Я не знаю...

— Я понимаю, — ответил Чимал, застегивая одежду и вытирая окровавленные пальцы. Он развернул Стил к себе, взял ее за подбородок и заглянул в ее огромные пустые глаза. — Решать должен главный смотритель — такова его функция. Он скажет тебе, прав я или ошибаюсь и как следует поступить. Давай найдем главного смотрителя.

— Да, конечно.

Она вздохнула почти с облегчением, когда тяжкий груз ответственности оказался снят с ее плеч. Ее мир снова обрел привычную упорядоченность: тот, кому полагается принимать решения, сделает это. Странные события последних дней начинали ускользать из ее памяти: они никак не вписывались в ее отрегулированное существование.

Чимал низко пригнулся на сиденье машины, чтобы его испачканная и порванная одежда не бросалась в глаза, но в этом не было никакой необходимости. В туннелях никого не было. Все, должно быть, находились на своих постах — или были физически не в состоянии двигаться. Этот потайной мир туннелей переживал не меньшие перемены, чем долина. То ли еще будет, с надеждой подумал Чимал, вылезая из машины у входа в апартаменты главного смотрителя. Залы, через которые им пришлось идти, были пусты.

Пустыми оказались и апартаменты главного смотрителя. Чимал вошел, осмотрел комнаты и растянулся на постели.

— Он скоро вернется. Лучшее, что мы можем сделать — это дожидаться его здесь.

Ничего другого он и физически не смог бы совершить. Болеутоляющие лекарства вызывали сонливость, и он не мог рисковать, если бы решил их принять снова. Наблюдательница Стил сидела на стуле, сложив руки на коленях, терпеливо ожидая инструкций, которые решат ее проблемы. Чимал задремал, вздрогнув, проснулся, опять задремал. Его одежда высохла в теплой комнате, постель была мягкой, боль почти прошла. Глаза его закрылись, и Чимал против своей воли уснул.

Рука, коснувшаяся его плеча, вытащила Чимала из глубин сна, которые так не хотелось покидать. Только вспомнив все, что с ним случилось, он начал бороться с сонливостью и заставил свои глаза открыться.

— Снаружи слышны голоса, — сказала девушка. — Он возвращается. Не годится, чтобы тебя увидели лежащим на его постели.

Не годится. Это небезопасно. Он не позволит одурманить и захватить себя снова. Однако для того чтобы подняться и с помощью девушки отойти в дальний конец комнаты, понадобились все оставшиеся силы.

— Мы тихонько постоим здесь, — прошептал он, и дверь открылась.

— Не вызывайте меня, пока машина не будет готова, — послышался голос главного смотрителя. — Я так устал, последние дни стоили мне многих лет жизни. Мне нужно отдохнуть. Пусть в северном конце долины по-прежнему будет туман, чтобы никто ничего не увидел. Когда кран будет установлен, пусть кто-нибудь из вас подсоединит кабель. Сделайте это сами. Мне нужен отдых.

Главный смотритель закрыл за собой дверь, и руки Чимала зажали ему рот.

7

Старик не сопротивлялся. Его тело обмякло, когда он поднял глаза и взглянул в лицо Чимала. Хотя усилие, потребовавшееся для того, чтобы удерживать главного смотрителя, заставило ноги Чимала дрожать, он не отпускал старика, пока не удостоверился, что сопровождавшие его люди ушли; только тогда он убрал руки и указал смотрителю на кресло.

— Господин, — распорядился Чимал, — лучше, если все мы будем сидеть, стоять я больше не в силах. — Он тяжело опустился в кресло, и остальные покорно подчинились его приказу: девушка ждала, когда ей скажут, что делать, а старик казался совсем раздавленным событиями последних дней.

— Посмотри, что ты наделал, — хрипло произнес главный смотритель, — посмотри на все зло, весь ущерб, смерти... Какое еще греховное деяние ты задумал?

— Тише, — сказал Чимал и приложил палец к губам. Он чувствовал, что все жизненные силы покинули его: даже ненавидеть в этот момент он был уже не способен — и его спокойствие каким-то образом успокоило остальных. Главный смотритель пробормотал что-то себе под нос. Он давно не пользовался кремом-депилятором, его щеки были покрыты щетиной, под глазами набрякли темные мешки. — Слушай внимательно и постарайся понять, — Чимал говорил так тихо, что девушке и старику приходилось напрягать слух, чтобы расслышать. — Все переменялось. Долина никогда не будет такой, какой была — ты должен это осознать. Ацтеки видели меня верхом на богине, они обнаружи-

ли, что все совсем не так, как их учили думать. Коатлики никогда уже не будет нести охрану реки, чтобы обеспечить соблюдение табу. Родятся дети, родители которых происходят из разных деревень, — они будут первопроходцами, но им нечего окажется осваивать. А ваш народ здесь, что будет с ним? Людям известно, что произошло что-то ужасное, но они не знают, что именно. Тебе придется рассказать им. После этого останется единственный выход — повернуть корабль.

— Никогда! — Гнев придал старику сил, и экзоскелет помог ему выпрямиться; его шишковатые пальцы сжались в кулаки. — Решение принято и не может быть изменено.

— О каком решении ты говоришь?

— О том, что планеты Проксимы Центавра признаны неподходящими. Я говорил тебе это. Теперь слишком поздно возвращаться. Мы продолжим наш путь.

— Так, значит, мы миновали Проксиму Центавра?

Главный смотритель открыл рот для ответа — и закрыл его: только теперь он понял, что угодил в западню. Усталость затуманила его рассудок. Он с ненавистью посмотрел на Чимала, потом бросил взгляд на девушку.

— Продолжай, — подбодрил его Чимал. — Договори то, что начал. Расскажи о том, как ты и другие смотрители составили заговор против плана Великого Создателя и повернули корабль на другой курс. Расскажи этой девушке, чтобы она могла рассказать остальным.

— Это тебя не касается, — рывкнул старик на наблюдательницу Стил. — Уйди отсюда и не смей ни с кем обсуждать то, что ты здесь слышала.

— Останься! — Чимал толкнул ее в кресло, из которого она стала подниматься, послушная приказу главного смотрителя. — Ты узнаешь еще кое-что. И может быть, скоро главный смотритель поймет, что лучше тебе оставаться здесь, где ты не можешь рассказать другим то, о чем узнала. Потом он решит, что тебе лучше умереть или отправиться в космос. Ему необходимо сохранить свою вину в секрете, потому что иначе он будет уничтожен. Поверни корабль, старик, соверши единственное доброе дело в своей жизни.

Изумление старика прошло, и он вновь обрел контроль над собой. Он коснулся своего деуса и склонил голову.

— Я наконец понял, что ты такое. Ты — зло, подобное тому, как Великий Создатель — добро. Твоя цель — разрушение, но тебе не удастся ее достичь. Ты просто...

— Не пойдет, — перебил его Чимал. — Слишком поздно: оскорбления тебе не помогут. Я привожу факты — попробуй их опровергнуть. Будь внимательна, Стил, и запомни его ответы. Первый факт: мы больше не летим к Проксиме Центавра. Это так?

Старик закрыл глаза и не ответил, только скорчился в кресле, когда Чимал вскочил со своего места. Однако прошел мимо, не обращая внимания на зрителя, и взял с полки переплетенный в красное судовой журнал.

— Это тоже факт, ваше решение улететь от Проксимы Центавра. Ты хочешь, чтобы девушка сама прочла запись?

— Я не отрицаю того, что там написано. Это было мудрое решение, принятое для общего блага. Наблюдательница это поймет. К тому же она, как и все остальные, подчинится, независимо от того, что она им расскажет.

— Да, ты, наверное, прав, — устало сказал Чимал, отбрасывая судовой журнал и возвращаясь в свое кресло. — И в этом самое большое зло. Нет, ты тут не виноват. Виноват он — самый скверный из всех, тот, кого вы зовете Великим Создателем.

— Святотатство! — прокаркал главный зритель, и даже наблюдательница Стил отшатнулась от Чимала, услышав столь ужасные слова.

— Всего лишь правда. В книгах я прочел, что на Земле существует нечто, называемое нациями. Это большие группы людей, хотя и не все население Земли целиком. Трудно сказать, почему они возникли и зачем, да это и неважно. Важно то, что одну из наций возглавлял тот, кого вы зовете Великим Создателем. В книге есть его имя, есть название его страны — все это теперь бессмысленно для нас. Его власть была так велика, что он построил памятник себе, который превосходит все, созданное человеком. В своих писаниях он утверждает, что его детище — величественнее пирамид и любых других человеческих творений. Пирамиды велики, говорит он, но его создание — больше: это целый мир. Наш мир. В книге подробно описано, как он был задуман, построен и отправлен в путь. Великий Создатель очень гордился им. Но больше всего он

гордился тем, какими людьми он населил этот мир — теми, кто понесет человеческую жизнь к звездам и прославит его имя. Разве его чувства трудно понять? Ведь он создал целую расу, поклоняющуюся ему. Он превратил себя в бога.

— Он и есть бог, — сказал главный смотритель, и наблюдательница Стил кивнула и коснулась своего деуса.

— Совсем не бог, даже не черное божество зла, хотя он и заслужил, чтобы его так называли. Он просто человек. Отвратительный человек. Он прославляет чудо создания ацтеков — народа, специально предназначенного для выполнения его замысла, прославляет их искусственно достигнутые тупость и покорность. Это вовсе не чудо — это преступление. Родились дети — наследники лучших людей Земли, чье развитие было остановлено еще до рождения, которым внушили суеверную ерунду и отправили в неизвестность в этой каменной тюрьме — жить и умереть без надежды. И даже еще хуже — воспитывать собственных детей такими же безмозглыми, как они сами — поколение за поколением тупых бесполезных существ. Тебе это известно, не так ли?

— Такова была Его воля, — безмятежно ответил старик.

— Да, это совершилось по его воле, и это вполне устраивает тебя — главу тюремщиков целой расы, и ты мечтаешь только об одном: чтобы эта тюрьма сохранилась навеки. Бедный глупец! Ты никогда не задумывался о том, почему ты сам и твои люди таковы, как вы есть? Разве случайна ваша преданность долгу, ваша готовность служить? Неужели ты не понимаешь, что вы были подогнаны под определенный образец, как и ацтеки? После того как древние ацтеки были сочтены подходящей моделью для жителей долины, это чудовище — Великий Создатель — начал искать тех, кто подошел бы на роль обслуживающего персонала для многовекового путешествия. Он нашел базу для этого в мистицизме и монашестве, тупиковом пути, пройденном человечеством в своем развитии. Отшельники, валяющиеся в грязи своих пещер, святые, не сводящие глаз с солнца, чтобы достигнуть священной слепоты, монашеские общины, ушедшие от мира ради благодати нищеты. Вера заменяет мысль, ритуал делает разум ненужным. Этот человек изучил многие культы и выбрал для вас все

самое худшее. Вы поклоняетесь боли, ненавидите любовь и материнство. Вы гордитесь своим долголетием и смотрите на недолговечных ацтеков как на низших тварей. Неужели вы не видите, что ваши пустые жизни — всего лишь ритуальная жертва? Неужели не понимаете, что ваш ум намеренно затуманен, чтобы никто не усомнился в необходимости того, что вы делаете? Вы — такие же проклятые богом узники, как и жители долины! — Обессиленный, Чимал откинулся в кресле, переводя взгляд с исполненного ледяной ненависти лица главного зрителя на растерянное лицо девушки. Нет, им было невдомек, о чем это он говорит. Не было ни единой живой души, в долине или вне ее, с кем он мог бы общаться и быть понятым; холодное одиночество окутало Чимала. — Нет, конечно, не понимаете, — пробормотал он с усталой безнадежностью. — Великий Создатель слишком хорошо все предусмотрел.

При этих словах их пальцы автоматически коснулись деусов; Чимал только вздохнул.

— Наблюдательница Стил, — приказал он, — возьми с полки еду и воду и принеси мне!

Девушка мгновенно сделала то, что ей велели. Чимал медленно жевал, запивая пищу едва теплым чаем из термоса и обдумывая, что делать дальше.

Рука главного зрителя поползла к рации на поясе, и Чималу пришлось отнять ее.

— Дай сюда и твою тоже, — приказал он наблюдательнице, не объясняя, зачем она ему нужна. Девушка в любом случае выполнит приказ. Помощи ждать не от кого. Он снова один. — Ты ведь тут самый главный, не так ли, старик?

— Это известно всем — кроме тебя.

— Мне это тоже известно. Когда было принято решение изменить курс, все зрители согласились с этим, но последнее слово оставалось за тогдашним главным зрителем, не так ли? Следовательно, теперь ты — тот человек, которому известно все и об этом мире, и о космических ботах, и об управлении ими, и о приготовлениях ко Дню Прибытия — словом, обо всем?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— Сейчас поймешь. Ты должен располагать очень большим объемом информации, гораздо большим, чем можно передать устно от одного главного зрителя другому. Поэтому где-то должны существовать планы,

на которых отмечены все помещения корабля и все, что в них находится, должны быть инструкции к космическим ботам, учебники для обучения первопроходцев, чтобы они были готовы к Дню Прибытия. Наверняка есть и руководство для того, чтобы открыть долину в этот замечательный день — где все это?

Последние слова были произнесены столь требовательно, что старик вздрогнул и его глаза метнулись к шкафчику на стене. Он тотчас отвел взгляд, но Чимал уже все понял. Перед красным лакированным шкафчиком всегда горел светильник; Чимал замечал это и раньше и удивлялся, но никогда особенно не задумывался.

Когда Чимал поднялся, чтобы подойти к шкафчику, главный смотритель кинулся на него, используя помощь своего экзоскелета: он наконец понял, чего хочет его противник. Борьба была недолгой: Чимал скрутил руки старика за спиной. Вспомнив, каким неподатливым был его собственный испортившийся экзоскелет, он щелкнул выключателем на поясе главного смотрителя. Сервомоторы выключились, сочленения стали неподвижны, и старик оказался пленником своей портупей. Чимал осторожно поднял его и положил на постель.

— Наблюдательница Стил, выполняй свой долг, — дрожащим голосом заговорил старик. — Останови его. Убей его. Я тебе приказываю.

Не в силах понять происходящего, девушка нерешительно встала, беспомощно переводя глаза с одного на другого.

— Не беспокойся, — сказал ей Чимал, — все будет в порядке.

Преодолев ее нерешительное сопротивление, он усадил ее в кресло и выключил ее экзоскелет тоже. Для большей надежности он связал ей руки подвернувшемся под руки полотенцем.

Только убедившись, что ему ничего не грозит с их стороны, Чимал подошел к шкафчику и попробовал его открыть. Дверцы оказались заперты. Со вспышкой внезапного раздражения Чимал рванул их на себя, сорвав шкафчик со стены и не обращая внимания на крики главного смотрителя. Замок оказался скорее декоративным, нежели действующим, да и весь шкафчик развалился на части, когда Чимал его пнул. Нагнувшись, он

поднял из обломков книгу в красном с золотом переплете.

— «День Прибытия», — прочел он и открыл книгу. — Вот этот день и наступил.

Основные инструкции были просты, как и вообще указания в справочниках для наблюдателей. Всю работу должны выполнить механизмы, их нужно только включить. Чимал представил себе последовательность действий, надеясь, что у него хватит сил пройти весь неблизкий путь. Боль и усталость снова навалились на него — а он не мог позволить себе потерпеть поражение. Старик и девушка молчали в ужасе от того, что он делает. Но это могло измениться, как только он их оставит. Ему нужно время. В ванной обнаружили еще полотенца, и Чимал соорудил из них кляпы. Даже если кто-то окажется поблизости, они не смогут поднять тревогу. Он бросил обе рации на пол и растоптал. Ничто не должно его остановить.

Уже положив руку на дверную ручку, Чимал обернулся и посмотрел в широко открытые обвиняющие глаза девушки.

— Я прав, — сказал он ей. — Вот увидишь. Всех нас ждет счастье.

Прихватив с собой книгу инструкций, Чимал вышел и закрыл за собой дверь.

Пещеры были по-прежнему безлюдны, что было очень кстати: у Чимала не оставалось сил, чтобы идти окольным путем. На полдороге он повстречал двух сменившихся с вахты девушек-наблюдательниц, но они только вытаращили на него пустые испуганные глаза. Он уже почти достиг входа в зал, когда сзади раздался крик, и, обернувшись, Чимал увидел одетую в красное фигуру спешащего следом зрителя. Было ли это случайностью или началась погоня? В любом случае ему ничего не оставалось, как продолжить путь. Это было как в кошмарном сне: зритель приближался с максимальной скоростью, какую мог развить его экзоскелет, а Чимал, хоть и свободный, был ранен и устал. Он бежал впереди, хромя, а зритель с хриплыми криками мчался за ним, как гротескная помесь человека и машины. Наконец Чимал добежал до дверей огромного зала, ворвался туда и захлопнул створки, привалившись к ним спиной. Его преследователь барабанил в дверь с другой стороны.

Замка на двери не было, но вес Чимала удерживал створки закрытыми, пока он пытался отдышаться. Когда он открыл книгу, кровь заляпала белую страницу. Чимал просмотрел диаграмму и инструкции еще раз, а затем обернулся к необъятности расписного зала.

Слева было нагромождение огромных камней, обратная сторона барьера, загораживающего выход из долины, далеко справа — величественный портал. И где-то посередине задней стены находилось место, которое он должен найти.

Чимал пошел вдоль стены. Сзади него дверь распахнулась, и зритель ввалился внутрь зала, но Чимал не оглянулся. Преследователь встал на четвереньки, пытаясь подняться, сервомоторы его экзоскелета завывали. Чимал всматривался в роспись и легко обнаружил то, что искал. Перед ним была фигура человека, стоявшего отдельно от устремлявшейся к portalу толпы; он был выше всех остальных. Может быть, это изображение самого Великого Создателя, подумал Чимал, даже наверняка. Чимал заглянул в эти глаза, которым художник придал такое благородство, и, если бы его рот не пересох, плюнул бы в совершенное в своей красоте лицо. Он протянул руку и, оставляя на стене кровавый след, прикоснулся к нарисованной руке.

Что-то звонко щелкнуло, и в стене открылась дверца: за ней был единственный большой рубильник. Чимал ухватился за него. В этот момент зритель настиг Чимала, кинулся на него, и они оба упали на пол.

Вес их тел привел рубильник в движение.

8

Ататотль был стар, и, может быть, поэтому жрецы в храме сочли, что им можно пожертвовать. К тому же, поскольку он был касиком Квилапы, его слова имели вес, и люди прислушаются к нему, если он вернется и расскажет об увиденном. И еще, конечно, он послушен и сделает все, что ему велят. Так или иначе, каковы бы ни были причины их решения, жрецы выбрали Ататотля, и он покорно склонился и отправился выполнять приказание.

Гроза ушла, и даже туман рассеялся. Если бы не мрачные напоминания о предшествующих событиях, такой вечер мог бы наступить после любого дня. Дождливого дня, конечно: земля под ногами была еще мокрой, а **справа** был слышен шум реки, поднявшейся почти вровень с берегами, приняв в себя ручьи с затопленных полей. Солнце пригревало, от земли поднимался пар. Атаотль дошел до края болота и присел отдохнуть. Не увеличилось ли болото с тех пор, как он был здесь в последний раз? Похоже, но ведь после такого ливня так и должно быть. Потом оно уменьшится снова, так ведь всегда **бывало** раньше. Не о чем особенно беспокоиться, но только все равно нужно не забыть сказать об этом жрецам.

Каким страшным местом сделался мир! Атаотль почти пожелал покинуть его: уж лучше блуждать по подземному миру смерти. Сначала — смерть верховного жреца и день, который превратился в ночь. Потом исчезновение Чимала — как сказали жрецы, его забрала Коатлики. Но даже Коатлики не справилась с этим мятежным духом: он вернулся верхом на самой богине, облаченный в кровавые одежды, ужасный с виду, но все еще с лицом Чимала. Что все это могло значить? А потом еще гроза. Все это было так непонятно. У своих ног он увидел зеленое лезвие — молодую травинку, нагнулся, сорвал и стал жевать. Скоро ему нужно будет возвращаться: он должен сообщить жрецам о том, что увидел. Не забыть бы рассказать им о том, что болото увеличилось — а главное, что нет никаких следов Коатлики.

Атаотль встал и начал разминать усталые ноги; в этот момент он услышал далекий рокот. Что еще случилось? В ужасе он обхватил себя руками, не в силах двинуться с места, и увидел волны, всколыхнувшие поверхность болота. Снова раздался рокот, на этот раз более громкий, земля содрогнулась у него под ногами, как будто весь мир начал сотрясаться.

Затем с треском и грохотом весь барьер из огромных глыб, преграждавший выход из долины, начал колебаться и скользить вниз. Сначала один каменный блок, потом еще и еще. Казалось, они уходят в землю, быстрее и быстрее, сталкиваясь, ломаясь и крошась, пока все не исчезли из виду. Затем, с исчезновением преграды, начала отступать и вода: струи устремились туда же,

куда ушли камни, завихряясь тысячами маленьких водоворотов. Вода уходила быстро, и вскоре на месте болота осталась лишь коричневая грязь, испещренная серебряными блестками бьющихся рыб. Свободное пространство раскинулось там, где еще недавно были скалы; образовавшийся просвет обрамлял что-то золотое и великолепное, наполненное светом и идущими фигурами — Ататотль простер руки перед увиденным чудом.

— Настал обещанный день, — произнес он, больше не испытывая страха, — и все странные события предвещали его. Мы свободны. Мы наконец-то можем покинуть долину.

Поколебавшись, Ататотль сделал первый шаг по еще жидкой грязи.

Внутри зала грохот взрывов был оглушителен. Как только прозвучал первый из них, смотритель отпустил Чимала и в страхе съежился на полу. Чимал вцепился в рубильник, ища в нем опору, когда пол затрясся и огромные скалы начали двигаться. Так вот для чего нужна огромная пещера внизу! Все оказалось предусмотрено: барьер из утесов стоял на каменной перемычке над полостью в скале, теперь опора разрушилась, и потолок нижней пещеры рухнул. С ревом последние камни скатились вниз, заполнив резервуар под залом так, что их верхушки образовали неровный, но все же вполне проходимый путь, ведущий в долину. Солнечный свет заструился сквозь отверстие и впервые осветил роспись на стенах зала.

Чимал смотрел на долину и далекие горы и думал о том, что на сей раз ему все удалось. То, что произошло, нельзя отменить, преграда разрушена навсегда. Его народ свободен.

— Вставай, — сказал он смотрителю, все еще в ужасе жавшемуся к стене, и толкнул его ногой. — Вставай, смотри и попытайся понять. Твой народ теперь свободен тоже.

Начало

Ах тламиц ноксочиу ах тламиц
Нокиук,
Ин ноконехуа
Ксекселиху йа мойяху.

Мои цветы не завянут,
Мои песни не умолкнут,
Им цвести,
Им звучать без конца.

Чимал парил вдоль оси центрального туннеля, постанывая, когда при движении его плечо задевало за поручень и теперь уже привычная боль простреливала руку. Рука становилась все более болезненной и менее подвижной. Ему еще придется вернуться в отсек хирургических машин для новой операции; если уж они ничего не смогут сделать, лучше ампутировать проклятую конечность, чем мучиться с ней всю жизнь. Если бы они хорошо вправили ее сразу, этого бы не случилось. Правда, та нагрузка, которой Чимал подверг руку, сражаясь, переноса тяжести и карабкаясь по скалам, вряд ли пошла ей на пользу. Тут уж ничего не поделаешь — избежать этого он не мог. Однако теперь обязательно нужно выбрать время для лечения, и не откладывая.

Чимал спустился на лифте в зону, где уже действовало тяготение, и Матлал открыл перед ним дверь.

— Все в порядке, — сказал Чимал охраннику, отдавая ему книги и записи, — курс меняется точно так, как предсказал компьютер. Мы движемся сейчас по огромной дуге, хотя это и не чувствуется. На поворот

уйдут годы, но по крайней мере теперь наш курс приведет нас к Проксиме Центавра.

Его спутник кивнул, не обнаруживая ни желания, ни способности понять сказанное. Это не имело значения: Чимал по большей части говорил теперь для собственного удовлетворения. Он медленно, прихрамывая, пошел по коридору, и ацтек последовал за ним.

— Как люди отнеслись к тому, что теперь вода подается в деревни по трубам? — спросил Чимал.

— У этой воды другой вкус.

— Да не во вкусе дело. — Чимал старался не терять терпение. — Разве не легче людям теперь, когда не нужно таскать воду из реки, как раньше? И разве теперь не появилось больше еды, и разве больные не исцеляются?

— Все переменялось. Иногда... кажется неправильным, что происходят перемены.

Чимал и не ожидал одобрения: жители долины слишком консервативны. Ну что ж, он позаботится о том, чтобы люди были здоровы и сыты, что бы они об этом ни думали. Если не ради них самих, то ради детей. И он по-прежнему будет держать Матлала при себе — хотя бы потому, что тот снабжает его информацией. У него нет времени самому наблюдать за переменами в долине. Он выбрал Матлала, самого сильного человека в обеих деревнях, в качестве своего охранника еще в первые дни после падения барьера. Тогда он еще не знал, как поведут себя наблюдатели, и хотел иметь защиту в случае нападения. Теперь уже не было никакой необходимости в охране, так что Матлал оставался при нем, чтобы сообщать ему о событиях в долине.

Как оказалось, можно было не бояться нападения. Наблюдатели были столь же ошеломлены случившимся, как и жители долины. Когда первые ацтеки, преодолев грязь и неровные камни, попали в зал, они были поражены и ничего не понимали. Два народа встретились и разошлись, не в силах воспринять существование друг друга. Порядок был восстановлен, только когда Чимал освободил главного смотрителя и вручил ему инструкции «Дня Прибытия». Привычка к дисциплине не оставляла старику выбора. Не глядя на Чимала, он взял книгу, отвернулся и отдал первый приказ. День Прибытия начался.

Дисциплина и порядок объединили наблюдателей, а теперь еще в их жизнь вошла непривычная радость. Здесь и сейчас они переживали то, ради чего существовали все предыдущие поколения. Если смотрители и жалели о том, что время наблюдения кончилось, рядовые техники и наблюдатели не разделяли их чувств. Впервые, казалось, они обрели способность к полной жизни — почти полнокровной.

Главный смотритель должен был взять на себя руководство: ведь так было написано в книге; на каждый случай существовала инструкция, и все они выполнялись. Старик снова пользовался всей полнотой власти, и Чимал никогда не подвергал сомнению его права. И все же Чимал знал, что его кровь оставила неуничтожимые следы на страницах книги «Дня Прибытия», с которой теперь не расставался главный смотритель. Чималу этого было достаточно. Он выполнил то, что было необходимо.

Проходя мимо двери одной из классных комнат, Чимал заглянул внутрь: ацтеки склонились перед обучающими машинами. Наморщив лбы, они старательно смотрели на экраны, хоть, похоже, и мало понимали. Это тоже не имело значения: машины предназначены не для них. Самое большее, на что можно рассчитывать — это слегка просветить их в их абсолютном невежестве. Жизнь людей станет легче, они будут существовать в лучших условиях. Все, что нужно — это чтобы они были довольны и здоровы: ведь они всего лишь родители следующего поколения. Обучающие машины предназначены для детей — уж они-то будут знать, как извлечь из них максимальную пользу.

Дальше по коридору находились помещения, предназначенные для детей: пустые и безжизненные сейчас, они ждали. И палаты для рожениц, сверкающие чистотой и тоже пока пустые: теперь уже не долго ждать, чтобы они понадобились. Надо отдать должное Великому Создателю: все было спланировано так, что, когда в зале прозвучал громогласный приказ заключать браки только между людьми из разных деревень, протестов не последовало. Все сработало точно в соответствии с задуманным до последней мельчайшей детали.

Какое-то движение в одной из палат привлекло внимание Чимала; заглянув внутрь, он увидел сидящую в кресле наблюдательницу Стил.

— Пойди приготовь чего-нибудь поесть, Матлал, — приказал Чимал охраннику. — Я скоро приду. И отнеси книги и записи в мою комнату.

Ацтек отсалютовал, по привычке подняв руки в жесте, которым было принято приветствовать жрецов, и ушел. Чимал вошел в комнату и устало опустился в кресло рядом с наблюдательницей. Последние дни он работал очень напряженно — главный смотритель предоставил ему полную свободу во всем, что касалось навигационных задач и изменения курса. Теперь корабль был на нужной орбите, и автоматы позаботятся об остальном. Можно будет уделить время лечению, хоть ради этого и придется провести несколько дней в постели.

— Как долго мне еще придется приходить сюда? — спросила девушка; ее глаза выражали ставшую уже привычной обиду.

— Ты можешь никогда больше сюда не приходить, если не хочешь, — ответил Чимал, слишком измученный, чтобы препираться опять. — Не думаешь же ты, что это нужно мне.

— Не знаю.

— А ты подумай. Мне не доставляет удовольствия принуждать тебя смотреть на изображения детей и беременных женщин, учиться ухаживать за младенцами.

— Я не уверена. Существует так много вещей, которые нельзя объяснить.

— Ну, по большей части объяснить их все-таки можно. Ты женщина, и, если не считать твоего воспитания и подготовки, нормальная женщина. Я хотел бы дать тебе шанс почувствовать себя женщиной. Думаю, что жизнь, которую ты вела, многого тебе недодала.

Она стиснула кулаки.

— Я не хочу чувствовать себя женщиной. Я наблюдательница. В этом мой долг и моя радость — и я не хочу быть чем-то еще. — Искра гнева в ее глазах потухла так же быстро, как и зажглась. — Пожалуйста, разреши мне вернуться к моей работе. Разве в долине недостаточно женщин, которые будут рады дать тебе счастье? Я знаю, ты думаешь, что я тупая, что все мы тупы, но уж такими мы родились. Неужели ты не можешь оставить нас в покое — дать нам делать то, что мы должны делать?

Чимал смотрел на нее, впервые пытаясь стать на ее точку зрения.

— Прости меня. Я пытался сделать из тебя что-то, чем быть ты не можешь и не хочешь. Изменившись сам, я считал, что и другие хотят измениться. Но я представляю собой лишь воплощение воли Великого Создателя — так же, как и ты. Для меня стремление к переменам и знанию самое главное. Ради этого я преодолеваю любые преграды. Для меня в этом — цель и радость жизни, как для тебя они — как же называется эта вещь? — для тебя они всегда заключались в поясе смирения.

— Не заключались, а заключаются! — выкрикнула Стил, вставая. В своем праведном гневе она даже распахнула одежду, чтобы показать ему серую грубую ткань, опоясывающую ее тело. — Я приношу покаяние за нас обоих.

— Да, именно это ты и делаешь, — грустно произнес Чимал, когда девушка, запахнув одежду и дрожа от собственной дерзости, выбежала из комнаты. — Нам всем следовало бы покаяться за те тысячи жизней, что были потрачены ради того, чтобы мы оказались здесь. Ну, по крайней мере, теперь этому положен конец.

Чимал окинул взглядом ряды кроватей и колыбелей, ждущих своего часа, и уже не в первый раз подумал о том, как же он одинок. Впрочем, к этому можно привыкнуть — ведь ничего, кроме одиночества, он и не знал никогда. И теперь уже скоро появятся они — дети.

Меньше чем через год родятся младенцы, через несколько лет они начнут говорить. Чимал неожиданно ощутил свою связь с этими еще не рожденными детьми. Он знал, как они будут смотреть на мир — с изумлением и интересом, и знал, какие бесчисленные вопросы будут они задавать.

Но только на этот раз на вопросы найдутся ответы. Пустые годы его детства никогда больше не повторятся. Есть машины, чтобы отвечать на вопросы, и есть он, Чимал.

Эта мысль заставила его улыбнуться: он представил себе пустую комнату полной детишек с любопытными глазами.

Терпение, Чимал, еще несколько коротких лет — и ты больше никогда не будешь чувствовать себя одиноким.

СТОУНХЕНДЖ

*Нашим женам
Джоан Мэрион Гаррисон и
Такино Каван Стоувер,
строившим Стоунхендж
вместе с нами*

Греческие города были на их стороне и воевали за них всю войну; неприятельским войском командовал царь Атлантиды, некогда бывшей островом, но теперь потопленной землетрясением.

Платон. Критий

КНИГА ПЕРВАЯ

1

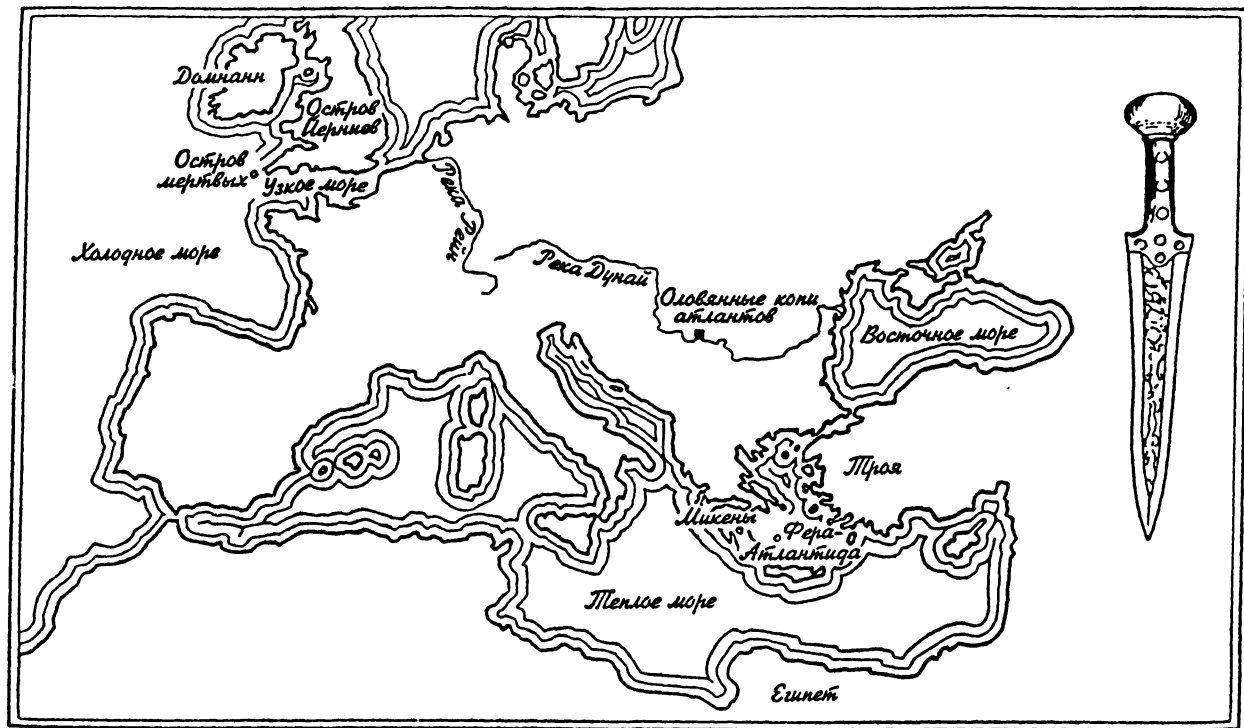
БРИТАНИЯ, 1480 г. до Р.Х

Ветер, дувший с лесистых холмов на севере, гнал по земле тонкую поземку. Холодные порывы насквозь продували высокий и темный лес, ломали сучья, качали верхушки хвойных деревьев. Кое-где ветер перепрыгивал через расчищенные человеком поляны, где из замерзших борозд торчала короткая стерня, через приземистые дома, сдувая с крыш перья дыма. Ветер перемахнул через гребень... ворвался в безлесную долину, свободную от деревьев, притиснул к земле невысокие хижины из дерна, срывая с их крыш сухие стебли.

Прижимая подбородок к груди, чтобы укрыть лицо от колючих снежинок, Ликос Миженский туже запахнул вокруг тела белый шерстяной плащ. Конический шлем, украшенный рядами кабаньих клыков, мог защитить его от ударов меча, но не от непогоды. Он остановился перед низкой дверью последней в селении хижины и открыл ее. Внутри было влажно и холодно, как и снаружи... только внутри воняло.

— Что случилось? — спросил Ликос.

— Не знаем, — отвечал Козза, седовласый воин со шрамами на лице, бронзовый полудоспех и остроконечный бронзовый шлем которого носили следы усердного

употребления. Щурясь в тусклом свете очага, он глядел на мужчину, стонавшего на земляном полу хижины. — Один из мальчишек наткнулся на него на опушке леса и известил меня. Тогда он тоже был без сознания. Малый приволок его сюда.

Низкорослый крепкий мужчина в запятнанном буром одеянии явно умирал.

— Может быть, кто-нибудь из них знает, кто он? — спросил с порога Ликос, не пожелавший войти в зловонное помещение.

— Он не из их рода, это альбий, — отвечал Козза. — Мальчишки только это смогли сказать мне. Они напуганы, они говорят, что один из них как будто встречал этого альбия, но не помнит его имени. Глупы они, вот что.

Мальчишки жались друг к другу под шкурами на ложе и опасливо переглядывались, только белки блестя на перепачканных сажей лицах. Когда Козза заговорил о них, они отодвинулись еще дальше.

Не нравилось все это Коззе. Он потыкал в ребра лежавшего большим пальцем ноги, но безрезультатно. Глаза мужчины так и не открылись, на губах выступила розовая пена. Огромная рана в его груди была заткнута свежим мхом, однако повязка не могла остановить кровь, струйками стекавшую по ребрам. Козза бился во многих битвах, он знал, как умирают мужи, и знакомое присутствие смерти не смущало его.

— Оставь его, — приказал Ликос, поворачиваясь, чтобы уйти, но остановился и ткнул пальцем в сторону мальчишек, забившихся еще дальше. — А эти почему не работают?

— Один из оловянных ручьев разлился, — Козза шагнул влево, оказавшись чуть позади Ликоса. — Пока вода не спадет, там нельзя копать.

— Тогда поставь их к килнам, чтобы жгли древесный уголь... или руду пусть толкут; дела для них много.

Козза согласно кивал. Что они ему — просто мальчишки донбакшо, за какие-то безделушки проданные родителями в услужение.

Ветер заносил в хижину снежные хлопья; весна в этом году запоздала. Солнце холодным оком светило невысоко над горизонтом. По полузамерзшей грязи и заносам белого пепла шагали они к приветливому теплу исходившему от одной из печей: под односкатным на-

весом в углублении была навалена груда раскаленного древесного угля, перемешанного с рудой. Для выплавки олова требовалось дутье, и, заметив Ликоса, пара мальчишек, без усердия колыхавших мехи, налегла на них со всей силой; посыпались искры, свиная шкура, из которой были сделаны мехи, визжала, обретая между двумя досками новую жизнь.

— Эта скоро будет готова, — проговорил Ликос, окидывая опытным взглядом ворох раскаленных углей.

— Не нравится мне этот раненый альбий. Как он здесь оказался? В этих краях они не живут. Почему...

— Они воюют между собой, а значит — умирают. К нам это не имеет отношения.

В этих словах слышался уже приказ удалиться. Козза неохотно оставил тепло и отправился назад в собственное жилье — за мечом и щитом с бронзовой бляхой в центре. Это в поселении можно было ограничиться полуброней и кинжалом. Даже один шаг за вал следовало делать вооруженным — и при этом не лезть на рожон. В лесу водились медведи, иной раз они могли и напасть после долгой зимы; волки, бродившие стаями, видели в людях всего лишь источник мяса. В чаще кустарников таились свирепые вепри, могучие убийцы. И люди: нет страшнее убийц среди всего живого на земле. В незнакомце любой видел врага. За пределами домашнего круга друзей не было.

Мирисати сидел на корточках чуть ниже гребня, перегораживавшего долину вала. Тяжелый щит лежал рядом с ним, кончиком меча он чертил на грязи крути.

— Я легко мог бы убить тебя, — проворчал Козза. — Расселся, словно с наслаждением валишь кучу.

— А вот не убил бы, — отвечал Мирисати с безразличием молодости к одолевающим старость заботам. Он сел, потянулся, потом поднялся на ноги. — Я же слышал еще за целую сотню шагов, как ты хрустишь коленями и звенишь броней.

— Что видно?

Козза, сощурясь, вглядывался в снежную пелену. Перед ним простиралась во всю ширину безлесная долина, покрытая кочками побуревшей мертвой травы. Поодаль начинались заросли вереска, а за ними темнела стена леса, покрывавшего Остров Йерниев с востока на запад, от песчаных пляжей юга до болотистых северных берегов. Молчание окутывало долину. Ничто не

шевелилось, только стая ворон поднялась и исчезла вдалеке.

— Видно то, что и теперь перед нами. То есть — ничего. Они к нам не ходят. А хорошо бы пришли. Порубили бы дикарей... все развлечение.

— Ничего, значит, не видел? А как насчет раненого, которого нашли мальчишки, — с дырой в груди? — Невесть откуда свалившийся умирающий все еще тревожил Коззу.

— Кто знает, откуда он взялся. И кому понадобился. Они же тут обожают резать друг друга. И я их понимаю. Чем еще можно развлечься в этих холодных краях?

— Альбии не воюют.

— Это ты скажи твоему будущему покойнику. А если хочешь поговорить со мной, давай лучше вспомним согретые солнцем камни Мижен. В какую же даль забрели мы из этого счастливого края! И пусть мои руки ноют от одной мысли о рукоятке весла, я бы хоть завтра поднялся на корабль, чтобы пуститься в обратный путь. Значит, так: пятнадцать дней по холодной зеленой воде до Столпов Геракла, еще тридцать дней по голубым водам до Арголиды. А дома вот-вот начнут выжимать масло из первых маслин.

— Мы отправимся домой, когда получим приказ, — буркнул Козза. Остров Йерниев он любил не больше своего собеседника. Ветер на миг разогнал снег, и воин заметил, как опускаются на деревья темные силуэты ворон. Устраиваются на ночлег... но почему они взлетели? Их кто-нибудь потревожил?

— Лучше иди назад, прикажи мальчишкам в хижине братья за работу. Скажи — так приказал Ликос. А ему самому передай, когда увидишь, что подлесок вновь подрастает. Пора снова братья за расчистку.

— А тебе, Козза, без дел не живется? — Мирисати не торопился в лагерь.

— На нас уже нападали. Йернии держатся поодаль лишь потому, что мы перебили всех, кто пытался на нас нападать. Но когда-нибудь они непременно полезут снова. А кусты могут служить им укрытием. Лягут на землю и поползут.

— Старик, тебя одолевают кошмары. Мне снится иное, высшее. Теплое солнце, оливковые рощи, прохладное вино. Дивное эпидаврское вино, такое густое, что его приходится разбавлять двадцатью частями воды.

А потом хорошо и девку, да не грязную донбакшо, с которой приходится сперва срезать эти тряпки, чтобы убедиться, что перед тобой не мальчишка и не старик... девушку с медовой кожей, от которой пахнет благовоениями.

— Да, такую там не встретишь, — Козза махнул в сторону темного леса.

— Вот я и не надеюсь. Неужели и весь остров такой же?

— Да, насколько я видел. Мы ходили два лета назад — у Ликоса были какие-то дела с племенами. Повсюду леса, густые, даже на высоких холмах не проредешься. Чтобы дойти до племен, у которых огромные камни, нужно идти пять дней. Эти йернии роют землю словно кроты: насыпи, круглые и прямые, холмы, погребальные курганы, а потом еще ставят на них камни... огромные такие уродины.

— Зачем?

— Их и спрашивай. У племени Уалы, где мы тогда были, камни наставлены в два круга, голубые, а верхушки красным намазаны... словно огромный хрен торчит из земли. Грязные люди.

— Смотри, что там? — Мирисати указал мечом на вересковый куст, темневший под буками.

— Ничего не вижу, — опускалась темнота, и Козза уже не мог ничего разглядеть.

— А я видел — только что. Лиса, наверное, или олень. Неплохо бы добыть свежатины для котла, — он поднялся на вершину вала, чтобы лучше видеть.

— Назад! Ты ведь не знаешь, что там было.

— Не бойся теней, старик. Они не кусаются.

Мирисати со смехом обернулся, чтобы спрыгнуть вниз. И тут в воздухе что-то прошелестело. Копье глубоко погрузилось в шею воина, удар бросил его наземь, звякнул доспех. Мирисати упал на спину, разбросал ноги. Выкатив глаза, он потянулся к древку и умер.

— Тревога! — завопил Козза. — Тревога! — и заколотил мечом в край щита.

Больше копий никто не бросал. Осторожно выглянув из-за гребня вала, он увидел, что от леса безмолвно и быстро, как волки, бегут мужчины. Нагие даже в эту погоду, они ограничивались короткими кожаными набедренными повязками. В руке бегущего первым было

копье, он метнул его в Коззу; тот легко отразил удар. Больше копий в него не бросали — местные жители использовали копье для охоты, а не в сражении. Нападавшие были уже близко: круглый щит на левой руке, в правой — боевой каменный топор. У некоторых на шее висели кинжалы; снег выбелил их волосы, и заснеженными жесткими щетками белели усы на лицах. Людей было много. Оказавшись у подножия вала, они разразились пронзительным криком — «Абуabu!» — чтобы враги в страхе бежали. Козза стоял.

— Йернии, — выкрикнул он; за его спиной уже раздавался шум тревоги. А теперь будет битва. Сердце сильнее забилося в груди воина: из леса появлялись все новые и новые полуобнаженные фигуры. Снегопад прекратился, и он видел, как заполнял долину поток бегущих фигур. Коззе еще не приходилось видеть здесь столько туземцев сразу. Целое племя пришло, должно быть, и не одно.

Позади Коззы глухо затопали ноги, он понял, что теперь уже не один. Хорошо, пусть будет битва.

Первые воины уже поднимались к вершине вала; выскочив на гребень, он погрозил мечом:

— Козлы и дети козлов! Микенцы вас ждут!

Подняв щит, чтобы отразить им удар топора, Козза погрузил свой меч в живот человека. Не чересчур глубоко — для этого Козза был слишком опытен, — повернул и вытащил. И пока тело первого еще падало, Козза уже снес голову бежавшему следом, щитом отбросив его топор. А потом другому... еще одному... по мечу заструилась кровь. Острая боль пронзила ногу Коззы, он едва не упал. Краем щита сбил с ног и этого. Но теперь нападавшие были уже и позади него. Их было много, чересчур много. Завывая высокими голосами, они набегали со всех сторон.

Упал Козза, лишь когда искромсанные ноги не могли более поддерживать тело, и все-таки перекатился на спину и тыкал, тыкал вверх мечом, разя и убивая, пока наконец с него не сорвали шлем и на голову не обрушился тяжелый удар топора. В горло вонзился кинжал, торопливыми движениями ему отхватили голову.

Туземцы с визгом бежали мимо, и снег, утоптаный множеством ног, быстро покрылся красными пятнами.

МИКЕНЫ

Рассвет уже серел, силуэт города четко обрисовался на фоне неба и дальних холмов. Город властвовал над долиной; к нему вели все тропки среди полей и деревьев. Холм, на котором высился город, был пологим у подножия, далее склон его круто вздымался к основанию могучих и неприступных стен. Едва заря окрасила камни, огромные ворота под львами, стоящими на задних лапах, растворились, словно повинаясь движению невидимой длани. Внутри стен струи дыма из множества очагов вздымались прямо к небесам в неподвижном воздухе. Мальчик с козой медленно брел вдоль обочины, на тропах появились мужчины и женщины с корзинами съестного. Возле большой дороги они остановились, прислушиваясь к стуку копыт, с безмолвным любопытством глядя на двуконную колесницу, прогрохотавшую мимо. Заслышав стук копыт по мощеному склону возле стены, из ворот выглянули стражи. Колесничий весьма спешил: одна из лошадей поскользнулась и чуть не упала, но возница лишь подхлестнул ее. Солнце только что встало, значит, он ехал всю ночь, что небезопасно: вероятно, для такой спешки был повод. В Микенах спешить некуда: времена года сменяют друг друга, дождь увлажняет землю, поднимаются всходы, режут скот, растет молодняк. И нет причин куда-либо торопиться, особенно по ночам, рискуя искалечить или погубить священное животное — лошадь.

— Узнал, — выкрикнул один из стражей, показывая бронзовым наконечником копья. — Это Форос, двоюродный брат царя.

Они расступились и, высоко воздев оружие, приветствовали важного гостя. Белый плащ Фороса потемнел от пены, летевшей с оступавшихся лошадей, сам он устал не меньше. Не поворачивая головы ни вправо, ни влево, он погнал утомленных животных в высокий проем ворот, под львами, вырезанными в камне, мимо круга царских могил, на вершину холма в город Микены.

Рабы торопливо приняли лошадей, пока Форос неловко спускался на землю. Его шатнуло, ноги слишком устали после долгой езды, и он привалился к стене.

Прошедшей ночи ему не забыть: он не колесничий, поэтому всю дорогу опасался за благородных животных. И все-таки гнал их вперед, невзирая на все опасения, а перед этим подгонял целый день гребцов, не обращая внимания на усталость людей. Царь должен узнать. Конская поилка оказалась неподалеку, Форос в изнеможении склонился над ней и, зачерпнув ладонями воду, бросил ее на лицо и плечи. Вода после ночи еще не согрелась и, смыв с тела пыль, прихватила с ней и часть усталости. Вода капала с волос и бороды; Форос утерся краем плаща, прежде чем по мощеному проходу направиться вверх — в царскую резиденцию в центре города-дворца: мышцы ног больше не сводило судорогой, он шел мимо огородов, мастерских и домов, где только начинали пробуждаться люди. Они выглядывали из дверей, с любопытством провожали его глазами. Наконец он оказался перед самым дворцом и по гладким каменным ступеням направился ко входу. Окованная бронзой дверь оказалась распахнутой — Авалл, старейший среди домашних рабов, уже ждал, кланяясь и прижимая к груди узловатые руки. Он уже успел послать раба отнести весть царю.

Перимед, царь Арголиты, глава Персеева Дома в Микенах, с утра был не в духе. Ночью ему не спалось. Виновато было то ли вино, то ли ноющие старые раны, то ли — это уже наверняка — Атлантида.

— Ах вы, недоноски, — ругал он никого вообще и всех сразу, сползая пониже в огромном кресле и протягивая руку к корзине с фигами на столе перед ним. Атлантида — само это слово, словно терновый шип или скорпионье жало.

Вокруг на просторном мегароне * уже закипала повседневная жизнь. Раз царь проснулся — не спать никому. Кое-где раздавался приглушенный говор, хотя никто не осмеливался возвышать голос. На приподнятом круглом очаге посреди палаты раздули огонь, чтобы пожарить мясо. Сколько же лет он сам поддерживал огонь в этом очаге: тогда ни дворец, ни мегарон еще не

* Главный зал дворца с очагом посредине, над которым в потолке располагается отверстие для дыма. (Здесь и далее примеч. пер.)

были построены. Мысль эта не согревала царя, и даже фиги не могли сделать ее слаще. Рядом под навесом две его дочери вместе с рабынями чесали руно и пряли. Царь бросил суровый взгляд, девушки приумолкли, углубившись в работу. Гневный ликом сегодня Перимед еще был красивым мужчиной, с густыми бровями и тонким носом над широким ртом. И пусть его можно было считать пожилым, волосы оставались каштановыми, как в юности, не было и живота. Загорелую кожу на обеих руках покрывали белые рубцы; когда царь потянулся за очередной фигой, стало заметно, что на правой руке его не хватает двух пальцев. Трудно стать царем в Арголиде.

Появившийся на дальней стороне мегарона Авалл поспешил к нему, низко кланяясь.

— Ну?

— Твой брат, благородный Форос, сын...

— Пусть войдет, сын облезлого козла. Я давно его жду, — и Перимед улыбнулся, а раб поспешил за кормчим.

— Форос, ты нужен мне. Входи, садись, сейчас подадут вино. Как сложилось путешествие?

Присев на край скамьи, Форос поглядел на полированную мраморную крышку стола.

— Дядюшка Посейдон * всей мощью своею подгонял корабль во время пути.

— Не сомневаюсь, но меня интересует не твой путь по морю. Ты привез олово?

— Привез, но, увы, немного — одну только десятую часть корабельного груза.

— Почему же? — ровным голосом спросил Перимед, от внезапного предчувствия потемнело в глазах. — Почему же так мало?

Не поднимавший глаз от стола Форос не обращал внимания на вино в золотом кубке.

— Пришли мы туда в туман. Возле Острова Йерниев море всегда туманно. И мы стали ждать, чтобы ветер развеял туман, чтобы можно было под парусами добраться до устья известной нам реки. Мы вытащили корабль на берег, я оставил людей охранять его, а потом по заросшей тропе мы направились к копи. Сперва мы

* Бог моря в греческой мифологии

зашли туда, где хранится олово, но слитков не было. Мы поискали вокруг, кое-что удалось найти, но немного.

Теперь Форос поднял глаза, глядя прямо на царя.

— Но не об этом следует тебе узнать — копь разрушена, все погибли.

Быстрый шепот пробежал по мегарону, разнося новость. Все умолкли: стиснув кулаки, молчал и сам Перимед, лишь на виске его дрожала жилка.

— А брат мой, Ликос?

— Не знаю. Трудно было понять. С трупов сняли доспехи, останки пролежали много месяцев. Звери и птицы сделали свое дело. Там была битва, жестокий бой с йерниями. Все наши были без голов. Йернии уносят черепа, сам знаешь.

— Значит, Ликос мертв. Он не сдался бы в плен дикарям.

В груди разгорался гнев. Успокаивая себя, Перимед провел рукой по телу. Все к одному: брат его, пропавшее олово, гибель его людей, корабли Атлантиды... мрачные, несчастные дни. Хотелось орать от гнева, извлечь меч, убить им зверя или человека — пусть защищается, если сможет. В молодые дни он так и поступил бы, но с годами приходит мудрость. И гнев царя не прорвался наружу; придушив его, он начал раздумывать о том, что следует предпринять. Боль не уходила.

— Верно ли это? Неужели мой родственник Мири-сати погиб?

Перимед поднял взгляд на разгневанного человека. Квурра, первый среди халкеев, работников по металлу. Услышав новости, он явился, наверно, прямо от печи. Кожаный фартук на нем был прожжен искрами, на лбу и руках чернела сажа. Забытые корявые клещи были еще зажаты в правой руке.

— Конечно, погиб, — отвечал Форос. — Все, кто был на копях, погибли. Микенец не станет рабом.

Горячий Квурра с болью воскликнул:

— Горе пало на нас! Копь разрушена, люди погибли, родичи мои убиты. — Он гневно потряс клещами. — Погиб Мирисати, которому ты обещал свою дочь, когда она станет взрослой... — слова утонули в кашле. Надышавшиеся металлом халкеи вечно кашляли, и многие из них из-за этого умирали.

— Я не убивал его, — отвечал Перимед. — Брат мой Ликос тоже погиб. Но я позабочусь, чтобы за них отомстили. Возвращайся к печи своей, о Квурра, послужи нам своей силой.

Квурра повернулся и, уходя, бросил через плечо:

— А скажи мне теперь, благородный Перимед, долго ли еще гореть огню в моей печи, если копи больше нет?

Долго ли? Именно этот вопрос более всего волновал и самого Перимеда. Неужели он слишком многого хочет? — думал царь. Нет, другого пути не остается. Пока города Арголиды ссорятся друг с другом, они будут слабыми. Лерна воюет с Эпидавром, Немеря топит корабли Коринфа. А корабли Атлантиды тем временем плавают куда им угодно, атланты богатеют. Лишь объединив свои силы, Арголида сможет бросить вызов древней мощи островного царства. Каменистые равнины отечества плодоносят, но скудно. А за морем дразнят богатством далекие города, и люди его жаждут этих богатств. Облаченные в медь воины с бронзовыми мечами добудут все, что пожелает глаз. Но удачу им приносит бронза. Бронза — пища и питье войны, ведь без нее воины станут ничем. Много вокруг мягкой золотистой меди, но не она нужна Перимеду. Халкеи умеют смешивать медь с серым оловом в недрах своих печей — делать благородную бронзу. Из нее Микены ковали свое оружие — чтобы покорять силой или покупать города Арголиды, связывая их воедино.

Без бронзы шаткий союз распадется, города вновь примутся воевать друг с другом. И Атлантида — морская держава — будет править, как правила прежде. У Атлантиды есть олово — столько, сколько нужно. Их копи и лагеря расположены у Истра*. У Микен тоже было олово, немного олова, но оно было. Людям Перимеда приходилось плавать за Теплое море по холодному океану к далекому островку, там добывать олово, везти его обратно. Но олово было, и Микены владели бронзой.

Теперь бронзы не стало.

— Копь... Копь нужно восстановить.

* Истр — название Дуная в древности.

Перимед вымолвил эти слова, еще не заметив, что к нему приблизился смуглый невысокий Интеб-египтянин в тонком одеянии из беленого льна, сменившем грубую рабочую одежду. Край накидки был расшит золотой нитью. На шее лежал богатый нагрудник, усеянный самоцветами, умащенные благовониями черные волосы влажно блестели. Поглядев на него, Перимед вспомнил.

— Покидаешь нас.

— Очень скоро. Я закончил свою работу.

— Ты хорошо потрудился. Скажи об этом своему фараону. А пока садись, поешь со мной на дорогу.

Женщины торопливо принесли блюда с жареными в масле рыбешками, пироги, пропитанные медом, соленый белый сыр из козьего молока. Интеб деликатно брал рыбку золотой вилкой, извлеченной для этого из кисета. Станный человек, слишком молодой для руководства строительством, но прекрасно знавший дело. Он был благородного рода и в известном смысле являлся не только строителем, но и посланцем Тутмоса III. Он разбирался в астрономии, умел читать и писать. Под его надзором сооружались толстые крепостные стены, охватывавшие город. Мало этого, он возвел огромные ворота, поставил над ними каменных львов царского дома Микен. Хорошая работа и недорого обошлась. Помог договор с фараоном. Тутмос III, поглощенный войной на юге, не желал, чтобы на севере его беспокоили пираты из Арголиды, топившие корабли Египта и сжигавшие прибрежные города. Дело свершилось по согласию обоих царей.

— Ты обеспокоен? — ровным голосом спросил Интеб, не изменяя бесстрастного выражения лица. Он выковырял из зубов рыбью косточку, бросил ее на пол.

Перимед пригубил вино. Много ли знает египтянин о случившемся в копии? Фараон не должен проводить о неудаче Микен.

— У царей много поводов для беспокойства... у фараонов тоже, такова участь владык.

Если, с точки зрения Интеба, имена правителя драчливого городишки и могущественного повелителя всего Египта нельзя было ставить рядом, на лице его это не отразилось; египтянин взял медовый пирог.

— Меня беспокоят навозные мухи, разлетающиеся из Атлантиды, — проговорил Перимед. — Мало им собственных берегов, так они приходят сюда и сеют меж

нас раздоры. Корабли их развозят оружие вдоль всего побережья, а вздорные княжата с охотой им платят. Они не знают, что такое верность. Микены — вот оружейная мастерская всей Арголиды. Некоторые забывают об этом. Вот и сейчас на юге в Асине стоит корабль атлантов, целая плавучая кузница, занимающаяся своим делом в наших водах. Но он там не пробудет долго... и в Атлантиду тоже не вернется. Когда мы узнали о появлении этого корабля, мой сын Эсон повел туда наше войско. Можешь сообщить об этом фараону. Подарки мои получил?

— В целости погружены на корабль. Не сомневаюсь — фараон будет доволен.

Перимед в этом не был уверен. Можно было на словах считать себя равным фараону, Перимед понимал — от самого себя истину незачем прятать. Египет, его города для живых и мертвых, толпы народа, неисчислимое войско. Если эта сила обратится против Микен, город перестанет существовать. Но есть сила и сила, велик Египет, но это не значит, что ничтожны Микены. В Арголиде нет города могущественнее, есть чем гордиться.

— Я провожу тебя, — объявил Перимед, вставая и цепляя к поясу знак царской власти — кинжал с крестообразной рукоятью. На длинном и узком прямом серебряном клинке золотом, серебром и чернью изображена была сцена царской охоты на львов. Гарда же — округлая чашка из литого золота на золотом стержне, еще один знак власти, — крови не требовала.

Перимед и Интеб шли рядом, а рабы бросились открывать кованные бронзой двери. И вовсе не случайно они миновали крытые гряды с грибами, располагавшиеся внутри дворца. Перимед помедлил, принялся критическим взглядом следить, как садовники сооружают свежую гряду. Выложив слой коровьего помета, они забрасывали его кусками коры. Оказавшись рядом с ними, Перимед согнулся, сорвал гриб и принялся крутить его на ходу. Белая шапочка, бледная ножка, мохнатые края шляпки. Он отломил кусочек, попробовал, угостил Интеба. Египтянин съел угощение, хотя на самом деле грибов не любил; ведь все вокруг считали их деликатесом.

— Это — история, — проговорил Перимед, указывая на навоз и гряды; будучи дипломатом, Интеб сумел сдержать улыбку. Он знал, что грибы здесь в почете.

Микес — называли их здесь и отливали в виде грибов рукояти мечей и кинжалов. Даже сам город называли в их честь. Микены. Трудно понять почему. Разве потому, что, выпирая из земли, молодые грибы так похожи на мужскую суть — люди, далекие от цивилизации, всегда озабочены этой штуковиной.

— Царские грибы, — проговорил Перимед. — На этом месте их собирал Персей, он и дал имя городу. У нас долгая история, как у Египта. Есть у нас люди, что умеют читать и писать и записывают события.

Остановившись возле деревянной двери, Перимед застучал в нее, наконец дверь со скрипом отворилась; моргая на солнце, из нее выглянул старый раб с глиняной табличкой в руке. «По виду атлант, — подумал египтянин, — вот тебе и микенская культура». И он, частый гость в Фиванской библиотеке, где папирусные свитки аккуратно разложены на полках многих комнат, занимавших вместе больше места, чем этот дворец, постарался изобразить интерес к покосившимся рядам поставленных друг на друга корзин с неразобранными табличками... попробовал не замечать осколки на грязном земляном полу. Определенно все эти таблички содержали лишь жизненно важные записи: количество котлов, винных кувшинов, щипцов для очага, скамеечек для ног и прочих предметов повседневного обихода. Едва ли стоит беспокоить фараона упоминанием о так называемой библиотеке.

Снаружи послышался крик, и оба они заторопились к выходу: двое воинов в панцирях волокли к ним третьего — покрытого кровью и пылью, со ртом, открытым от крайнего изнеможения.

— Мы нашли его, полз сюда по дороге, — начал один из воинов. — У него есть слово, это один из тех, что ушли с Эсоном.

И снова холод окатил Перимеда. Он заранее знал, что скажет раненый, и не хотел слышать этих слов. Злой день. Если бы только можно было выкинуть его из жизни. Перимед ухватил раненого за волосы и ударил о стену архива... потом стал трясти; наконец тот задышал, как оказавшаяся на суше рыба.

— Говори. Что с кораблем?

Тот не мог выговорить ни слова.

Подбежал раб с кувшином вина; вырвав сосуд прямо из его рук, Перимед выплеснул содержимое в лицо измученного человека.

— Говори, — приказал он.

— Мы напали на корабль... люди Асины, там... — он слизнул струйку вина, стекавшую по лицу.

— Что Асина? Они же помогали вам, они ведь из Арголиды. Говори об атлантах.

— Мы бились... — воин выдавливал слово за словом, — мы бились со всеми. Асина пошла на нас вместе с атлантами. Их было слишком много.

— А мой сын, Эсон, ваш предводитель... Что с ним?

— Он был ранен. Я видел, как он упал... умер или попал в плен.

— А ты вернулся... чтобы сообщить мне об этом?

На этот раз царь не мог сдержать нахлынувший гнев. Одним движением он извлек кинжал и погрузил его в грудь воина.

3

Тири́нф остался позади, видны были только дома на самой верхушке холма над гаванью. В Аргосском заливе море было спокойным, и корабль легко несся вперед, повинаясь опускающимся и поднимающимся в такт неторопливому рокоту барабана веслам. По правому борту проплывала земля, вся в юной зелени. Радостное прикосновение солнца прогоняло утреннюю прохладу. Прислонившись к борту, Интеб рассеянно глядел на пену внизу, не замечая даже кормчего, находившегося в двух шагах. Весна, в тростниках у берегов Нила уже кричат аисты, скоро он будет дома. После трех лет, проведенных на чужбине, вернется в сердце мира, к цивилизации, оставив позади вздорные претензии варваров, копошащихся в своих грязных Микенах. Он выполнил свой долг, хотя это и заставляло его по временам испытывать отвращение. Полководцы служат своему фараону на поле брани. Это дело несложное, — а в качестве последней награды их обычно ждет насильственная смерть. Вот и сами воины — люди простые, жестокие, конечно, но чему удивляться: ведь душегубство — их работа. Воины необходимы Тутмосу III, но

нужен ему и Интеб. Победа достигается и без битвы. Фараон знает это. Знает и он, Интеб; вот почему, преодолев естественное в таком случае отвращение и нежелание, он покорился воле своего царя и отправился к варварам. Ему самому эта победа обошлась недешево, но Тутмос сэкономил на ней. Интеб не жалел об этом. Трудов благородного зодчего, немногих рабов, горсточку золота, скудных подарков хватило, чтобы остановить войну, чтобы прекратить нападения на побережье Египта. Микены сделались сильнее в результате его трудов, однако для него самого эти годы были потеряны.

И все-таки не совсем: он тоже кое-что обрел. Все эти долгие месяцы... за молодым вином, под зимними дождями, под опаляющим летним солнцем — о таком трудно будет забыть — он встречал человека, которого мог бы назвать своим другом. Не исключено, что дружба эта была односторонней: для Эсона он оказался просто одним из многих обитателей дворца, и не из самых знатных. Как ни странно, это не волновало Интеба, даже безответная любовь остается любовью. Он с удовольствием сидел на тех пирах, потягивая вино, пока остальные опрокидывали кубок за кубком, чтобы напиться, как подобает благородному человеку. Грубая, своенравная, беспокойная — такова микенская знать, таков и Эсон. Но все же он был иным; ему предназначено стать царем. Эсон унаследовал от отца острый ум, его трудно было счесть еще одним вонючим варваром. Впрочем, быть может, Интеб все это лишь придумал. Неважно. Просто так было легче пережить эти годы. И хотя он промолчал, гибель Эсона потрясла его не менее, чем самого Перимеда. Мощь Атлантиды сокрушила великого воина, раздавила как насекомое. Интеба даже слегка тревожило, что скоро ему придется ступить на землю, где обитают убийцы его друга. Очнувшись от своих мыслей, он заметил, что Тиринф исчез за кормой и берега разошлись. Тяжелые валы открытого моря вздымались и опускали корабль. Из каюты появился капитан, Интеб жестом подозвал его.

— Куда мы идем?

— Мы возьмем на восходящее солнце, господин, как только поравняемся с этим островом, а за ним будет другой, потом новый... их называют Кикладами, я не знаю названий всех островов. Они тянутся к Анатолий-

скому побережью, мы не будем терять сушу из виду, оставаясь в глубоких водах. А потом направимся вдоль берега. Пока море спокойно, там не опасно, если налетит буря — можно зайти в дружественную гавань.

— Я говорю не о собственной безопасности и покое. Не старайся угадывать мои желания, кормчий. Я достаточно поплавал, море меня не страшит.

— Я не хотел, прости меня... — Мозолистые кулаки кормчего были покрыты шрамами; экипаж опасался его скорой на расправу руки.

— Я хотел узнать, будем ли мы проходить мимо Феры, острова атлантов?

— Конечно, когда Иос останется позади нас, этот остров будет по правому борту; один из ориентиров.

— Мы зайдем туда.

— Но утром ты велел мне идти в Египет, ты приказывал...

— Я говорил в присутствии аргolidцев, они все доносят своему царю. Веди корабль, кормчий. А с правителями я договорюсь. Правь к Фере.

Когда они достигли Спеце, корабль повернул, оставляя на голубой воде дугу белой пены. Перимед не узнает, что путь его зодчего пролег ко двору Атлантиды, к убийцам его сына, вечным врагам Микен. Царь прогневался бы, если б узнал, и долгие годы труда, потраченные, чтобы укрепить дружбу с Египтом, не принесли бы плода. Лучше быть хитрым и вежливым. С другой стороны, и Атлас, повелитель морей, выразит легкое неудовольствие, если узнает, что египетский гость лишь недавно обедал с врагом царя Атлантиды. Не исключено, что в подобном поступке его удивит отсутствие вкуса. Крохотные, драчливые и задиристые государства словно блохи в густой шкуре Атлантиды... укусы насекомого можно почесать, а можно оставить без внимания. И поодиночке, и вместе варвары не страшны несчетным кораблям Атлантиды, им не добраться до ее внутренних островов. Корабли атлантов плавают в этих морях по своей воле, торгуют там же, где и суда Египта. По слухам, царский двор Атлантиды своим великолепием не уступит египетскому, но в это Интеб поверит, лишь когда увидит своими глазами. Как ни стремился он

домой, все же содержание свитка в цилиндрическом футляре, полученного от кормчего, обрадовало Интеба. На восковой печати оттиснут был картуш Тутмоса III, пятого царя восемнадцатой династии. Приказано было Интебу с государственным визитом посетить двор царя Атласа, чтобы возобновить узы дружбы. Корабль вез дары для царя: длинные бивни — слоновую кость надлежало с церемониями поднести Атласу, — ткани, горшочки с пряностями, золотые украшения и скарабеев, небольшие куски пронизанного жилками алебастра, аметисты, на которых придворные ювелиры-атланты будут вырезать печати для честолюбивых царедворцев. Куда более важный груз — и для Атласа, и для Египта — кипа листов папируса, гладкого и белого. Только год назад папирус впервые был послан в Атлантиду, и вместе с ним — писцы, умелые в обращении с тростниковым пером и тушью. К этому времени атланты должны уже оценить все преимущества папирусных свитков перед неуклюжими глиняными табличками... они будут рады новым запасам. Но дарящий вправе рассчитывать на отдачу, и Интебу было указано при удобном случае напомнить, как нуждается безлесный Египет в древесине, особенно в кипарисовой.

На третье утро, когда из моря поднялись округлые берега острова Фера, Интеб аккуратно надел лучшее свое платье из льняного полотна, украшенный самоцветами нагрудник и золотые браслеты, а потом сидя дожидался, пока раб умастит благовониями и причешет его. Его ожидало дело государственной важности. Кормчий облачился в чистую тунику и тоже попытался навести красоту: после бритья не слишком острой бритвой лицо его усеяли точки засохшей крови.

— Бывал ли ты здесь со своим кораблем? — спросил его Интеб.

— Однажды, господин, много лет назад. В мире нет второй такой гавани.

— Наверное, так, если люди не врут.

Зеленым самоцветом поднимался остров из синего моря. Сады олив и финиковых пальм ровными рядами опускались к морю, меж них виднелись только что засеянные поля. Среди деревьев белели деревенские

дома. В небольшой бухточке расположилась рыбацкая деревушка, утлые лодчонки были вытащены на ржавый песок. На миг в просвете между холмов перед Интебом промелькнул далекий город, разноцветные здания поднимались все выше по склонам холма. Город исчез — корабль поворачивал на запад.

— Спустить парус, — приказал кормчий.

Матросы привычно заторопились. Они отвязывали канаты, которыми огромный квадратный парус был прикреплен за нижние углы и борта. Другие тянули за сплетенный из пеньки с конским волосом трос, служивший оттяжкой для мачты. Он проходил через отверстие на ее верхушке, смазанное жиром. Когда трос отпустили, парус пополз вниз, складываясь крупными складками. Потом, когда парус намотали на рею и уложили вдоль корабля, кормчий велел спустить и мачту.

— Зачем это? — поинтересовался Интеб: ему еще не приходилось видеть, как опускают мачту.

— Это там — на острове, господин, сам увидишь, — отвечал кормчий, слишком занятый, чтобы пускаться в объяснения. Умерив любопытство, Интеб не стал отвлекать его от дела.

Мачту в гнезде удерживали прочные дубовые клинья, их пришлось выбивать тяжелыми кувалдами. Криков было много, ругани тоже — на самых разных языках... Наконец мачту опустили и прикрепили рядом с парусом. Тем временем корабль неуклюже качался на волнах, возбуждая неприятные ощущения в чреве Интеба, так что он поспешно принес Гору благодарственную молитву, как только гребцы взялись за весла. Корабль вновь тронулся в путь, и едва он обогнул скалистый мыс, как перед глазами плывущих предстала расщелина в берегу. Словно некий бог рассек почву и скалы огромным боевым топором. Склоны вздымались высоко над головой, уходили в глубь побережья. Встав у руля, кормчий сам направлял корабль мимо мыса — прямо в расщелину.

Тонко пропел рог, едва различимый за шумом волн, бивших в скалистые берега.

Прикрыв глаза ладонью, Интеб сумел различить на вершине утеса воинов в шлемах. Стража — в обязанности ее входит извещать царя о появлении каждого корабля. И не только. Не трудно было заметить ряды огромных камней, приготовленных, чтобы их можно

было сбросить на незваных гостей. Наверняка припасена и горячая смола. Атлантида умела защищать себя.

Еще один поворот — и высокие утесы вдруг разошлись, пролив впереди сузился, превратившись в прямой канал. По бокам его тянулись возделанные поля, крестьяне ненадолго оставляли работу и, опершись на мотыги, провожали взглядом корабль.

— Это канал? — спросил Интеб.

Кормчий кивнул, он глядел вперед и не отнимал руки от кормила.

— Так мне говорили. Атланты любят приврать, но в этом, возможно, не лгут. Той расщелины в скалах человек не в силах пробить, а вот канал выкопать можно, если есть время и люди.

Прямой словно стрела лежал перед ними канал, протянувшийся к поднимавшимся в глубине острова холмам. Города не было видно, однако впереди в канале появился другой корабль. Заметив его, кормчий велел убрать весла и взял ближе к берегу. Корабль быстро приближался, наконец стали заметны укрепленные на носу рога и яростно горящие глаза под ними. Ряды белых весел крыльями взлетали у бортов атлантской триремы длиной в целых сорок шагов. Словно сердце бил барабан, весла следовали за его ритмом. С каждого борта их было не менее пятнадцати, трудно было даже сосчитать, пока корабль скользил мимо. Только впередсмотрящий с любопытством оглядел гостей, в остальном египетское судно словно оставалось невидимым. Военачальники, облаченные в великолепные бронзовые доспехи, украшенные самоцветами и эмалью, с высокими султанами на шлемах, не сочли необходимым обратить внимание на гостей, так же поступили и жирные купцы: пересмеиваясь на корме под навесом, они держали золотые чарки в пухлых пальцах, униженных перстнями. Богатство и сила... Высокая корма и могучее кормовое весло удалялись, и лишь пенный след еще отмечал на воде путь корабля атлантов. Он ушел к морю, а судно египтян закачалось на поднятой им волне.

— Оттолкнитесь от берега, — завопил кормчий, и корабль вновь тронулся в путь. — А теперь господин поймет, зачем нам нужно было спускать мачту.

Впереди в склоне холма зияла черная дыра. Канал исчезал в ней. Дыру заметили и гребцы: оглядываясь через плечо и перекрикиваясь, они сбились с ритма.

Потрясая над головой сжатыми кулаками, капитан завопил так, что и в шторм было бы слышно по всему кораблю:

— Эй вы, ублюдки, порождения безносых шлюх, блохи, прыгающие в зловонной шкуре протухшей на солнце падали! Следите за веслами, или я велю содрать с вас ваши гнилые вонючие шкуры и сшить парус для моего корабля. Перед нами ход, пробитый в скале. Я плавал через него, он прямой и узкий. Следите за веслами, иначе вы их переломаете или натворите чего похуже. Не бойтесь темноты, мы скоро выйдем на свет.

Черная пасть поглотила корабль. Гребцам было страшно — уменьшаясь на их глазах, вход в туннель отползал назад, унося с собой свет. Рокот барабана громом отдавался от скальных стен.

Однако с кормы стоявшим там яркий круг выхода впереди был виден. Кормчий направлял корабль, криками подбадривая команду, однако и он умолк, когда эхо превратило его голос в безумный хохот.

Подземное странствие скоро окончилось, египтяне выплыли к свету, удивляясь собственным страхам — теперь, когда туннель остался позади. Интеб моргал, ослепленный солнечным светом, но сцена, открывшаяся его глазам, потрясла его, как и остальных.

Они оказались в круглой, со всех сторон окруженной берегами лагуне. Тут Интеб впервые понял, как непросто устроена Фера: она оказалась полой внутри горой, огромным древним вулканом, извергнувшим из сердцевины лаву, так что океан мог заполнить образовавшуюся полость. В кратере осталась кольцевая гряда — через нее-то и был пробит туннель. Ну а в самой сердцевине острова лежала лагуна, невысокие берега полого опускались к воде. В укрытой от ветров чаще благоденствовал виноград, вверх тянулись зеленые всходы. За высокими деревьями прятались богатые виллы с портиками и дома победнее. Посреди лагуны располагался остров, от него во все стороны расходились мосты; остров едва не заполнял всю лагуну, превращая ее в кольцевой канал. А возле острова ряд за рядом стояли корабли Атлантиды... Их было слишком много, не пересчитать. Триремы. Клювастые военные корабли, пузатые купцы, быстрые галеры. А за кораблями — исполненные суеты доки, склады... а над ними склон с

цитаделью, которую Интеб лишь мельком сумел заметить с моря.

Перед ним была метрополия, город царей Атлантиды.

Гребцы опустили весла и охали, движение корабля замедлилось; Интеб ощущал тот же трепет и изумление, что и эти простолюдины. Вверх по склонам конического холма разноцветными волнами поднимались трехэтажные кубические дома. Фасады их были украшены синими, белыми, красными изразцами: даже голова кружилась от пестроты — их перемежали горизонтальные полосы драгоценных металлов, искрились белые купола. Но все они только составляли подножие дворца, царившего на вершине; огромное сооружение сияло на солнце богатым убранством. Ослепительно красные колонны, сужавшиеся книзу в стиле атлантов, ряд за рядом прикрывали таящиеся за ними лоджии. Крыша и величественный портик входа украшены были громадными эмблемами в виде бычьих рогов, сверкавших кровавым металлическим блеском. Их покрывал орихалк — благородный сплав меди и золота.

— Кто вы и что нужно вам здесь? — на скверном египетском обратился к ним хриплый голос. — Ответьте!

Интеб поглядел через борт на лодку с портовой стражей, незаметно подобравшуюся, пока они разглядывали город. Над веслами гнулась дюжина гребцов. На высокой корме стояли воины в броне и наколенниках, а с ними чиновник в белом запачканном плаще. Бронзовый обруч на шее служил знаком его должности, однако металл едва не полностью прятался за густой седой бородою. Лысое темя его побагровело от солнца, чиновник прищуривал единственный глаз, на месте второго была едва зажившая рана. Он открыл было рот, но Интеб заговорил первым, приблизившись к борту, так чтобы видны были золотые браслеты и драгоценные камни. Он слышал в Микенах речь рабов-атлантов, да и говор их напоминал микенский, поэтому Интеб заговорил на этом языке.

— Я — Интеб из дома Тутмоса III, фараона Верхнего и Нижнего Египта. Я пришел сюда по его велению, чтобы передать слова фараона вашему господину. А теперь ты говори.

В последней фразе ощущался уже легкий гнев, и он возымел нужное действие. Человек на палубе униженно пригнулся, насколько это позволяли ему размеры суденышка, стараясь при этом глядеть вверх.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, господин, в наши воды к священным пределам, ко дворцу Атласа, царя Атлантиды, властителя Феры и Крита, Милоса, Коса и Астипален, и всех островов в пределах дня пути под парусом, и всех кораблей в этой гавани. Если соблаговолишь последовать за мной, я отведу твой корабль к пристани.

Он что-то пробормотал гребцам, лодка рванулась вперед, египетский корабль медленно следовал за нею. Они обогнули остров и направились, как показалось, к другому туннелю. И только оказавшись внутри, поняли, что канал этот прорублен в земле и перекрыт сверху тяжелыми бревнами. Сквозь квадратные люки над головой низвергались столбы света. Кормчий показал вверх.

— Все продумано для обороны. Там сверху — у самого края, — громадные камни. Только попробуй пробраться здесь на корабле — потонешь с дыркой в дне.

Этот подземный переход оказался короче первого, выход из него был неподалеку. Слышно было, как над головой грохочут колесницы, стучат копыта, топают ноги. А потом перед ними открылось новое кольцо воды, окружавшее остров в самом центре Феры. Корабль причалил у пристани — там, где в воду спускались огромные ступени из красного и черного камня. Над ними располагался деревянный навес. Выкрашен он был в ярко-красный цвет, в центре располагались два позолоченных бычьих рога, подобных тем, что украшали крышу дворца. Интеб заметил на берегу ряды воинов и носилки, понял, что весть о его прибытии опередила его; когда были брошены причальные канаты, он заговорил с кормчим:

— Пусть рабы поднимут на пристань дары фараона и понесут их следом за мной. Не выпускай на берег сразу более половины твоих людей. Если тебе нужны вино и женщины, пусть на корабле знают, где тебя найти.

— Долго ли мы пробудем здесь?

— Не знаю. Несколько дней. Я пошлю к тебе вестника, когда настанет пора отправляться.

Едва Интеб ступил на землю, взвыли рога, подобно вою бога бычьих лягушек; стон их мешался с грохотом огромных деревянных барабанов, на торцы которых были натянуты бычьи шкуры. Ему кланялись, а потом повели к паланкину, восемь рабов подняли носилки, едва он уселся. Они поднимались по извивающейся дороге. Шесть натирали плечи рабам, на коже выступил пот, но Интеб не замечал этого. Он разглядывал людей и город, столь отличающийся от всех, которые доводилось ему видеть. Фивы были величественнее — но на другой манер. Здесь, в Атлантиде, цвета, поражая взор, сталкивались друг с другом, над белыми стенами среди ослепительной зелени перепархивали птицы. В этих же буйных зарослях обитали и другие существа: мартышки с голубоватой шерстью восседали на крышах и портиках. Интебу приходилось уже видеть этих столь напоминающих человека тварей, только животных подобного цвета он еще не встречал. Откуда это атланты их взяли? Были и другие животные. Ослы возили грузы, из открытых окон выглядывали кошки. Самыми интересными оказались слоны, запросто разгуливавшие повсюду. Они совершенно не были похожи на знакомых ему африканских боевых слонов — здешние толстокожие были ростом с лошадь, шкура их была значительно светлее. Люди расступались перед животными, кое-кто прикасался к ним — ради счастья и благословения.

Потом они оказались уже на самой вершине холма, могучие белые стены акрополя величием своим ничем не уступали египетским. Как только кресло его опустилось на мостовую, массивные бронзовые двери распахнулись, перед Интебом склонились царские слуги в синих одеждах.

Он вступил в просторный зал с колоннами вдоль стен, возле которых выстроились эбеново-черные стражи-нубийцы — вывезенные из Египта, — облаченные в леопардовые шкуры, с копьями в могучих руках. Потом был другой огромный зал, заканчивающийся широкой лестницей. Повсюду царил полумрак, только небольшие окна над головой пропускали рассеянный свет. Издали доносился напев, пахло благовониями, тишину залов нарушали только тяжелые шаги рабов, несших дары за Интебом. Египтянам встречались узко-

бедрые мужи в облегающих тело коротких одеяниях, они разглядывали Интеба с не меньшим любопытством, чем он их. На фресках, покрывающих стены, такие же юноши, опираясь на рога нападающих быков, взлетали над ними в воздух. Их сменяли изображения странных рыб и многоруких спрутов, раскачивающихся подводных трав, затем — цветов и птиц. Были в залах и женщины, столь же привлекательные, как и мужчины; на них были длинные многоярусные юбки из пестрых тканей, крошечные шляпки украшали сложные и высокие прически, соски округлых нагих грудей были выкрашены синей краской. Некоторые из них были облачены для охоты — место царской ловли знали все, должно быть, туда они и направлялись: невысокие, охватывавшие голень кожаные сапоги были ярко раскрашены, короткие зеленые юбки оканчивались выше колена, широкие кожаные пояса с бронзовыми нащепками удерживали их у груди. С плеч спускались на грудь перекрещивающиеся перевязи. Плечи женщин оставались обнаженными, подобное облачение лишь подчеркивало красоту грудей, привлекая внимание к ним. Интеб же нашел в подобных одеяниях нечто отталкивающее. Потом вновь был яркий свет, они вступили на открытый мегарон — в сердце дворца.

Весть о прибытии Интеба успела достичь царя Атласа, восседавшего на высоком алебастровом троне у дальней стены с фреской за очагом — он явно только что правил суд. Чиновники с глиняными табличками поспешно покидали мегарон, а вооруженные стражи выталкивали человека в колодках. Интеб отступил в тень, выжидая, пока восстановится порядок, дабы войти, как подобает мужу его ранга, выступающему от имени самого властелина Египта. Колодник был наг, за исключением повязки на бедрах, его покрытое запекшейся кровью тело было сплошь покрыто синяками. Один из стражей ткнул его в спину рукоятью меча, тот споткнулся, а затем, оглянувшись, бросил ругательство через плечо.

Ошеломленный Интеб замер на месте.

Перед ним был Эсон, сын Перимеда, наследник микенского трона.

Второй раз страж ударил уже покрепче, и осевшее тело Эсона торопливо выволокли из атриума.

— Отличное вино, мой дорогой Интеб, — проговорил царь Атлас, похлопывая египтянина по руке, словно в знак подтверждения собственных слов. Толстые белые, похожие на мясные колбаски пальцы царя были украшены перстнями. — Оно родом с южного склона прямо за Кноссом. Чтобы получить этот глубокий пурпурный цвет и неопиcуемый аромат, мехи вымачивают в винном соусе. Вино следует разбавлять десятью частями воды — настолько оно крепко.

Высокую амфору в половину человеческого роста осторожно наклонили, чтобы неторопливая струя вина, вытекая, не прихватила масла, которым вино было залито сверху, чтобы предохранить от воздуха. Золотую чашу с великолепной чеканкой — сценами ловли диких быков — налили не до верха. Один из рабов склонился над нею с губкой, промокая золотистые капельки оливкового масла. Только после этого чашу поставили на низкий стол рядом с Атласом. Чтобы почтить гостя, сидевшего по правую руку от него, царь сам долил холодной воды, а потом наполнил кубок Интеба; пригубив, тот кивнул.

— Превосходное вино, царственный Атлас, вдвойне превосходное, когда пьешь его из твоих рук.

— Я пошлю его фараону. Десять амфор... нет, двадцать — большее число обладает и большей силой.

Довольный собою, Атлас кивал, улыбался и потягивал вино. Огромная расплывшаяся туша. А в молодости — Интеб знал это — был ведь отважным моряком, провёл свой корабль до Золотого Рога и дальше в Восточное море, потом вверх по Истру... Там деревья росли так тесно и близко, что ветвями своими закрывали небо. Люди в этих лесах воевали каменным оружием, были покрыты шерстью, у них росли звериные хвосты... по крайней мере так говорили. И если прежний воин еще прятался где-то внутри этой глыбы мяса, об этом теперь ничто не свидетельствовало. Складки мертвенно-бледной, как у уопленника, плоти сползали на шею и руки. На голове царя не было ни волоска — словно у бритого жреца, не было даже бровей и ресниц, глаза же, утопавшие в жире, поблескивали сине-зелеными огоньками. Губы царя улыбались, хотя глаза оставались хо-

лодными. Растянутые в улыбке накрашенные губы открывали черный рот, в котором торчали редкие бурые пеньки, оставшиеся от зубов. В довершение всего боги лукаво пометили этого человека: шею и одно ухо его покрывало воспаленное красно-пурпурное пятно; к счастью, багровая левая сторона лица царя не была обращена к Интебу, сидевшему справа. Должно быть, в годы юности царь действительно был одним из храбрейших — иначе как можно выжить со столь многочисленными признаками немилости небес. В Египте его не оставили бы в живых, даже родись он среди благородных: таких сразу после рождения отдавали водам Нила, дабы священнейшие из крокодилов пресекали неудобную богам жизнь.

— Расскажи мне о Египте, — проговорил Атлас, искося бросив на Интеба лукавый взгляд.

Интеб приложился к вину и причмокнул губами в знак удовольствия. Думать приходилось быстро. Не следует полагать, что этот царь, налитый белым салом словно жертвенный боров, допустил, чтобы и разум его тоже заплыл жиром. Ведь он правил морской империей уже три десятилетия. Такое бывало нечасто. Что-то он знал, о чем-то догадывался, а значит, правда позволит наилучшим образом скрыть свои мысли. Интеб не был новичком в дворцовых интригах, и его радовала возможность вновь окунуться в них после лет, проведенных среди варваров.

— Мне почти не о чем рассказывать, царственный Атлас, я странствовал и много месяцев не видел дома.

— В самом деле? Весьма интересно. Расскажи мне о твоих путешествиях.

— Они скучны, о царь: по большей части это были варварские страны.

— Расскажи же, удовольствие и интерес гостят повсюду. Терпкие вина хороши на охоте, только что убитый вепрь лучше, когда его жарят над костром. — Взгляд холодных глаз вновь обратился в сторону. — Разве мальчишки с округлыми задками не столь же хороши в диких странах? И девки с толстыми животами и большими грудями?

Подцепив кусок мяса золотой вилкой, Интеб окунул его в острый соус и принялся жевать. Придется говорить правду... ее не избежать.

— Большую часть этих долгих месяцев, царь, я провел в скалистых Микенах, выполняя повеление фараона.

— Строил им стены, Интеб, чтобы воевали с нами, атлантами?

Знает, понял Интеб, и пытается подловить.

— Нет, великий Атлас, кому же по силам воевать с Атлантидой, что правит над морями и берегами всюду, где пожелает? Разве опасно для вас, атлантов, это жалкое племя, гнездящееся на прожаренной солнцем скале? Их жалкие стены годятся, только чтобы воевать с другими ничтожными племенами, обитателями деревень. Вижу, что ты, царь, обо всем уже знаешь. У тебя глаза бога Гора.

— Не глаза, Интеб, шпионы, которых можно купить за козий помет. Ты удивишься, узнав об их рассказах.

— После великолепия твоего двора меня уже нечем удивить, — отвечал Интеб, склоняя голову. Атлас расхохотался и протянул руку к истекающему медом жареному цыпленку.

— Интеб, твоему фараону хорошо служат. Мне бы хотелось, чтобы и у меня были столь же верные слуги. — Одним движением он разодрал тушку пополам и принялся жевать. — Перимед умеет жалить как овод. — Из рта царя вылетали кусочки мяса, мед стекал по подбородку. — Твой фараон поступил мудро, он купил царька высокими стенами и воротами, которые пришлось возводить рабам микенцев. И корабли Перимеда теперь не опасны египетским берегам.

— Но ведь они не опасны и водам, где властвует Атлантида?

— Конечно, нет. Я не сказал, что царь глуп. Потому твои труды в Микенах и не беспокоят меня. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты хорошо омылся, оставив эту зловонную яму...

— И умастил себя благовониями, а одежду, которую запачкал среди микенцев, сжег прежде, чем предстать перед могущественным Атласом.

Оба расхохотались, и Интеб ощутил облегчение, однако продолжал держаться настороже. Там, в глубинах развалившейся перед ним жирной туши все-таки прятался юный Атлас, кормчий и воин, и присутствие его выдавал только холодный взгляд царя. И теперь былой витязь вооружен был лучше, чем прежде, не одной силой рук: мегарон дворца источал запах интри-

ги... слабый, но вполне различимый. Богатые купцы и судовладельцы раскинулись на каменных скамьях, покрытых подушками, возле стен зала. Над ними резвились на фресках дельфины, перед ними стояли столики с угощением... они ели и пили, громко перекликались. И были настороже. Как львы, отдыхающие после охоты, после убийства, готовы были они в любой момент прыгнуть на жертву. А пока они говорили, внимательные глаза не знали покоя, чтобы не пропустить ничего... все время возвращаясь к расплывшейся на троне возле стены туше Атласа, средоточию их интересов.

Главный писец из архивов читал царю список поступлений в царские кладовые, громко, так, чтобы слышали все. В Атлантиде не было придворного поэта, но зато писцы составляли хроники увеличения ее богатства.

— ...и три кувшина, шесть котлов с треножниками, и три сосуда с вином, масло, ячмень, оливы, фиги, запас пшеницы, домашний скот, вино и мед; все это дары могучего Маттиса, купца, вернувшегося из дальнего странствия.

Упомянутый купец был могуч, похоже, своим аппетитом: когда он поднялся, то оказался круглым, как дыня. Купец склонился перед царем, тот, приветствуя, поднял свой кубок. Чтение продолжалось.

— И еще шесть сосудов для смешения вина, три сковородки, двое щипцов для очага, черпак, одиннадцать столов, пять стульев, пятнадцать скамеек.

Список казался бесконечным, и Интеб пропускал услышанное мимо ушей, тем более что и остальные внимали вполуха, лишь иногда кивая — услышав нечто необычное. Принесли пищу на красивых блюдах — последнюю перемену. Сперва была птица: какие-то обжаренные пичужки, чуть ли не на один глоток, потом пошла дичь покрупнее, а за нею звери, добытые на охоте. Теперь же море принесло свою дань: сине-черные мидии в раковинах, каракатицы в собственных чернилах, печеные мелкие рыбешки, отварные рыбыны покрупнее. В этом морском королевстве рыбу ценили. Она манила — как женщины. Внимание гостей разделилось. С ними обедали и атлантки, обнаженные груди временами уже вздымались под вопрошающей лаской. Но когда рабы внесли дары моря, женщин на время забыли.

И пока Интеб внимательно разглядывал обедающих, изучал их, он вдруг понял, что и за ним самим наблюдают не менее пристально. Это был юный Темис, третий сын Атласа, сидевший справа от египтянина. Улыбнувшись в кубок с вином, Интеб ощутил, что уж и сам оказался впутан в здешние интриги.

Юный Темис был красив и знал это... Узкие бедра, широкие плечи, среди атлантов такое ценилось, и потому царевич был в узкой повязке на бедрах, высоко открывавшей ноги. На гладкой безволосой груди вздувались могучие мышцы. Но за гордой силой виделась и восприимчивость: тонкий изогнутый нос, пухлые губы говорили, что перед Интебом не мускулистый зверь, а сын своего отца. Прямые темные волосы открывали высокий лоб, их поддерживал обруч из кованого золота. Поймав на себе взгляд Интеба, царевич приподнял кубок в знак приветствия:

— Вижу, благородный Интеб, ты критическим оком разглядываешь наш двор. Должно быть, он далеко уступает сказочному великолепию и богатству Египта, к которому ты привык?

— Я успел привыкнуть к вонючему тухлому маслу и вонючему козьему помету. Но в моих глазах ты мог бы прочесть удивление и восхищение. Не умаляя Египта, скажу: ваш город и дворец подобны чуду. А картины на стенах изумили мой взгляд. Мы, египтяне, в искусстве своем ценим порядок, знакомые формы и узоры даруют нам отдых. Но для ваших художников мир — это море: цветов, птиц, зверей, рыб... разнообразию нет конца. А гимнасты, прыгающие через быка... они, кажется, вот-вот спрыгнут вниз и примутся кувыркаться здесь среди нас, а огромный пятнистый бык тем временем поднимет меня на рога.

— Значит, ты еще не видел пляску с быком?

— Никогда. Но я надеюсь ее увидеть. А ты не прыгаешь через быка?

— Значит, заметно? — усмехнулся Темис и повел плечами так, что мышцы заиграли под кожей, прекрасно подмечая восхищенный взгляд Интеба. — И не только прыгаю. Еще я лучший кулачный боец в этом городе.

— Я не знаю такого развлечения, сами слова незнакомы мне.

— Ты обязательно должен познакомиться с этим благородным спортом до отъезда. Представь себе двух бойцов, их обнаженные тела блестят от масла. Кожанные ремни намотаны на их кулаки; обратившись лицом друг к другу, они наносят удары, способные убить обычного человека, и отражают их. — Темис отпил вина, потом взял конический кубок с низкого столика перед собой. — Ну а эта игра тебе известна? — спросил он, тряся кубок, в котором загремели кости, и опрокидывая его на стол.

— В Египте мы знаем игру в кости, хотя правила, наверное, другие.

Темис поднял кубок, открывая три кости.

— Шестерка, тройка, двойка, могло быть и хуже. Правило простое — выигрывает тот, у кого больше. Самый лучший ход, Афродитин, — три шестерки; худший, собачий, — три единицы. Сыграем?

Но прежде чем Интеб успел ответить, он понял, что царь Атлас обратился к нему, и египтянин повернулся к царю столь же поспешно, как это сделал бы всякий в этой палате.

— А теперь скажи, дорогой мой Интеб, случилось ли тебе видеть пса шелудивее этого?

Интеб поглядел на пленника, стоявшего перед Атласом. На его руках и ногах были деревянные колодки. Избитый, грязный, окровавленный, нагой... не человек, останки человека. Эсон, сын Перимеда, микенский царевич.

Весь вечер Интеб готовил себя к этому мгновению. Тот единственный взгляд на Эсона, о котором не ведал Атлас, дал понять египтянину, что его ждет. Он понимал, что Атлас не сумеет справиться с искушением, царь захочет показать гостю этого пленника. Интеб не мог не знать его, лишь недавно покинув город. И потому Интеб не поддался чувствам, отвечал взвешенно и обдуманно. Он окинул Эсона взглядом с ног до головы, и выражение на лице его не переменилось.

— Похоже, это Эсон, сын Перимеда. Но по каким же причинам, великий Атлас, с этим благородным человеком обходятся таким образом?

Улыбка исчезла с уст Атласа, на лице его была написана холодная злоба. Все разговоры разом стихли. Подобно ядовитой змее, царь не отрываясь глядел на Интеба. Египтянин отвечал ему бестрепетным взглядом.

Пусть Атлас — царь Атлантиды, ее самодержец, но и он, Интеб-египтянин, послан сюда самим фараоном с дарами дружбы... Об этом можно напомнить. Египет в мире с Микенами и с Атлантидой, он выше того, что разделяет сейчас оба царства. Атлас не сразу осознал это и помедлил с ответом. С первым же словом улыбка возвратилась на его уста. Но в глазах царя... в глазах темным пламенем горела холодная ненависть.

— Благородный? Что ж, и петух благороден на вершухе кучи навоза. Для нас, атлантов, мой маленький египтянин, он просто ничто. К тому же этот молодец принадлежит к тому самому вздорному горскому племени, о котором мы только что говорили.

— Ты... здесь! — прохрипел Эсон, только теперь узнавший Интеба. — Предатель... — Микенец попытался броситься вперед, но стражи оттащили его и бросили на колени. Атлас захохотал, все тело его сотрясалось от хохота.

— Смотри же, Интеб. Тварь эта даже не понимает твоих слов, того, что ты вступился за дерзкого княжонка. Ты смел, Интеб, только не советую тебе рисковать ради грязных варваров.

— Свиньи! — выкрикнул Эсон, закашлявшись. — Мы не хуже вас!

Палата взорвалась хохотом. Эти слова, мягко говоря, противоречили обличью микенца, и даже Интеб слегка улыбнулся, показывая, что и просвещенный Египет тоже ценит добрую шутку. Атлантида и Египет, два оплота цивилизации, культуры, искусства... они стоят высоко над людьми-животными, что обитают вне пределов обеих стран, разрывают грязь заостренными палками в поисках пищи... людьми низшими во всем. Быть может, эта кучка камней в Микенах действительно выше подобных же нагромождений скал в ближайших селеньях, быть может, царь ее и правит ими, но для Атлантиды это не имеет значения. Каждое ругательство Эсона доказывало правоту атлантов; они хохотали, приходилось улыбаться и Интебу.

— Смерть... — Эсон задохнулся в кашле.

— Смерть свиньям в доспехах и без них, — закончил за него Темис, и все вновь захохотали.

— Прямо как тот пес на свалке, — выкрикнул кто-то, и окруженный смехом Эсон попытался обернуться

к новому мучителю, скрипя зубами в гневе и разочаровании.

— Вы, вы... все, вы... ублюдки! Своим мечом я убью...

— Мечом? — Темис насмешливо поднял брови. — Мы бы дали тебе меч, но разве ты удержишь его в своих копытах? — Хохот сделался всеобщим, и Эсон напрасно пытался перекричать его... вид его раскрывающегося рта и побагровевшего от прилива крови лица лишь вызывал у атлантов новые пароксизмы веселья.

Внезапно смех оборвался: один из рабов нес большую керамическую миску с горячим рыбным супом. Связанный, в колодках, Эсон все же сумел подняться на ноги и, когда раб оказался возле него, рванулся вперед, потянув за собой обоих стражей. Раб упал, миска опрокинулась, залив Темиса своим дымящимся содержимым. Раб и стражи столкнулись друг с другом, а Эсон проскочил мимо них и повалился на низкий столик, сумев дотянуться до шеи Темиса... столик рухнул под весом микенца.

На миг воцарилась тишина, сменившаяся криками ненависти. Стражи отбросили раба и схватили Эсона, нанося по его телу удары, пытаясь оторвать его руки от горла Темиса. Уже теряя сознание, Эсон сжимал пальцы все сильнее, и лишь когда рукоятка меча, описав широкую дугу, обрушилась на его висок, по его телу прошла судорога и он затих. Его стащили на пол лицом вниз, и один из стражей, высоко подняв руками короткий меч, уже готов был обрушить его на шею поверженного.

— погоди, — проговорил хриплый голос, и меч замер в воздухе.

Темис встал, потирая горло, кусочки рыбьего мяса падали с его запачканной одежды.

— Он так легко не умрет. Он напал на меня, и право убить его принадлежит мне. Так, отец?

Пригубив вина, Атлас отмахнулся. Развлечение окончилось, он вдоволь потешился над горным варваром. Еще дрожа от ярости, Темис повернулся к Интебу:

— Ты говорил о кулачном бое. Завтра я покажу тебе это искусство. На открытой арене, в честном поединке, я до смерти забью эту скотину

Эсон проснулся во мраке, не зная, день или ночь снаружи; это было и неважно в той черной дыре, где он был заточен. Боль, терзавшая его тело в разных местах, теперь слилась в один жуткий клубок, стиснувший голову. Он попытался сесть, но, словно караулящий зверь, боль швырнула его обратно на жесткий каменный пол. При следующей попытке он был более осторожен. Эсон провел руками по телу — новых ран не было, во всяком случае серьезных. Затем, с особой осторожностью, он ощупал болезненную припухлость на виске.

Теперь он вспомнил пир, издевательства атлантов, собственное нападение на самое докучливое из этих жужжащих насекомых. Он улыбнулся во тьму. Боль стоила удовольствия: хорошо было стиснуть пальцы на этом горле.

Была ночь. Конечно, ночь, если его вновь заточили туда же. Острый запах навоза бил в ноздри. То же самое место, бычье стойло. Лев микенский, заточенный в стойле быка Атлантиды. Живой еще лев. Превозмогая боль, он пополз по полу на звук журчащей в канавке воды. Она оказалась на диво прохладной, и Эсон опустил в нее лицо, потом окунул всю голову, стараясь задержать дыхание подольше. Боль отступила, и Эсон медленно приподнялся, опираясь на стену, и наконец сел, прислонившись спиной к прохладному камню.

Должно быть, он уснул в этой позе, потому что прошло время, и, открыв глаза вновь, он увидел над огромной деревянной дверью кружок света. Прежде чем дверь распахнули и свет ударил копьём в глаза, он сумел закрыть их и защитит их рукой. Рядом протопали тяжелые военные сандалии; шурясь, Эсон попытался разглядеть высящиеся над ним фигуры. Противиться не было смысла, и он позволил, чтобы его подняли и выволокли из стойла. Смерть стояла рядом, удивляться он мог лишь тому, что все еще жив. Боль в голове лишила его способности думать, и он покорно пошел туда, куда его вели.

Дальше началось удивительное. Эсон слышал о банях атлантов — многие рассказывали об этом городе, но это чудо оказалось вправдашним. Под надежной

охраной — двое вооруженных стражников спереди, двое позади, еще двое по бокам, — он был приведен в комнату для омовения, куда свет попадал через узкие отверстия высоко в стенах. На почетном месте среди палаты располагалась более высокая с одного конца терракотовая ванна. Банщик шагнул вперед и склонился в поклоне перед Эсоном, стражи отступили к двери.

— Пусть господин воспользуется этой ступенькой, — опытной рукой он стянул набедренную повязку с Эсона, тот забрался в пустую ванну и сел. Банщик резко хлопнул в ладоши, раб внес огромный горшок с горячей водою и поставил его на глиняный выступ возле ванны. Взяв черпак, банщик принялся поливать Эсона, сопровождая поток воды словесным потоком.

— Вода... дивная вода. Боги благословили Атлантиду водяными ключами... вода по каналам и трубам подводится к этим баням. Горячие ключи и холодные. Так, господин мой... воды их смешиваются здесь.

В нише глиняного выступа оказалась губка, которой банщик принялся растирать Эсона, поначалу мягкими движениями удаляя запекшуюся кровь и грязь. Потом он сполоснул тело Эсона водою, очистившей его раны, смыв вместе с грязью и боль. По распоряжению банщика он поднялся и лег на прохладный камень, где, умастив тело его и волосы благовонным маслом, банщик принялся умело разминать его. Усталость оставляла мышцы, масло закрывало еще не зажившие раны. Под руками банщика боль почти оставила тело Эсона, а когда тот начал брить его острым обсидиановым лезвием, микенец уже задремал. Рядом раздались чьи-то тяжелые шаги. Открыв глаза, микенец увидел над собой на редкость уродливую физиономию. Судя по всему, нос этому человеку перебивали неоднократно, один глаз был почти закрыт разросшимся рубцом, уши были надорваны, как и часть нижней губы, — через дыру проглядывали зубы. Седой ежик на голове не мог скрыть многочисленные рубцы.

— Кулачный бой знаешь? — хриплым голосом, соотвествовавшим физиономии, осведомился вошедший.

Эсон моргнул, потом отрицательно качнул головой: о таком он и не слыхивал.

— Нет. Так я и думал, откуда вашему брату знать об этом. А теперь слушай-ка старика Эйаса. Усваивай. Если ты окажешься сегодня слаб на арене, если не сумеешь

показать себя, прежде чем тебя убьют, это будет стоить и моей головы. Понял меня, незнакомец?

Вместо ответа Эсон ограничился тем, что закрыл глаза. Внезапная боль пронзила его тело, и Эсон уселся, оттолкнув банщика, стиснув рукой бок: он ожидал уже, что увидит разверстую новую рану. Там не было ничего — только красное пятно на боку. Эйас ухмылялся, глядя на него, — уродливая рожа с отвисшей губой. Стиснув огромный кулак, он выставил его вперед.

— Это кулачный бой. Вот тебе первый урок. Складываешь ладонь в кулак и бьешь. На арене твои руки прикрывают кожаные ремни, чтобы крепче ударить и не сбить костяшки. — Пальцы Эйаса были узловатыми и расплюснутыми, покрытыми шрамами. — Человека можно бить во многие места, но все я тебе сейчас не смогу показать. Лучше бить в голову или в верх живота. А теперь вставай и ударь меня.

— Дай меч — ударю.

— Здесь обходятся без мечей, горец. Все будет так, как угодно атлантам, Темис убьет тебя со всем мастерством, на которое способен только он один.

Кулак Эйаса мелькнул, и Эсон получил легкий, но болезненный удар в челюсть, голова его откинулась назад, вновь отзываясь болью. Взревев от гнева, Эсон прыгнул вперед, нанося могучий удар, от которого кулачный боец легко увернулся.

— Нет, не так. Ты не рубишь мечом. Двигай кулаком, словно мечешь копье. Лучше, уже лучше, но не слишком хорошо. И не открывайся так, я ведь могу врезать. Больно, а? Темис будет обращаться с тобой хуже. Я слышал, что ты облил его горячим супом и попытался удушить. Темис не из тех, кто молча проглатывает оскорбления. Горец, он забьет тебя насмерть.

Эсон отступил, по-прежнему настороже, выставив вперед кулаки.

— Это тот муж, что хочет убить меня? Он сын Атласа?

— Сын. Он могучий боец, именно это и должно тебя интересовать. Ты собираешься умереть как муж или трясущийся раб?

— Я хочу убить Темиса. Покажи мне приемы.

Осваивать нужно было многое, но времени на это почти не было.

Стража с хохотом наблюдала, как Эсон гонялся по палате за приземистым бойцом, размахивая руками, как цапля крыльями. Все усилия его почти не приносили результата, удалось только пару раз зацепить Эйаса по ребрам. Но упражнение прояснило голову Эсона, и когда боец оставил его, микенец вылил себе на голову целый кувшин воды, расхохотавшись, когда стражи принялись бранить его за образовавшуюся на полу лужу. Он не стал возражать, когда его еще раз вытерли и умастили маслом. Банщик облачил его в высокие, плотно прилегающие штаны из нескольких слоев кожи, а затем обул в сапоги из того же материала, доходившие до лодыжек. Колодок на этот раз не было, однако, выводя его из палаты, стражи обнажили мечи.

— Уберите оружие, — проговорил Эсон, — я хочу того же, что и вы. Не дождусь поединка с вашим изъеденным червями царевичем.

Он говорил, что думал. Конечно, лучше было биться бронзовым кинжалом или мечом, даже боевым топориком, которые предпочитали атланты. Ведь оружие было только средством — Эсон жаждал битвы. О поражении он не думал — хотя, конечно, микенский царевич привык помнить о смерти. Не следовало страшиться ее или манить к себе, она всегда была рядом. Муж убивал мужа, с которым бился. Тяжелая рана означала смерть, и честнее было разом закончить начатый поединок. Двое бьются — один умирает. Иногда и оба сразу. Оружие — не главное. Главное — сама битва.

Мир Эсона не был сложен, и удовольствия его были просты. Он хватался за все радости, предоставляемые ему жизнью, одинаково острое удовольствие давала и охота с копьем на кабана, и объятия женщины. И то и другое быстро заканчивалось. Конечно, у него всегда находились друзья, с которыми приятно пить, а потом они сражались возле него. В битве он находил самое большое из удовольствий. Необходимые, чтобы завязать битву, ссоры Аргоида поставляла в избытке. Первые детские воспоминания Эсона были — вопли мужей за стенами, раны и смерть, окровавленные бронзовые мечи. Первой его игрушкой был небольшой меч, и он не был просто забавой. Едва получив его — дня не прошло, — Эсон выследил и убил поросенка и приволок к отцу окровавленную тушку. Дичь становилась крупнее, наконец дошло и до самой опасной. У него в руке было

копье, и Эсон ударил им под козырек эпидаврского шлема, прямо в глаз воина. Удивило его лишь то, как легко умер этот человек — куда легче, чем многие из убитых им оленей.

Женщины находили его привлекательным, мужчины тоже. Ясные голубые глаза, гладкая кожа. Каштановые волосы и борода, расчесанные и подстриженные, как теперь, отливали янтарем. Конечно, нос крупноват, но не уродлив — словно хищный клюв ястреба; на эту птицу и был похож Эсон. Здоровые белые зубы — иных и не знали привыкшие к простой пище микенцы. Змеистый шрам на подбородке не один белел на загорелом теле. Ему случалось идти — или бежать — весь день и ночь и с ходу вступать в битву. Мышцы Эсона были способны на подобные усилия — длинные, ровные, не выпиравшие узлами, как у мужей, миновавших пору расцвета. И в уме ему трудно было отказать. Как и отцу — Перимеду. Но все способности он тратил на одно лишь — чтобы лучше биться. А вот зачем ему битвы — вопрос этот еще не приходил царевичу в голову. Настанет день, и придется задуматься: умрет Перимед, тогда ему, Эсону, быть царем в Микенах, но пока для раздумий нет особых причин. И ныне его ждала новая битва, он шел на нее столь же непринужденно, как на каждую из тех, в которых ему приходилось участвовать за двадцать один год своей жизни.

— Стой здесь, — стражи остановили его за руки. Впереди за аркой уже виден был большой двор, усыпанный песком. С кожаными ремнями в руке подошел покрытый шрамами кулачный боец.

В этот миг издалека донесся гул, словно чудовищный зверь шевельнулся в глубинах земли. Почва затряслась под ногами. Стены пошатнулись, дрогнули колонны, сверху с пылью посыпалась штукатурка.

Эсон дернулся вперед к безопасности — под открытое небо. Сильные руки потянули его назад.

— Не трусь, горец, ты не мертв еще. — Стражи со смехом следили, как Эйас привычными движениями обматывал кожаными ремнями руки Эсона. — Атлантида чересчур прочно сложена, она не развалится, когда потрясатель земли Посейдон колышет недра. Ты еще поживешь немного, тебя ждет бой с Темисом, а умрешь, когда он убьет тебя. Час твоей судьбы еще не настал.

Отсутствие страха у стражей подбодрило и Эсона. Он знал, что на островах земля иногда сотрясается, да так, что дома рушатся, и потоки жидкого камня истекают из земных глубин. Значит, земля здесь трясется нередко, раз все вокруг не выказывают беспокойства. Он следил, как Эйас обматывал его руки тонкой кожей. Наложив первый слой, боец пристроил к костяшкам пальцев свинцовую пластину, привязав ее широкой полосой кожи потолще.

— Вот тебе и молот, — приговаривал Эйас, привязывая к другому кулаку такую же свинцовую полоску. — С одной кожей на кулаке приходится повозиться, чтобы убить человека. Для этого нужен свинец. — Снаружи пронзительно взвыли рога, и Эйас торопливо закончил наматывать ремни. — Вот и сигнал. Тебя требуют. Умри хорошо, горец. Многие почли бы за честь умереть от кулака царевича Атлантиды. — Он криво усмехнулся.

Руки Эсона неуклюже висели, как онемевшие копыта. Он поглядел на кулаки, пристукнул ими друг об друга. Лучше бы, конечно, любое другое оружие, но и это сойдет.

— Выходи, — приказал один из стражей и подтолкнул Эсона мечом в спину.

Не оборачиваясь, Эсон коротко ударил кулаком, угодив стражнику прямо в живот. Охнув, тот перегнулся, меч звякнул о камни. И прежде чем прочие успели пошевелиться, Эсон шагнул вперед — на арену.

Двор оказался огромным; с трех сторон его окружал дворец, четвертая была огорожена низкой стенкой, за ней начинался обрыв. В центральной части двора располагалась широкая лестница, по бокам которой шли два ряда ярко-красных колонн, сужавшихся книзу. Такие же колонны шли сверху вдоль балконов, кое-где над ними золотом блестел двойной топор Атлантиды. У балконов и окон стояла нарядная публика — мужчины и женщины, но Эсон не замечал их. Он видел только топоры и мечи в руках воинов, стоявших возле стены дворца, около каждой двери. И мужа, что в одиночестве стоял на песке.

Темис. В таком же одеянии, как и сам Эсон. Умщенное благовониями, тело его блестело, обмотанные ремнями кулаки походили на дубинки. Он неторопливо направился навстречу Эсону, тоже двинувшемуся к противнику.

— Я с тобой говорить не буду, — начал Темис, **замахиваясь кулаком**, — я убью тебя.

Эсон отпрыгнул назад, смягчая силу удара, угодившего в плечо. И ответил могучим ударом, способным уложить насмерть быка, угоди он в нужное место. Но рука его лишь мелькнула в воздухе — Темис легко уклонился.

Острая боль вдруг пронзила Эсона, и он беспомощно повалился спиной на песок. Вдали взревели голоса.

— Вставай, — сказал Темис. — Это было только начало.

Эсон, шатаясь, поднялся, и избивание началось.

На его тело обрушивался удар за ударом, оставляя синяки и ссадины. Сам же он не мог дотянуться до Темиса, попасть в расплывающийся в глазах силуэт. Только однажды, повалившись вперед, он ухитрился достать противника и нанести ему чувствительный удар в бок, но Темис отбросил его в сторону, продолжая молотить по голове, груди, плечам и рукам. Эсон не знал, сколько прошло времени, оно тянулось и тянулось, микенец напрасно размахивал руками, получая в ответ тяжеленные удары. Кровь текла по его лицу, заливала глаза, он ощущал соленый привкус во рту. Кровь покрывала и тело, желтый песок налипал на раны каждый раз, когда он падал. А потом он получил удар в солнечное сплетение, самый сильный. Эсон лишился способности двигаться и корчился, подобно рыбе на берегу, тщетно пытаясь вдохнуть воздух. Темис обернулся к царю и наблюдавшей сверху толпе.

— Все честно, — выкрикнул он. — Каждый удар, который он получил, должным образом угодил в назначенное место. Но забава окончена. Настало время ломать кости. Я перебью ему ребра и кости, я ослеплю его, искалечу его лицо, и только когда он осознает все это, я убью его!

Последние слова утонули в хоре хриплых криков. Да, все хотели видеть это, все желали видеть мастерство Темиса, запомнить гибель микенца и смаковать ее, вспоминая в последующие годы. Это был добрый день.. для всех.

Кроме одного. Эсон с трудом перекатился на живот, стараясь одолеть боль, подтянул под себя колени; он пытался смахнуть кровь с лица, протереть предплечьем

глаза, чтобы хоть что-то видеть. Выхода не было. Этого мужа ему не повалить. Он не хотел себе такой бесславной смерти, и мысль о ней угнетала его сильнее, чем боль от полученных ударов.

Земля под ним затряслась, и Эсон упал на четвереньки, упираясь в землю руками. Рев в ушах его сделался громче. Неужели он настолько ослаб?

Но когда прямо на его глазах часть огромного здания осела, Эсон понял, что жуткий рев ему не примерещился и что сама земля сотрясается под ними.

Это было не просто легкое колебание почвы. Подобные землетрясения разрушали города и сравнивали их с землей.

Все еще не вполне понимая, что происходит, Эсон глядел, моргая, на сотрясающиеся стены и обрушивающиеся колонны. Люди вопили в ужасе, падали вниз, выбрасывались из верхних окон. Лопнули медные скрепы, посыпались белые камни карниза. Длинный камень рухнул в песок рядом с Эсоном, каменная крошка ожгла кожу.

Случилось. И без колебаний он метнулся вперед, подцепив неуклюжими кулаками плиту из резного камня длиной в локоть. Из всех сил замахнулся ею Эсон — мышцы его сейчас не уступали по твердости камню, который сжимали его руки. Темис приближался с занесенной рукою, готовый нанести микенцу убийственный удар.

Но первым ударил Эсон. Поднятые кулаки Темиса не могли остановить падающий камень. Прямо в голову Темиса ударил он, на месте уложив царевича недвижимым и бездыханным... только грубый обломок камня торчал из его черепа. Повернувшись, чтобы бежать, Эсон над грохотом и воплями услышал собственное имя, — подняв вверх глаза, он увидел склонившегося с балкона царя Атласа.

— Убейте его, немедленно! Убейте микенца! — кричал царь. С балкона прыгнул вниз молодой атлант в бронзовой броне, вес доспехов заставил его упасть на колени. Поднявшись, он извлек меч и огляделся, ища Эсона. Еще два воина уже бежали по арене к микенцу, — остальные затерялись в толпе. Эсон сделал единственное, что ему еще оставалось: он повернулся и бросился наутек.

Перед ним открылся темный дверной проем, и Эсон нырнул в него. Клубы пыли мешали видеть, он споткнулся о наваленные на полу обломки. Вокруг словно живой стонал и корчился дворец. С треском гнулись и ломались вделанные в камень деревянные балки. Лестница впереди оказалась заваленной, Эсон повернулся и, касаясь обмотанной ремнями рукой стены, побрел вдоль нее. Он попал в просторную комнату с обрушившимся потолком, где, по крайней мере, было светло, обогнул груды обломков в поисках выхода и убедился, что пути дальше нет. Первый из его преследователей с хриплым воплем появился в дверях, закрывая дорогу к спасению.

Бронзовый шлем с высоким синим плюмажем из конского волоса. Бронзовые оплечья, нагрудник поверх толстой кожаной куртки, плотная кожаная юбка, бронзовые поножи на ногах. И тяжелый, острый, блестящий смертоносный бронзовый меч.

Окровавленный, почти нагой Эсон рванулся в атаку.

Воин спокойно поджидал его, а потом ударил мечом, метя в основание шеи. Подобный удар если бы не обезглавил, то наверняка сразил бы Эсона.

Безоружной левой рукой Эсон попытался защититься от неотразимого удара, в который противник вложил весь свой вес.

И меч ударил в кулак — в свинцовую пластинку.

В тот же миг правая рука Эсона молотом обрушилась сбоку на голову воина, тот рухнул, как оглушенный бык, потом попытался подняться, но Эсон молотил и молотил его в одну и ту же точку на шлеме, проминая прочную бронзу. Наконец воин застыл в неподвижности.

Эсон потянулся к мечу, но не мог его ухватить затянутой в кожу рукой. Он уже рвал ремни и шнурки зубами, когда у входа появились еще двое преследователей. Они медленно приближались, Эсон отступил. На этот раз спасения не будет. С мечом он мог бы еще попробовать отбиться от них, но что такое кулаки против двух мечей... Враги приближались, один впереди другого.

Задний громко вскрикнул от боли, зашатался и упал... Кто-то склонился над ним, извлекая кинжал из спины лежащего. Атлант, шедший первым, опасливо оглянулся, и в этот момент Эсон бросился на него, увлекая вниз

всем весом своего тела и отчаянно нанося удары правой рукою. С криком тот рванулся и уже обнажил свой меч, заноса его для последнего удара. Правая рука его поднялась — пропуская к боку уже обагренный кровью клинок, меж ребер скользящий в сердце. Перекатившийся на живот Эсон был готов вскочить на ноги и продолжать битву, когда взгляд его упал на египтянина.

— Интеб!

— Надо выбираться отсюда, пока вся Атлантида не рухнула нам на голову.

— Только срежь с моих рук эти проклятые штуковины, чтобы мне не пришлось унести их с собой в могилу.

Интеб не стал возражать. Закаленный, острый как бритва кинжал вспорол повязку на правой руке Эсона. Кожа свалилась, и Эсон смог размять онемевшие пальцы, а потом взялся за запястье обвисшей левой руки. Спасая в бою свою жизнь, он совсем забыл про нее. Теперь же ему представилось, что кисть разрублена пополам — такое было вполне возможно: меч рассек кожаные ремни. Интеб срезал остающиеся полоски кожи.

Распухшая рука горела, но была цела. Интеб показал ему свинцовую пластину — смятую, но не прорубленную. Вместе с толстым ремнем она остановила меч, не дав ему достичь пальцев Эсона. Микенец старательно сгибал и разгибал пальцы, невзирая на боль: кости как будто были целы.

Здание сотряс могучий толчок. Загрохотали камни, вдали слышались вопли. На дальней от них стороне комнаты вниз с грохотом посыпалась еще уцелевшая черепица. Интеб торопливо обтер окровавленный кинжал и руку о тунику мертвого атланта, потом показал на груды обломков:

— Надо попробовать вылезти здесь, так идти безопаснее, чем пытаться выбраться через дворец путем, которым мы попали сюда.

— Сперва помоги мне надеть этот доспех, — проговорил Эсон, потянув за шнурки на броне убитого воина.

— Но у нас нет времени...

— Это же полный доспех, самый лучший. Если я буду в нем, нас никто не сумеет остановить.

Возразить было нечего; кроме того, Интеб видел, что спорить бесполезно. Он принялся помогать микенцу раздевать труп, а вокруг падали камни. Наконец Эсон вооружился.

— Эй, бери второй меч, — проговорил Эсон, — и шлем тоже. Быстрее.

— Зачем? Я же не воин.

— Но двоих ты убил.

— Ударом в спину. Из трусости я не умею обращаться с оружием. И прежде не убивал.

— Но все же ты пошел за мной, бился рядом и спас меня.

— Так случилось... почти помимо моей воли. Просто... так вышло. Я сидел наверху и смотрел, как Темис разделяет тебя... но когда ты убил его и эти люди бросились за тобой, я отправился следом.

— Но почему?

Интеб улыбнулся:

— Почему, Эсон? Потому что уважаю тебя. Ты мой друг, царевич. Ты силен в одном, а я в другом.

Они взобрались на самый верх груды обломков и кусков штукатурки. Интеб уперся спиной в упавшую балку. Эсон вскарабкался ему на плечи, неловко протиснулся, орудуя одной здоровой рукой, через отверстие в потолке комнаты. Потом легко подтянул к себе Интеба. Вокруг погибал дворец. Стены рушились, сотрясаемые подземной бурей. Горячий ветер опалял руины, белый пепел с неба жег нагую кожу.

— Меня ждет египетский корабль, — проговорил Интеб, — мы спасемся, если сумеем добраться до него.

— Показывай дорогу.

Кроме них, в руинах уже не было видно оставшихся в живых. Атланты бежали, лишь изредка торчавшая из каменного завала рука или расплющенное тело напоминали, что уцелеть удалось не всем... Они пробирались по разрушенному дворцу, обходя зияющие над нижними этажами дыры, и наконец добрались до опустевшего дворцового двора. Из него лестница вела в расположенный ниже сад. Красные колонны и стилизованные бычьи рога валялись на земле, среди цветов и деревьев. С этой террасы, от подножия царившего над Ферой акрополя, можно было видеть весь остров. Теснившиеся на склоне дворцы и храмы лежали в руинах, как и жилые дома, что располагались еще ниже. А во внутренней гавани,

кольцом воды охватывавшей остров, были видны корабли, сгрудившиеся перед устьем канала через кольцевой остров, стремясь в более просторную внешнюю гавань. До нее было слишком далеко, чтобы рассмотреть, есть ли там разрушения, хотя корабли так же теснились ко входу в туннель, ведущий к открытому морю, как и перед каналом из внутренней гавани.

На севере, с дальних склонов поднималась белая туча, растущая гора дыма, застилавшая солнце. Гора клубилась, росла, становилась выше и шире, ее то и дело освещали яркие вспышки молний. У основания ее бурлил черный дым, густой и зловещий, пелену его то и дело разрывали взрывы, во все стороны разбрасывавшие белые струи. Одна из этих струй с огромной скоростью приближалась к акрополю. Черная точка на ее острие, огромный камень, все увеличивался в размерах, прежде чем врезаться в руины и без того разрушенного дворца. Потрясенные беглецы бросились вниз по склону. Воды гавани густо покрывали куски пемзы.

В развалинах прибрежного района были люди, живые, мертвые и еще прокапывавшиеся наружу из разрушенных домов. Египтянин и микенец бежали к воде и безопасности посреди жуткого хаоса, в который превратились улочки. Туда же устремились и остальные, иногда приходилось с боем прокладывать себе дорогу в узких проходах.

У пристаней никого не было. Корабли и лодки исчезли, оставшиеся на острове люди спасались бегством, устремившись по мостам к сомнительной безопасности, которую сулили внешние области острова.

— Мы пришли отсюда, — крикнул Интеб, — мой корабль был за теми домами.

Одно из высоких зданий рухнуло, перегородив главный причал. Им пришлось обходить завал, осторожно пробираясь через руины строений поменьше. Обрушившаяся стена придавила карликового слона, жизнь почти оставила зверя, только кончик хобота еще дергался из стороны в сторону. Они спустились к гавани возле развалин огромной парадной пристани. Крыша обрушилась внутрь, позолоченные бычьи рога подобно сложенным копьям уходили в воду.

Пристань оказалась пуста. Египетского корабля возле нее не было.

— Вон он! — закричал Интеб. — Входит в туннель, ведущий к морю! Смотри — самый последний корабль!

Переполненное людьми судно низко сидело в воде, на палубе поблескивали доспехи. Кормчий бежал, не дождавшись Интеба... или же его принудили, угрожая оружием. Впрочем, какая разница. Эсон показал вперед:

— К мосту. Поспешим за остальными.

Интеб воздел кулаки к небу в бессильной ярости, когда корма его корабля исчезла под сводом туннеля; потом он последовал за Эсоном. Они держались у берега, где было меньше обломков. Оба опустили головы, стараясь защитить лица от внезапно повалившего с неба раскаленного пепла. Ветер дул теперь еще сильнее, идти приходилось согнувшись.

Отовсюду доносились стоны, мольбы о помощи, но двое беглецов не обращали на них внимания, как и прежде по дороге из развалин дворца. Но один из голосов перекрыл остальные, и Эсон вдруг замер.

— Микенцы! Я зову микенцев!

Эсон вдоль пристани направился к полузатонувшей длинной и узкой галере, едва не наполовину длины ушедшей в воду. Прикованных к скамьям рабов-гребцов оставили умирать. Один из них и окликнул Эсона. Тот глянул на него с высоты пристани.

— Ты Тидей, сын Агелая. Мы бились вместе.

Грязный и обнаженный Тидей, почти по грудь ушедший в воду, глядел вверх. Ему приходилось кричать, чтобы Эсон различил его голос среди воплей рабов, обращавшихся к микенскому царевичу на полудюжине языков.

— Меня взяли в плен в Асине, как и тебя, с тех пор я здесь. У правой лодыжки — деревянный клин в колодке. Разбей мечом.

Эсон извлек свой меч, но Интеб тронул его за руку, и царевич в гневе обернулся: он не мог бросить микенца на верную смерть. Оказалось, однако, что Интеб подумал о спасении не одной жизни.

— Галера затоплена лишь наполовину. Если ее можно вычерпать, у нас будет корабль.

— На это нечего рассчитывать, — проговорил Тидей. — Мы погрузили припасы, собирались уже отплыть, когда с неба посыпались камни. Самый огромный угодил сюда, возле кормы, и пробил дно. Хозяева трусили и бежали. А нас бросили, — он безрадостно усмехнулся. — Надсмотрщик оказался последним и чуть не пробрался мимо меня. Я успел схватить его за ногу и втянул обратно. Мы удушили его, а телом заткнули дыру. И живой был — дрянь-человек, и затычки хорошей не вышло.

Интеб поглядел на тело, утопавшее в воде по плечи. Голова надсмотрщика покачивалась на невысоких волнах, вздымавших галеру, рот остался открытым, в глазах застыл ужас.

— Толстяк, — заметил Интеб.

— Боров, — отозвался ближайший из гребцов.

— Значит, он хорошо закроет дыру, будет даже лучше, когда его начнет раздвигать. Заткнем щели вокруг него.

Вокруг зашептались, потом рабы разом стихли и, глядя на Интеба, ожидали его слов.

— Похоже, течь прекратилась. Я позабочусь о том, чтобы она не открылась вновь, а вы вычерпывайте воду. Этот корабль еще может донести нас до Анафи или Иоса, ближайших островов. Так, Эсон?

— Конечно. Другого корабля у нас не будет, — Эсон соскочил в галеру и, следуя указаниям Тидея, разбил мечом его колодки.

На освобождение остальных гребцов времени тратить не стали. Они вычерпывали воду ладонями прямо со своих мест. Тидей рванулся к руинам и вернулся из ближайшего здания с кувшинами, ведрами... всем, что могло удерживать воду. Еще он принес кусок льняной парусины, должно быть, прихватил из лавки. Интеб разрезал его кинжалом на полосы и принялся затыкать щели между трупом и досками корабля. Труп сперва болтался на волнах, потом, когда воду вычерпали, осел на дно корабля. Некоторые из рабов были мертвы: те, что были на корме, утонули, одному снесло голову упавшим камнем. Уцелевшие не обращали внимания на трупы и лихорадочно вычерпывали воду, сгибаясь под яростно бушевавшей бурей. Воздух был полон пыли, даже дышать было трудно.

Галера приподнималась в воде с жуткой неторопливостью, а порывы горячего ветра то и дело бросали ее бортом в причал.

— Довольно, — наконец проговорил Интеб. — Пусть некоторые из вас вычерпывают воду, остальные же начинают грести, пока мы еще в спокойной воде.

Эсон перерубил мечом причальный канат на корме, кинулся на нос, чтобы перерубить второй. Внезапно на пристани над ним выросла фигура, и Эсон поднял меч, но разглядел, что противник его безоружен. Голова и лицо его были покрыты запекшейся кровью. Эсон рубанул по канату.

— Горец, на твоём корабле хватит места еще для одного.

Это был Эйас, кулачный боец. Эсон замахнулся мечом, но тот ловко отпрыгнул назад.

— Оставайся здесь и подохни, атлант, ты нам не нужен.

— Я не атлант. Я — раб из Библа. Был здесь мешком, в который били благородные руки. У вас на борту мертвецы. Позволь мне занять место одного из них, я тоже буду грести.

Канат утл в воду, галера стронулась с места.

— Горец, стой. Я не сделал тебе ничего плохого: только обязал тебе как надо руки ремнями и показал, как бьются на кулаках. Целый дворец обрушился на мою голову, и меня сочли мертвецом. Только у Эйаса для этого слишком прочный лоб.

Эсон отвернулся, и весла ушли в воду. Эйас прыгнул вниз и распростерся на носовой палубе. Приподняв голову, кулачный боец всей окровавленной рожей ухмыльнулся обернувшемуся Эсону.

— Теперь убей меня, если хочешь. Все равно на пристани я был уже почти что мертвым.

— Бери весло, — буркнул Эсон, бросая меч в ножны. С хриплым хохотом Эйас схватил ближайший труп и сбросил со скамьи, оперевшись о мертвеца ногами, чтобы удобнее было грести.

Других кораблей не было видно. Стемнело, как перед закатом, жаркий ветер гнал волны навстречу, заставляя гребцов изо всей силы налегать на весла, чтобы продвигать галеру вперед. Лишь в канале они нашли укрытие от бури. Галера торопливо двигалась вперед, сверху на настил падали камни, грохотали над головами

по толстым стволам. Наконец судно выскочило из подземелья на крутые волны внешней гавани.

Казалось, здесь только что завершилась морская битва. У противоположного берега на песок вытащены были три полузатопленных корабля, продырявленных падающими камнями. Один уже приподняли, и люди лихорадочно латали дно. Торчавшая из воды мачта свидетельствовала о том, что одному из беглецов вовсе не повезло. Дальше перед входом в канал сгрудилось с полдюжины запоздавших кораблей, пробивавшихся к морю. Весла сталкивались, трещали, ломались в борьбе кораблей за возможность достичь безопасности.

— Пореже гребите, — приказал Эсон, заметив происходящее, и заменивший надсмотрщика у барабана Тидей замедлил ритм.

Оставалось только дожидаться, пока корабли втянутся в канал и откроют для них путь. И с каждым мгновением извержение и подземные толчки усиливались. Вокруг беспрерывно падали камни разной величины, и вода вскипала над ними. Но хуже всего был горячий пепел, застилавший небо и удушающими облаками окутывавший все вокруг. Он ложился на палубу, слоем грязи покрывал гребцов, даже вздохнуть было невозможно. Все окутывал едкий серный дым, люди кашляли и плевались, вдохнув его.

— Глядите! — заорал кто-то, и, обернувшись на крик, все увидели, как в одно мгновение погиб круглобокий купеческий корабль. Тяжело нагруженное большое судно пробивалось вперед, расталкивая всех на своем пути... Купец был уже у самого входа в туннель, когда в него угодил камень, размером едва ли не в полкорабля. Корабль рассыпался в щепки, сокрушенный огромной глыбой. Камень исчез в воде, и обломки закружились в водовороте. Поднявшаяся черная волна разметала ближние корабли и швырнула галеру: судно взмыло на гребень, потом провалилось в ложбину, с обоих бортов хлынула вода. Потом корабль выровнялся, и гребцы принялись лихорадочно вычерпывать воду.

Вход в туннель оказался свободен. Обломки и полузатопленные корабли прибило к скалам. Единственный корабль, оставшийся на плаву, исчез в горле туннеля.

Раздвигая обломки, галера двинулась следом, люди в ней не обращали внимания на вопли утопающих. К галере подплыл человек, ухватился за весло, дотянулся до края борта. Ближайший гребец перегнулся в своей колодке и впился зубами в высунувшуюся из воды руку... пальцы исчезли. А потом галера оказалась в туннеле, и тьма сомкнулась вокруг нее.

— Туннель обрушился, его засыпало! — завопил кто-то. Эсону пришлось изо всех сил напрячь голос, чтобы перекрыть испуганный ропот.

— Нет, я вижу выход. Небо снаружи темное, да, но туннель пока цел.

Они двигались медленно, прощупывая путь веслами, ударявшимися о стенки туннеля. Наконец порыв злобного воздуха показал им, что выход близок. Галера очутилась в канале, уводящем к безопасным просторам открытого моря.

Сидевших на веслах происходящее на берегу не беспокоило, Эсон даже не глядел туда, но для Интеба эта часть и без того жуткого путешествия оказалась самой кошмарной. Всюду возле воды стояли люди, целыми семьями выстроились они вдоль берега. Они бежали из деревень и поместий в надежде обрести спасение. Их крики были даже громче, чем рокот вулкана, руки протягивались к кораблю, близкому, но такому недостижимому. А вулканический пепел потоками падал с неба... все они, мужчины, женщины, дети были покрыты густым его слоем, так что стали неразличимы: желтеющие силуэты казались живыми статуями. Матери протягивали детей, моля, чтобы взяли хоть их... галера размеренно продвигалась к морю. Впереди них шел атлантический корабль, команда которого также не обращала внимания на стенания толпы. Чтобы добраться до него, некоторые бросались с берега в воду, но плавать умели немногие. Лишь один человек еще держался на поверхности, когда галера приблизилась, но весло ударило его по голове, и пловец исчез под водою.

Корабли двигались все дальше, через бесконечный строй пожелтевших фигур... некоторые кричали, другие же словно онемели от ужаса; Интеб старался ни на кого не глядеть, как избавления ожидал он темной расщелины в скалах, выходящей к морю. Волны металась, били в каменные стенки канала. В открытом море волнение наверняка окажется гораздо сильнее.

— Суши весла, — приказал Эсон. — Ставь мачту, разворачивай парус!

С делом справились быстро. Парус был невелик, он только помогал гребцам и не годился для того, чтобы придать кораблю нужную скорость, но в открытом море он был необходим. Как только поставили парус, снова забил барабан, гребцы налегли на весла и корабль вышел в море, забирая подальше от Феры.

Они шли прямо в бурю. Дождь мешался с вулканическим пеплом; небо истекало жирной грязью. Ветер крепчал, и с облепленным грязью парусом уже приходилось сражаться... его взяли на два рифа — чтобы не сорвало ветром. Позади них Фера плевалась пеплом и камнями, провожая беглецов недовольным грохотом.

— Дурной ветер, северный ветер, — проговорил Эсон, кулаком ударив о поручень. — Если проглядим — разобьемся о берега Крита и или погибнем, или вновь попадем в руки атлантов, — прищурившись, он бросил взгляд на небо, на едва проступавший сквозь облака диск солнца. — Лучше бы плыть на северо-запад или на запад. Придется грести.

К закату ветер не ослабел, скорее усилился. Половина людей гребла, остальные спали, распростершись в грязи. На корабле хватало еды, пассажиры и экипаж бежали, не прихватив ничего. Они залили жажду водой, поели хлеба, сыра и темно-зеленых олив. Эсон рухнул на койку в крошечной каюте, не в силах пошевелиться, а Интеб втирал умягчающее масло в его порезы и синяки. Утомление и боль одолели микенца, левая рука его распухла, пальцы казались сосисками. Прижав ее к груди, Эсон провалился в черную пропасть сна.

Проснулся он в темноте, корабль бросало; доски корпуса скрипели, снаружи выл ветер. Положив руку на плечо Эсона, Интеб кричал ему в ухо, чтобы микенец услышал его:

— Мы у берега. Слышишь прибой? Гребцы измучены. Едва ли они продержатся...

Эсон потряс головой, пытаясь прогнать одуряющую боль и привести мысли в порядок; шатаясь, он поднялся на ноги и принялся ощупывать привязанные к шпангоутам амфоры. Пальцы нашли серебряную чашку, тонкой цепочкой прикрепленную к ручке пузатого сосуда. Зачерпнув, он отпил. В амфоре оказалось вино, а не вода, и, осушив две чашки, Эсон почувствовал себя лучше.

На палубе буря разила, как молот. Дождь прекратился, но порывы ветра срывали с гребней пену и несли брызги вперед. В окружающей тьме ничего не было видно, но между порывами ветра справа по борту были слышны глухие удары.

— Прибой стал громче, — пожаловался Интеб.

— Парус на месте? — спросил Эсон.

— Пришлось приспустить, чтобы не унесло.

— Поднимите снова, на одних веслах нам не уйти от берега.

Пока они поднимали парус, один из людей свалился за борт. Подхваченный ветром, он, коротко вскрикнув, исчез в волнах... Так и для всех остальных конец был совсем рядом — лишь сила их рук и тонкая деревянная скорлупка корпуса спасали людей от голодного моря. Парус сумели освободить от одного рифа, однако хватило и этого. Помогая гребцам, парус тянул корабль прочь от невидимого берега.

Ночь казалась бесконечной. Гребцы налегали на весла до полного изнеможения и гребли снова после короткого отдыха. Когда в их руках уже не оставалось силы, чтобы поднять тяжелое весло, они принимались вычерпывать воду, потом снова начинали грести.

Рассвет захватил их врасплох. Плотные облака стерли с неба все краски, и с зарей люди просто обнаружили, что начали проступать смутные контуры предметов. Постепенно в серой мгле проявилась и сама залитая водой галера, и гребцы, склонившиеся над веслами. Их теперь стало меньше, чем на закате предыдущего дня. Невозмутимый Тидей застыл у кормила, где он провел всю ночь. Эйас поглядел на Эсона и растянул рваные губы в ухмылке. Невзирая на возраст, он был среди тех немногих, кто мог еще грести — медленно, но упорно.

Справа не более чем в двадцати стадиях из волн морских поднималась огромная туша Крита. Позади галеры черный зубчатый берег закрывал горизонт, но впереди он резко обрывался. Оторвавшись от черпака, Интеб поднял на Эсона покрасневшие утомленные глаза, когда тот его окликнул:

— Посмотри, там не восточная ли окончность острова?

Интеб присоединился к нему на палубе, стараясь что-нибудь различить в сумраке.

— Трудно сказать, возможно, это действительно мыс. Скоро узнаем.

— Только бы обогнуть его, тогда впереди окажется море, и пусть ветер гонит нас, куда пожелает. Там нет берега, о который можно разбиться.

Не успел он договорить, как послышался резкий треск, и лень, поднимавший парус и служивший растяжкой мачте, лопнув, просвистел у них над головами. Всю ночь принимал он на себя весь напор ветра и наконец не выдержал. Оставшаяся без поддержки мачта повалилась, утянутая вперед вздувшимся парусом.

Все произошло мгновенно, и утомленные люди не сразу поняли, что произошло. Эсон опомнился первым. Выхватив меч, он бросился к туго натянутым линиям, удерживающим низ паруса. Но он не успел добраться до них: мачта с сухим треском переломилась и начала падать.

Эсон увернулся, и мачта рухнула рядом, накрыв его складками паруса. Когда он высвободился, все было уже кончено. Удерживаемая канатами мачта свисала в воду, отягощенная парусом; падая, она убила одного из гребцов и расщепила поручень. Теперь, когда они лишились паруса и перестали грести, ветер гнал их к скалистому берегу Крита, и уже были видны высокие пенные гребни волн, разбивавшихся о камни.

7

Снова пришлось им найти силы в глубинах измотанных тел, чтобы взяться за окровавленные рукояти весел. Снова пришлось грести. Ветер гнал судно на скалы, и парус больше не был подмогой. И они гребли. Обрушившаяся мачта и парус замедлили их движение, — но они мешали и ветру нести их к берегу: так что они оставили мачту и парус в воде и взялись за весла.

Они гребли. Опустив головы, не останавливаясь... в борьбе за свою жизнь. Корабль продвигался вдоль берега, но скалы приближались. Уже были видны камни, утопающие в белой пене, деревья на краю обрыва, высоко над головами. Они гребли. То один, то другой терял сознание от утомления, чтобы, мгновенно очнувшись, взяться за ненавистное весло. Мыс серой лапой

тянулся в море, чтобы схватить корабль, положение становилось все хуже. Они были уже совсем рядом с белыми валами, пена покрывала воду...

И вдруг впереди галеры оказалось открытое море, берег Крита плавной дугой уходил к другому, меньшему мысу. Обогнуть его было легко.

— Суши весла, — прохрипел Эсон; усталость мешала подняться, чтобы промочить пересохшую глотку.

— Ну, а теперь что, горец? — склонившись на весло, спросил Эйас с противоположной скамьи. — Отсюда нам с тобой далеко до дома.

— Теперь? — переспросил Эсон. — Теперь плывем, куда несет ветер. Или ты можешь предложить что-нибудь лучшее?

Пожав плечами, Эйас поглядел на ладони. Даже его одеревеневшая кожа не выдержала ночных трудов и кровоточила.

— Вот что скажу — пока с меня весел довольно. — Он откинулся на борт и опустил обе руки в воду.

Они перекусили на кормовой палубе, жадно запивая еду смешанным с водой вином. Кто-то принес пифос с оливками, и они горстями черпали плоды из широкого горла. По рукам ходил круг твердого сыра, от него ломали куски и жевали. Простая еда — другой они и не знали. Ели все с жадностью, даже Интеб, голод на время заставил его забыть о боли в натруженных ладонях. Тидея сменили у кормового весла, и он повалился рядом со всеми на палубу.

— Тидей, ты настоящий мореход, — проговорил Эсон, — у твоего отца, Агелая, был корабль, ты ведь плавал на нем? — Тидей кивнул в ответ, рот его был набит сыром. — Каков будет наш курс и что нам делать теперь?

Прищурясь, Тидей поглядел в море, на удаляющиеся берега.

— Так в Микены нам не приплыть, — проговорил он.

— Не сомневаюсь. А что нас ждет впереди?

— Глубокие воды, чудовища, пожирающие суда... словом, ничего хорошего.

— Что-то да ждет. Мы ведь не в силах даже вернуться на веслах к Криту, чтобы сдать атлантам — если, конечно, захотим этого — ведь остров остался позади. Какие еще острова могут попасться нам навстречу?

— Никаких.

Холодное слово ознобом пробежало по спинам слушателей. Если плывешь на корабле — плывешь вдоль берега или как там в Кикладах: от острова к острову. Один остров всегда впереди, другой уходит назад за корму. На ночь или в бурю корабль всегда можно вытащить в подходящем месте на берег. Разве можно плавать иначе? Море — огромная пустыня, но на суше и в самой пустой из пустынь найдутся ориентиры. А на этих просторах? Конечно, в ясный день человек может найти дорогу по солнцу, а что делать в пасмурную погоду? Никто не оставлял безопасного берега — такое считалось безумием. А теперь Крит оставался позади и неутомимый ветер уносил их от берегов острова. И впереди не было ничего — только вздымающиеся валы.

— Пропали мы, — проворчал гребец. — Осталось, стало быть, только умереть.

— Ветер утихнет, мы сумеем вернуться.

— А если нет?

— Погодите, — проговорил Интеб и голоса умолкли.

Он вынул кинжал и, став на колени, принялся чертить им на палубе.

— Я не кормчий, но знаю, где суша, где море. Я изучал математику и географию. А еще — я родом из Египта и приплыл в эти края под парусами, и теперь покажу вам, как это было. Здесь мы плыли вдоль берега — вот так. Минуя города и острова, мы добрались до Арголиды, до Тиринфа — вот сюда. — Он очертил на доске петлю, затем полукруг и ткнул в самый центр дуги.

— Из Тиринфа мы поплыли на Феру, а теперь мы миновали Крит и нас уносит в морские просторы. — Молча глядели они на его руку, проводшую на палубе прямую линию к точке, с которой он начал свой чертеж.

— Видите: вот Египет, вот Нил и Фивы. Все это по ту сторону моря, если переплыть вот сюда. — Взглядом следуя за движением его ножа, они не видели ничего и повернулись к нему с округлившимися глазами.

— А... далеко плыть? — спросил кто-то.

— Сорок скен, восемьдесят скен. Не знаю. Но если поплывем на юг, обязательно окажемся у этого берега. Да и другого выхода нам не остается. Пока дует этот ветер, мы сумеем вернуться даже на Крит или Атланти-

ду. Крит скоро исчезнет из виду... вы спрашиваете, что нам делать? Нестись вместе с бурей. И молиться богам, чтобы ветер не стих раньше, чем вынесет нас к берегам Африки.

Ничего другого им не оставалось. Море по-прежнему бушевало, частенько налетали шквалы с дождем. Но парус и свесившаяся за борт мачта удерживали галеру, словно плавучий якорь, и ветер гнал их вперед. День миновал, а за ним ночь, и к рассвету ветер утих, а море успокоилось. Эсон все еще бодрствовал у кормила, когда небо на востоке просветлело. В разрывах между облаками выступили звезды. Вскоре после этого и Интеб поднялся на палубу, удивленно покачал головой — весь горизонт охватил странный кровавый свет.

— Что это? — спросил он.

Эсон ответил:

— Рассвет. Но такого мне еще не приводилось видеть.

Пламенем полыхало все небо. Не один восток, где над горизонтом поднимался багровый диск солнца, — весь небосвод, всюду, куда попадали солнечные лучи. Пламенели исчезающие облака, небесный огонь словно истреблял их... И все молча глядели на небо. Охватившее небо пламя утасло, лишь когда солнце поднялось повыше.

— Мне случилось однажды в пустыне видеть нечто подобное, — проговорил Интеб. — Тогда была песчаная буря и за облаками песка солнце сделалось столь же багровым. Всю эту пыль, наверное, выбросило с Феры, но ее столько, что трудно поверить глазам.

— Чего только не могут сделать боги, когда захотят, — Эсон устало привалился к кормилу, позабыв про небесные красоты. Интеб озабоченно посмотрел на него.

— А как твоя рука — и раны? — спросил он.

Эсон пошевелил пальцами левой руки. Кожа на ней покрылась черно-багровыми разводами, однако опухоль спала.

— Лучше, все лучше. На порезах, как и следует, уже запеклась кровь, даже голова не болит с утра. Но у нас есть более важное дело, о котором следует подумать. Нет ветра.

— Можно идти на веслах.

— Куда же нам грести? — поинтересовался Эсон.

— Тебе решать. С севера еще дует легкий ветерок; повернув назад, в сторону Крита, придется все время идти против него. А впереди лежит Африка.

— Далеко?

— Я не знаю... могу только догадываться. Как знать: дальше или ближе. Но решить необходимо.

— Я решил уже. Плыдем на юг.

Спутавшиеся канаты, мачту и парус обрубил и оставили дрейфовать за кормой. Разделились на вахты, пересмотрели припасы. Если кто и сомневался в мудрости принятого решения, недовольные держали язык за зубами. Половина гребцов были рабы и дети рабов, они умели только исполнять приказы. Прочие были воинами из городов и земель, окружавших морское царство атлантов. Среди них нашлись мужи из Арголиды, Микен, Тиринфа, Асины, с дальних островов Икарии и Самоса, из еще более далеких Библа и Тира. Говорили они на разных языках, принадлежали к различным народам, общее у них было одно: все они бились с атлантами, потерпели в бою поражение и попали в рабство — в колодки на эту галеру. Их, обреченных на тяжелый труд и полуголодную жизнь, прикованных к судну, ждала скорая смерть, а с ней и могила в глубинах моря. Эсон избавил их от этой судьбы, спас и от гибели на Фере, казавшейся уже неминуемой. Он сразу же сделался предводителем, и, простые люди, они последовали за ним. Поплевав на ладони, они взялись за весла.

Усевшись в открытой двери каюты, Интеб царапал на черепке знаки, составляя список припасов, имеющихся на корабле. Отсюда он мог и приглядеть за курсом галеры; отмечая, как тени падают на палубу, определял сразу время и курс. Если корабль забирал к востоку или к западу, Интеб отдавал приказание, и кормчий поворачивал к югу. Эсон выспался и сидел в каюте, стачивая зазубрины на своем бронзовом мече и остря лезвие. Рядом стояла чаша меда, смешанного с вином, и изюм.

— Изюм, — проговорил Интеб, продолжая перечень. — Ячменные лепешки и сыр, оливки, оливковое масло, сушеная рыба, правда, с червями. С голоду не умрем. Вино, вода слегка приванивает. А вот и корабельный припас: нитки, ткань, иголки — чинить парус, которого у нас больше нет, смола — конопатить щели, доски для починки корпуса. Но пока это все ни к чему, сперва надо пристать к берегу. Надсмотрщик раздулся

и завонял, из него вышла хорошая затычка, но все-таки гребцы больше не хотят находиться возле него. Еще есть сундучки, принадлежавшие бежавшим кузнецам и капитану.

— Что в них?

— Инструменты халкея, чтобы работать по бронзе. Немного украшений, одежда... еще есть запечатанный ящик, печать я взломал. Там оказались три меча и четыре кинжала — их взяли на продажу. А больше ничего важного.

Эсон поглядел в свою чашу.

— А сколько вина и воды? — спросил он.

— Хватит, чтобы не испытывать жажды.

— На какое время?

— Дней на десять, если экономить — то на двенадцать. Только рыбы к тому времени все равно изъедят труп надсмотрщика и мы потонем.

— Интеб, ты сегодня жизнерадостен, как никогда. А до берега мы еще не доберемся к этому времени?

— Про то ведает мудрый Гор с головой сокола и ваши боги, глазающие на нас с Олимпа... А мне-то откуда знать. Берег может оказаться чересчур далеко, мы можем сбиться с пути и только кружить по морю, новый шторм может потопить нас. Не дашь ли мне этого вина? Я чувствую необходимость подкрепиться.

Эсон передал ему полную серебряную чашу. Опустив нос к поверхности вина, Интеб пригубил крепкий напиток, надеясь, что он изгонит из головы мысли о смерти. Он поглядел в глубь чаши, словно рассчитывая увидеть в ней предзнаменование, наконец допил до конца. Подметив печаль египтянина, Эсон поглядел на него.

— Ты решил, что конец уже близок? Ты, научивший нас, как теперь поступать?

— Одно дело — решиться на поступок, другое дело — совершить его. Когда меня просят построить стену или гробницу — я рисую план. Я ведь не строю стену своими руками. Могу даже передать свой рисунок другому зодчему, оставить все дело ему. Он присмотрит за тем, чтобы все было правильно. Мне не приходится исполнять собственный план. Вот и получается, что я могу наметить путь, которым еще никто не проходил. Я умею делать такие вещи, но совершить подобное путешествие — дело другое.

— Это новый способ смотреть на вещи.

— Новый для тебя, мускулистый Эсон. Должно быть, для тебя дело и замысел — одно и то же, а мысли о битве начинаются с первым ударом меча.

— Ты говоришь совсем как мой отец.

— Перимед властвует не над одними Микенами, он распоряжается во всей Арголиде именно потому, что думает не только о битвах. Он заранее думает о союзниках, о высоких стенах и о бронзе для мечей, которыми будут воевать его люди. — Воспоминание заставило Интеба поднять глаза. — Перед тем как отплыть из Микен, я слышал, что брат отца твоего, Ликос, погиб.

— Как ты узнал? Он ведь был далеко... Но я не должен говорить, где именно.

Поглядев на палубу, Интеб крикнул кормчему, чтобы тот изменил курс, и помедлил с ответом, еще не решив, какую часть правды может открыть.

— Эсон, ты знаешь меня три года. Считаешь ли ты меня другом? Могут ли, по-твоему, рассчитывать на мою помощь Микены?

— Да, я полагаю, что так. Но ведь ты гостил и в Атлантиде...

— Меня послал туда фараон. Я не рассказал им о том, что сделал в вашем городе.

— Верю тебе. И вера моя подкрепляется жизнью двух воинов, которых ты сразил, чтобы помочь мне. Но почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

— Потому, что я знаю о твоём народе куда больше, чем ты думаешь. На мегарон отца твоего сходятся все Микены. Люди болтают и сплетничают, ни один секрет нельзя утаить надолго. Я знаю, что на далеком острове в холодном море у вас есть копь, откуда поступает все олово Микен. Твоего дядю Ликоса убили там, а копь разрушили. Перимед не примирится с такой потерей.

— Конечно, не примирится. У моего отца далеко идущие планы. И его драгоценная бронза играет в них немаловажную роль. Бедолага Ликос, надо же было погибнуть в таком холодном и мокром месте. Я плавал с ним, когда он отправился на этот остров. Но тогда я сразу вернулся на груженном оловом корабле, а он остался и уверял всех, что никто не умеет извлекать олово лучше его. Тогда это дело показалось мне простым. Всю работу выполняли другие. Многие ли погибли?

— Все. Весть принес твой двоюродный брат Форос.

— Значит, погиб и старина Козза, учивший меня владеть мечом. И Мирисати, мы с ним были друзьями. За них следует отомстить, воздав не менее чем вдесятеро. Мы должны обречь мечу весь остров. — И Эсон глубоко задумался, забыв даже про вино; тени тем временем удлинялись.

Они шли на веслах весь день и начало вечера, наконец высыпали звезды. Тогда Интеб указал кормчему на небе заметные светила, научил пользоваться ими как ориентиром, но скоро тучи затянули небо, и им пришлось убрать весла. А потом все уснули, кроме одного, оставленного на карауле... утром их вновь разбудили волны и дождь. Новый шторм продлился два дня, но они могли только держаться по ветру да вычерпывать воду из галеры, чтобы она не затонула. На третий день буря выдохлась, но волны оставались высокими. И отчаяние, свинцовое как облака над головой, охватило корабль. Тогда Эсону пришлось убить раба из Алеппо.

Это был темноволосый человек с оливковой кожей, такой же смутный, как египтянин. Длинные черные волосы он связывал в узел над ухом. Там, где он родился, были только холмы и река, а за ними пустыня, простирающаяся до края света. Пока атланты не захватили его, он не видел моря, и до сих пор вообще не удалялся от суши. К воде подмешивали вино — этой смеси он прежде не пробовал, — и она тоже творила с непривычной головой странные вещи. Когда они бросили весла и вода из-за борта окатила его ноги, что-то перевернулось у него внутри, изо рта вырвался вопль, и раб вскочил на ноги.

— Гребите! — кричал он. — Гребите назад. На Крит, в Атлантиду. Мы погибнем здесь.

— А куда это — назад? — спросил его Эсон с кормовой палубы. — Грести можно, когда знаешь куда.

— Но мы не можем...

— Нет.

Человек из Алеппо выскочил в проход и запустил в Эсона тяжелым ведром. Ведро угодило в бедро мичмана, тот пошатнулся. Эсон был без оружия, меч оставался в каюте. Но рядом оказался Интеб. Эсон выхватил кинжал египтянина и, когда раб вновь замахнулся ведром, разящим когтем кинжала пропорол горло бунтаря. Эсон крутанул лезвие в ране, чтобы порвать кровавые

жины. Удар отправил раба за борт, и лишь кровь его поднялась к поверхности. После этого Эсон отправился в каюту, надел броню и уже не снимал ее.

Тот день оказался худшим из всех, потому что небо не прояснилось. Но когда стемнело, высыпали звезды и они принялись грести, обращая корму к северу; все знали, как отыскать звезды, указывающие на север, и принимались ругать кормчего всякий раз, когда тот отклонялся от курса.

Затычка из трупа надсмотрщика протянула еще два дня, наконец вонь сделалась нестерпимой. К тому же дыра начала протекать по краям... Стройный и широкоплечий юноша Пилор с острова Кеа сказал, что нырял за губками, росшими в прибрежных водах его родины, и вызвался осмотреть дно галеры. Его обвязали веревкой, и он нырнул. Под водой он пробыл недолго и скоро появился на поверхности.

— Там целая стая рыб, — сообщил он, — ниже пояса от этого шлюхина сына почти ничего не осталось, только кости висят. Больше от него никакой пользы.

Тидей умел латать суда в плавании, когда не было возможности должным образом заделать течь на берегу; он объяснил, как сделать из парусины заплату, которую следует снаружи подвести к корпусу. Ее сшили из большого куса парусины, прикрепив с одной стороны веревки и ненужную одежду. К четырем углам заплаты привязали канаты и после многих криков, не раз забросив, — Пилору пришлось нырять и нырять, — подвели ее под дыру с выступающими еще из нее останками. Канаты привязали к корпусу. Теперь все было на месте, оставалось только извлечь труп и зашить отверстие деревом. Взятые из корабельного припаса доски отпилили до нужной длины, подогнали по форме отверстия, соединили бронзовыми скрепами, но братья за вонючий труп охотников не находилось.

— Ну, я возьму его за одну руку. А кто за другую? — спросил Эсон.

Люди отворачивались от его взгляда, а Интеб ухитрился вовремя оказаться в каюте.

Осмеяв чистоплюйство, Эйас растолкал остальных и встал рядом с Эсоном.

— Горец, я обнимал женщин, мальчиков и овец, — проговорил он. — Объятия вонючего трупа мне неведомы, но я решил изведать, что это такое.

Хватило одного сильного рывка, и в окружении стаи рыб труп надсмотрщика закачался в волнах, а Эсон и Эйас отправились отмывать руки за бортом. Через парусину протекло совсем немного воды; деревянную заплату торопливо установили на место, залив щели смолой. Течь после этого почти прекратилась. Никому не хотелось думать о том, что может случиться с доморощенной заплатой, если вновь нагрянет буря.

Дни были неотличимы, и Интеб отмечал их черточками на стене каюты. Он выдавал оттуда воду и еду, а Эсон или находился поблизости, или спал в дверях, чтобы никто не мог войти внутрь. До открытого возмущения дело не доходило, правда, временами люди перешептывались, сойдясь вместе под покровом тьмы. Один из них попробовал уговорить Эйаса, но кулачный боец без разговоров отвесил ему такую затрещину, что остаток дня неудачливый заговорщик провел без сознания.

Запасы воды подходили к концу и на вкус она сделалась совсем уже гнусной, поэтому Интеб подмешивал к ней все больше вина, которого у них было в избытке. Люди не привыкли к такому питью, на солнце многих развозило, так что приходилось вытаскивать их на скамьи, подальше от лужи на дне, чтобы они не захлебнулись.

На двенадцатый день они заметили вдали темную линию у самого горизонта — и сперва решили, что это облака. Но принялись грести без всякого принуждения, а линия росла и становилась темнее, и наконец стало ясно, что перед ними не облако.

— Берег, конечно, берег, — проговорил Интеб, и галера закачалась: люди вскакивали, чтобы увидеть сушу своими глазами.

Впервые после гибели раба из Алеппо Эсон закинул за плечо свой меч в ножнах. Вновь они были едины: вместе пили и хохотали, а все мысли о мятеже остались там — в море, не ведающем следа.

Впереди был берег, суша — твердая земля под ногами, а прочее не значило ничего. Бесконечное плавание завершилось, и храбрейшие уже начинали пошучивать. Время, проведенное ими в море, в разговорах

успело увеличиться уже раза в два. Ну, а память, как известно, улучшается с возрастом.

Тидей-то и заметил парус со своего привычного места возле руля. Сначала он казался точкой, потом — утесом, но непрерывно рос, и он кликнул остальных. Люди глазели, столпившись у борта, наконец Эсон приказал им взяться за весла. Но Эйас оставался на палубе, он словно бы вглядывался в давно знакомое лицо, даже отодвигал рубец с глаза, чтобы лучше видеть.

— Темный парус, да так поставлен. Я знаю — это сидонцы.

— Да, сидонцы, — проговорил Интеб. — Они торгуют — серебряными чашами и тонкими тканями. Сам покупал у них.

Покрытые шрамами кулаки Эйаса сжались, он нагнулся вперед.

— Да, они торгуют с Египтом, — проговорил он. — И с Атлантидой тоже. В Библие мы знали их... как знают и на любом побережье, вдоль которого водят они свои корабли. Эти торговцы мгновенно превращаются в пиратов. И охотно убьют нас, чтобы забрать припасы из каюты и прихватить пустой корабль.

8

Корабль сидонцев торопился навстречу, кренясь, словно хищная птица. Для Эсона дело было знакомое. Это не драться обмотанными руками, не вычерпывать воду из тонущего корабля... с оружием, обращенным против него, он умел справляться.

— Интеб, открой тот ящик и раздай оружие тем, кто знает, как им пользоваться. А остальные — быстро заливайте воду в корабль.

Его не спрашивали — почему, просто повиновались. Приказ был ясен, и, пока темный корабль приближался, галера все ниже оседала в воде. Люди с мечами, пригнувшись, попрятались в низкой каюте на корме и под передней палубой. Те же, кто взял кинжалы, остались на скамьях гребцов и спрятали оружие под собой. Эйас отказался взять меч и поднял сжатый кулак.

— Я всегда при оружии, — проговорил он, опускаясь на скамью возле каюты. — Что мы должны сделать?

— Возьмем их обманом, — отвечал Эсон. — Вложите ноги в колодки и прикройте их. Пусть сидонцы подумают, что вы прикованы. Втяните весла. Прикиньтесь больными — это несложно. Мертвыми, если сумеете. Корабль, лишившийся мачты и паруса, брошенный, с умирающими прикованными рабами. Пусть сидонцы решат, что перед ними спелое яблочко... Они ничего не заподозрят. Когда я крикну — все в бой. Он закончится только со смертью последнего из них. Отсюда уйдет лишь один корабль. Наш корабль.

Эйас, быть может, воспользовавшись опытом своих боев на арене, дал целое представление. В поединке с благородными, которых он мог бы убить без всякого труда, ему нередко приходилось прикидываться потерпевшим поражение, и он поднаторел в этом деле. Поникнув на скамье, он хриплым голосом принялся подзывать приближающийся корабль, успевая в промежутках шепотом сообщать новости засевшим в каюте:

— Они приближаются на веслах... парус свернули. Люди перевешиваются через борт, показывают и кричат. На некоторых шлемы, доспехов я не вижу, есть мечи и копья. Они подбирают весла, дрейфуют поближе.

С уже нависавшего над ними темного корабля слышались гортанные крики. На носу и корме вздымались высокие черные шесты, черным был и корабль, и латинский парус, подобранный на наклонной рее. Слышались крики и хохот, галера вздрогнула, когда сидонский корабль стукнулся в нее носом. По крыше каюты застучали ноги, один сидонец спрыгнул с канатом на переднюю палубу, чтобы надежнее привязать галеру. Другие посыпались вниз, только когда оба корабля оказались надежно соединены: высокие смутные люди с черными бородами и волосами, перехваченными обручами. Но Эсон все еще выжидал. Незваные гости не обращали внимания на рабов, сидевших на скамьях галеры, и он хотел, чтобы сидонцев в галере оказалось побольше. В дверь каюты сунулся мужчина, облаченный в пурпурную одежду, — все прочие были в белом, — в руке его был богато украшенный меч.

Вонзив клинок в чрево вошедшего, Эсон отбросил в сторону тело и, перехватив меч из ослабевшей ладони убитого, взревел, как подобает микенскому льву.

Поднявшиеся гребцы убивали тех, кто оказался с ними рядом. Чернобородый воин повернулся в сторону Эйаса, и тот нанес сидонцу столь сокрушительный удар кулаком, что упавший враг сбил с ног и следовавшего за ним. Прежде чем они сумели прийти в себя, Эйас переправил обоих за борт. Справившись с удивлением, сидонцы отступили и, обнажив оружие, стали спиной друг к другу. Отважные бойцы не оставляли галеру, только криками звали на помощь. Через борт с корабля полезли новые люди, битва разгоралась.

Расчистив мечом заднюю палубу, Эсон не стал спускаться в гущу дерущихся внизу, а перелез на борт черного корабля. Ударило копье, но, опустив голову, он принял удар на шлем. И копейщик не успел отвести оружие для второго удара: Эсон пронзил его мечом насквозь и отбросил тело в сторону, чтобы подняться на палубу. Схватив копье вместо щита, он издал громкий вопль, чтобы слышали все, и подобно земледельцу, жнущему жито, торопливо начал прокашивать путь по палубе.

Воина в полном доспехе невозможно остановить. Другой воин, вооруженный не хуже, может вступить с ним в бой, и одолеет сильнейший... но никто более не в силах справиться с ним. Копья отскакивали от груди Эсона, мечи от шлема, прочная бронза поножей хранила ноги — их не могли подрубить. Эсон был создан, чтобы убивать: неотвратимый и бесстрастный, как набегающая волна, холодно и коротко поглядывая вокруг, он разил мечом одного за другим не прикрытых доспехом противников.

Он колот, резал и медленно продвигался по палубе. Оказавшиеся на галере сидонцы пытались вернуться на свой корабль, но их убивали — стоило только повернуться. Уцелевшие сидонцы издавали вопли отчаяния, но не собирались прекращать сопротивление. Могучие воины, искусные мечники, они бились поврозь и вместе. Однако число их уменьшалось, и последний боец их, столь же искусный в воинском деле, как и первый, пал с гортанным проклятием на губах.

Наконец все закончилось, пролилась последняя кровь, убитых раздели и побросали за борт. Экипаж галеры

тоже пострадал, но не слишком, порезы промывали маслом и морской водой, пока они не закрывались. Лишь заросший густой бородой молчаливый саламинец получил глубокую рану в живот и теперь сжимал ее края, чтобы не выпали внутренности. Он не пытался остановить кровь. Смерть от потери крови легка, и все это знали. Ему принесли вина, хотя он едва смог омочить в нем губы... все уселись с ним рядом, разговаривали и шутили... наконец он осел, и глаза его закатились.

Эсон сам смешал вино с водой и приглядел, чтобы досталось каждому. И пока его люди гоготали, ругались, наслаждались своей победой, обратился к ним с высокой задней палубы. Решение он принял, когда заметил этот корабль, выжидал только подходящего момента, чтобы сообщить его.

— Я знаю этот берег, — закричал он, — я был возле него. В той стороне, в дне пути отсюда — Египет. Можете плыть туда, если хотите, вы получите свою долю того, что захватили мы на этом корабле и галере.

Послышались довольные восклицания, желающие уже обыскали корабль и явились с тканями и кувшинами масла, даже с резной слоновой костью, ценившейся повсюду. Эсон слышал радость в их голосах и, когда она достигла предельной силы, указал мечом в противоположную сторону — на запад вдоль берега.

— Плывите туда, если хотите, но я отправляюсь на запад и прошу лучших присоединиться ко мне. Мы пойдем за Столпы Геракла к острову Йерниев, чтобы отомстить за моего дядю и убитых с ним родичей. Назад мы привезем олово, целый корабль металла, который дороже золота и серебра, и каждый получит свою долю. И потому я спрашиваю вас, пересекших море, которое еще никому не покорялось, вас, бившихся с людьми Сидона и одолевших, вас, бесстрашных и сильных. Кто пойдет со мною в края, которые мало кто видел, чтобы вернуться богачом? Кто будет со мной?

Ответ мог быть только один — могучий одобрительный рев, повторяющийся снова и снова. Кто же мог отказаться, если каждый из них был могуч и знал об этом! Уронив меч на палубу, Эсон перебросил в правую руку копье, поймал его и, отогнувшись назад, изо всех сил запустил в сторону заходящего солнца. Оно взмыло вверх, словно стремясь к самому светилу, подрагивая в

воздухе, золотые солнечные лучи отражались от бронзового наконечника, и далекой тростинкой исчезло в воде. Люди разразились новыми воплями.

Подобрав свой меч, Эсон распрямился и увидел лицо криво улыбающегося Интеба.

— Значит, это ты и задумал, — проговорил египтянин.

— Да, задумал. Я обдумывал этот план с того дня, когда ты рассказал мне о гибели Ликоса и остальных. Туда нужно отправить корабль — за оловом и чтобы отомстить — так почему бы не наш? На возвращение в Микены потребуется несколько недель, потом когда еще выйдем в море. Так зачем возвращаться? Мы и так уже на дороге, ведущей на запад. Отец много рассказывал мне об олове, и даже я понял, что олово нужно Микенам теперь же, немедленно, пока Атлантида зализывает раны. На Фере погибло много кораблей, возможно, даже сам Атлас, хотя на подобное благодеяние едва ли можно надеяться. Теперь с ними нужно — можно бороться! Ну, а для этого нам необходимо олово.

— Ты говоришь прямо как Перимед.

— Он — царь Микен, а я — его сын. А ты, Интеб? Кажется, в общем радостном хоре я не слышал твоего голоса.

— Эсон, ты всегда можешь рассчитывать на мое одобрение, пусть иногда и с опозданием. Мы сейчас рядом с Египтом, там мой дом, и фараон готов осыпать меня почестями. Возвращаться ли мне туда?

— Возвращаться? Зачем — плыви с нами. Ты сделался моей правой рукой, и я люблю тебя как брата.

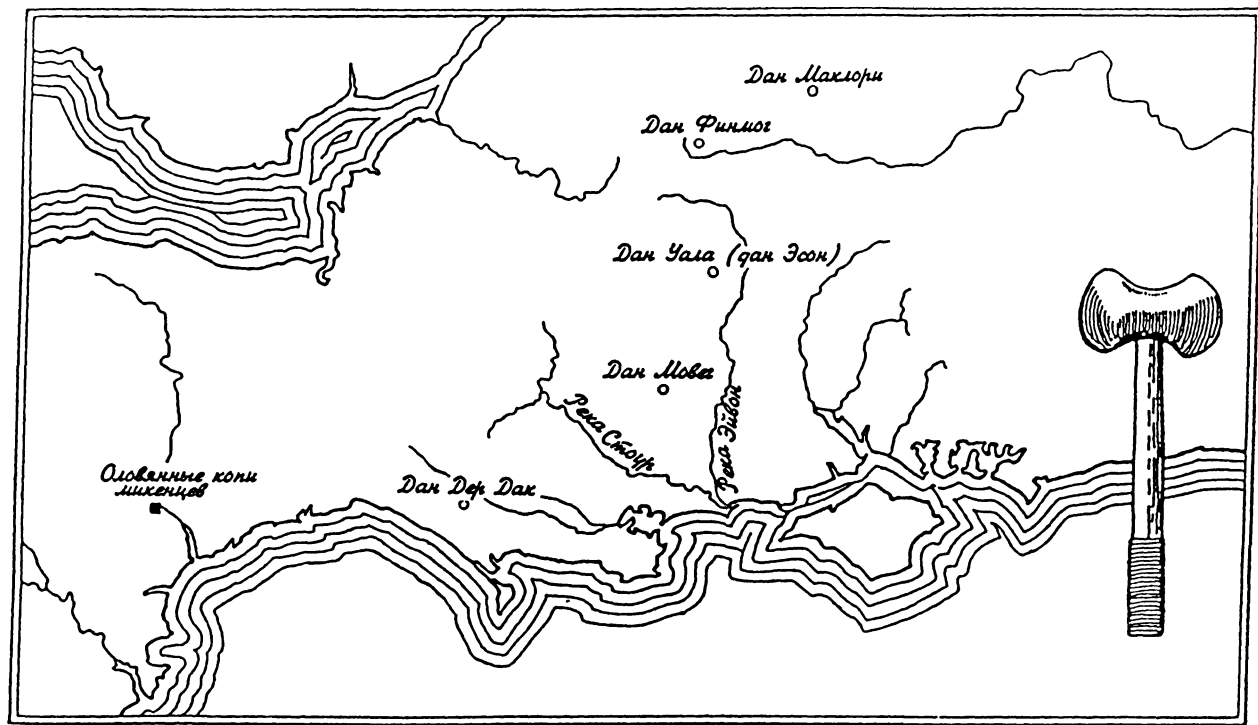
— И я люблю тебя, Эсон, — взяв его за руки, египтянин приложился щекой к грубой щеке Эсона, мокрой от пота, покрытой запекшимися каплями крови убитых. — Я люблю тебя и последую за тобой куда угодно.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Деревья и густой подлесок спускались к самому краю воды, и каждое легкое дуновение бриза доносило до корабельщиков влажное дыхание сырой зелени из зарослей на берегу. Огромным водяным жуком черный корабль полз против течения возле утеса. Весла, шевелящиеся, словно ноги водяного насекомого, с трудом толкали его вперед. Большой парус свернули — небольшой ветерок дул в противоположную сторону. С ругательствами и ворчанием мореходы наваливались на весла, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было не таким сильным.

На противоположной стороне серых вод, за проливом, на севере темнела серая, до небес, скала — один из Столпов Геракла. Впервые заметив ее, они испытали истинное потрясение и сгрудились возле борта, громкими криками описывая свои впечатления. Но теперь мореходов тошнило уже от одного ее вида. Напрягаясь изо всех сил, они гребли час за часом, но серая громада едва отодвигалась назад. Впереди их ждали холодные воды западного моря, но, чтобы достичь их, необходимо было грести изо всех сил. Опущенное за борт ведро приносило воду, ею поливали вспотевшие спины и пропеченные солнцем головы. Вода была здесь прохладней, чем в том море, что сделалось им привычным, и не такой соленой. Чтобы добраться сюда, не пришлось потратить много сил: после захвата сидонского корабля им еще не приходилось так трудиться. И теперь легкие

дни и сытная пища выходили обильным потом. Ветер сопровождал им с того первого дня. Они шли вдоль берега Африки и по вечерам вытаскивали корабль на берег, чтобы раздобыть пресной воды и поспать. Много раз они охотились на берегу и ели добытое мясо. Рука Эсона была самой сильной и меткой: он поражал оленя там, куда другие не добросили бы и камня. Легкое путешествие — просто прогулка. Вечерами все посмеивались над старинными повествованиями о трудах и опасностях, поджидающих корабельщиков в этих краях.

Но потом ветер подвел их. Не только ветры, но и течения обратились против них. Три дня ожидали они на берегу, когда переменится ветер — но не дождались. Против общего желания пришлось грести.

Труд этот не приносил им удовольствия. Целыми днями налегали они на весла — от рассвета до сумерек, в конце концов миновали пролив, в котором вода неслась им навстречу, и вышли в открытое море. Здесь они уже могли поднять парус. Но перед закатом бриз совершенно стих, и они вновь принялись грести — уже без особых усилий. Наконец в скалистом берегу обнаружилась уютная бухта. Гребцы с жадностью насытились — они не ели с утра — и быстро уснули.

В каюте Эсон заправил оливковым маслом каменную лампу, опустил фитиль и поджег.

— Пора обдумать, как поплывем дальше, — проговорил он.

— Без карты? — поинтересовался Интеб.

— Ее не было и у Ликоса, однако он умел находить путь и мне объяснил, как это делать. От Столпов Геракла надлежит плыть на север вдоль берега, пока не кончится суша...

— До края земли, где начинается запредельный хаос.

— Ты сегодня в духе, Интеб.

— Это легко, когда стоишь у руля, пока остальные гребут. Дай-ка налью тебе вина.

Допив, Эсон причмокнул губами и потянулся так, что захрустели суставы. Весь день он сегодня греб.

— Дай мне тот черепок и штуковину, которой ты скребешь по глине, я нацарапаю тебе карту.

Интеб положил нужное на стол перед другом и выжидательно поглядел на него. Сжав правую руку в кулак, Эсон приоткрыл ладонь и выпрямил большой палец.

— Вот так, — проговорил он.

— Что так?

— Да карта, — он приложил ладонь тыльной поверхностью к обожженной глине. — Обведи вот так и посчите. Увидев точный очерк, Эсон похвалил Интеба и ткнул пальцем вниз, возле мизинца.

— Вот здесь лежит пролив у Столпов Геракла. Большой палец глядит на север. Итак, сперва плывем на запад до костяшки мизинца, а потом поворачиваем на север вдоль сгиба пальцев. Там, где костяшки пальцев, — устья больших рек. Их четыре — и пальцев тоже, и мы должны миновать все... Наконец мы приплываем к большому мысу, здесь нужно повернуть на восток, и мы поплывем вдоль руки к основанию большого пальца. Далее, следуя руке, поворачиваем на север и в соответствии с изгибом пальца берем на северо-запад. Вот все и видно по руке.

— А когда доплывем до конца большого пальца?

— Тогда придется через море поворачивать к Острову Йерниев, к земле альбиев.

— Это разные племена?

— Очень разные, сам увидишь.

Эсон стащил тунуку и улегся на живот, а Интеб, зачерпнув масла, умастил мощные мышцы на плечах и спине друга. Захрапел микенец еще до того, как Интеб кончил растирать спину.

Путешествие вновь сделалось приятным, и дни были похожи один на другой. Они миновали устье большой реки, по ней поднималось какое-то суденышко, но гнаться за ним не стали. Суша стала гористой, но вдоль берега тянулась плодородная равнина. Свои кожаные мехи они наполняли водой из ручьев, охотились на оленей и диких свиней, подкарауливая добычу у водопоя.

Только однажды за весь долгий путь они увидели следы человека. В безоблачное небо поднимался бледный столб дыма. Вытащив на берег корабль, они пустились выслеживать двуногую дичь: неважно, на скольких ногах ходит добыча. Костер был разложен за высоким — в два человеческих роста — курганом, скрывшим приближение незваных гостей. Вокруг него расположилось целое семейство, они жарили целого быка возле обожженной камнем насыпи... все в ужасе бежали, не пытаясь остановить натиск вооруженных воинов. Потом мореходы с хохотом волокли быка на корабль,

раскаты смеха становились только громче, когда из кустов на миг выглядывала очередная недоумевающая физиономия. Отличное путешествие, на редкость удачное.

Когда закончился протянувшийся с севера на юг берег, Эсон тщательно последовал сделанной им самим карте, она привела их в огромный залив, за которым высился мыс.

— Вот и место, — проговорил Эсон. — Я помню форму этого острова. Там есть бухта с песчаными берегами и ручей, из которого мы наполнили мехи водой. Потом мы поплыли от суши.

— Это мы можем, — отозвался Интеб, — не при-
выкать.

Хотя люди не стремились покидать уютные береговые воды, последняя стадия путешествия не вызвала у них особого беспокойства. С тех пор как они захватили корабль сидонцев, плавание было удачным, ветер помогал и волны им не мешали. Дождей не было — они редки в это время года. Легкое путешествие, и в конце его их ожидает богатство.

Семь дней ветер дул с запада, и они выжидали в крошечной бухте. Набрали пресной воды, проверили снасти, заменили изношенные, замазали течи. Когда все работы закончились, один из людей сплел из бечевки сетку и они принялись ловить жирных пташек, гнездившихся на деревьях. Ели их запеченными в глине на углях костра. На утро восьмого дня Эсон проснулся еще перед рассветом и вышел на палубу, чтобы приняться к воздуху. Там, привалившись к поручню, нес стражу Эйас. Послунив палец через щель в разодранной губе, он высоко поднял его.

— С юга, — проговорил Эйас. — Мы ждем этого ветра?

— Именно. Поднимай всех.

И опять они направились от берега в пустынное море, на этот раз преднамеренно. Кормчий глядел назад, он вел корабль прямо от суши. Интеб тщательно выверил путь по солнцу, чтобы не ошибиться. Море было спокойным, отлогие валы медленно вздымали и опускали судно. Белокрылые морские птицы следовали за кораблем от берега, то и дело они с отрывистыми криками ныряли за рыбой в белый след за кормой. Подгоняемый ветром корабль пенил воду, никто не обращал внимания на тонкие высокие облака, появив-

шиеся после полудня. Лишь к сумеркам тучи сгустились. Но закатное солнце спускалось в воду, и, оставив его по левому борту, корабельщики начали вглядываться в пустынное море, пытаясь заметить землю, и уже бились об заклад — кто первым увидит ее.

На самом закате неожиданно налетел шторм. Ветер усилился, облака вдруг затянули все небо, поднялись волны. Таких мореходы еще не знали, этим валам ничего не стоило захлестнуть судно. Низкобортная галера давно уже отправилась бы на дно, но даже более крупный и мореходный сидонский корабль мог только идти по ветру. При самом маленьком парусе он начинал зарываться носом в волны, а снасти начинали гудеть и скрипеть.

Стоя у кормила, Тидей, шурясь, вглядывался сквозь пелену дождя в белопенные гребни и направлял корабль, куда нес его ветер. Эсон находился как раз возле него, когда из каюты появился Интеб, — ему приходилось цепляться за поручень, чтобы не смыло за борт.

— Иди назад! — прокричал Эсон, рукой поддерживая египтянина.

Интеб оперся на него, чтобы не упасть.

— Там только хуже. Весь корабль скрипит и стонет, как перед гибелью. Кажется, он вот-вот пойдет ко дну.

— Мы все еще плывем в нужную сторону, и, пока мы вычерпываем воду, корабль не потонет.

— У тебя меч, — проговорил Интеб, заметив оружие за плечом Эсона — впервые после выхода в море. Брони на микенце не было. Интеб проговорил с внезапной тревогой: — Ты никогда не отправляешься в путь без меча — даже в подземный мир отправишься с ним. Значит, ты думаешь, что мы утонем?

— Я думаю только, что нас ждет очень скверная ночь.

— Конец?

— А Зевс его знает. Скоро узнаем и мы. Ветер гнал нас весь день и часть ночи. Перед нами Остров Йерниев, и сворачивать некуда. А теперь ступай в каюту.

— Нет, я останусь здесь.

Жутко было на палубе, у бортов внезапно вырастали черные волны, летела пена, исчезая в темноте, валы шипели, но в каюте было куда страшнее. Каждое падение корабля в пропасть между огромных волн, казалось, кончится тем, что корабль пойдет ко дну. Это было непереносимо. Интеб вспомнил о солнечном и теплом

Египте, обо всем, что осталось там. Если он погибнет на море, никто не сохранит его тело после смерти для странствия на Запад. И он не сможет попасть в Землю Блаженных — так говорили жрецы. Не бывает смерти хуже, чем на море. Прежде он смеялся над жрецами, но хорошо веселиться на твердой земле. Сейчас он не мог смеяться.

Окончилось все внезапно. Перекрывая рев бури, раздался внезапный грохот, прямо перед носом корабля высоко в небо взлетела белая пена. Корабль ударился о скалу и начал разваливаться на куски. Людей выбрасывало в море, они застревали в обломках.

И еще не осознавая, что произошло, Интеб полетел в ледяной океан. Он пытался закричать, но вода хлынула ему в рот и нос, вода была повсюду. Он тонул и не понимал этого. Новый вал бросил их с Эсоном навстречу друг другу, и египтянин заметил темный силуэт микенца. Закашлявшись, Интеб выплюнул воду, глубоко вдохнул воздух. Нечто темное и громадное обрушилось на них, ударив египтянина по голове.

О том, что произошло потом, он сохранил только самые расплывчатые воспоминания. Эсон был рядом, а может быть, и кто-то другой, он тянул Интеба за руки, одежду... потом под ним оказалось нечто твердое. Большую часть времени голова египтянина находилась под водой, и в те короткие промежутки времени, когда она оказывалась на поверхности, он старался вдохнуть побольше воздуха и слабел с каждым разом. А потом была холодная смесь воды, пены, что-то твердое рвало и терзало его плоть, наконец Интеба перевернуло, и он оставил борьбу, погружаясь во тьму, охотно принявшую его.

2

Интеб очнулся от кашля и не мог остановиться, горло драло, даже глаза сами закрывались от боли. Он перевернулся на бок, извергая соленую морскую воду, наконец рвота отпустила его — в желудке ничего больше не было. Не оставалось и сил — даже чтобы открыть глаза. Впрочем, он был в сознании и ощущал, что лежит на твердой земле и его трясет от холода и истощения. В глаза ему набился песок. Интеб слабой рукой протер их, прежде чем осмелился оглядеться.

Над головой по низкому небу неслись серые облака. Он лежал на каменистой почве во впадине между кочками, поросшими травой. Он помнил только море, бурю, волны, смыкающиеся над головой. Как он оказался здесь? Конечно, не собственными усилиями. Эсон?

— Эсон, — позвал Интеб, с трудом поднимаясь на колени, и уже почти в панике повторил: — Эсон!

Неужели ~~миженец~~ погиб! Пошатываясь, Интеб встал, потом поднялся на невысокий гребень. Отсюда он видел полосу прибрежного песка, на которую набегали по-прежнему высокие валы. Злые скалы. Интеб не забыл, что случилось вчерашней ночью. И все-таки — как он попал сюда? Интеб закричал вновь, издав далеко с берега ответил голос. Наконец появился Эсон, он волок за собой что-то длинное и темное. Миженец помахал рукой. Встретились они на мокром песке. Бросив наземь расщепленный кусок плавника, Эсон схватил египтянина за обе руки.

— Скверная была ночь, Интеб, но мы живы — значит, есть чему порадоваться.

— А остальные...

— Погибли. Корабль ударился об эти камни и разлетелся от удара. Мы рядом упали в воду, потом кормовое весло ~~едва не снесло нам~~ головы — оно падало прямо на нас. Но оно-то нас и спасло. Мы держались за него, наконец нас вынесло на землю. Я кричал, звал, но никто больше не ответил. Потом я оттащил тебя сюда, подальше от ветра, и обыскал берег — посмотрел и в воде, насколько можно было зайти. Никого, должно быть, все погибли с кораблем. Значит, плавать не умели.

Эсон тяжело опустился на песок, склонив голову на колени. Он не спал всю ночь и очень устал. Вождь и предводитель, он отвечал за своих людей. Но все они погибли. Вот и меч холодной тяжестью лег на спину.

— А ты знаешь, где мы? — спросил Интеб.

— Где-то на берегу, точнее не знаю. В тот раз мы плыли вдоль берега, а здесь он такой одинаковый: нет деревень, нет народа. Нет пищи. С корабля не выбросило ничего, только щепки. Надо идти. — Он поднялся.

— Но куда?

— Добрый вопрос. В шторм мы сперва как будто следовали за ветром, но во тьме могли развернуться. Нам идти на восток. Так, наверное, будет лучше.

Кинув прощальный взгляд на погубившие корабль клыкастые скалы, на пустынный пляж, Эсон повернул

налево и направился вдоль берега. Песок был мягок, идти босиком было легко — море сорвало с их ног сандалии. Интеб следовал за Эсоном по песчаному берегу, на котором не было даже тропинки. Шли они недолго и быстро наткнулись на полосу воды, слишком глубокую, чтобы можно было перейти ее вброд. Повернув, они побрели в глубь суши. Повинуясь внезапному импульсу, Интеб нагнулся и, зачерпнув воду ладонью, попробовал.

— Едва солоноватая, — проговорил он. — Должно быть, это устье речки. Если мы направимся вверх по течению, она делается пресной.

Поток петлял и сужался, ставшая пресной вода бежала по обросшим мхом скалам. Они напились, лежа на животах. Эсон сел, вытирая рукой рот, и внезапно застыл. А потом обнажил меч.

Над приморской равниной поднимались невысокие, поросшие лесом холмы, и в просвете ветвей была видна нагая вершина одного из них. На самой верхушке высилось какое-то округлое сооружение. Людей не было видно. Оглядевшись, Эсон с мечом в руке направился к вершине холма. Миновав густую рощу, они вышли на заросшую тропку, приведшую их на склон перед загадочным сооружением. Сделано оно было из земли, с одной стороны виднелся ряд каменных глыб. Самая крупная в центре напоминала закрытую дверь.

— На гробницу похоже, — проговорил Интеб.

Эсон согласно кивнул, однако, пока они поднимались на холм, держал меч в руке и опустил его в ножны, лишь когда потерпевшие кораблекрушение убедились, что посетителей здесь давно не было.

— Гробница, — проговорил Эсон. — Я уже видел такие, — он наклонился к щели у края глыбы, закрывающей середину входа, но не смог увидеть за ней ничего, кроме темноты. — Там посреди зал, погребальная камера, она сложена из вертикальных камней, на них положены потолочные плиты... В ней можно найти истлевшие кости, дары покойному, может быть, золото, — он навалился на тяжелый камень.

— Похожа на микенские, только куда проще. Будем открывать? — спросил Интеб.

— Не обязательно. Лучше вернемся к берегу.

Солнце пробилось из облаков и грело их спины. Путники шли до полудня. Наконец Интеб, остановив

Эсона, указал на погибающий дугой берег. Воткнув палку в песок, он задумчиво поглядел на тень.

— Мы, кажется, повернули на север, — проговорил египтянин. — И если этот берег будет все так же изгибаться, скоро повернем на запад. Не оказались ли мы на полуострове или мысе?

— Возможно, но я не помню ничего такого. Берег велик — остров огромен. Он тянется на север, неведомо куда. Я мог не видеть этой его части.

— Надо посмотреть, что лежит впереди, — проговорил Интеб, поднимаясь наверх по заросшей травой дюне. Устав от ходьбы, он ощущал лишь пустоту и бурчание в желудке. Добравшись до вершины, египтянин огляделся и, быстро пригнувшись, сбежал вниз по склону.

— Там кто-то идет вдоль берега. Я сразу же опустился в траву, как только заметил его... Скорее всего, он меня не видел.

— Он один? — проговорил Эсон, извлекая из ножен меч.

— Один. Я видел весь берег. Кроме него, никого.

— Нам нечего бояться одного человека.

Легко размахивая мечом, Эсон зашагал по песку. Интеб плелся следом, не ощущая даже тени подобной уверенности. На скалистом выступе, уходящем в море, Эсон остановился, и Интеб догнал друга. Разбрызгивая воду, кто-то шел по отмели. Высокая волна разбилась о скалу, и с моря послышалась ругань. Интеб отступил — плеск приближался. Жилы на руке Эсона взбухли, он стиснул рукоять меча. Человек обходил скалу и вышел прямо на них — вздрогнув от неожиданности. Знакомая рваная физиономия в шрамах.

— Эйас! — закричал Эсон и вонзил меч в песок, кинувшись в воду обнимать кулачного бойца.

— Ну и встреча! — вопил Эйас, они обнимались, а зеленая вода подступала к коленям.

— Я думал, что ты погиб вместе с остальными, — проговорил Эсон.

— А сам ты — не вышел из могилы? Если бы я не обнимал тебя своими руками, то подумал бы, что вижу духа. Но теперь нас трое — если только египтянин не вернулся сюда призраком из своих Земель на Западе.

Интеб начал было хохотать с остальными, но в голову ему вдруг пришла ужасная мысль. А как здесь оказался сам кулачный боец?

— Эйас, — обратился он, — значит, ты шел сюда вдоль берега?

— С тех пор как утром солнце открыло мои глаза. Я лежал один на песке. Вокруг никого не было. Голодный, пить хочется... до сих пор. Пошел вдоль берега, все шел и шел. И не нашел ничего...

— Ты поворачивал?

— Ни разу.

Выйдя на берег, они смотрели на бледного Интеба, тяжело опустившегося на песок.

— Ты понял, что это значит? Мы тоже шли — в другую сторону.

Эсон понял сразу.

— Остров. Мы попали на остров.

— Пустынный к тому же, — проговорил Интеб с безнадежностью в голосе. — На берегу мы не встретили никого, ничего не нашли, кроме того ручья.

— Значит, вы видели больше, чем я. Если вы знаете, где вода, покажите мне дорогу к ней.

— Еще мы нашли гробницу, — проговорил Интеб, поднимаясь. — Это Остров Мертвых.

— В глубине суши могут жить люди. — Эсон опустил меч в ножны и первым направился вдоль берега. — Если они здесь есть, мы найдем их. Здесь должны быть люди.

Они не нашли никого. Вдали от моря, среди невысоких холмов, обнаружили другие гробницы, там были совсем древние — ветер даже сдул землю с каменных блоков, закрывавших погребальную камеру. Слов Интеба они не повторяли... но и произнесенные, они звучали в ушах. Остров Мертвых. С самого высокого из холмов было видно море, со всех сторон окружавшее остров, вдалеке на горизонте чернела земля. Вот и все. Когда тени начали удлиняться, они вернулись к ручью у той гробницы, которую обнаружили первой, и напились воды, чтобы притупить чувство голода.

— Что будем делать? — спросил Эйас, и оба они поглядели на Эсона. Тот медленно покачал головой и поглядел в сторону темнеющего моря.

— Думаю, что нам конец.

— Словно морские рыбы на берегу, — проговорил Интеб. — Странно это: уцелеть в кораблекрушении, а потом умереть от голода.

— Пища есть, — Эйас протаскил сквозь пальцы длинную травинку и поглядел на зернышки, оставшиеся на

ладони. — Не бог весть что. Но мне приходилось есть и похуже. Будем есть эти семена. Ловить птиц.

— Рыбу тоже, — добавил Интеб. — Вода и пища есть — можем выжить.

— Зачем? — спросил Эсон. — Чтобы жить, как дикие звери, без огня и укрытия, пить воду, жевать сухие семена? Зачем? Смерть все равно придет к нам.

И он громко повторил слова Интеба:

— Это же Остров Мертвых.

3

Эйас шел, склоняясь под ливнем, вода ручьями лилась с волос и бороды, затекала под и без того мокрую одежду. Он брел возле края волн и волок за собой кусок плавника, толстую расщепившуюся ветвь, которую подобрал на берегу. Разбивавшиеся валы шипели в песке, захлестывали лодыжки. На рифах снаружи грохотал прибой. Эйас шел и шел, наконец повернул внутрь острова по тропе, которую успел протоптать в своих частых хождениях. Тропа эта змеилась между валунов к образуящему естественное укрытие каменному навесу. Тут Эйас хранил собранный им плавник: сучья, бревна, ветви, резную скамью, выброшенную морем после кораблекрушения. Она да рулевое весло — вот и все, что напоминало теперь о существовании разбившегося корабля и его команды. Сдвинув дерево в сторону, Эйас освободил себе место, чтобы укрыться от дождя.

Он и сам, собственно, не вполне понимал, зачем таскает сюда деревяшки. Ему не удалось найти ничего пригодного для плота. Не было на острове и ползучих растений, которыми можно связать бревна. Дрова эти можно было бы сжечь, — если бы только им удалось высечь огонь. Но искристых камней, пиритов, тоже не попадалось. А огонь был необходим: здесь, на далеком севере, зима мгновенно погубит их; даже здешнее лето только медленно подтачивало их силы. Эйас поглядел на плетеный кожаный пояс; он день ото дня становился все свободнее. Трава и семена диких злаков — не еда для мужчины. От нескольких птиц, которых удалось поймать в силки, осталось только воспоминание. Когда же это было? Он задумчиво поскреб короткую бороду.

Давно. Египтянин знает. Он — человек ученый, следит за календарем даже в этом заброшенном месте, наносит свои иероглифы на деревянную дощечку. Он вычислил, что настал месяц месори и Нил разлился. Как будто здесь это важно. Словно может быть что-то помимо единственной цели — выжить. Теперь все они ослабели, а египтянин из троих самый слабый. Наверно, и умрет первым. Хорошо, будет мясо — пусть ненадолго. Эйасу уже случалось есть человечину, тогда она ему не понравилась. Но ведь надо жить.

Через какое-то время дождь утих. Ноги Эйаса онемели. Он выбрался наружу и потянулся — суставы хрустели, мышцы ныли от сырости. С кустов капало, свинцовое небо нависало над свинцовым же морем. Он обратился к нему спиной и по невысоким округлым холмам побрел к гробнице. Вполне подходящее место для тех, кто скоро умрет, — правда, такая мысль ему в голову не приходила.

Это была та самая гробница, обнаруженная Интебом и Эсоном в первый день. На острове она была самой большой, в ней можно было стоять. Вход был закрыт одним-единственным большим камнем. Не без колебаний они отвалили его и вступили внутрь. В глубине лежала статуя уродливой богини. Повсюду валялись кости. Самые древние крошились в пыль, на свежих еще попадались кусочки присохшей плоти. Они расчистили себе место, сгребли все останки и труху в дальний темный конец похожего на короткий туннель помещения. Среди костей попадалась погребальная утварь: золотые ожерелья, булавки. На острове она ни к чему, но в любом другом месте... Сперва они берегли их, но в тесном помещении те вещи попадались под ноги, и вскоре их выкинули в общую грудку. Эйас, правда, оставил себе золотой браслет и носил его на предплечье — чтобы потешить глаз в серых буднях.

Когда Эйас прополз через вход, остальные двое уже были дома. Согнувшись, они что-то рассматривали.

— Смотри-ка! — окликнул вошедшего Эсон, показывая бурю птаху, ноги которой запутались в силке. Она беспомощно била крыльями, ужас отражался в ее круглых глазах.

— Как делить будем? — Эйас присел на корточки с ними рядом, с не меньшим интересом, чем остальные, разглядывая дичь.

— Нас здесь нечетное число, — проговорил Интеб. Эсон тем временем вытащил меч и потрогал лезвие пальцем. — Помнишь, сколько возни было с последней птицей. Будь нас двое, ее можно было бы разрубить пополам, будь четверо — на четвертинки.

— А на четыре сотни воинов по перышку бы пришлось, — расхохотался Эсон.

Изголодавшиеся люди склонились над еще живым комочком, в котором и мяса-то почти не было. Но желудки жаждали пищи. Поэтому они не сразу услышали звук, заглушавшийся их собственными голосами. Первым насторожился охотник Эсон. Склонив голову набок, он приложил палец к губам. Остальные немедленно застыли, и в наступившем безмолвии слышались далекие рыдания.

Случись такое ночью, они, конечно, решили бы, что это явились растревоженные незваными пришельцами духи мертвых, чтобы прогнать их. В голосах слышалась смерть, так могли бы выть и мертвецы, и волосы на затылках и спинах всех троих мужчин невольно стали дыбом. Интеб поежился — но не от холода.

— Голоса, — прошептал он, — это все-таки люди, плакальщицы.

Голоса приближались, становились громче, и скоро можно было уже разобрать слова. Эсон попытался понять их и вдруг закивал головой.

— Слышите? Понятно. Это старинный язык сказителей, есть небольшая разница, но все понятно.

В обрядовом напеве снова и снова повторялись одни и те же фразы.

Голоса стали четче и громче, звук приближался — поющие явно шли уже по склону холма.

*Назад, назад в чрево матери,
В глубины, в глубины земли и холмов,
Мертвец, мертвец спит в тебе, мати.
Вновь, вновь он будет рожден.*

С мечом в руке Эсон пригнулся, чтобы биться с любым врагом — человеком или не человеком. Эйас сжал кулаки, — простое, но не менее смертоносное оружие было готово к делу. Интеб скрючился на полу.

Брошенная на песчаный пол птица, отчаянно забив крыльями, сумела освободиться и с громким писком метнулась прямо к выходу из гробницы.

Едва она исчезла в отверстии, голоса снаружи вдруг смолкли. Лишь одно затянувшееся, долгое-долгое, как им казалось, мгновение Эсон выдерживал это молчание. Взревев словно бык, он ринулся наружу. Что бы ни ожидало его, судьбу лучше встретить на открытом месте. Эсон коротко взмахнул мечом. Оказавшись за пределами гробницы, он сразу вскочил на ноги. Эйас следовал за ним.

Вниз по склону разбегались с воплями и визгом люди, бурные спины исчезали в кустах. Буквально в какой-то миг из всей процессии остались только двое, девушка и старик. У ног седовласого старика, закутанного в коричневый плащ с опущенным капюшоном, лежал длинный сверток. Старик что-то кричал, противился девушке, пытавшейся увлечь его за собой. В страхе она попятилась, но старика не бросила.

— Погребальная процессия, — Интеб выглянул из гробницы и показал пальцем на опущенный на землю труп, зашитый в сырые шкуры.

— Они испугались еще больше нас, — Эсон опустил меч. — Не вижу среди них воинов. — Он спустился пониже, остановился перед стариком. Девушка перестала тащить его в сторону и беспомощно застыла с ним рядом. В напрасных попытках увлечь за собой старца она сбросила с головы капюшон. Под ним оказались густые черные волосы. Темноглазая, с оливковой кожей... алые губы ее трепетали. Протянув руку, Эсон поднял капюшон над лицом старика. Тот выкрикнул:

— Кто это? Кто здесь? Найкери, что случилось?

Бросив быстрый взгляд, Эсон опустил капюшон на прежнее место. Старца не так давно ударили по лицу чем-то тяжелым и острым. Переносица была сломана, глаза вытекли, все лицо пересекал огромный воспаленный рубец. Эсон молчал, и хриплым от страха голосом девушка принялась шептать на ухо старику:

— Муж... нет, трое мужей появились из гробницы. Они вооружены бронзовыми мечами...

— Кто вы? — перебил ее Эсон.

Старик выпрямился. Прежде он, конечно, был воином, и худощавое тело его было мускулистым.

— Я Лер Альбийский. Если ты и впрямь из мужей с бронзовыми мечами, то мог слышать мое имя.

— Я знаю про Лера Альбийского. Мне говорил мой дядя, Ликос. Он говорил также, что твой народ помогал ему в разработке копи.

Держа меч наготове, Эсон огляделся. Что знал он об этих загадочных людях... не они ли и разрушили копь? Лер вдруг взвыл в муке.

— Ох, умерли, ох, умерли все, перебили их, словно зверей, пролиты реки крови. — Воздев руки к небу, он потряс кулаками и стал рвать на себе одеяние. Эсон повернулся к девушке по имени Найкери. Успокоившись, она стояла в сторонке: перед ней оказались мужи, а не духи.

— О чем он горюет?

— Это йернии виноваты, они напали на нас, убили всех мужчин. Последним был мой брат, что лежит сейчас на земле; он умирал много месяцев. Отца тогда ослепили. И ваших людей убили, всех, кто попался им возле копи.

Эсон опустил меч в ножны: похоже, враги у них общие. И только теперь, когда ситуация прояснилась, он осознал, что принесло им появление на острове этих людей.

Они явились на Остров Мертвых откуда-то из другого места. Теперь уцелевшие после кораблекрушения получили возможность выжить.

— Откуда вы? — спросил Эсон.

Найкери показала назад:

— Из дома. Мы всегда хороним здесь своих покойников, во всяком случае знатных. Путь не близок, но мы совершаем его. Нас не пугает расстояние — остров этот считается у нас священным, потому что наши предки здесь жили когда-то. Многие из них похоронены в этих гробницах. — Она вдруг разгневалась. — А вы открыли могилу и украли из нее приношения... Вот! — Она показала на золотой браслет на предплечье Эйаса.

— Корабль у вас есть? — спросил Эсон.

— Воры, грабители могил, — не слушая, вопила Найкери и, охнув, умолкла, когда Эсон железными пальцами стиснул ее челюсть.

— У вас есть корабль?

Когда он отпустил руку, девушка отступила назад, потирая оставшиеся на щеках белые отметины.

— Мы приплыли в кораклях, круглых лодках. Сперва мы вытребовали вдоль берега, а потом поворачиваем сюда.

— А еда у вас есть?

Она кивнула. Эсон с довольной ухмылкой хлопнул себя по пустому животу:

— Зови своих, мы никого не тронем. Дайте нам еду, и можете спокойно хоронить твоего брата. Мы голодны, а он нет. Может и подождать.

Эйас громко расхохотался, улыбнулся даже Интеб, выбравшийся из гробницы и приблизившийся к ним. Только Найкери еще сердилась. Об этом говорили насупленные брови и сжатый рот; впрочем, девушка молчала. Повернувшись спиной к пришельцам, она что-то зашептала отцу, успокаивая его, потом усадила на землю, возле трупа, зашитого в кожи. Раскачиваясь в скорби, старик принялся гладить тело, а Найкери спустилась по склону, призывая к себе попрятавшихся. Одна за другой появлялись испуганные женщины и девушки в одинаковых одеждах из бурой ткани. Мужчин не было, лишь несколько хромых стариков с подозрением поглядывали на незнакомцев подслеповатыми глазами. Ни воинов, ни крепких юношей. Трое пришельцев спустились с холма, и никто не посмел поглядеть на них прямо, все прятали глаза под капюшоны.

— Отведи нас к вашим лодкам, — приказал Эсон.

Найкери проводила их к берегу, где обнаружилось десять округлых холмиков, похожих на ульи. Все они были вынесены далеко за линию прибоя. Девушка направилась к ближайшему.

— Таких лодок я еще не видел, — проговорил Эйас.

Заинтересовавшийся Интеб помог Найкери перевернуть один из челноков. Он оказался легким. Сшитые в полушарие кожи были натянуты на каркас из ветвей ивы. Получилось нечто вроде корзины, обтянутой пропитанными дегтем шкурами — чтобы не промокли. Груз лежал под корпусом коракля на песке: свертки, корзины, широкогорлые кувшины. Найкери протянула Эсону один из горшков, и тот извлек из него короткую колбасу — в ладонь длиной и чуть поменьше в ширину.

— Мясо! — завопил он, впиваясь зубами. Вкусная копченая жирная говядина. Жесткое мясо, великолепное. Они жевали и жевали, пока жир не потек по подбородкам и рукам. Никто из троих даже не заметил, как исчезла Найкери. Покончив с мясом, они поискали еще, обнаружили стоялую, пропахшую смолой воду в мехах, попробовали вязкой и комковатой холодной каши. Среди припасов оказалась и смесь дробленых

орехов и ягод. Наконец насытившись, Эсон и Интеб разлеглись на прогретом солнцем песке, поглаживая тугие ивоты и пересмеиваясь, невзирая на резь, которой ечали на сытость отвыкшие от пищи желудки. Эсон днялся и поглядел за море. Первая буйная радость уже улеглась, следовало подумать о том, что их жде. Здесь на острове, в ловушке, у них не было будущего — они только существовали, обманывая смерть. Теперь с этим покончено.

Неуклюжие круглые челны способны передвигаться по морю, иначе альбии не смогли бы добраться сюда. Скоро в путь. И тогда можно будет приняться за дело, которое он поклялся выполнить.

На горизонте облаком синел негостеприимный берег. Нужно возобновить работы в копи — Микены ждут олово, — и отомстить за погибших родичей.

И все это — с помощью всего одного египтянина, не сведущего в воинском деле, и покрытого рубцами бойца, предпочитающего кулак мечу. Эсон коснулся рукояти меча. Вот она — его опора. С мечом в руке ему некого бояться. Если бы Зевс восхотел его смерти, он бы давно уже умер в воде, вместе со всеми, погибшими при кораблекрушении. Но он выплыл на берег, а теперь его ждет далекая суша — Остров Йерниев.

Он вступит на нее с мечом.

И эти дикари скоро узнают, на что способен микенец, пусть даже он один.

4

Интебу сделалось дурно сразу же, как только челны вышли в море. Неуклюжие лодки качались на волнах, вертелись, в них натекала вода. Кроме небольшого количества груза, каждый коракль мог поднять двоих человек, самое большее трех. Эсон с Эйасом скоро приноровились к своенравному суденышку, хотя поначалу только кружили на месте, взбивая воду неуклюжими движениями коротких весел, посмеиваясь над собственной неловкостью. Интеб даже не прикоснулся к веслу; едва утлое суденышко удалилось от берега, внутренности египтянина возмутились, и его вывернуло наизнанку. После этого пользы от него было не более чем

от груза, он валялся в луже на дне, и гребцы иногда даже опирались на него ногами. Ему было все равно. Пусть боль... пусть даже смерть, что угодно, только не эта непрекращающаяся дурнота. Небо над головой дергалось и кружилось, и он закрыл глаза, чтобы только не видеть этого.

На переход с Острова Мертвых к западной оконечности Острова Йерниев ушла большая часть дня, несмотря на то что они вышли в море с рассветом. А потом суденышки медленно потянулись вдоль берега на восток; пришлось плыть еще несколько дней, только в сумерках выбираясь на берег, чтобы поесть и переночевать. Распоряжались в пути старики, и они останавливались, наверное, там же, где это делали прежде из поколения в поколение, — в основном на уединенных пляжах, отгороженных от суши высокими утесами; к ним и подойти можно было только со стороны моря. Скрытность в природе альбиев: они не то чтобы кого-нибудь опасались, просто предпочитали всегда идти своей дорогой.

Дни незаметно сменяли друг друга, после тяжелых дневных трудов люди в изнеможении проваливались в глубокий сон. Даже Интеб потерял счет дням. Но как-то сразу после полудня они свернули к берегу возле устья большого ручья.

— Что случилось? — Эсон окликнул Лера, с помощью дочери выбравшегося из своего коракля.

— Все, высаживаемся на сушу. Наш дом неподалеку

Торопливо разгрузили коракли и перевернули их, поклажу разделили между детьми и девушками помоложе. А когда весь груз был распределен, старики и женщины подняли суденышки, чтобы нести их дальше на себе; фигуры людей исчезали под ношей. Эйас хотел взять коракль, но ему не дали — все-таки свое. Цепочкой они направились по едва различимой тропе вдоль ручья к черной стене леса.

С самого утра собирался дождь, и низкое небо опускалось все ниже и ниже к верхушкам деревьев, пока наконец самые верхние ветви не исчезли в тумане. Мрачные чужие деревья с плоскими заостренными листьями. Густые заросли дуба сменялись буковыми рощами, иногда среди темных стволов белыми копьями поднимались березы. Тропа от ручья направилась вверх

по травянистому склону, по впадинам и буграм она повела их от болотистого берега к непроходимому лесу. Люди шли вперед не останавливаясь, терпеливо сгибаясь под грузом; тем временем тропа забирала все выше. В одном месте ручей небольшим водопадом стекал с каменного уступа в бурлящую стремнину. Здесь подъем стал крутым, и коракли пришлось передавать из рук в руки. Наверху земля вдруг стала иной: бесконечный лес сменился лугами и низинами. Тропа сделалась более четкой, и в воздухе запахло дымком, но разглядеть что-либо было сложно — туман превратился в дождь. Путники шлепали по лужам, скоро все промокли и замерзли.

Уже в сумерки из тумана вынырнул первый из огромных курганов, горой вздымавшийся посреди ровного поля. Это погребальное сооружение величиной значительно превосходило те, что остались на Острове Мертвых. Цепочка идущих обогнула курган, за ним показался другой — и тут впервые появились дома. Их острые соломенные крыши начинались почти от самой земли, от невысокого земляного вала. Плетеные и обмазанные глиной стены опирались на не очищенные от коры дубовые бревна. Позади домов находились небольшие возделанные поля, обнесенные невысокими каменными стенами. Из отверстий, оставленных под коньками крыш, клубился дымок. Путники приближались к домам, и кто-то тонко и отчетливо просвистел, странной трелью закончив последнюю ноту. По этому сигналу в дверных проемах появились люди, вышедшие встречать прибывших. Цепочка стала редеть, без прощальных возгласов каждый направлялся своим путем. Эсон остановился, дожидаясь Найкери и Лера.

— А далеко ли отсюда копь? — спросил он.

— Ликосова? Не очень, — ответила Найкери. — Можно сходить туда и обратно за половину дня.

— Пусть нам покажут дорогу.

— Утром. Сегодня поздно, и дождь идет. Вам придется провести там всю ночь — без крыши над головой.

— Мы хотим идти прямо сейчас.

— Это ты хочешь, — возразил Интеб, чихавший и потиравший пальцами нос. — Сюда мы добирались так долго, что еще одна ночь ничего не изменит. А меня лично мысль о жарком очаге только радует.

Сам Эсон отправился бы немедленно — если б только знал дорогу до копи. Однако спутники возражали, он не стал принуждать их и, почти не противясь, позволил отвести себя к дому Лера, одному из самых больших в поселке. Чтобы войти в низкую дверь, микенцу пришлось пригнуться. Очаг уже горел, на углях булькал глиняный горшок. Они опустились на низкие скамейки — поближе к огню, чтобы просохнуть. Тем временем к ним подошла старуха с мисками, полными каши. Варено оказалось безвкусным, но насыщало и грело своим теплом, и миски скоро опустели. Лер хлебал кашу вместе со всеми, а потом сидел, раскачиваясь, обратив к теплу очага незрячее лицо. Покончив с едой, он велел принести пива, и из ямы в земле извлекли большой закупоренный кувшин. Зачерпнув из него себе и осушив чашу, Лер знаком предложил всем последовать своему примеру. В кувшине оказалось кислое молоко, острый вкус его отдавал горечью, однако напиток пьянил подобно вину. Здесь, в своем доме, утопив в пиве свои печали, Лер вновь, казалось, стал тем мужем, каким он был когда-то.

— Ты пойдешь к копи утром, — проговорил Лер. — Когда-то она была нашей, но Ликос принес многие дары, и мы разрешили ему пользоваться ею. Теперь мы снова будем работать там, в этой земле есть и медь.

— Нет, — без колебаний возразил Эсон. — Она принадлежит Микенам. Ты сам только что сказал это.

— Зачем тебе сейчас этот металл? У тебя нет отроков, чтобы работать — многие из них убиты, и трудно будет теперь отыскать согласных на такое дело.

— Но раз Ликос сумел — смогу и я.

Лер зло ухмыльнулся, по собственной слепоте позабыв, что другие еще не разучились видеть.

— Тебе не все известно. Отроков Ликосу подыскивал я, это были дети донбакшо, они обитают в самом лесу. От нас им нужны топоры — чтобы расчищать свои поля. А за мальчиков Ликос дал мне золотую чашу, и не только ее. Ты принес с собой золотую чашу?

— Ты получишь чашу, получишь больше, помоги только найти отроков.

— Хотелось бы мне сперва подержать эту чашу. Пусть глаза мои не видят, но пальцы сумеют ощутить ее вес. Когда ты дашь мне прикоснуться к ней?

— Скоро.

Опьяневший Лер, побряхтывая от удовольствия, шарил под скамьей. Наконец он нащупал желаемое: топориче для боевого топора из твердого дерева, а потом и сам двусторонний каменный топор, аккуратно высверленный посредине.

— Вот топор, боевой топор, такие мы продаем йерниям. Они не знают, где можно найти этот редкий камень. Йерниям не сделать такого. А этот даже заслуживает того, чтобы прихватить его с собой на тот свет. Вот, видишь сам, какой он острый. Топор мой ты видел, а теперь я увижу твою золотую чашу. — Он вновь рассмеялся и громко рыгнул.

Эсон крутил в руках жадеитовый топор, отвечать было нечего. Не было у него ни сокровищ, ни чаши. Не было и воинов, чтобы драться. Ничего не было. Но копье следует восстановить, а потом — найти тех, кто убил микенцев. Лер мог помочь Эсону. Альбии обходились без вождей. Но этого старца явно уважали: если у них есть кто-то главный, так только Лер.

Выпили еще пива. Взопрев возле очага, мужи завели песню. Старый Лер голосил едва ли не громче всех. Разошедшийся дождь вовсю барабанил по соломенной крыше. Эсон потягивал пиво, вглядывался в чашу, пытаясь увидеть грядущее сквозь завесы тепла и усталости, воспоминаний и ненависти. Что такое один человек против целой страны?

Голос Лера задрожал и умолк, осев, старик съехал со скамьи. Старуха приблизилась к упавшему и с помощью Найкери отволокла его к невысокому ложу, устроенному у одной из стен. Весь вечер Найкери безмолвно просидела в тени, девушка молчала и слушала, о присутствии ее все даже забыли. Привалившись к грубой стене, Эйас распевал с закрытыми глазами, он уже был сильно пьян, хотя, блаженствуя, не осознавал этого. Уже не способный сидеть прямо, Интеб приложился к чаше и над краем ее поглядел на Эсона.

— Ну вот, мы и добрались сюда. Невероятное путешествие, расскажешь дома — никто не поверит.

— В этой глуши некому и рассказать.

— Перимед придет сюда корабль, тогда у тебя будут люди, ты сможешь восстановить копье.

— В этом нельзя быть уверенным. Конечно, отец придет сюда корабль, но когда? Да и доберется ли судно, сумеет ли оно преодолеть все опасности, кото-

рыми угрожает море? Неужели я буду дожидаться его, кушать кашку, пить кислое молоко? Интеб, неуверенность терзает меня, я сам не нахожу ответа на эти вопросы. Я царевич в Микенах, воин из Аргolidы, я готов биться, победить или умереть. Но как воевать без воинов, одним щербатым мечом? Как получить помощь, не имея подарков? Друг мой, ты мудр, можешь ли ты ответить на мои вопросы?

Голова Интеба качнулась, он неразборчиво забормотал.

— Положись на меня, Эсон, я помогу, всегда помогу тебе. Дружба моя поможет. Сейчас я мог бы сидеть по правую руку фараона, следить за разливом плодородного Нила... а куда меня завела судьба? И мне не жаль... не жаль, — он всхлипнул и тут же уснул.

Огонь утасал, густо пахло дымом и перебродившим молоком. Эсон едва мог терпеть эту вонь. Его распирало желание биться — но с кем? Противника не было. Не выпуская из рук каменного топора, он поднялся и толкнул дверь, стукнувшись головой о низкую притолоку. Снаружи лил дождь, вдали погромыхивал гром. И он слепо вглядывался в дождь, не зная, клясть судьбу или молить богов о помощи.

Вдруг Эсон ощутил, что рядом с ним кто-то шевельнулся. Занеся для удара топор, он мгновенно повернулся на звук. В дерево в лесу совсем рядом ударила молния, во время короткой вспышки он увидел, что это Найкери. В наступившей вновь тьме он укориженно покачал головой: надо же — уже и женщин начал пугаться.

— Я могу помочь тебе, — подходя ближе, негромко проговорила девушка.

— Уходи, — бросил Эсон, поворачиваясь спиной.

— Знаю я вас, микенцев, — продолжала она, заходя так, чтобы стать лицом к лицу с ним. — Должно быть, в вашей земле нет ни одной здоровой женщины, иначе вы не презирали бы их. Постарайся понять, воин, — здесь у нас все по-другому. У нас женщина не рабыня мужчины. С тех пор как ослеп отец, я говорю от его лица. И я могу помочь тебе.

— Мне не нужна помощь от женщины.

— А другой ты здесь не получишь, — огрызнулась она. — Хочешь — раздувайся от гордости, только тогда копь навсегда останется разрушенной, а ваши люди неотомщенными. Решай сейчас. Так как же?

Она говорит правду, подумал Эсон. Здесь не Арголида. Странные земли — странные обычаи.

— Почему ты хочешь помочь мне? — спросил он.

— Такого желания у меня нет, но я нуждаюсь в тебе, как и ты во мне, чтобы отомстить — у меня на это свои причины. Племя мое сейчас не в силах мстить. Мой народ ослабел. Отец мой слеп. Все хотят забиться поглубже в лес, найти место потише. Я не хочу. Мое место здесь. Альбии всегда старались жить в мире со всеми — даже с йерниями. И мы будем жить с ними в мире — но после того, как умрут виновные. Твои враги — это мои враги, и я помогу тебе погубить их.

— Но сперва пусть будет копь. Ты дашь мне отроков, чтобы начать работы?

— Да. А будут ли у тебя воины, чтобы убить йерниев?

— Множество. Они уже в пути. Микенцы умеют убивать, как никто другой.

— Тогда открывай копь — и убивай йерниев!

Крик ее утонул в близком раскате, молния вновь ударила неподалеку. Тьма упала мгновенно, но облик девушки горел в мозгу Эсона. Запрокинутая назад голова с бешеными глазами... вода стекала с ее волос на одежду, облеплявшую соблазнительное женское тело.

Эсон протянул руки, мышцы ее напряглись под ладонями. Он пригибал девушку к земле, она не пыталась вырваться, но голос ее прозвучал резко и холодно:

— Если ты возьмешь меня, князь, то лишь силой. Или благородные микенцы не умеют брать женщин иначе?

— Нет, — Эсон гневно оттолкнул ее так, что девушка упала в грязь. — От тебя мне нужны только отроки, которые будут работать в копи. Не забудь.

И он захлопнул дверь за собой — там было сухо. Раздосадованный и негодующий — только почему?

5

Эсон пробудился с рассветом. Зевая и потягиваясь, он выбрался наружу — в рассветный туман. Сразу же за огородом в лесу, насыщаясь желудями, хрюкали свиньи. Небо над полосой тумана было ясным, высоко в нем застыл крутлый диск луны. Должно быть, добрый знак. Артемида сторожит и после рассвета. В доме за спиной его слышались движения, повалил дым из отверстия под соломенной крышей — там разожгли

очаг. День начался. Быть может, не только день — и будущее тоже. И копь.

Он вернулся в дом и встряхнул Эйаса за плечи. Кулачный боец лишь застонал и перекатился на живот. Эсон отвесил уже крепкий пинок по ребрам. Шатаясь, Эйас с ругательствами поднялся на ноги. Щурясь, он искал кого-нибудь, чтобы ответить ударом. Эсон оставил его и подошел к Найкери, склонившейся у очага.

— Мне нужны сандалии, — проговорил он. — Все ступни изрезал о камни.

— У нас не найдется достаточно больших для тебя, но я могу сплести подходящие. Когда вы уйдете к копи?

— Утром, скоро. Поторопись с сандалиями. Нам потребуется проводник.

— Я покажу тебе дорогу.

Пока они готовились к выходу, почти все проснулись. Только громкий храп Лера доносился из ниши, да Интеб еще спал среди одеял и шкур. Эсон там его и оставил, а Эйасу вручил каменный топор дровосека. Следом за Найкери они вышли из дома и направились по тропинке среди полей. Выйдя из поселения альбиев, они миновали расчищенные поляны, на которых бродил длиннорогий скот. За животными приглядывали молчаливые загорелые мальчишки. Следуя неровностям местности, тропинка привела их к лесу, она то поднималась, то опускалась. И когда солнце вскарабкалось на половину пути к зениту, все уже основательно взмокли. Эйас простонал:

— Такая дорога не для больного человека.

— Ты расхворался от пьянства.

— Какая разница от чего, главное, что я болен, быть может, уже умираю...

Впрочем, невзирая на жалобы, Эйас не отставал. Когда они остановились попить возле запруды, у перекрытого бобровой плотиной ручья, Эйас зачерпнул воду пригоршнюю, отпил, вздохнул и бултыхнулся в воду. Когда он поднялся из водоема — с тела струилась вода, — боец словно ожил и объявил, что чувствует себя решительно лучше.

Они пошли дальше. Найкери внимательно следила за тропой и все замедляла шаг. Наконец она остановилась и указала на почву. Наклонившись, Эсон увидел у земли надломленную ветку: ясно было, что здесь недавно кто-то прошел.

— Тут неподалеку обитают донбакшо, — проговорила девушка. — Можно переговорить с ними, узнать, что случилось с отроками, работавшими в копи, может быть, кто-нибудь захочет...

Эсону не хотелось сворачивать. Он пришел издалека, а цель была так близко.

— Зачем обязательно нужны мальчишки? — спросил он. — Можно найти кого-нибудь постарше, рабов, например?

Не понимая, она покачала головой:

— Кто еще, кроме мальчишек, возьмется за это дело? Их много, племени не нужно столько отроков. Чего ты хочешь?

Напрасная трата времени. Быть может, в этой стране совсем нет рабов. Впрочем, у него нет и золота, за которое их покупают — нет и воинов — чтобы захватить и стеречь. Хочет он или нет — придется следовать за этой девушкой.

— Хорошо. Делай как хочешь.

Найкери явно не желала слышать ноток раздражения в его тоне и повела их в чащу. В полумраке пробирались они через подлесок, обходя высокие стволы. Было жарко, воздух недвижно замер, лишь докучливые насекомые жужжали над головой. Тропа вела их по пологому склону холма в ложину, к густой роще, где теснились толстые дубы. Здесь стало прохладнее, они неслышно ступали по влажному мху возле извивающегося по склону холма ручейка. Шаги их были настолько тихи, что путники даже спугнули вепря, разрывающего листья в поисках желудей. Не менее удивленный, чем они сами, кабан поднял голову, хрюкнул — к желтым клыкам прилипла черная земля, красные глазки сердито блестели. Эйас заорал и бросил топор, но вепрь крутнулся на острых копытах и исчез в подлеске. Топор пролетел мимо, и Эйас с ругательствами полез за ним в кусты.

Когда они добрались до дна ложбины, спереди слышались четкие удары, как сердцебиение. Потом звуки умолкли, и буквально через мгновение с треском упало дерево. Они шли дальше — тропа сделалась проторенной — и наконец из леса выбрались на поляну. На склоне холма оказалось невысокое квадратное сооружение с крышей из камыша и глинобитными стенами. Его окружали небольшие поля, где под ветерком

гнулись невысокие — до колена — злаки с зелеными колосьями. Три женщины прокапывали междурядья острыми мотыгами из оленьего рога. Оставшись в жару в одних кожаных юбках, они низко наклонялись, нагие груди раскачивались при каждом движении. Подняв головы, женщины уставились на пришельцев. Одна из них что-то выкрикнула высоким голосом.

— Подождите здесь, — проговорила Найкери, — лучше мне переговорить с ними без вас.

Развалившись в тени, Эсон и Эйас разглядывали детей, повысыпавших из дома: с пальцами во рту они стояли перед дверями. Их было много, разного возраста, все без одежды и в грязных разводах на бледной коже. На склон выскочили двое мужчин с каменными топорами в обеих руках. Они бежали; длинные, до плеч, волосы развевались за спиной. Как и женщины, мужчины были покрыты потом и обнажены до пояса. Заметив, что опасности нет, они замедлили шаг. Не отводя глаз от двух незнакомцев, они приблизились к Найкери, с которой были знакомы. Женщины издалека наблюдали, как, усевшись на корточки, переговаривались мужчины и девушка. Она настаивала, они бурчали что-то в ответ, качали головами и запускали пальцы глубоко в волосы. Наконец один из мужчин встал, направился к дому и, растолкав детей, ухватил одного из тех, что были постарше. Тот не хотел идти, но мужчина дал ему затрепину и поволок за ухо по склону. Переговоры продолжались, наконец все поднялись, и Найкери оставила их. Оба мужчины бесстрастно смотрели ей вслед.

— С ними сложно говорить. Некоторые из мальчишек вернулись, но другие погибли.

— В этом доме я не заметил недостатка в детях.

— И здесь, и в прочих домах мальчишек хватает. Только цена будет высока. Этой зимой у одного из мужчин сломался топор, ему нужен новый. Чтобы сделать топор, уйдет не один месяц. А другой вообще требует медное тесло за своих мальчишек. Форма для отливки у нас есть и медь найдется, правда, отец мой будет возражать.

— Но ты не отказываешься...

— Конечно, нет. Ты знаешь это.

Эсон верил ей. Он глядел на ее крепкую спину и зад — она вновь вела их из лощины, мышцы так и ходили под бурными полосами юбки. Волосы и кожа ее были, как у

деревенских девушек, что трудились в полях возле Микен. Она разве что была ниже ростом. Но здесь она не из простых — из знати. Она говорит с донбакшо, и те ее слушают. Вот и сам он ее послушал и согласился. В такой дали от Арголиды все идет по-другому. Он должен привыкнуть к новым обычаям. Лучше бы, конечно, просто повести на них свое панцирное войско и взять все необходимое. Но нет ни людей, ни доспехов. Придется найти способ, как все сделать.

Из леса они вышли в полдень, в самую жару. Тропа привела их в устье оврага. Тут росли только невысокие кусты, да трава поднималась над короткими пеньками; прежде здесь была расчистка, и не так уж давно. Овраг перекрывала земляная насыпь. С тех пор миновало шесть лет, он тогда был еще юнцом, но Эсон сразу же узнал это место. Перед ним была копь.

Оттолкнув остальных, он полез вверх по склону, который помнил еще незаросшим. Он тогда трудился вместе со всеми, потел, таская землю, чтобы поднять вал повыше. С вершины насыпи был виден край небольшой долины: именно здесь Ликос добывал для Микен богатство из-под земли.

Теперь там остались руины. Обутленные стены с обрушившимися крышами уже начинали обрастать землей. Рваная рывтина в земле никуда не исчезла, как и груды пустой породы и грязи. Но и на них уже начинала пробиваться трава, скоро она покроет отвалы. Долбленные бревна, пропускавшие воду ручья под валом, были забиты грязью и листьями. Лишившись выхода, вода образовала болотистое озерцо, протянувшееся почти до самой копи. Пара уток, испуганных неожиданным появлением человека, тяжело ударяя крыльями, поднялась с воды и улетела.

Эсон не заметил их. Перед глазами его все вставало, как было — в деловитом кипении жизни. Он пытался все вспомнить. Дядя, гордый своими делами, водил его тогда за руку и все объяснял. Эсон помнил, как тогда ему было скучно, как хотелось на охоту — люди как раз отправлялись бить оленей. Но, невзирая на собственное нежелание, он усваивал: наблюдал за работой отроков, помогал дяде, загружавшему печи, — последнюю, самую ответственную операцию тот не позволял делать никому другому.

Несущий олово ручей образовал водоворот в своем каменистом ложе. Ликос много размышлял о том, откуда берется олово в ручье. Он водил племянника вверх по склону, показывая ему черные вкрапления в красноватой скале. Здесь тоже было олово, но добывать его было проще, спустившись пониже. Там, в пересохшем русле, олова было много, его вымывало из мягких разрушенных водой пород. Оно залегало близко к поверхности — прежде его даже можно было отыскать на самой земле — но оттуда его уже давно выбрали дочиста. Теперь приходилось закапываться в грунт, до слоя, где черные камешки были перемешаны с песком. Деревянный промывочный желоб оставался на месте, впрочем, он заметно прогнул и нуждался в починке. На дне все еще темнели крупницы олова — там, где вода унесла более легкие частицы. Конечно, олово приходилось добывать с большими трудами. Крупницы металла по большей части были заключены в крупных кусках породы, их разбивали тяжелыми молотами — на скале еще видны были борозды и углубления там, где дробили породу.

Печи тоже никуда не делись. Это было существенно: Эсон не знал, как они устроены. На первый взгляд все было просто, каждая печь располагалась в конической рытвине, сбоку шел косой желоб — для мехов. Эсон не знал, как соорудить такую печь, не знал, как она устроена внутри. К счастью, печи уцелели, а загружать их он умел. Значит, можно добыть руду и выплавить олово. Перимед пошлет сюда корабль — рано или поздно царь захочет возобновить работы на копи. И тут окажется, что все в полном порядке и для Микен собран обильный урожай.

— Всех убили, — проговорил Эйас, и Эсон впервые обратил внимание на то, как много костей разбросано повсюду.

Человеческие кости, скелеты — все без голов. И ни панциря, ни кинжала — только выбеленные солнцем лохмотья одежды, ткани и кожи.

— Здесь полегли микенцы, — выкрикнул Эсон. — Мы отомстим! — Во внезапном порыве, представив себе горькую погибель сородичей в этих краях, столь удаленных от крепкостенных Микен, Эсон вырвал меч из ножен и взметнул его над головой.

— Мщение! — рычал он. — Мщение! — давая выход переполнявшей его ненависти. Эсон закрипел зубами: смерть посетит многих здешних мужей.

На вершине холма, высоко над ними, в тени буков сидел человек. Тело его почти целиком прятал подлесок, лишь голова виднелась среди ветвей кустарника. Он не шевелился, лицо его казалось частью игры света и тени.

Он был безмолвен, как раскрашенная статуя. Кожа его была вымазана мелом, и легкие светлые волосы под белой коркой казались еще светлее. Щеки и подбородок человека были чисто выбриты, но с верхней губы свисали густые усы. Они были зачесаны в стороны и облеплены смесью глины и мела, так что, высохнув, они образовывали нечто вроде рогов зверя или клыков вепря. Губы воина под окаменевшими усами разошлись в ухмылке, он жадно облизался. Он пришел сюда изда-лека, он долго шел и уже почти потерял надежду на обещанное сокровище. Теперь же оно будет принадлежать ему.

Высокий мускулистый мужчина был облачен в одну только короткую юбку — выше колен, — спереди украшенную лисьим мехом. Через плечо перекинут лук с привязанным к нему пучком стрел, в руке охотничье копьё.

С довольным смешком он покинул свой наблюдательный пост, скрываясь за ветвями, а потом пополз в сторону раздвигая кусты. Оказавшись среди деревьев, он поднялся и побежал на восток — уверенной ровной рысцой.

Звали его Ар Апа, он принадлежал к тевте Дер Дака, обитающей на холмах.

6

Утомленный, вспотевший, прихрамывая на пораненную о камень ногу, спотыкаясь после долгих дней бега, Ар Апа к полудню завидел вдали стены своего дана. Поблизости оказались два подростка, загонявшие скотину с пастбища. Большие глаза, гладкие шкуры, упругие мышцы животных успокоили воина и заставили забыть об усталости. Он пошел среди стада, называя знакомых животных по именам, оглаживая теплые бока, прикасаясь к длинным острым рогам. Животные

отъелись после зимней голодовки, шерсть их лоснилась. От такой красоты Ар Апа улыбнулся. Один из мальчиков, перебегая за побредшим в сторону теленком, подвернулся ему под руку, и Ар Апа отвесил ему могучую оплеуху. Мальчик упал, спотыкаясь поднялся на ноги и всхлипывая побежал вперед. Ар Апа жестом подозвал к себе другого мальчика, приблизившегося с нерешительностью. Из-под свалывшихся, длинных, до плеч волос выглядывали испуганные и опасливые лаза.

— Воды мне, — приказал Ар Апа, — или получишь столько же, что и этот — и еще столько.

Вода, целый день находившаяся в кожаном мешочке успела задохнуться, но он лишь промочил глотку плеснул себе в ладонь, чтобы смешать с растертым ней мелом. Усы его растрескались и поломались, следовало свежей смесью придать им положенную твердость. Сидя на земле, Ар Апа придавал усам нужный вид, а остатками белой смеси намазал уже затвердевшую шапку волос на голове. Скот втянулся за стену дана лишь дымящийся навоз помечал, где прошли подковы. Ар Апа поворошил пальцем ноги ближайшую лепешку ровная, крепкая — значит, сыты. Отлично. Обтерев руки об юбку, он поднял копье, лук и стрелы, обеспечивающие ему пропитание во время долгой стражи, и отправился за стадом.

Быстрой рысцей он приблизился к плетеным стенам дана и, когда голос его можно было услышать, завопил, чтобы слышали все:

— Ар Апа пришел, муж, бегун и охотник! Сотню ночей бежал — одну за другой, сотню оленей убил одного за другим, кровь их пил, мясо их ел — одного за другим. Что за Ар Апа! Славный Ар Апа!

Он блаженно улыбнулся, почти поверив собственным словам и начал спускаться в ров, понизу окружавший вал, что служил защитой дану, и кратчайшим путем отправился к собственному дому. Если его похвальбу кто-то слышал, никто не обратил на нее внимания но сейчас это его не волновало. Едва ли за вечерним шумом внутри Дан Дер Дак можно расслышать крик самого могучего воина. Пройдя через дверной проем в комнаты матери, он с женского балкона на втором этаже поглядел на то, что творилось внизу

Там кружили животные, мычали от полноты вымени короны, овцы с выбеленными меловой пылью шубками

путались у них под ногами. Женщины доили коров и овец в приземистые глиняные горшки, покрикивая на младших детей, сновавших между животными и перекидывавшихся кусками навоза.

Ар Апа одобрительно кивал при виде этого изобилия, бурления жизни и смог отвести взгляд, лишь вспомнив, что принес срочную вестъ. Он перепоясался волосяным поясом, заткнул за него рукоять каменного боевого топора. А потом неторопливо направился вдоль меловой насыпи, окружавшей дан. Сюда выходили все двери в мужские помещения, расположенные снаружи кольцевого жилища, разорванного лишь главным входом. Над ним, наверху — в самом почетном месте — было жилище Дер Дака: он мог видеть всех, кто приходит в дан и выходит. Но сейчас его не было у себя. Ар Апа заглянул во тьму и позвал, но не получил ответа. Еще более медленным шагом он пошел по верху вала, мимо входов в мужское жилье. Во многих помещениях разговаривали. Возле следующей же двери на расстеленной волчьей шкуре спал муж по имени Сетерн. Для воина он уже был староват, пора заводить семью, но боец хоть куда. Под правое колено его была подложена отрубленная голова, пожелтевшая, сморщенная, покрытая густым слоем кедрового масла. Несмотря на такую обработку, она изрядно приванивала. Сетерн открыл глаза, покрасневшие и воспалившиеся, и несколько раз причмокнул, словно бы пытаясь прогнать изо рта неприятный вкус. Целый день он провел за питьем эля. Об этом свидетельствовало его дыхание, если для кого-то вид кувшина и небольшой чаши для питья рядом с ним не был достаточно красноречив. Ар Апа уселся возле него.

— Ар Апа не был дома много ночей, — начал он. — Ар Апа бежал, убивал вепря и гнал оленя.

— Сетерн убил лучшего воина из Дан Мовег, — хриплым голосом отозвался лежащий. — Сетерн срубил его на пятнадцатую ночь битвы. Не зная усталости, мы бились посреди реки Стур. Сетерн отрезал голову, вот она. Ты видал хоть раз подобную голову? Лучший воин Мовега.

Ар Апа много раз уже видел ее и поэтому не стал слушать разговоры Сетерна. Заглянув в кувшин, он увидел, что на дне еще осталось немного эля. Он осушил остатки.

— А Дер Дака нет дома? — спросил он.

Сетерн покачал головой и буркнул:

— Нет, — со вздохом опускаясь на шкуру.

— А другой, тот, кто там... — имени Ар Апа не назвал, просто повел плечом в нужную сторону.

— Он там, — отвечал Сетерн, не обнаруживая особого желания говорить об упомянутом человеке, и вновь закрыл глаза.

Но дело следовало сделать. Ар Апа тяжело вздохнул и, встав, провел по жестким усам костяшками пальцев, перехватил топор и еще более медленным шагом направился по валу к противоположному краю разорванного кольца — к другому почетному месту возле жилища Дер Дака — и заглянул внутрь. Солнце зашло, в наступивших сумерках ничего не было видно.

— Входи внутрь, сильный Ар Апа, — послышался из темноты голос, произносивший слова со странным акцентом, чуть шепелявя. — Ты пришел, чтобы сообщить мне... нечто действительно важное?

Ар Апа еще крепче ухватил рукоять топора и, моргая, всмотрелся в темное помещение. Оно было завешано тканями, на полу стояли сундуки, чувствовался сладковатый запах, которого ему еще не приходилось слышать. У дальней от входа стены шевельнулось нечто еще более черное, живое. Человек... Тот, кого они звали Темным, если кому-то спяну приспичивало назвать его вслух.

— Дар... — начал Ар Апа, слова не шли с губ.

— У меня много даров, богатых даров, ты еще не видел таких даров. Найдется дар и для тебя, Ар Апа, если я порадуюсь. Так порадуй же меня. Развесели меня. Ты взял у меня дар, золотом окованный янтарный диск, сработанный искусными мастерами из Дан Уала. Ты сказал мне, что отправишься на запад, к месту, где были убиты мужи с мечами, и будешь ждать, не вернутся ли они на это место. Так ли ты поступил? Увидел ли ты их?

— Я сделал так! Я бежал сотню ночей, я убил сотню вепрей, я съел сотню оленей, вот что я сделал! Я был в этой долине, — прибодрившись от звуков собственного голоса, Ар Апа рассказал все, что делал там — или намеревался сделать, или же слышал, что делали другие, или думал, что такое возможно совершить. Темный Человек молча внимал. Наконец Ар Апа сообщил ему о двух мужчинах и девушке, что пришли к обгорелым развалинам... как один из мужчин извлек бронзовый меч и размахивал им, провозглашая мщение. Ар Апа прекрасно слышал его рык со своего холма. Тут

голос его сам собой стих и умолк, воин закашлялся и сплюнул через плечо, мельком глянув в сторону входа, где уже высыпали первые звезды.

— Ты сделал все хорошо, очень хорошо, — наконец проговорил Темный Человек. — Ты сказал мне именно то, что я хотел услышать, ты сказал мне и о том, как силен охотник и воин Ар Апа, и об этом я тоже хотел услышать: ведь жить среди столь великих воинов — огромная честь для меня. Получи положенный тебе дар.

Звякнул запор, скрипнули петли. Забыв обо всем, Ар Апа с вожделением шагнул вперед. Прохладная ладонь, мягкая, как у ребенка, втиснула в протянутую руку Ар Апы нечто еще более холодное.

— Золото, чистое золото, — сказал Темный Человек.

Ар Апа метнулся к выходу, чтобы глянуть на чудо, очутившееся в его ладони, ясное, блестящее даже в сумерках. Литое золото, тяжелое и драгоценное, со шнурком. Золотой топор с рукояткой во всю ладонь. Чудо... трудно было поверить своим глазам.

Исполнившись счастья, Ар Апа направился к огромному кострищу посреди дана, где слышались крики и громкая речь, где высоко взвивались языки пламени, бросая мечущиеся тени на кольцо каменных столбов, окружавших очаг. Вступая в каменный круг, Ар Апа провел рукой по своему собственному каменному столбу с багровой макушкой. Камень был выше его на пару голов. Прикосновение влило в него силу. На костре целый день жарили быка. Шкура обуглилась и растрескалась, в воздухе висел аромат, наполняющий рот слюной. Повинуясь указаниям старших, несколько молодых воинов, недавно лишь посвященных, с трудом подняли за оба конца толстую зеленую жердь, на которой была насажена туша. Оступаясь, они подтащили дымящееся жаркое к двум деревянным развалинам. Старшие разразились криками и похвальбой, каждый хотел бы получить почетное право разрезать тушу и забрать себе самый лучший кусок. Это сделает, как всегда, Сетерн — но лишь после того, как скажут свое слово все остальные.

— Я — лучший воин! — завопил Наир. Вскочив на ноги, он ударил топором в щит. Раздались крики протеста — ими он пренебрег, постаравшись заглушить рыком негодующие голоса. — Я должен резать мясо. В набеге на тевту Финмога я закричал ночью возле их

дана. Когда выбежали воины, десятерых я срубил своим топором, второй десяток воинов я срубил своим топором и взял их головы, а за ними еще десяток и еще... — с каждым новым повторением голос его становился громче. Он подпрыгивал и топал по земле, пока наконец, взыв, Сетерн не принялся колотить в свой щит. Он был голоден и не в духе. Сегодня он хотел насытиться, не выслушивая обычной долгой похвалы, что затянется, пока не остынет мясо.

— Я — Сетерн, я — самый лучший, я — убийца мужей, я — похититель коров, я несу смерть рукой своею и топором... смерть сопутствует мне повсюду.

Захваченный собственной похвалой, он закружил, размахивая топором, — сидевшие спереди с гневными криками начали отодвигаться. С горловым ворчанием Наир отступил и уселся в заднем ряду.

— Сетерн — убийца, моргнет Сетерн — и сотня мужей падут бездыханными, а головы их оказываются у моего пояса... сотни сотен мужей убиты Сетерном по ночам, головы их сложены в кучу высотой в мой столб, их коровы — мои коровы, их быки — мои быки... их смерть — дело моей руки. Я — самый сильный, я — Сетерн-убийца, я — Сетерн-губитель, кровожадный, ужасный... Я — Сетерн... великий...

— ...мех для воды, надутый воздухом, — выкрикнул Ар Апа.

Послышались одобрительные крики, даже хохот. Взыв от ярости, Сетерн принялся оглядываться, взглядом разыскивая оскорбителя. Ар Апа выхватил щит у воина, оказавшегося возле него, и протиснулся сквозь толпу. Не раз он выслушивал похвалу Сетерна и кипел от гнева, как все мужи, но, подобно прочим, молчал — Сетерн был силен не в одном хвастовстве. Но сегодня он не смолчит. Золотой топор ослеплял его взор: воин, способный заслужить такую секиру, не менее силен, чем этот пустоголовый хвастун.

— Дурак и бахвал! — завопил он, мужи взревели с одобрением — будет поединок. — Я разрежу мясо. Я здесь лучший воин. Я бежал сотню ночей, убил сотню оленей, снес голову сотне вепрей — и все в одну ночь. — Он кружил вокруг Сетерна, тот рычал и сплевывал выступающую на губах пену.

— У Ар Апы безмозглый отец, у него не было матери, Ар Апа не мужчина — у него нет яиц... —

поперхнувшись собственной слюной, Сетерн умолк, и Ар Апа огрызнулся:

— Я — убийца, у меня есть окованный золотом янтарный диск, у меня есть двусторонний золотой топор. Я говорил с Темным Человеком. Тебе не остановить меня.

И он сбоку по дуге взмахнул топором, но Сетерн отпрыгнул и отбил удар щитом. Вслух помянуть Темного Человека мог лишь отчаянный храбрец, это понимали все, в том числе и сам Сетерн, только что вновь отразивший удар. Подбегали дети и женщины и кучками сбивались за спинами сидящих мужчин, чтобы посмотреть на поединок. Безмолвные силуэты с круглыми глазами.

— Ар Апа — лжец, — нанося удар, Сетерн не сумел придумать ничего лучшего, его противник увернулся.

— Все смотрите, все! — завопил Ар Апа.

Взяв в зубы рукоять топора, он потянулся к поясу, за который был заткнут небольшой сверток. Смотав шнурок с золотого топора, он высоко поднял украшение. Топорик кровью сверкнул в свете костра, Ар Апа торопливо затолкал его обратно за пояс под одобрительные крики. Бросившийся вперед Сетерн принял удар топора на щит и поплевал на ладонь.

Тут и начался серьезный бой. Сетерн искуснее владел топором, но лучшие годы его миновали, к тому же он слишком много выпил. Ар Апа был крепок и гневен, золотой топор и восторг от одобрительных возгласов, раздававшихся вокруг, будили в нем жажду крови. Он обрушил на соперника град ударов, толкал Сетерна и пытался заставить его оступиться, нанося все время могучие удары, словно пытаясь подрубить дерево. Сетерн мог только щитом отражать удары Ар Апы. Он так и не сумел освободить свой топор, застрявший в щите Ар Апы. Так они кружили возле костра, с грохотом ударов мешались проклятия. В отчаянии, ощущая за спиной костер, Сетерн резко отвел топор назад и рубанул понизу, зацепив бедро Ар Апы. Потекла кровь, Ар Апа отскочил, мужи завопили еще громче.

Все еще охваченный гневом, Ар Апа не обратил внимания на рану, скорее она его только подзадорила. Ощувив онемение в мышцах, увидев на ноге собственную красную кровь, он оглушительно взвыл, заставив

всех умолкнуть. Даже Сетерн на миг застыл, поглядывая на противника над краем щита.

Могучим движением руки Ар Апа отшвырнул щит в сторону. Перелетев через головы мужчин, он упал там, где стояли дружно взвизгнувшие женщины. Перехватив топор обеими руками, Ар Апа прыгнул в сторону Сетерна и размахнулся для удара. Он все сделал в едином порыве — не задумываясь, охваченный всепоглощающей яростью. Пригнувшись к земле, Сетерн поднял щит, готовясь нанести ответный удар, которого противнику — он знал это — не отразить.

Топор Ар Апы обрушился вниз с такой силой, что ноги его оторвались от земли. Обитый толстой шкурой деревянный щит краем ударил Сетерна прямо в лоб, тот упал. Оглушенный Сетерн попытался подняться на ноги, но не сумел этого сделать. Высоко подняв топор, Ар Апа обрушил полированный камень прямо в лоб Сетерна. Проломив кость, топор вошел в мозг, на месте сразив воина.

Зрители разразились воплями, с восторгом хлопая друг друга по плечам. Тем временем Ар Апа горделиво выхаживал перед ними и с триумфом размахивал над головой топором — так что с лезвия разлетались капли крови. Потом, отбросив топор, он подошел к поверженному Сетерну, повернул труп и снял с его шеи бронзовый кинжал. Богатая вещь, в их тевте такие есть у немногих, а это — самый острый из всех кинжалов. Обхватив рукоять обеими руками, он принялся резать и пилить, пока наконец не отделил голову. Почва вокруг была уже пропитана кровью. Ар Апа поднялся и прицепил голову врага к поясу за длинные волосы. Последние капли крови стекали вниз по ноге.

Ошеломленный собственным успехом, он, прихрамывая, подошел к жареному быку и окровавленным кинжалом вырезал себе долю сильнейшего.

7

— Я уверен — готово, — проговорил Эсон. — Смотри-ка, руды на углях не осталось, — нагнувшись, он поглядел на тлеющую грудку, щурясь от дрожащего над ней раскаленного воздуха.

— Потерпи, — посоветовал ему Интеб, стирая сажу с рук. — Не сразу Микены строились, олово тоже

не вдруг из камня выплавляется. Мы уже ошиблись на этом в первый раз. Ты ведь помнишь — угли еще светились, когда мы отгребли их?

— Но как можно знать заранее?

— Никак. Но подождать нетрудно.

Терпения Эсона не хватало, чтобы в праздности проводить время возле печи, дожидаясь, пока выплавится олово. Характером воин, Эсон был полностью несхож с зодчим Интебом, способным терпеливо ждать, когда каменотесы обещают для него камни, когда строители возведут стены. Оставив египтянина возле печи, Эсон направился к ручью, где на траве в глубоком сне развалился Эйас. Впрочем, как выяснилось, это было не так — стоило двоим мальчишкам перестать копать и пуститься в разговоры, как Эйас запустил в них камнем из находившейся у него под рукой кучки гальки. Мальчишка с воплем схватился за бок, и провинившиеся принялись усердно скрести оленьими лопатками. Отбросив гравий в сторону, они наполнили корзину грунтом из нижнего слоя, содержащего темно-серые гранулы. Мальчишки волоком оттащили ее к промывочному желобу и перевернули. Вода из ручья бежала по желобу, отроки ворошили кучу руками, чтобы глину уносило течением. Работников не хватало. Этим двоим следовало бы ограничиться рытьем, другие должны были промывать зерна, третьи — дробить их. Под пристальным взглядом Эсона мальчишки принялись работать быстрее. Камешки покрупнее, величиной с каштан, они раздробят потом.

Повсюду использовались времянки: что еще остается, если нет лишних рук. Будь у него богатство — золото, бронза, что угодно — можно было бы купить побольше отроков, но ненависти Найкери хватило только на это. Спали все под грубыми односкатными навесами из ветвей и сучьев, пищу готовили на костре, пили одну только воду, но добывали руду и жгли древесный уголь в заваленных дерном кострищах. Если на этот раз они правильно загрузили печь, сегодня будет первое олово. Поборов искушение вернуться к первой печи, Эсон отправился помогать Интебу в грязной работе: они принялись загружать вторую из подготовленных ими печей. Это была просто обмазанная глиной округлая яма с круглой чашкой посередине поперечником в два кулака. Они уложили горкой древесный уголь, поверх на-

бросали измельченной руды и подожгли. Кликнули мальчика с мехами, оставив первую печь догорать. Так плавил олово Ликос. Эсон помнил, как это делалось. В первый раз у них получилась какая-то смесь древесного угля и руды. А нужно было олово — светлое олово. Погрузившись в заботы, Эсон не сразу услышал собственное имя. На гранитном валуне, венчающем земляную насыпь, перегораживающую долину, появилась Найкери.

Она была разгоряченной, волосы ее спутались. Задышавшись она проговорила:

— Возле дома моего отца заметили йерниев, он испуган и не собирается далее здесь оставаться — собирает все пожитки, чтобы бежать к нашим на запад. Он очень боится: на этот раз могут убить и его, и всех нас. Он говорит, что йернии обезумели, словно олени во время гона, и не хочет оставаться в тех краях, где они способны до него добраться. Пойдем со мной, ты должен остановить отца.

— Пусть уходит. Он нам не нужен.

— Не нужен? — она словно выплюнула это слово и стиснула в гневе кулаки. — Как нам удалось начать работу, как случилось, что ты смог заняться добычей олова? Только потому, что мой отец помог тебе своим богатством. Он дал тебе подарки для донбакшо, чтобы они прислали мальчиков. Он дает тебе пищу, даже медное долото сделал. Я обманула его, слепца, и отец отлил долото своими руками — для тебя. А ты пренебрегаешь им. Где убитые йернии — те йернии, которым ты собирался мстить? Где их головы? Ты только берешь и ничего не даешь, и еще говоришь, что отец мой не нужен.

Повернувшись к ней спиной, Эсон сложил на груди руки и, не слушая криков, оглядел копь. Не будь эта женщина столь полезна, он заставил бы ее замолчать. Но этого нельзя делать. Нельзя и унижаться до перебранки с женщиной. Дождавшись, когда она умолкла, Эсон повернулся к ней:

— Какими словами могу я заставить Лера остаться?

— Скажи, что ты защитишь его, скажи, что убьешь йерниев. Скажи, что отомстишь за убитых сыновей и погубленных родичей. Быть может, ты сумеешь пробудить в нем гнев и желание отомстить. Я не в силах этого сделать. Он думает лишь о бегстве.

Эсону это не нравилось. Он был нужен здесь, на копи. Пойдут долгие разговоры с Лером, придется давать обещания, которые он потом не сумеет выполнить. Бесконечные пустые разговоры и никаких действий — подобное не для него. Но деваться некуда. Если воинов удастся заменить словами, он будет говорить — ведь у него нет войска.

— Я пойду, — отвечал он не без колебаний. — Только сперва нужно объяснить Интебу, в чем дело.

Другого пути не было. Долгим прощальным взглядом окинув угасающую печь, он отправился из лагеря по едва намеченной тропке. Он торопился и слышал, как тяжело дышала за спиной Найкери, старавшаяся не отставать. Эсон улыбнулся.

Удаляясь от копи, тропа с поросшей вереском равнины спускалась к краю заросшего болота. Пробираясь по склону, Эсон охотничьим инстинктом ощутил, что за ним кто-то следит. В болотах водились кабаны и олени — но в основном водная птица и звери поменьше. Однако сейчас за ним следил не зверь. Эсон поглядел вперед и остановился, потянув меч из ножен. Найкери с разбегу налетела на него.

— Почему ты остановился? — выдохнула она.

Эсон указал клинком вниз.

Там на краю болотистой чащи в зарослях осоки стоял человек, рядом с ним застыл громадный пес, похожий на волка. Оба казались вырубленными из камня. Мужчина был невысок и грузен. Мускулы прятал жирок. Было видно, что одет он лишь в набедренную повязку из шкуры рыжей лисы. Ноги его выше колен были покрыты водонепроницаемыми сапогами из кожи, снятой с ног дикой лошади. В одной руке он держал тонкое копьё с острым костяным наконечником, под которым раскачивался си-лок. На поясе в сетке была подвешена выпотрошенная заячья тушка и связка темноперых уток.

— Кто ты? — выкрикнул Эсон, погрозив мечом.

При звуках его голоса человек зашлепал назад, в глубь болота. Отрывисто выкрикнув непонятное Эсону слово, Найкери потянула микенца за руку.

— Убери свой меч, — сказала она. — Этот человек из тех, что живут в глубинах болот, мы зовем их охотниками. Они торгуют с нами, а не воюют, как йернии. Он здесь по делу. Пусты меня, чтобы я могла с ним поговорить.

Эсон опустил меч — но не стал убирать его в ножны — и Найкери отправилась вперед. Когда она приблизилась к охотнику, пес глухо заворчал и обнажил клыки. Тот пнул собаку в ребра тупым концом копья и оттолкнул с дороги. Найкери опустилась перед ним на траву, коротышка, поглядев на Эсона, тоже уселся на пятки. Они говорили долго, и Эсон едва не потерял терпение. Наконец Найкери обратилась к нему:

— Убери свой меч и иди сюда, только не торопись. У него есть что сказать нам.

Охотник и его пес с равным недоверием следили за Эсоном, пока тот приближался. Микенец уселся на траву, скрестив ноги, в трех шагах от них обоих.

— Это Ческил, — пояснила Найкери, — я много раз встречала его. На нашем языке он говорит не хуже, чем на своем собственном.

Но Ческил не слишком торопился заговаривать вообще. Он рассматривал Эсона. Карие глаза внимательно глядели из-под припухлых век, лицо было плоским, с лишенным переносицы носом, на лоб свешивались черные прямые волосы. Спустя некоторое время Ческил отвернулся от Эсона и поглядел вдаль. Потом наконец заговорил — с сильным акцентом, но все-таки понятно.

— Я — Ческил, она — Найкери, а ты — Эсон, — так она мне сказала. Я — Ческил, я из племени охотников, мы здесь охотились с незапамятных времен, и мы помним об этом. Мы охотились здесь еще тогда, когда в этих краях никогда не бывало тепло, и мы помним об этом. Пришли альбии и поселились на торфяниках, они жили своей жизнью, а мы своей, — и мы помним об этом. Потом в лес пришли донбакшо — рубить деревья каменными топорами, и мы помним об этом. А потом на холмы пришли йернии со своими коровами, чтобы доить их, и с каменными топорами — чтобы убивать людей, и мы помним об этом. А теперь будем говорить о топоре, которым рубят деревья. — Он умолк, проведя пальцем по лезвию своего охотничьего ножа — набору острых кремневых чешуек, вставленных в олений рог.

Найкери приходилось иметь дело с этими необщительными людьми, она умела говорить с ними. Недоумевающему Эсону казалось, что человек этот безумен.

— Будем говорить, — отвечала она. — Будем говорить и о йерниях, и о топоре. Мы будем говорить о твоём топоре?

Ческил шевельнулся при этих словах и приподнял левую ногу. Под пяткой его сапога из конской шкуры оказался зеленый камень, кусок редкого жадеита, из которого альбии вырезали боевые топоры, топоры для рубки деревьев и долота.

— Это сломанный топор, — проговорила Найкери. — Этот топор сделали альбии. Это твой топор? — Охотник кивнул. Она продолжила: — Альбии дружат с охотниками. Мы даем охотникам топоры, чтобы они могли делать долбленные челны. Охотники могут ловить рыбу у берега, они помогают альбиям. Они дают альбиям проводников, когда мы идем торговать. Они говорят нам о том, что видели. Ты видел что-нибудь?

— Мы говорим о йерниях. Мы говорим о моем топоре.

— Ты получишь новый сразу же, как только мы его сделаем. Ты придешь в дом моего отца, как делаешь это всегда. Там мы будем говорить о топоре. Но сейчас ты не идешь в дом, ты встречаешь нас здесь. Почему так?

— Мы говорим о йерниях.

Эсона вдруг осенила мысль.

— Они здесь неподалеку? — спросил он.

Ческил повернулся и посмотрел Эсону в глаза.

— Мы говорим о йерниях, которые убили охотника. Которые следят за местом, где вы копаете и пускаете дым. Мы говорим о йерниях, которые прячутся и высматривают...

— Ждут, пока я уйду! — завопил Эсон, вскакивая на ноги. — Они следили за нами, боялись моего меча и ждали, чтобы я ушел! — он уже бежал по склону направляясь в сторону копи.

Найкери сказала Ческилу еще несколько слов и заторопилась следом за микенцем.

После первой вспышки гнева Эсон замедлил шаг и заставил себя бежать ровно и мерно — чтобы очутиться у копи, не потеряв сил. Он двигался в тени высоких деревьев и улыбался в предвкушении. Если охотник не ошибся — у него появилась возможность отмщения. Йернии объявились! — он едва сдерживал нетерпение и всем сердцем рвался навстречу врагам.

Приблизившись к копи, он замедлил шаг, стараясь двигаться осторожнее, чтобы не обнаружить себя, если

йернии выставили дозорных. Эсон приближался к подножию замыкавшего долину холма, когда на вершину его выскочил один из мальчишек. Он мчался, словно смерть преследовала его по пятам... одновременно Эсон услышал тонкий визг.

— Они здесь! — выкрикнул Эсон и бросился вперед, держа меч наготове. Перед ним открылась долина и копь. В короткое время все здесь переменялось.

Навесы, защищавшие печи от дождя, были повалены и уже горели. Мальчишек не было. Интеб лежал наполовину на берегу, наполовину в воде возле промывочного желоба. Возле него распростерлось тело чужака, чуть поодаль лежал другой.

Завывая от гнева, Эйас стоял на середине склона и бросал камни в сторону троих йерниев, пытавшихся последовать за ним. Они громко протестовали против неправильного ведения битвы и хотели взобраться поближе, чтобы пустить в ход каменные топоры. Одному из них это удалось, но он немедленно получил все основания пожалеть об этом: Эйас мгновенно спрыгнул к нему, и тот, даже не успев замахнуться топором, получил удар кулаком в висок и полетел вниз по склону. Тем временем Эйас, выкрикивая оскорбления, опять забрался повыше. Впрочем, он был ранен — по груди и рукам текла кровь.

Бесшумно приблизившийся Эсон оказался возле них раньше, чем его успели заметить. Сброшенный Эйасом со скалы йерний тянулся к топору и пытался подняться на ноги. Увидев Эсона, он предупреждающе крикнул, успел занести топор и умер — острое бронзового меча вспорол его горло. Оставшиеся двое обернулись к Эсону. Улыбаясь, он позволил им приблизиться.

Эсон мог бы немедленно убить обоих, но хотел, чтобы йернии умерли, зная, кто он и почему делает это. На лицах йерниев выступил пот, они двинулись на Эсона под градом проклятий, которые он на них обрушил. Один попытался напасть, но микенец подрубил ему ноги, так что йерний едва мог встать на колени.

А когда Эсон сказал им все, что йернии должны были узнать перед смертью, то легко убил обоих. Потом вернулся, чтобы убедиться в гибели двух других йерниев, пострадавших от кулаков Эйаса. Ближайший из них лежал с открытыми глазами, сбоку на голове растекся огромный синяк, шея его была повернута под странным

углом — он умер сразу. Другой, лежа на спине, перекатывался с боку на бок и держался за голову: Эйас ударил его прямо в переносицу и раздробил кость. Йерний, должно быть, только что очнулся. Он сотрясаясь всем телом, и, когда Эсон ткнул острием своего меча в основание горла, налитые кровью, затекшие синевой глаза лежащего открылись.

— Кто ты? — спросил Эсон.

Йерний, дико озираясь, потянулся к мечу, но Эсон надавил сильнее, и тот уронил руки.

— Наир, — выдохнул он, задыхаясь от боли.

— Откуда ты?

— Я... из тевты Дер Дака.

Эсону это ничего не говорило. Он гневно потряс мечом и пнул лежащего ногой в живот.

— Что ты здесь делаешь? Почему напал на это место?

— Человек... Темный Человек, дары... Темного Человека.

Он вдруг откатился вбок, оттолкнув клинок. Эсон ударил, но промахнулся, и меч вонзился в землю. И прежде чем микенец успел вновь занести клинок, Наир был уже рядом с ним, — удерживая руку Эсона, он рвал с шеи бронзовый кинжал. Эсон перехватил руку воина прежде, чем йерний смог ударить его. Тот не выпускал его руку с мечом. Схватившись лицом к лицу, они напрягали мышцы... изо рта йерния воняло, пахло немытым телом. За спиной воина появился Эйас, готовый ударом кулака снести тому голову.

— Нет, — остановил его Эсон. — Он мой.

Эйас остановился рядом, чтобы в случае чего прийти на помощь. Эсон не пытался вновь воспользоваться мечом — в ближнем бою это было неудобно, — но со всей силой налег на руку йерния, стиснувшую кинжал. Медленно, содрогаясь от усилий, поворачивал он острие от себя к йернию. Глаза Наира выкатились из орбит от ужаса и напряжения. Он изо всех сил старался отвернуть клинок, но тот приближался медленно и неотвратно. Наконец острие прикоснулось к коже. Воин и не подумал бросить кинжал, просто сопротивлялся, пока микенец единым движением не вогнал его под ребра Наиру. Дергаясь, тот испустил дух, и только тогда Эсон вырвал из раны кинжал и отступил, давая телу упасть.

Интеб был жив. На голове у него была ссадина там, куда ударил топор, — но египтянин дышал. Найкери появилась как раз вовремя, чтобы увидеть смерть последнего из йерниев: она с удовлетворением смотрела на первую плату, взысканную с них Эсоном: этой мести она дожидалась так долго. И теперь, напевая под нос, девушка перевязывала голову Интеба, промыв рану прохладной водой из ручья.

Эсон устало опустился возле убитого, разминая мышцы руки.

— Они явились, когда ты ушел, — проговорил Эйас. — Следили, значит. Орали и выли, очень были уверены в себе. Они знали, кто перед ними. Интеб был без оружия, попытался бежать. Его срубили. Я вовремя свернул шею напавшему, чтобы он не добил египтянина. Мальчишки бежали. Я бросил дубинку, попал йернию в нос. Другой ударил меня. Я тоже бежал. Вверх на склон. Ты вернулся. — Он ухмыльнулся сквозь кровь и, зачерпнув воду пригоршнею, омыл лицо.

— Верни мальчишек, пусть работают, — проговорил Эсон. — Нужно сделать новые навесы.

Он подошел к Интебу и поглядел на него — египтянин лежал с открытыми глазами и недоуменно моргал.

— Йернии... — вяло проговорил он и огляделся.

— Все убиты. Но один сказал мне перед смертью... — Найкери, подняв глаза, внимательно слушала Эсона. — Что такое тевта Дер Дака? Так он сказал.

— Дер Дак — это вождь-бык одного из племен йерниев, — отвечала Найкери. — У них пять племен, пять тевт, они все время воюют друг с другом. Йернии покоряются своему вождю-быку. Тевта Дер Дака к нам ближе всех. Эти мужи пришли оттуда... Дан Дер Дак в четырех днях пути к востоку от нас. Почему они пришли сюда? Их послал Дер Дак?

— Он говорил о каком-то Темном Человеке. Это один из их вождей?

— Я о таком не слыхала, даже этого имени не знаю. Быть может, это один из их богов?

Застонав, Интеб сел.

— Хвала Гору, ты вовремя вернулся назад, — громко проговорил египтянин. — Они мертвы?

— Мертвы, но не благодаря Гору. В пути нас остановил муж, один из здешних лесных охотников. Он видел, что йернии следят за нами.

Эсон обернулся к Найкери:

— А почему твой народ не следит за ними? О том, что опасность грозит вашим домам, вы знали, а о копии и не подумали?

— У моих родичей хватает своих дел, чтобы следить еще и за твоей копью. Мы работаем, нам нужно защищать себя. Кстати, о моем отце — ты обещал побывать у него.

— Твой отец! Твои родичи! Как я могу защищать его, их... оборонять эту копь и еще плавить олово.. одними своими руками? Я не могу отсюда отлучиться.

— Если ты не поможешь отцу, у тебя не будет больше пищи... и мальчиков, и копии. Выбирай же.

Что выбирать? Помощь альбиев необходима. Но как избавить всех от набегов кровожадных йерниев?

— Почему не остановить их набеги? — Интеб словно читал его мысли. Эсон обернулся, чтобы послушать. — Девушка говорила, что йернии раньше так себя не вели. Племена их воюют друг с другом и торгуют с альбиями. Весьма разумно. Но кто-то из них потерял рассудок и повсюду рассылает отряды. Нужно найти его и убить. Все тогда прекратится.

— Но кто виноват?

— Дер Дак! — ответила Найкери. — Кто же еще. Люди его тевты не будут воевать без приказа Дер Дака. Все йернии сражаются друг с другом — но всегда поодиночке. В такую даль они не придут без его приказа. Ступай и убей его, все неприятности прекратятся.

— И как я пробьюсь к нему через целое войско? Я могу биться с кем-то одним, но не со всеми его воинами сразу.

— Быть может, тебе не придется этого делать, — проговорил Интеб и, притронувшись к голове, дернулся. — Эти тевты с их быками-вождями словно ваши города в Арголиде...

— Ты смеешь сравнивать благородные Микены или Тиринф с этими вонючими деревнями?

— Не возмущайся, добрый Эсон. Я только сравниваю методы правления. Я жил в разных краях, и, по-моему, люди повсюду одинаковы. У них есть правители и боги, среди людей есть такие, кто убивает, есть и такие, кого убивают. Воспользуемся моим опытом.

— Я могу вызвать Дер Дака на бой, убить его и тем остановить набеги. — Он глянул на Найкери. — Твои люди понимают их речь? Йернии будут знать, что я говорю? Тот, которого я убил, вроде бы понимал меня.

— Их речь чуточку другая, отличаются некоторые слова, но тебя они поймут. Я могу сказать тебе некоторые слова, чтобы ты лучше понимал их.

— А чем они более всего гордятся? — спросил Интеб. Найкери ненадолго задумалась.

— Своим воинским умением. Они всегда хвастают этим. Тем, какие они храбрые, как быстро бегают, скольких зверей убили. Ах да — и еще, сколько у них коров и сколько их они украли. Свой скот они любят больше, чем женщин — так о них говорят. Еще любят драгоценности — золотые гривны и бронзовые кинжалы и выменивают их. Все они очень тщеславны.

— Ты покажешь мне дорогу, если я выйду прямо завтрашним утром? — спросил Эсон.

— С радостью. Люди Дер Дака убивали моих родителей, и я хочу видеть, как ты его убьешь.

Эйас подошел к ним. В каждой руке его было по боевому топору. С шеи свисал бронзовый кинжал, ее охватывали три витые золотые гривны.

— С тел снял, — объявил он.

— На копь пойдет, — ответил Эсон. — Теперь мы можем обойтись без щедрости Лера.

— Я возьму с собой топоры — они сделаны альбиями, — сказала Найкери. — Ты возьмешь кинжал и все три гривны. Надень их. Только воин, обладающий подобным сокровищем, имеет право вызвать на поединок вождя-быка йерниев.

— Печь, — пробормотал, поднимаясь на ноги, Интеб. — Мы забыли про нее. Плавка должна уже закончиться.

Они поспешили к печи. Интеб отгреб в сторону угли, закрывавшие углубление в дне печи. Египтянин заглянул в него, но, кроме пепла, ничего не увидел. Эсон схватил кусок мокрой шкуры, обернул ее вокруг руки и стал шарить на дне углубления. Раздалось шипение, и он извлек оттуда нечто... потом уронил, чтобы не обжечь пальцы.

Перед ними потрескивал диск серебристого металла, с плоской поверхностью и округлым дном, плотный и увесистый.

— Олово, — проговорил Эсон. — Наконец. Это может быть только олово.

На рассвете следующего дня Найкери с Эсоном оставили дом Лера. Накануне старик сначала не слушал их и был исполнен решимости немедленно увести племя в более безопасное место. Найкери то кричала, то просила, и наконец он прислушался к ее доводам. По слепоте ему было бы лучше остаться в знакомом доме... так он и рассудил в конце концов. Если Эсон победит Дер Дака, набеги прекратятся и альбии смогут жить в мире. Лер хотел в это поверить и дал себя убедить.

Из-под земляного пола вырыли несколько сундуков. Лер принялся искать в одном из них и отложил в сторону небольшой камень, поверхность которого была изрезана формами для отливки из меди топоров и тесел. Потом из сундука появилась шапка с вырванным из гнезда плюмажем, подбитая кожей. Когда ее выменяли, Лер уже и не помнил. Для благородного воина она в общем-то не годилась, но выбирать было не из чего. Эсон получил также толстую кожаную куртку и круглый йернийский щит. Но у него был меч — он один перевешивал все остальное.

Найкери вела Эсона через болотистые торфяники, по тропе, протоптанной целыми поколениями. Ночью шел дождь, и воздух пах прелью и вереском. Над поляной беззвучно кружил сокол, потом сложил крылья, камнем упал вниз и вновь взмыл, унося в когтях зверька. Солнце грело, но воздух оставался прохладным — в такой день хорошо путешествовать. Эсон напевал себе под нос. Найкери шла впереди, неся мешок с припасами, взятыми в дорогу. Она шагала ровно и размеренно, ноги не знали усталости, упругий зад оттопыривал юбку, колыхал полосы шерсти, сбегавшие от пояса вниз. Глядя на все это, Эсон ощутил желание, давно не знавшее удовлетворения.

Когда солнце поднялось высоко, они свернули с проторенной тропы и спустились к небольшому ручью — где можно было поесть и попить. Не говоря ни слова, она передала ему кусок вяленного на солнце мяса из своей поклажи. Он прожевал и зачерпнул воды из ручья, чтобы запить. Они ели молча. Подняв глаза, Найкери поймала на себе его взгляд. Эсон отвернулся.

Эсон знал о мире многое, но многое в нем оставалось тайной. И поступки женщин всегда останутся ею. Найкери оттолкнула его ночью, а сейчас, днем, позвала сама.

Покончив с делом, он отправился омыться. Найкери медленно приводила в порядок одежду. Эсон хотел идти дальше, но она не поднималась с умятой двумя телами травы.

— У тебя есть жена в твоей далекой стране? — спросила она.

— Пора идти.

— Скажи мне.

— Нет, у меня нет жены. Сейчас не время говорить о подобном.

— Самое время. Ты первый обладал мною. И если ты хочешь...

— Я хочу, чтобы ты была моей, когда я этого захочу — и ничего более. Оставь все эти думы. Мы добудем олово, и я вернусь в Арголиду. Я женюсь только на женщине из благородного дома. Таков обычай. А теперь вставай.

Рассерженная, она не хотела подниматься и отодвинулась от его руки.

— Мой род старейший среди альбиев. Ты видел нашу гробницу. Будь у нас цари, я была бы царевной.

— Ты ничтожество, — заверил ее Эсон, резким движением подняв Найкери на ноги. Когда она заговорила вновь, ее голос не выдавал никаких чувств.

— Значит, я не буду твоей царевной. Но я твоя женщина, и другой ко мне не прикоснется. Я сильная — тебе известно это. Я могу помочь тебе, согреть ночью твою постель.

— Как хочешь, — Эсон уже двигался к оставленной ими тропе.

Найкери бросила в спину ему утрюмый взгляд и, взвалив на плечи мешок, отправилась следом.

Первые дни были самыми легкими. Они поднимались перед восходом и отправлялись в путь, как только становилось достаточно светло, чтобы видеть дорогу. Но на третий день, сойдя с тропы, Найкери повела его через серебристую березовую рощу к вершине холма. Им приходилось пробираться сквозь густой подлесок, а на самой вершине — ползти, осторожно выглядывая из-под ветвей. Прямо под ними начинались открытые

места — просторная равнина по большей части заросла травой. На ней паслось стадо темных коров, за ними приглядывали мальчишки. Неподалеку от них спал воин со щитом и топором под рукой. Немного дальше виднелось круглое строение.

— Йернии, — прошептала Найкери, — из тевты Дер Дака — а в той стороне и его дан. Сейчас люди разошлись по полям; где скот, там и воины. Если нас сейчас заметят, он немедленно об этом узнает и тебе придется биться со всеми ними, раз ты не пришел сюда торговать. Они не любят, когда на их землях появляются чужие.

— Но нам необходимо подобраться к их дану, чтобы я мог вызвать быка-вождя на поединок. Как мы сделаем это?

— Мы будем идти ночью.

Если избегать разбросанных повсюду хижин и круглых загонов, можно было надеяться проскочить незамеченными. Пока они пробирались мимо одинокого двора, залаяла собака, но псы брешут и попусту, поэтому их не увидели. Позже поднялся ущербный месяц, и они смогли быстрее двигаться по коровьим тропам. Найкери бывала здесь днем и без всякого труда находила дорогу ночью. Еще задолго перед рассветом она показала ему на изгибающуюся тень над равниной.

— Дан Дер Дак, — сообщила она.

Прячась в овраге, они подобрались поближе и укрылись за земляным могильным курганом, расположенным в одном броске копья от дана. Дан окружал ров, заваленный всяким мусором. Меловой грунт из рва пошел на сооружение вала высотой в человеческий рост, теперь белевшего в свете луны. На меловом валу высились деревянные стены круглого дома. Эсон мог видеть только край нависающей крыши и темные ровные стены под ним.

— В наружных помещениях живут воины, — Найкери показала на дом. — В их комнаты входят с гребня вала. Тут обитают мужчины. Скот держат внутри дана, женщины и дети живут во внутренней части помещения на валу — по ту сторону мужских комнат.

— А вход только один? — Эсон указал на отлогую насыпь, ведущую через ров к разрыву в кольцевом сооружении.

— Да. На ночь его закладывают жердями, чтобы не разбредлись коровы. А Дер Дак живет здесь — над входом.

Ворча, Эсон спустился в лощину — ожидать рас-света с обнаженным мечом в руке.

9

Когда серый рассвет прогнал ночную тьму, Эсон извлек драгоценности, снятые с убитых йерниев. Он повесил на шею самую большую гривну и бронзовый кинжал — на йернийский манер. Найкери подала ему шапку-шлем, который ночью начистила песком. Он за-сверкал, отразив золотые лучи восходящего солнца.

— Оставайся здесь, пусть они тебя не видят, — приказал Эсон, обернувшись к Найкери. — Если меня убьют, ты вернешься и предупредишь остальных. Если меня ждет победа — я пришлю кого-нибудь за тобой. В любом случае не показывайся, пока тебя не позовут по имени. Если свита героя — всего одна женщина, над ним будут смеяться, а не страшиться.

Эсон повернулся лицом к дану. Он ждал, безмолв-ный и неподвижный, пока солнце не поднялось над горизонтом. Внутри стен уже поднимался утренний шум, Эсон видел суесящихся людей. И с обнаженным мечом в руке пошел к дану — один против всех его воинов.

Эсона никто не замечал, пока он не оказался в нескольких шагах от входа. Женщина с несколькими мальчиками постарше начала было убирать жерди, что-бы выпустить скот. Она подняла глаза и завизжала, а Эсон остановился.

— Дер Дак! — взревел он во всю мощь своих лег-ких. — Дер Дак!

Мальчики и женщина убежали внутрь дома, внутри послышались расспросы и вопли. На верх вала из своих помещений высыпали воины, подобно выскакивающим из нор бурундукам. Огромный пес со свалывшейся бу-рой шерстью почуял запах Эсона и, щеря длинные клыки, с лаем бросился на него. Короткое движение меча — и он остался лежать грудой грязной шерсти на земле. Эсон вновь возвысил голос.

— Выходи, Дер Дак, чтобы я прирезал тебя, как твоего пса. Нет, тебя будет легче прикончить. Ты — трус, слепленный из навоза, ты — женщина, подвязав-шая спереди козлиный хрен. Выходи и увидишь Эсона, который тебя убьет.

За ближайшей дверью послышался гневный рев, заглушивший прочие голоса. Уперевшись ладонями в дверной проем, Дер Дак выглянул наружу. Волосы его вздымались высокой меловой гривой, длинные белые усы спускались до плеч и загибались наружу. Обнаженный воин только что проснулся и кипел гневом.

— Кто там навлекает на себя быструю смерть?

— Я — Эсон Микенский, старший сын царя Перимеда, отца моего. Выходи, убийца! Ты погубил моих родичей, выходи теперь, чтобы встретить собственную смерть. Выходи, трус!

Дер Дак заскрежетал зубами от подобных оскорблений, слюна пеной выступила на губах. Бросившись в свою комнату, он принялся готовиться к битве.

Эсон не обращал внимания на других воинов, но Найкери была обеспокоена. Из своего укрытия она с тревогой следила, как один за другим появлялись йернии. Почти все были с оружием, но пользоваться им не собирались. Собравшись наверху вала, они громко перекрикивались и расталкивали других, чтобы занять место поудобнее. Вмешиваться никто не намеревался. Воины благодушно ожидали зрелища и кричали женщинам, чтобы те принесли меда. Когда появился готовый к битве Дер Дак с огромным каменным топором и щитом на руке, все разразилось воплями. Он спрыгнул с вала, и тут Эсон увидел, что было на голове Дер Дака.

Микенский шлем, помятый и неухоженный, потерявший большую часть плюмажа из конского хвоста... но тем не менее настоящий микенский шлем. Он мог достаться Дер Даку только одним способом. Его сняли с одного из убитых у копи — с его дяди или еще кого-нибудь.

Взвыв, Дер Дак бросился вперед.

Бык-вождь был могучим воином. Он оказался достойным соперником Эсону. Прежде вождь бился со многими мужами. Их головы теперь висели над его дверью. Топор его был в два раза больше, чем у всякого другого воина, и у него хватало сил справляться с таким оружием. Будь у Эсона панцирь, он легко отразил бы такую атаку и просто зарубил бы Дер Дака, как только тот подошел бы поближе. Но сейчас на йернии был бронзовый шлем, и щит его прочностью не уступал бронзовому.

Эсон ударил, йерний отразил меч щитом. Тут и микенцу пришлось шагнуть назад и принять на щит тяжелый удар. Щит гроыхнул, Эсон ощутил боль в руке.

Они кружили, размахивая оружием, пытаясь отыскать брешь в защите другого. Шла свирепая схватка, не знающая пощады. Скоро оба начали задыхаться. Сил на проклятия уже не оставалось, тела их были покрыты кровью и потом.

Дер Дак первым нанес рану, наискось отмахнувшись огромным топором. Отскочив от щита, тот рассек руку Эсона. Рана не была тяжелой и на деле ничем не мешала, но кровь текла по руке, и наблюдатели разразились воплями. Ухмыльнувшись, Дер Дак усилил натиск. Эсон отступил, глядя на кровь и открыв рот, и опустил щит, словно его рука ослабела от раны. Заметив это, Дер Дак удвоил усилия и обрушил топор с силой, достаточной, чтобы пробить щит.

Эсон ждал этого удара и был готов к нему. Не пытаясь уклониться или поднять щит выше, он просто выставил меч над щитом, чтобы принять удар.

Меч вонзился в древко — как раз под самым каменным топором.

Металл дерево рубит.

Каменный топор отлетел на землю, и Дер Дак остался стоять с бесполезной теперь длинной рукояткой в руках. Пока, не веря своим глазам, он глядел на топор, острие меча, как хищная птица, преследующая добычу, вонзилось прямо в солнечное сплетение быка-вождя; меч пронзил тело насквозь и уперся в позвоночник.

Дер Дак широко взмахнул руками; щит, соскочив, отлетел в сторону и покатился по земле. С коротким предсмертным хрипом вождь перегнулся вперед и рухнул на землю мертвым.

Встав над бездыханным телом, Эсон отбросил в сторону и собственный щит. Найкери говорила ему об обычаях этих людей. Они отрубали головы побежденным. Точнее, отрезали бронзовыми ножами — долго пилили, ведь позвоночник — прочная штука. Он покажет им, как лучше справляться с этой мясницкой работой. Зажатый в двух руках меч со свистом обрушился на шею.

Голова Дер Дака отлетела от тела.

Холодный гнев еще не отпускал Эсона. Бросив медную шапку на землю, он сорвал микенский шлем с отрубленной головы и водрузил на собственную. За жесткие усы трофей было удобно держать, и, взяв голову Дер Дака, он отправился к воинам на валу. Те, что были с оружием, не подумали поднять его. Встав перед ними, Эсон закричал:

— Мертв Дер Дак! Убит ваш бык-вождь! Кто будет вместо него?

Воины переглядывались, ожидая, что ответит кто-то другой. Все знали обряд выборов быка-вождя. Но объяснить все гневному незнакомцу... Эсон ткнул окровавленным мечом в сторону ближайшего из воинов, и тот пробормотал:

— Мы сделаем это как положено, по обычаю.

— Хорошо. Это не мое дело. Проведите меня теперь к Темному Человеку. Теперь он увидит мой меч.

Дверь ничуть не отличалась от прочих дверей в дане. Готовый ко всему, Эсон ногой распахнул ее и вступил внутрь, но комната оказалась пустой. В ней виднелись следы поспешного бегства: пожитки были разбросаны, на полу валялись осколки разбитого глиняного кувшина. Только в воздухе еще витал густой запах благовоний — других признаков бывшего обитателя не осталось. Эсон потыкал мечом в груду мехов. Ничего. Гнев отступал, и он впервые ощутил рану. А вместе с тем понял, что далее смерти Дер Дака планы его не заходили. Что же делать?

Воины расступились перед ним, и Эсон направился в помещение Дер Дака, помахивая отрубленной головой вождя. Над входом висели ссохшиеся человеческие головы, среди них — зловонная кабанья голова с полированными камнями вместо глаз. Эсон смахнул все это одним движением меча и пинками отправил в ров. Потом водрузил над дверью голову Дер Дака и уселся под ней.

— Принесите еды и питья, — приказал он.

Воцарилось молчание, и Эсон положил руку на меч. Тогда один из воинов повторил приказ женщине, оказавшейся неподалеку. Расслабив мышцы, Эсон оторвал клоч меха и принялся вытирать им меч. Перед ним стояла Найкери.

— Тебе следовало ждать снаружи, — проговорил он.

— Я видела, как все было. Ты победил. Мои родичи бывали здесь, а на женщин здешние воины не обращают внимания.

— Сядь сзади, так, чтобы тебя не было видно.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросила она, обходя его сбоку. — Здесь такая вонь.

— Я хочу поесть.

— А потом?

Он заворчал — потому что не знал, как ответить. Подошла девушка, поставила перед ним две чаши. Одну, с кислым молоком, он осушил почти целиком, прежде чем обратиться к другой, наполненной мягким сыром. Эсон отправлял его пальцем в рот, когда один из воинов стал перед ним.

— Я — Ар Апа, — сказав это, воин опустился на корточки. Он долго молчал. Не отвечая, Эсон продолжал есть. И воин ударил себя в грудь. — Я — убийца, я — охотник, я бежал сотню ночей и убил сотню оленей. Я сразил Сетерна в битве, которая продолжалась целых десять ночей, и голова его висит над моей дверью.

— Ты убивал моих родичей возле копи? — холодно осадил его недовольный бахвальством Эсон. Ар Апа развел пустыми ладонями.

— Это дело рук Дер Дака. И других. С ним были воины из Дан Уала. Им дали богатые подарки, чтобы все вместе шли к копи. Многие не вернулись.

— Их вел Уала?

— Уала вел их, но шли они не поэтому, — Ар Апе было не по себе. — Он дал им подарки, еще до того как они вышли. — Невзирая на все хвастовство, Ар Апа не хотел лишний раз произносить это имя и только кивнул в сторону.

— Темный Человек?

Ар Апа кивнул и вновь начал хвастать. Эсон не слушал: в конце концов, слова то и дело почти повторялись. Но шепот Найкери сзади он расслышал и согласно кивнул, повторив ее слова вслух:

— Ты хочешь быть быком-вождем?

Ар Апа не дал прямого ответа, чтобы Эсон не смог подумать, что он вызывает его на бой: йерний уже видел, на что способен бронзовый меч.

— Племени нужен бык-вождь.

— Верно. Бык-вождь будет

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Лето миновало, ночи делались холоднее, и по утрам иней все чаще серебрил траву. Только что встало солнце — лучи его пробивались между стволов деревьев, обступивших расчистку и бросавших на землю длинные тени. Воздух был тих, и первая струйка дыма поднималась в безоблачное голубое небо словно указующий перст. Эйас нагнулся к костру, подложил сухих веток и принялся ворошить палкой уголья. Потом зевнул, почесал под мышкой другим концом палки. Полусонное выражение еще не оставило его лица, порванная губа отвисла еще ниже.

Скрипнуло по дереву дерево: из сменившей навес крытой хижины появился Интеб. Чтобы выйти из низкой двери, приходилось сгибаться. На плечи египтянина было накинуто одеяло, поежившись он поспешил устроиться возле огня, рядом с покрытым шрамами кулачным бойцом. Стараясь расположиться поближе к огню, египтянин коснулся одеялом утлей, запахло паленой шерстью. Интеб дрожал, смуглая кожа южанина посерела.

— До зимы еще далеко, а мои кости уже ноют от холода, — пробормотал он.

Эйас криво усмехнулся:

— Пока еще ничего. Днем тепло, солнце греет. Зимой ляжет снег, белый, холодный, — сутробы выше твоей головы.

— Так пусть же Ра в мудрости своей растопит этот снег или пришлет сюда микенский корабль прежде, чем настанет зима. Недобрый край.

— Ко мне он добр, египтянин. Куда добрее, чем был бы Египет. В день — горстка зерна, жара... молодым сдохнешь. А здесь я ем мясо — каждый день. Я его столько в жизни не съел. И женщины. Та, что готовит для мальчишек, — у нее ляжки и зад как у коровы! — в восторге Эйас хлопнул в ладоши, — есть за что подержаться. А когда вставишь, мычит как корова. Отличная страна.

Интеб брезгливо раздул ноздри и потянул с угольев тлеющий край одеяла.

— Оставайся здесь, Эйас. Не хочу тебя обижать, но ты человек грубый и словно создан для этой грубой страны. Есть такие радости, о которых ты не имеешь представления. Может быть, просто попробовать не удалось. Доброе вино, тонкие яства, милые друзья, цивилизованные развлечения — мне так не хватает всего этого. В мире есть более изысканные радости, чем те которыми оделяет тебя твоя толстозадая корова,

— Некоторым и такое по вкусу, — словно в подтверждение своих слов Эйас густо рыгнул.

— Не сомневаюсь. Но один мудрец сказал: люби мужчину, радуйся мальчику, а женщина пусть делает свое дело. У меня нет обязанностей по отношению к здешним женщинам, а мальчишки — грязны и не доставят никакого удовольствия.

Он не стал добавлять, что его самого в этот край могла привести лишь любовь. Что толку говорить об этом с покрытым шрамами рабом, харкающим и плюющим в огонь возле него. Солнце поднялось над ветвями, лик Ра теплом согрел руки его и лицо. Ранний ветерок взъерошил листву над головой, дубовый листок, покачиваясь, скользнул к ногам египтянина. Интеб подобрал его и с восхищением принялся разглядывать причудливо раскрашенный осенью лист. Позади него вновь взвизгнула дверь: к сидящим возле костра присоединился Эсон. Кожа его еще несла запах Найкери; Интеб отвернулся, чтобы не ощущать его, потянулся за веткой.

— Самая погода для плавания, — проговорил Эсон, бросив взгляд на небо. — Море гладкое — грести легко.

Корабль. Только о нем и думали они в эти дни. Эсон выразил общие мысли.

— У нас есть олово для него, — проговорил Эйас, глядя на заброшенный навес, под который складывали

серебристые диски, — их было уже больше сорока дюжин. Упорные труды принесли результат

— Он уже где-то в пути, — сказал Интеб, надеясь услышать слово в поддержку

— Тебе лучше знать, — отвечал Эсон. — Ты был там, когда к отцу прибыл вестник. А моя память полна его бесконечными рассказами о том, насколько необходимо Микенам олово. Можно не сомневаться: Перимед вышлет сюда корабль, как только сумеет это сделать. Скорее всего, их задержала непогода — мы ведь сами видели, как свирепствует здесь океан. Корабль придет, и у нас уже есть олово для него. Приплывут халкеи, чтобы работать в копи, воины, чтобы ее охранять. А наше дело будет окончено

— Значит, мы сможем вернуться на нем — когда корабль пойдет обратно, — произнес Интеб, не слыша страстной надежды в собственном голосе

Эсон ответил не сразу

— Конечно. Зачем оставаться в этой холодной земле — на краю света? В Арголиде без нас некому пить вино, некому убивать атлантов. Кто с этим справится без меня? А здесь мне нечего делать.

Он глянул в сторону хижины — из нее появилась Найкери со столиком на коротких ножках в руках. Он был уставлен чашами со слабым элем и ломтями холодной оленины — вчера они изжарили тушу. Она поставила поднос рядом с Эсоном, тот первым взял пищу. Эйас потянулся к чаше, шумно отхлебнул и блаженно вздохнул. Взяв кусок нежирного мяса, Интеб задумчиво прожевывал его.

— Наступило время самайна, — сообщила Найкери.

— Я не знаю, что это такое, — пробормотал с набитым ртом Эсон.

— Я говорила тебе. В это время йернии сгоняют в даны весь скот и режут часть животных. Мои родичи ходят к ним торговать. Издалека приходят со своим товаром разные люди. Это самое важное время в году.

— Ступай смотреть на этих мясников — мне не интересно.

— В это время случаются и другие важные вещи. Выбирают быка-вождя. Именно в эти дни Ар Апа должен стать новым быком-вождем.

Эсон молча жевал жесткое вкусное мясо. Ар Апа будет ждать Эсона, чтобы стать вождем-быком — воз-

можно, без Эсона он даже не сумеет этого сделать. Этим варварам неведомы такие вещи, как царская кровь и наследование престола. У варваров все не так, все неразумно. Здесь вождей выбирают за крепкую глотку и могучие руки, если только выбирают вообще. Но лучше, если быком-вождем станет Ар Апа. Эсон знает его, и он знает Эсона. Знает мощь десницы его и устрасится. Пока в дане властвует Ар Апа, Темный Человек не посмеет явиться туда, некому будет подстрекать йерниев к набегам на копь. Эсон бился во многих битвах и знал цену флангам, он понимал, когда о них следует позаботиться. Дан и пастбища тевты Ар Апы отделяли копь от прочих земель йерниев. Путь любого набега лежал через владения Ар Апы. Пусть же вождем-быком станет Ар Апа. А добывать руду и выплавлять олово можно и без Эсона... Время не пропадет зря.

— Я иду на самайн, — громко объявил он.

— Ты не можешь идти один, — возразила Найкери.

— Это не твое дело, альбийка. Тебя я с собой не возьму, не рассчитывай.

Она встретила его взгляд с такой же непреклонностью, нисколько не испугавшись гнева Эсона.

— Я пойду туда с родичами, мы всегда торгуем на самайне. Но ты — великий вождь, и о тебе знают. Великий вождь в такие времена не путешествует в одиночку.

Женщина говорила дело, но Эсон не хотел это признать открыто.

— Может быть, ты пойдешь со мной, Интеб? Такое зрелище стоит увидеть.

— Похоже, нас ждет скучный и кровавый день на бойне, но я пойду. У царя должна быть свита. Пусть Эйас будет меченосцем. Я буду глашатаем.

— Эйас нужен здесь, чтобы мальчишки работали.

— Без тебя они все равно не будут усердствовать. Нужно идти всем: мы должны показать йерниям, что длинная рука Микен дотянулась досюда. Напомнить как следует, так, чтобы не позабыли. Мы пойдем при оружии и в доспехах. Кто из йерниев знает, что я обращусь в бегство, едва заслышав шум битвы?.. Или что этот покрытый шрамами бугай безо всякого оружия кулаком уложит насмерть любого из них? Итак, идем все?

— Наверно. Только кто-то должен остаться на копи.

— Зачем? Если мальчишки убегут — сходим к их родителям и приведем обратно. Олово само по себе бесполезно — пусть лежит, здесь оно не ценнее камней. На этом острове никто не знает, зачем оно нам понадобилось. Эти дикари думают, что мы с ума посходили, что так возмемся с ним. Для украшений — тусклое, для оружия — мягкое. Я видел, как они пробовали его на зуб и удивлялись отметинам. Откуда им знать, что нам оно необходимо для изготовления их вожаемой бронзы? Даже если бы и узнали, — они же не умеют выплавлять этот металл...

Эсону вдруг пришла в голову мысль, и он остановил египтянина жестом руки:

— А если корабль придет, когда нас здесь не будет? Придется остаться.

— Мои люди следят за берегом, — заметила Найкери. — Они заметят корабль и расскажут приплывшим, где вы. И до дана доведут — если вы не вернетесь.

— Значит, идем? — спросил Эйас.

Придется, — ответил Эсон.

— Бойня и коронация, — проговорил Интеб. — Кровь и попойка. Пир и драки. Тьфу.

— Наоборот — здорово! — возразил, ухмыляясь, Эйас. В щели, раскроившей губу, мелькнул белый зуб.

2

Они вышли ранним утром. На Эсоне был только что покрашенный кожаный панцирь. Меч у пояса, на левой руке круглый щит с полированными бронзовыми бляхами. На шее по обычаю йерниев висел бронзовый кинжал. Снятый с Дер Дака микенский шлем выправили, но потерянных прядей конских волос в этой стране заменить было нечем. У здешних невысоких пони волос был мягок, и на них охотились ради мяса. Но Эсон сразил копьем здешнего вепря. Быстрые и могучие звери были, пожалуй, даже опаснее аргонидских, и жесткой щетиной удалось заменить недостающие пряди. В этом не было бесчестия: могучего вепря здесь ценили не меньше, чем благородных коней на его родине. Воины-йернии лепили из своих усов и глины некое подобие кабаньих клыков, по той же причине делали жесткими свои прически. Так что носить на шлеме гребень из кабаньей щетины было даже, пожалуй, почетно.

Эйас тоже производил впечатление в кожаной броне и медной шапке-шлеме — той самой, в которой Эсон выступил на битву с Дер Даком. Кожаный полупанцирь напоминал доспех Эсона, однако не был настолько богатым. Среди вещей, принадлежавших убитому вождю, они обнаружили бронзовый топор из тех, что использовали для рубки леса. Но ничто не мешает рубить им воинов: для этого топор и взяли с собой.

Как наименее воинственный из троих, Интеб облачился в простую кожаную куртку и взял деревянный щит, обитый толстой кожей. Но каменный топор его был неплохо сработан. Йернии такими гордились. За плечами египтянина находился небольшой мешок с едой. Эсон взял мешок побольше — с подарками для нового вождя-быка.

К ночи все устали и, поев, завернулись в плащи и улеглись ногами к костру. Интеб ночью проснулся — когда Эйас подкладывал сучьев в костер. Воздух стал настолько холоден, что обжигал лицо египтянина: из глаз полились слезы, Интеб заморгал. В черной чаше неба, опрокинутой над головой, до самого окоема горели яркие звезды. Темноту прочертила падающая звезда, беззвучно исчезнувшая за холмами. Подобно погибшей душе, вдали захохотал филин. Интеб поежился и придвинулся к теплому Эсону, ровно и глубоко дышавшему возле него, черпая силы у могучего друга. Если бы не Эсон, сидел бы сейчас он, Интеб, среди советников у ног фараона в Фивах, как подобает благородному зодчему, а не мерз на холодной земле, на самом краю света. Что за прихоть привела его в эти края? Египтянин улыбнулся и вновь провалился в сон, все еще улыбаясь. К середине четвертого дня они увидели впереди меловой холм и поднимающиеся над ним плетеные стены дана. Дважды в этот день путники обгоняли стада скота, бредущие в ту же сторону. Но пастухи и животные с опаской поглядывали на чужаков и старались держаться подальше. Охранявшие стада воины-йернии хмурились и хватались за топоры. Ближе к дану скота было еще больше, его держали во временных загонах. Всюду вздымались облака пыли.

Тропа, по которой они шли, была густо усеяна коровьими лепешками, она извивалась между невысокими курганами Владычицы, обступившими дан. Погребенные здесь воины всей тевты, возвратившись к Земле-

Матери, дожидались, когда Владычица Курганов отведет всех в Обещанные Края. Вокруг некрополя складывалась вся жизнь племени, здесь проходили ежегодные сходки и прочие важные события, здесь обдумывали набеги на соседей и кражи скота, посвящали юношей в воины и выбирали быка-вождя.

Миновав последний загон, они увидели толпу йерниев, собравшуюся у стен дана. Уже шел какой-то обряд. От тонкого воя ныли зубы. Все перекрывал громкий мужской голос.

Когда путники подошли ближе, им стало ясно — это похороны. Уже выстроен смертный дом — сооружение без стен из одной только крыши: маленькие бревна были наклонно приставлены к поперечине, получалась узкая и длинная домовина для одного тела. Женщины и мальчики не один день разбивали кирками из оленьих рогов твердый мел около смертного дома. Они набили достаточно камня, их работа теперь была закончена, и захмелевшие воины внимали голосу высокого мужчины в белых одеждах, что-то говорившего нараспев. Серые волосы доходили до плеч, лицо утопало в окладистой бороде. Однако на верхней губе волос не было: у йерниев только воины носили усы. У ног мужчины лежал обезглавленный труп; голова его была аккуратно подложена под правую руку, она поблескивала маслом и была прикрыта шкурой вепря. Возле покойника, скрестив ноги, сидел другой человек, он дул в деревянную трубку, приделанную к раздутому меху. Мужчина пыхтел, лицо его покраснело, мехи надувались. Но труды эти не производили полезного действия: воздух попусту выходил через полую кость, в которой сбоку были проделаны дырки. Вспотевший человек то и дело прикрывал то одну, то другую дырку своим пальцем — так возникал этот то усиливавшийся, то спадавший непрекращающийся визг, впрочем не мешавший слышать песнопения.

— Он жил как подобает воину, доброй жизнью, что никогда не закончится. Умер он в битве, умер он с криком, умер он с оружием — такую смерть назначил Разящий мужчинам. И умерев так, он не познает смерти, но вступит на тропу воина, что ведет в Мой Мелл, Медовые Страны, и Владычица Курганов поможет ему в пути. Сейчас он уходит в земли вечной юности, где нет боли, где нет смерти, где нет печали, где нет ни

конца, ни начала, где нет зависти, где нет ревности, где нет гордости, где нет страха. Он отправляется в край изобилия, где повсюду стада и гурты, и глаз видит их, но не видит конца им. Там жарят длинных свиней таких, что и сорока мужам не поднять, и он первым отрежет мясо от этой свиньи. Там чаши полны питьем и никогда не пустеют. Туда он уходит, туда мы его отсылаем.

Штуковина из мехов и полый кости завывала погромче. Пока труп заталкивали под крышу, воины орали до хрипоты. Когда покойника заложили последними бревнами, они принялись кидать плоскими оленьими лопатками разбитый мел, каждый старался перещеголять остальных. Гора мела росла, могильный дом скрылся под ней, воины шатались от опьянения и усталости. На взгляд Эсона, зрелище было великолепным, он отвернулся, лишь когда рядом с ним появился Ар Апа.

— Ты здесь, — произнес воин-йерний, и в голосе его слышалось более чем просто облегчение. Наследовать вождю-быку дело не легкое. Присутствие Эсона укрепляло позиции Ар Апы.

— Кого хоронят? — спросил Эсон, не отводя глаз от церемонии.

— Дер Дака. Вождей-быков хоронят во время самайна.

Эсон с нескрываемым интересом поглядел на образовавшийся курган, который к этому времени увенчала набитая сухой травой шкура быка.

— Я убил его летом. Он давно должен был сгнить.

— Наши друиды знают многое. Они знают, что было и что будет, умеют исцелять больных. Каждый день они покрывали тело его кедровым маслом — и вот видишь, — оно твердое. Пойдем пить.

Эсон бы остался еще послушать, но Эйас громко причмокнул губами, а Интеб решительно обратился спиной к примитивному обряду. Впрочем, подобное грубое бальзамирование в известной степени напоминало знакомый ему изощренный египетский способ, который делал тело столь же стойким к гниению, как прочное дерево. Мимо длинной стойки, к которой были подвешены туши забитых овец, они прошли прямо ко входу в дан.

Там царили шум и смятение: кричали животные, вопили люди. Внутри просторного дана стояла такая же

суета, как бывает в день пира в Фивах или на погребальных боях в Микенах. Повсюду были воины-йернии, с мечами и топорами они толкались в толпе, то и дело горделиво оглаживая костяшками пальцев твердые усы. Вокруг толпились женщины и многочисленные грязные дети; самые маленькие из них голышом путались под ногами, гоня кусочки мела. Но попадались среди них и чужие: смутлые альбии со своими товарами в мешках; круглоглазые донбакшо тащили на жердях дичь и зайцев. Попадались и другие люди, светловолосые, таких Эсону не доводилось еще видеть. Они были воинами — на круглых шлемах торчали бычьи рога, длинные кинжалы висели на поясах, запястья этих людей украшали золотые браслеты, плащи были скреплены у шеи увесистыми золотыми застежками. Но за спиной они, подобно рабам, тащили большие корзины. У их женщин поклажа была едва ли не еще большей. Корзины опустили на землю, но пока они стояли закрытыми. Эсон гадал, что за товар доставили в них. В руку ему вложили чашу на ножке, и он жадно припал к элю.

— Смотрите сюда! — кричал Эяс с круглыми от удивления глазами. — Такого я еще не видел.

Странно наряженный человек вспрыгнул на высокий помост из переплетенных ветвей и ивовых прутьев. Еще не окончившие сооружение женщины принялись кричать на него, но он уклонился от тянущихся к нему рук и пробрался к середине помоста, прогибавшегося и потрескивавшего под ним. Кожаная юбка его доходила почти до лодыжек, капюшон оканчивался бахромой прямо на плечах — карикатура на воина в короткой юбке и длинном плаще с капюшоном. Лицо и руки намазаны черной грязью или сажей, той же краской зачернены волосы, острием вверх уложенные на макушке.

— Друт, друт! — завопила толпа, со всех сторон люди кинулись поглядеть на забаву.

Друт легко вскочил на ноги и вдруг взвыл, словно от боли, и заскакал на одной ноге, удерживая другую руками и вылизывая языком — как собака выкусывает колючку в лапе. Потом он довольно быстро и очень похоже показал быка, корову, теленка, разыскивающего матку, и воина, разыскивающего теленка. Последняя сценка вызвала восторженные вопли даже со стороны воинов, не намеревавшихся узнавать себя в чванном, важно выступающем и поглаживающем усы шуте. Смех

умолк, когда друг извлек из-под оттопыренной юбки несколько вырезанных из дерева яблок. Они были раскрашены желтой и красной краской и ярко блестели в лучах солнца. Он подбросил вверх одно, другое, поймал первое, подбросил еще и еще, удивляя зрителей своим умением держать в воздухе сразу несколько шаров. Эсон вместе с Эйасом радостно вопили, и только Интеб, при дворе Тутмоса видевший еще и не такое, молчаливо потягивал эль.

Когда они наконец устали от представления, Ар Апа увел их к ямам, где были разложены костры, над которыми коптились туши коров и овец, издавая приятный аромат мяса и жира. Женщины отрезали полосы и ломти мяса кремневыми ножами. Их мгновенно расхватывали жадные руки. Толчками и пинками Ар Апа разогнал толпу и велел вырезать лучшие куски для Эсона и его спутников. Когда они получили мясо, он запустил руку в кисет и извлек из него пригоршню белых кристалликов, перемешанных с крупичами грязи.

— Соль, — горделиво объявил Ар Апа, присыпая куски, которые гости держали в руках.

Эсон ощутил, как рот наполнился слюной. Наверняка кто-нибудь из прибывших привез с собой соль на продажу — следует прикупить. Соленое мясо вновь пробудило жажду — тут же явился и эль. Нетрудно было понять, почему самайн считался главным событием года.

Свирепый лай и рычание отвлекли их внимание. Не оставляя чаш, они присоединились к толпе, собравшейся на противоположной стороне дана. Чтобы оказаться в первом ряду, пришлось потолкаться.

— И это собаки? — спросил Интеб, стараясь не выпускать из рук топор.

Мохнатые и злобные псы оказались величиной с небольшого медведя. Эсон слышал о них, но видеть еще не доводилось. Йернийских волкодавов натаскивали на волков и вепрей, их привезли для состязаний на погребальных играх. Теперь два пса рвались друг к другу. Они тянули поводки так, что хозяева едва удерживали их. Ощерив клыки и хрипя от ярости, псы брызгали слюной. Оба хозяина по ходу дела бились об заклад, выкрикивали ругательства... псы рычали, наконец соглашение было достигнуто. Круг разошелся пошире, и огромных зверей спустили. Они набросились друг на друга.

Свирепые псы были примерно равны по силе. Они сцепились, отпрыгнули и, щелкая зубами, попытались укусить друг друга. Потом сцепились снова. Запустив морды в толстые шкуры, они старались добраться до плоти. Наконец один из них сумел пропороть ногу своему сопернику. Хлынула кровь, драка закончилась бы смертью раненого пса, если бы не вмешались хозяева. Псов удалось разнять лишь с помощью рукоятей топоров и древков копий.

Проигравшие уплатили заклады. Послышался громкий визг — проигравший хозяин вымещал неудачу, без жалости избивая побежденного пса.

Невозможно было все увидеть и испробовать. Переплыв через узкий пролив, торговцы-альбии привезли с зеленого острова Домнани кованое золото и бронзу. Воины-йернии толпились возле них, предлагали за драгоценности все, что пожелают гости. Люди в рогатых шлемах, звавшиеся гераманиями, явились из-за моря с востока, они предлагали не только драгоценную соль, но и теплые куски бурого янтаря. Внутри некоторых таились сказочные насекомые, их можно было увидеть, поглядев через камень на солнце. Еще они торговали бронзовыми кинжалами хорошей работы. Эсон все вертел один из них под бдительным оком владельца, жалея, что ничего не может предложить в обмен. Герамании принесли с собой и египетские бусы. Интеб, усмехаясь, разглядывал их.

— Ох, далеко они залетели от дома, как и я сам, — проговорил он, держа на ладони одну из бусин и прищуриваясь. Потом он молча вернул ее германию и, лишь отойдя от торговца подальше, пояснил Эсону: — Скверная работа, плохая глазурь — для Египта не годится, но в этих грубых краях большая ценность.

Яств было много: свежие яблоки, сливы, сладкий мед прямо в сотах. А йернийские колбасы, которых они до сих пор еще не пробовали, оказались не хуже, чем в Арголиде. Набитые жиром, мясом, просоленные, сдобренные какими-то семенами, они были дотверда прокопчены над огнем. Был еще мед, сваренный на орехах, пьяный сок вересковых ягод и эль... снова и снова. Прежде чем солнце коснулось горизонта, животы их оказались туго набиты, глаза насытились зрелищами, а уши оглохли от криков.

— Смотри-ка! — воскликнул Эйас, указав на толпу, собравшуюся на другом краю дана. Под его припухлыми веками вдруг вспыхнул радостный огонек.

На расчищенном, посыпанном песком круте сцепились два мужа, пытавшиеся бросить соперника на землю. Они старались сделать подножку или бросок и одновременно молотили друг друга кулаками. Разойдясь, они принялись осыпать друг друга могучими ударами, по большей части попадавшими мимо цели. Эйас пренебрежительно хмыкнул. Наконец один из верзил — оба были рослыми и крепкими гераманиями — зацепил другого за ногу и одновременно ударил кулаком, повергнув противника на землю. Половина собравшихся разразилась радостными воплями, другие, ворча, принялись отдавать заклады. Шагнув вперед, Эйас хриплым голосом завопил так, что слышали все:

— Мешки с жиром, сальные туши! Это не бойцы, а две бабы с титьками на задуг. Я плюю на них обоих.

Слова его обрели практическое подкрепление: Эйас и впрямь отвесил по объемистому плевку в сторону каждого из гераманиев, попав одному в живот, другому в щеку. Разразившись яростными криками, они бросились бы на него, если бы их не удержали друзья.

— Рассердились, а? Убить меня захотели? — захотел Эйас. — Ну-ка, давайте сюда. Сразу оба! Обещаю, что повалю обоих. Кто ставит на то, что я не смогу этого сделать?

Желающих нашлось в избытке, Интеб и Эсон никому не отказывали. Их убьют, если Эйас проиграет: они успели прозакладывать все, что они имели и чего не имели вообще. Но они верили в этого смуглого крепыша, который был ниже ростом каждого из соперников почти на голову. Пока заключались пари, Эйас горделиво расхаживал по кругу и усердно ярил гераманиев своими насмешками.

Бой начался: по знаку оба герамания рванулись с места, вытянув руки вперед, и Эйас отбежал в сторону. Под гневные крики и насмешки он обежал круг, а разгневанные мужи гнались за ним. Молчание опустилось на собравшихся, когда он вдруг остановился и в воздухе промелькнула рука — словно змея, совершающая убийственный бросок. Кулак угодил первому из преследователей прямо в солнечное сплетение. Охнув, тот перегнулся и лицом вперед повалился на землю.

— Первый готов, — объявил Эйас. — Иди сюда — твой черед.

Второй боец держался теперь куда осторожнее, он пригибался к земле, двигался крадучись, стараясь зацепить Эйаса, прежде чем убийственный кулак успеет поразить его. Но удар сбоку потряс герамания, получив второй — в ребра, — он пошатнулся и едва не упал... Но все же метнулся вперед и успел обхватить Эйаса. Все было сделано точно и на этом борьба едва не окончилась. Гераманий был явно сильнее. Прижимая руки Эйаса к бокам, он медленно клонил его вниз — неотвратно и бесповоротно. Эйас изо всех сил старался сбросить невыгодное объятие и, уже почти падая, ухитрился высвободить одну из рук.

Этого оказалось довольно. Криво улыбнувшись толпе, бывший раб коротко взмахнул кулаком и по короткой дуге направил его в спину соперника — в печень, под ребра. Рослый гераманий содрогнулся и пошатнулся. Прежде чем он успел прийти в себя, кулак вновь поразил то же самое место, и воин взревел, широко раскинув руки. Сделав шаг в сторону, Эйас облегчил муки соперника: тяжелый удар в висок лишил герамания сознания прежде, чем тело его успело упасть на землю.

— Вот теперь они кое-что узнали о кулачном бое атлантов, — заметил Эйас. — Переступив через оба неподвижных тела, он отправился помогать в сборе закладов. Кое-кто пытался оспаривать непривычный способ, которым была добыта победа, но такие быстро утихали, обнаружив перед носом огромный кулак. Так этот день принес и барыш.

Не прекратился самайн и с закатом. Костры загорелись ярче, дрожащий свет их бросал тени на стены дана и на толпу, толкавшуюся внутри него. Из темных уголков уже слышался визг и смех: женщины йерниев и гостей, которым нечем было торговать, зарабатывали на подарки и украшения товаром, с которым их мать родила. Факелы из горящего тростника освещали золото, каменные топоры и острые кремневые ножи, бронзовые кинжалы, янтарные диски, — и вещи более обычные: мясо, дичь, соль и сладкие плоды. Всякий находил здесь кое-что для себя.

Но готовились более важные события. В центре дана в самой большой яме разложили костер. Женщины

старательно мели вокруг него, наконец земля очистилась от помета и опавших дубовых и лавровых листьев. Два глубоких гнезда очистили от скопившегося за год мусора и под надзором первого друида вставили в них два высоких — в человеческий рост — и толстых столба. Сверху в них были вырезаны полукруглые углубления для короткой горизонтальной перекладки. Когда арка оказалась собранной, сам друид густо обмазал ее жидким мелом, выбелив дерево, словно кость. Пока он был занят этим делом, начали собираться воины-йернии. Они были одеты в альбийские ткани, при всех своих драгоценностях и при оружии. Воины усаживались возле огня. Но не успели собраться все, как один вскочил с места и громким голосом объявил, какой он бесстрашный и отважный боец. Начались выборы быка-вождя.

Когда собрались все, огонь взвился высоко, и в его золотом свете воины, потая, требовали зля, хвастали своими гривнами, браслетами и кольцами. Поднялся ровный и громкий шум, никто никого не слышал, но это никого и не волновало. Важно было говорить перед собранием — содержание же всех баек и побасенок было знакомым и давно известным. Они выкрикивали друг другу громкие оскорбления и один за другим принимались расхаживать возле костра, ударяя топорами в щиты, при этом изо всех сил превознося собственные подвиги. Эсон тоже протолкался внутрь круга воинов и выкрикивал оскорбления, чередуя их с отъявленной ложью: право его присутствовать среди них никто не оспаривал. Интеб следил за происходящим от наружного края круга, потягивая сладкий мед, пришедшийся ему по вкусу... потом он уснул. Эйас с пухлой после дневной удачи мошной, с новыми ранами на покрытой рубцами коже отправился искать успеха уже среди женщин. Он целый день восхищался высокими светловолосыми и полногрудыми женщинами гераманиев и наконец богатыми дарами заманил одну из них в сторону от костра. И там дал ей известные основания вспоминать о нем в своих северных лесах.

К рассвету большинство воинов-йерниеи уже повалились спать — прямо в пыль, — другие могли только кивать пьяными головами. Тогда-то к костру вышел Ар Апа и принялся горделиво расхаживать перед ними, громким охрипшим голосом расхваливая свои деяния и силу рук. Ночью он экономил силы и ограничивался

недолгими выступлениями, сохраняя силы для последней попытки, которая должна была произвести решающее впечатление на полусонных и пьяных воинов. Дело близилось к успешному завершению. В предутренние часы он начал свой монолог, перекрикивая всякого, кто пытался его перебивать; одного пьяного воина, непременно желавшего говорить одновременно с ним, пришлось даже утихомирить щитом. Речь Ар Алы была не хуже и не лучше, чем у всех остальных, однако сил у него оставалось значительно больше, поэтому все принимались уважительно кивать головами, прежде чем, засыпая, свалиться на землю. Когда солнце прогнало утренние туманы и поднялось над горизонтом, он все еще с пылом расписывал собственную силу и прочие достоинства. И наконец, глубоко вдохнув, прокричал собственный боевой клич над склоненными головами:

— Ар Ала абу! Время проходить огонь и очищать скот!

Воины-йернии зашевелились, отвечая согласными воплями. Осушив последние капли эля из чаш, они отправились облеγχаться к стенкам хлевов... в воздухе густо запахло мочой. Когда Эсон проснулся, Интеб и Эйас были с ним рядом. Они отправились наружу, чтобы присоединиться к остальным за стенами дана, и с интересом заметили, что женщины и дети йерниев помогают мужчинам выволакивать огромные плетенки.

Поваленные набок, они напоминали огромные неровные корзины, открытые с одного края, но в два человеческих роста. Их бросили снаружи — по обе стороны входа в дан — и оставили до поры... наконец из хлевов под вторым этажом, служивших и местом заточения, извлекли пятерых жалких пленников. Ноги их оставались связаны, они спотыкались и падали, их поднимали уколами копий. Подняться было сложно — руки были связаны за спиной. Это оказались тоже йернии — об этом свидетельствовали одежда, выбеленные усы и волосы — но их Эсон в этом дане не видел. Эсон окликнул стоявшего поблизости воина, выкрикивающего проклятия пленным... впрочем, чтобы добиться ответа, пришлось его еще дернуть за руку.

— Это? Воры, подлые воры. Явились красть наш скот, но мы их заметили. Они из Дан Финмог, но сейчас уходят совсем не туда! — расхохотавшись над собственной шуткой, он вновь принялся закидывать пленников кусками сухого навоза, как это делали все вокруг.

Пленников вывели за стены; там, в кольце воинов, вооруженных копьями и топорами, им разрезали веревки на руках и затолкали в плетеные сооружения — троих в одно, оставшуюся пару в другое. Когда узники оказались внутри, йернии с криками навалились на верхний край огромных корзин, опрокинувшихся под весом вверх дном. Теперь, когда основания плетенки оказались на земле, стало ясно, что они собой представляют.

Это были головы. Отверстия ноздрей обмазаны охрой, вместо глаз нарисованы черные круги с кровавым пятном в центре. Длинные кривые сучья изображают рога. При весьма отдаленном сходстве корзины несомненно изображали бычьи головы. Края их заостренными кольями прибили к земле и стали обкладывать снаружи хворостом. Всем рас юряжася тот самый друид, что совершал вчера похороны; ему помогали двое мужей помоложе, облаченных в столь же длинные одежды. Пленники хватались за прутья, дикими глазами глядели на кричавшего друида. Толпа притихла.

— Безмолвными змеями на брюхе приползли вы сюда; горностоями между кочек ползли вы сюда. Духами полуночными ползли вы сюда из Дан Финмог — и мы знаем зачем. Скот в Дан Финмог зашелудивел, попадад и сдох — и ваши зубы стучат от страха. Вы знаете, что нет лучших коров, чем здесь, нет более жирных коров, чем здесь, нет более сладкого мяса, чем здесь! И вы пришли украсть наших коров, но позабыли о воинах! — ответом ему был общий вопль, грохот топоров о щиты и проклятия. Не прерываясь, друид продолжал.

— Сотня и сотня воров пришла к нам, сотню и сотню врагов сразили воины и сложили из отрезанных голов груду, что стала выше, чем крыша дана. Но пятерых мы взяли в плен, ибо так было правильно: близилось время самайна, время очищения скота. Вот потому-то вы и здесь.

Раздались крики, немедленно утихшие, когда друид, распрямившись, неторопливо поднял от земли правую ногу, балансируя на другой.

— Одна нога, — выкрикнул он и еще медленнее стал тянуть вверх ногу.

— Одна рука, — крикнул он еще громче и указал на заточенных под плетенками.

— Один глаз! — заорал он изо всех сил и, зажмурив левый глаз, склонил голову набок. — Смерть им! В огонь! Смерть, смерть, смерть!

Так завершился обряд и началось развлечение.

Воины с пылающими ветвями, взятыми из костров, бросились к плетенкам, углубив втискивая факелы в сухие сучья. Когда повалил дым, люди внутри закашляли, потом послышались вопли: языки пламени уже начали лизать их ноги. Некоторые лезли вверх, чтобы избежать огня, и наблюдающие снаружи хохотали просто до слез. Потом женщин и детей отогнали подальше от места увеселения, они встали по обе стороны дороги к ближайшему загону. Открыли ворота и мычащий от страха скот погнали вперед в промежуток между горящими плетенками. Тела людей внутри них уже успели обуглиться, крики умолкли. К тому времени, когда последних животных загнали в ворота дана, костры прогорели и развлечение закончилось.

Воины-йернии по одному брели назад к угольям костра совета, выковыривая из зубов мясо, стараясь не опрокинуть чаш с молоком, которые женщины выставили у входа в дан для убаготворения душ мертвых: с приближением осени им становилось холодно среди курганов, и во время самайна их всегда тянуло поближе к дому, к коровам. Воины громкими голосами требовали эля. Ар Апа возвратился первым и стоял теперь перед выбеленной аркой. Это было сделано не случайно. Когда кто-то из воинов подошел слишком близко, Ар Апа замахнулся на него топором. Недолго поколебавшись, муж сел среди прочих. Но заметив Эсона, Ар Апа жестом позвал микенца к себе.

— Сядешь ли ты со мной?

— А что это значит?

— Если ты сядешь, значит, не хочешь быть вождем-быком. Если ты сядешь рядом со мной — значит, ты за меня.

Немного подумав, Эсон проговорил.

— Я помогу тебе, и ты станешь вождем-быком. Не забудешь ли ты об этом потом?

— Никогда! — с расширившимися от возбуждения глазами Ар Апа грохнул топором в щит. — Память моя — самая долгая, рука моя — самая сильная. Я не забуду.

Никто не стал возражать против избрания Ар Апы вождем-быком; никто не возвысил голоса против союза топора и меча. Новость быстро распространилась, и

стала собираться толпа, чтобы понаблюдать за происходящим. Ар Апа сидел перед хенджем — двумя столбами с поперечиной над ними — и пил, согласно кивая: перед ним расхаживал друид, напоминавший всем о достоинствах, подвигах и деяниях будущего вождя. Таков был обряд. Друид провозгласил одно за другим имена предков Ар Апы, кончая незапамятным прошлым. Воины закивали и разразились воплями, когда речь пошла о более современных событиях, об умении Ар Апы справляться с темными силами, в том числе с Темным Человеком. После этого друид воздал должное достоинствам вооруженных бронзой друзей Ар Апы, и тут сам он поднялся на ноги, повернувшись лицом к друиду.

— Скажи нам, — вскричал Ар Апа. — Чем отличается сегодняшний день? Почему он не такой, как другие? Какую честь несет он?

Наступила глубокая тишина, когда, зажмурив один глаз, друид принялся разглядывать облака, поворачиваясь на пятке: он искал знамения в их форме. Должно быть, он что-то увидел, потому что рука его, словно заслоняясь от увиденного, торопливо прикрыла глаз: знак явно был неблагоприятным. Воины похрабрее сами шурились, глядя на небо, но в основном все глядели вниз, сохраняя полное молчание.

— Видел знак, — объявил друид, прикасаясь к хенджу, чтобы почерпнуть из него сил. Он не глядел на Ар Апу. — Знак. Двусторонний топор, наверное, золотой. А за ним тьма. Если сегодня воин с золотым топором сделается хранителем своего племени, он превзойдет всех прочих в боевой доблести. Но жизнь его будет короткой, очень короткой.

Все глаза обратились к Ар Апе, выкрикнувшему ритуальный ответ:

— Что мне до того? Это я воин с двойным топором. Пусть я проживу еще только день и ночь — все запомнят меня: память о деяниях не проходит.

Неторопливым осторожным движением друид погрузил руку в свои просторные одежды и извлек из-под них дубовую ветвь с позолоченными листьями. Он провёл ветвью по столику-поперечине, глубоким голосом возглашая:

— Я касаюсь Разящего, трогаю Разрушителя.

Повернувшись, он прикоснулся листьями к челу Ар Апы с возгласом:

— Ар Апа Верцингеториг! *

Толпа отозвалась общим ревом.

— Ар Апа Верцингеториг!

Друид коснулся ветвью левой опоры и продолжал.

— Прикасаюсь к Владыке-Волхву, он Творец наш, — Ар Апа Верцингеториг!

И вновь собравшиеся взревели, когда, обратившись к Ар Але, он тронул ветвью его левое плечо. Закинув голову, стиснув кулаки, тот предавался восторгу.

— А теперь я касаюсь ее — Владычицы Курганов, Земли-Матери, нашей Берегини, — с этими словами друид провел по правой опоре, а затем по правому плечу Ар Апы.

— Ар Апа Верцингеториг! — слышалось повсюду и увлеченный общим порывом новый бык-вождь встал перед ними, купаясь в волнах приветствий.

Эсона потянули за руку, он отмахнулся. Его снова потянули, на этот раз сильнее, и он повернулся, готовый ответить ударом. Перед ним стояла Найкери. Чтобы перекричать рев йерниев, ей пришлось возвысить голос.

— Пришел один из моих родичей с вестью. Два дня назад лодка с рослыми мужами в рогатых шлемах приплыла к копи. Это были герамании. Они провели там немного времени и тотчас уплыли.

— Что ты говоришь? Что это значит? — Холод лег на сердце Эсона. — Что с копью?

— Они ничего не тронули, все на месте. Только забрали весь металл, который ты там оставил.

Олово.

Его украли.

3

Дни постепенно сокращались... наконец они стали много короче, чем самый недолгий день в Арголиде. Ночи казались уже бесконечными. Иногда день нельзя было даже назвать днем: облака сплошной пеленой

* Верцингеториг — вождь антиримского восстания в Галлии; здесь — верховный вождь.

закрывали небо, зябкой моросью орошая и без того вымокший лес. То дождливые, то туманные, но всегда короткие дни уже стали казаться только серыми разрывами в бесконечном мраке. Небольшой запас олова, который удалось скопить после кражи, рос с путающей неторопливостью. Вымокшие под вечными дождями мальчишки сделались беспокойными и норовили удрать, если их хотя бы ненадолго оставляли без присмотра. Угольные печи заливало дождем, и они гасли, не хватало сухих дров, чтобы топить их.

После возвращения из Дан Ар Апа Эсон во многом переменялся. Он не признавал поражения — во всяком случае вслух — и с холодной безжалостностью продолжал работы в копи. Каждый день перед рассветом, взяв самый тяжелый из бронзовых топоров, он уходил в лес рубить дрова для прожорливых килнов, угольных печей. Спал он недолго, часто целую ночь проводил возле плавильных костров, едва ли не выжимая олово из руды могучими руками. Эсон делал все тяжелые работы, только бы плавилось олово, и перестал говорить о Микенах и корабле, который все ожидали. В преддверье зимы нечего ждать гостей — никто не посмеет выйти в океан навстречу осенним холодным бурям. А без корабля все их олово ничего не стоило. Стоят ли еще Микены? Или же союз Атлантиды и остальных городов Арголиды уже победил Перимеда и сравнял с землей его город? Возможно. Все возможно. Тогда они могут оставаться на краю света и до самой старости, даже смерти, выплавлять свои жалкие слитки, никому не нужные в этой далекой стране. Эсон не заговаривал об этом, но и не оспаривал, когда такое предполагали другие. Эйаса такая жизнь вполне устраивала, но Интеб все не мог примириться со здешними краями. Мысль о родине большим зубом тревожила его день ото дня все сильнее и не унималась.

— Мы можем здесь умереть, и об этом никто не узнает... жуткое место для смерти, — задыхаясь, выговаривал он, утомленный непривычными еще усилиями при рубке деревьев.

За последние месяцы Интеб неплохо овладел бронзовым топором, научился врубаться в ствол под нужным углом. Он отправился в лес с Эсоном — чтобы помочь и согреться. Дожди наконец прекратились, их сменил белый холод — выпал снег. Его было еще не-

много: время от времени короткие снегопады оставляли снег в ложбинах и возле стволов деревьев. Он был такой холодный на ощупь, что руки немели. Интеб никак не мог привыкнуть к снегу и ненавидел его холодную белизну.

— Умрем здесь, — вновь пробормотал он.

Не ответив, Эсон обтер об одежду влажные ладони и вновь взялся за топор. Ствол дерева затрещал и переломился, они расступились, чтобы не попасть под ветви. Отбросив топор, Эсон припал к кувшину с элем, который они с собой прихватили.

— Я говорил с отцом Найкери, старым Лером, — продолжал Интеб, чтобы развеять ненавистную лесную тишь хотя бы собственным голосом. — Прежде, когда он не был слеп, Лер много скитался. Он знает все об этом острове и о другом, Домнанне, что лежит к северу там в основном и живет его племя. Он даже знает, откуда явились сюда герамании. Он говорит, что они из тех, кто торгует с Атлантидой, и я верю ему. Герамании привозят египетские бусы и другие подобные вещи. Отсюда на лодках они плывут через море к великой реке, чужестранное название которой я не запомнил. Они живут в верховьях этой реки. Лер говорит, что по ней, если плыть далеко-далеко, приплывешь к новой реке, текущей в другое море. Если не врет — а проверить его слова нельзя, — наверное, это Истр, впадающий в Восточное море. Мы знаем, что атланты плавают по этой реке, они добывают там олово, и герамании знают, зачем оно нужно. Зачем бы они украли наше олово, если это не так? Конечно же, они продадут металл атлантам. Но если они могут добраться сюда, значит, и мы сумеем пройти этим путем.

Он отодвинулся, когда Эсон повернулся к нему с холодной улыбкой — прежде казалось, что он даже не слушает египтянина.

— Нет, ты не понял меня, Эсон. Слушай, дорогой мой, я же не о том, что мы будем торговать оловом с атлантами — я хочу сказать, что этим путем мы можем вернуться в Арголиду. Просто вернуться. Здесь нам больше нечего делать. Да, мы извлекаем олово из земли, но здесь его некому использовать. Ты ведь хочешь возвратиться в Микены, я знаю об этом. Мы можем это сделать.

Ответом послужил звонкий удар бронзового топора — Эсон перешел к следующему дереву. Грустно вздохнув, Интеб пожал плечами и начал обрубать сучья с только что поваленного ствола. Было уже почти темно, когда они дотащили бревна до расчистки и бросили их возле печей, чтобы утром заложить в них дрова. Дрожавших от сырости и холода мальчишек уже заперли в их помещении. Эйас присоединился к Эсону и Интебу у очага. Все трое с наслаждением вдыхали аромат, шедший от горшка, стоящего на углях с краю. Без всяких напоминаний Найкери, укутанная в многослойные одеяния из ткани и шкур, вынесла большой кувшин с элем.

— Осталось еще два таких, — проговорила она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Так всегда бывало зимой в этих северных краях — припасы постепенно кончались, скоро не останется совсем ничего. Если не будет хорошей охоты — придется голодать.

— Я видел оленьи следы, — сообщил Эсон, как и все, подумавший об этом. — Дров хватит на день-другой. Утром схожу на охоту.

— Я тоже могу пойти, чтобы донести мясо, — предложил Эйас.

— Работай здесь, мне никто не нужен.

Это было именно так. Все они были нужны ему, только пока работали. Обхватив грудь руками, Найкери гадала, почему он больше не приближается к ней. Они были рядом и одновременно далеко друг от друга. Эйас сплюнул в костер через рваную губу. Интеб невидящими глазами глядел в огонь, стараясь увидеть в нем теплые края, оставшиеся на далеком юге.

— Сын сестры моего отца убил медведицу, — сказала Найкери. — С ней были два медвежонка. Теперь у него три шкуры... теплые шкуры. — Она помешала густую похлебку и облизала деревянную ложку. — Еще я слыхала, что почти все воины Дан Уала ходили на Дан Ар Апа, многие убиты, много коров похищено.

Слушал один лишь Интеб. Эти сплетни и сведения зимой и летом переносили путешествующие по острову альбины. Они знали о том, что происходило, может быть, подвирали, может быть, говорили истину. Интеб предпочел бы более цивилизованные предметы для разговора, но выбора не было. Найкери он терпеть не мог, а потому не отвечал ей, но слушал.

— Сегодня еще один мальчишка сбежал, — проворчал Эйас.

Никто не обратил внимания на эти слова. Обычное дело.

Однажды вечером после дня, потраченного на рубку дров, Интеб с Эйасом присоединились к Эсону, сидевшему у очага. Зачерпнув чашей похлебку, Эсон подул на нее, прежде чем поднести ко рту. Остальные последовали его примеру. Горячее доброе варево из сушеного мяса, перемешанного с зерном... на поверхности блестели капельки жира. Снаружи выл ветер, под плохую пригнанную дверь нанесло снега. Сумерки уступили место темноте. Со всех сторон хижину окружал бесконечный черный лес. Только в ней было светло и тепло. И не думая о причинах, при новом сильном ветре все подвинулись ближе к огню.

Снаружи слышался шорох, едва различимый за воем ветра. С уверенностью охотника Эсон поднял голову. Он чуть приподнялся, тут дверь распахнулась и повалилась вбок — одна из кожаных петель не выдержала удара.

В проеме возник бородатый муж в панцире и бронзовом шлеме, готовый к бою. Длинный клинок алчно блестел в его руке.

4

Сидевшие у очага схватили оружие, к воину в дверях присоединились другие пришельцы с мечами... но все замерли, когда Эсон выкрикнул одно только слово:

— Атрокл!

Открыв от изумления рот, первый воин медленно опустил меч, моргая в свете очага... наконец в глазах его появилось некоторое понимание.

— Эсон, родич мой, но ты же убит! — он чуть не замахнулся мечом, и Эсон расхохотался.

— Меня труднее убить, чем ты думаешь, Атрокл. Как я попал сюда?... Это долгий рассказ. Но сперва — как там Микены и отец мой? Садись и рассказывай.

Страхнув снег с белого дорожного плаща, Атрокл подошел к очагу. За ним последовали пятеро воинов,

мечи их оставались в ножнах, все здоровались с Эсоном, называвшим по имени каждого. Найкери безмолвно выставила эль и забилась в свой занавешенный угол, где обычно спала.

— Ты знаешь, что случилось на Фере? — спросил Атрокл. — Говорили, что ты там погиб.

— Как видишь — спасся. Что случилось с островом? Уж не погиб ли он — и Атлас вместе с ним?

— Если бы... тогда нам оставалось бы только радоваться. На острове погибли многие, корабли тонули сотнями, но Атлас со своим двором благополучно добрался до Крита. Восемь дней сотрясалась земля, летел пепел, выбивалось из-под земли пламя. Но сейчас все окончилось. Люди вернулись. Жизнь началась снова, но мы слышали, что земля там до сих пор стонет и жалуется. Атлас в ярости решил, что боги пробудили вулкан, чтобы его погубить. И теперь он воюет со всей Арголой. Люди его осадили Лерну и Навклею; быть может, ему нужны рабы и сокровища, чтобы задобрить богов, не знаю. Известно, что он ополчился на нас, и Микенам приходится туго. Узнав о твоей смерти, отец оплакал тебя и сразу состарился. Но началась война, и, забыв о скорби, Перимед повел нас в бой. Крови пролито много — мало кого из друзей тебе удастся увидеть. Только к самому концу года нам удалось найти корабль и людей, чтобы отправиться сюда, на остров йерниев. Долго мы шли по океанской дороге, дважды приходилось нам вытаскивать на сушу корабль и чинить его. Четверо умерли в пути. Но мы здесь. А ты... как ты сюда попал?

— Я все тебе расскажу, но сперва ответь на один вопрос. Сколько еще людей у тебя на корабле и сколько среди них халкеев?

— Семнадцать, из них трое — халкеи.

— Копь работает, печи горят, есть олово, но немного, жжем древесный уголь. Мы не сидели без дела.

Они проговорили до глубокой ночи. Эль выпили, наконец микенцы завернулись в плащи и уснули на земляном полу. Сорвав одеяло с Найкери, Эсон неожиданно и грубо взял ее, она даже вскрикнула от боли. А он смеялся, как всегда не считаясь с ней. Интеб не спал и все слышал; он натянул на голову одеяло, чтобы заглушить отвратительные ему звуки.

Эсон встал затемно. Как только забрезжил рассвет, он поднял Атрокла и они вместе вдоль ручья отправи-

лись к берегу, к вытащенному на песок большому кораблю. Тут были новые встречи, приветствия и — о чудо из чудес — согретое сладкое вино из Микен. Корабль выволокли дальше самого высокого прилива, и, забрав нужные припасы, все вернулись к копи, оставив двоих воинов охранять судно.

— Теперь все пойдет по-другому, — говорил Эсон, шедший первым по знакомой тропе. — Возьмем больше мальчиков, будет кому рубить дрова, а халкеи пусть присматривают за плавильными печами. К весне наплавим олова столько, что из корабля можно будет выбросить весь балласт. Мы вернемся в Микены, и Арголида снова объединится. Атласа мы сбросим в море, но теперь уже навсегда.

Микенцы жаловались на стужу, но усердно трудились. Эсон впервые отложил свой топор и распоряжался сооружением хижин. Тем временем халкеи качали головами возле печей и прикидывали, как вернее приступить к делу. Дни были ясными, но солнце не грело. Интеб и Эсон снова сблизились и все обсуждали обратный путь. Найкери ушла в себя и ни с кем не разговаривала. Это замечал только Интеб, и он усмехался ей в спину. Все шло хорошо.

На восьмой день после появления микенского корабля охрана в устье долины подняла тревогу. В новой начищенной броне, блиставшей ярче зимнего солнца, с новым острым мечом Эсон вышел, чтобы узнать, в чем дело. С вершины вала он увидел троих воинов-йерниев, нерешительно поглядывавших из леса на облаченных в доспехи микенцев. Должно быть, Эсона узнали, потому что йернии двинулись вперед, едва он вышел на вал. Когда воины приблизились, Эсон узнал Ар Апу и двух воинов из его тевты.

— Эсон абу! — выкрикнул Ар Апа, потрясая топором, опасливо поглядывая на вооруженных микенцев в доспехах.

— Это мои друзья, — откликнулся Эсон. — Бояться нечего.

После этих слов трое воинов поднялись на вал. Их отвели в дом и накормили. Ограничившись минимумом похвалы относительно их похода, Ар Апа пояснил истинные причины своего появления.

— Плохая зима. Много было набегов за скотом. Погибли воины. Сперва пришли люди из Дан Мовег, что

к северу от нас, потом из Дан Финмог, они живут еще дальше за нами. Они не враждуют между собой и с Дан Уала, который находится между ними, и пропускают друзей по своим пастбищам к другим тевтам, чтобы красть наших коров и убивать наших воинов.

Пристукнув по утоптанному земляному полу древком топора, Ар Апа почти прокричал последние слова. Воины, бывшие с ним, притопнули ногами и разразились громкими стонами. У йерниев было положено не скрывать эмоции, и Эсон терпеливо дожидался окончания представления. Выразив подобающим образом свои чувства, Ар Апа провел по жестким усам и наконец продолжил:

— Теперь я знаю, почему это делается. Я знаю, кто виноват в этом, кто засел в Дан Уала, раздавая подарки воинам, чтобы те выполняли его желания. Теперь я знаю. — Он быстро глянул на Эсона и отвернулся.

— Темный Человек, — произнес вслух Эсон не давшемуся йернию имя. — Опять раздувает беду? А откуда ты об этом узнал?

Ар Апа уставился в потолок и принялся с огромным интересом разглядывать дыру, через которую выходил дым. Потом потер щит, сколупнул присохшее пятнышко грязи. Вошел Интеб и, прислушиваясь, остановился у двери.

— Ко мне пришли, — не без нерешительности начал Ар Апа. — Пришел сам Уала с немногими воинами... не за тем чтобы биться, он хотел говорить. Друид поставил хенджи, которые делают, когда встречаются быки-вожди, мы увешали их сокровищами, а потом говорили. Уала показал мне дары, которые получил от того... его ты назвал. Мы говорили...

Рот Ар Апы оставался открытым, но слова не шли с языка. Однако Эсон понимал его мысли и сам произнес то, чего не в силах был вымолвить Ар Апа.

— Значит, они собираются предпринять новый набег на копь... Сразу многими тевтами, как и тогда. Ты это хочешь сказать? — Ар Апа кивнул и отвернулся. — Ты правильно сделал, что пришел ко мне и не присоединился к ним. Где сейчас Темный Человек?

— В Дан Уала.

Все было просто и ясно. Пусть халкеи занимаются плавкой металла, а у воина свой труд. Темный Человек, возмутитель спокойствия... будь он человек или дух, его следует остановить, иначе йернии не оставят копь в покое. Эсон знал, как делаются такие вещи.

— У меня есть люди, которые пойдут за мной, — объявил Эсон, — непобедимые воины в панцирях. Я поведу их против Дан Уала, чтобы убить Темного Человека. Придут ли воины твоей тевты, чтобы биться рядом с нами?

— Темный Человек... — мысль эта столь встревожила Ар Апу, что запретное имя само собой сорвалось с его уст.

— Уала и его люди не выстоят против нас. Мы убьем их. Будет скот, месть, золото и сокровища.

— Мы пойдем с тобой, — внезапно решившись, проговорил Ар Апа. Он думал лишь о сокровищах Дан Уала, самого большого, самого богатого и самого сильного из всех данов йерниев. При мысли о них рот Ар Апы наполнился слюной, и, сплюнув в костер, он громко расхохотался.

5

Был имболк, счастливая пора, когда появляются первые знаки того, что зима ослабляет свою хватку. В это время внутри данов под женскими помещениями коровы и овцы доедают последние ветви, срезанные для них осенью. Появляется первая трава. Рождаются ягнята и телята, жизнь начинается заново, а это ли не праздник? Появляется свежее молоко: перебродит — есть чем праздновать. Эль, сваренный из зерна прошлой осенью, прикончили давным-давно, о блаженном пьянстве можно лишь вспоминать. И теперь снова захмелевшие после долгого перерыва воины грелись на солнце и следили за тем, как женщины выносят обессиленный за зиму скот. После долгой зимней голодовки и неподвижности животные не в силах были ходить, но ничего, зеленая трава быстро вернет им бодрость.

Дан Мовег ничем не отличался от прочих данов йерниев: двери мужских помещений выходили на вал. Здесь около собственного порога было неплохо погреться в добрый денек — а сегодняшний-то и был добрым, — в особенности после перебродившего молока. Воины лежали наверху, посреди распростерся сам бык-вождь Мовег. Он как раз хвастал прошлыми подвигами, походами и убийствами, когда возле дана появились люди в панцирях.

При всей тяжести облекавшего их металла они приближались неслышно. Позади виднелись беловолосые, с кабаньими клыками воины Дан Ар Апа. Зрелище неприятное, если не сказать больше. Все знают, что в имболк не принято совершать набеги.

— Ты — Мовег, — проговорил Эсон, коротко глянув из-под козырька шлема на мужа с отвисшей челюстью, застывшего возле собственной двери.

— Это он, — присоединился к Эсону подошедший сзади Ар Апа. Чтобы заставить сидящего встать, он пнул его в ребра. Взыв от боли, Мовег вскочил. Чаша, из которой он пил, опрокинулась. Молоко это было надоено у краденых коров. Прежде чем успела завязаться схватка, Эсон оттолкнул Ар Апу в сторону.

Мовега не пришлось долго уговаривать. Он был верен только себе самому. За прежние набеги он получил хорошие дары от Темного Человека. Но это было в прошлом. А будущее выглядело еще более лучезарным: победоносный набег на Дан Уала, заплывший богатством и жиром, гордящийся величиной и силой, сулил еще больше. Да и не сможет Дан Уала выстоять против воинов сразу двух тевт... Тем более если во главе них выступают эти страшные люди в прочной броне. Он вспомнил — без всякой радости — скольких человек погубили трое таких воинов, защитников копи. А теперь их было — раз, два, три... больше, чем пальцев на обеих руках.

Всю ночь они провели в дане и до последней капли выпили все перебродившее молоко. Когда халкеи взялись за дело, Эйаса ничто не привязывало более к копи и он присоединился к отряду, пообещав пользоваться мечом, а не кулаками. Интеб не был воином, но в одолженном ему панцире и египтянин выглядел вполне внушительно. Он даже готов был сражаться, только бы оказаться поближе к Эсону, здесь, пока Найкери далеко. Сидя у огня, они пили умеренно, пока прочие в полной мере отдавались радостям имболка.

— Не сомневаюсь в нашей победе, — произнес Интеб.

— Нам необходимо не просто победить. Нужно захватить Темного Человека и убить его. Если он опять сумеет сбежать, тогда его примет какая-нибудь другая тевта йерниев. Со своими сокровищами он долго еще будет тревожить нас. Я хочу, чтобы он умер после битвы.

— Что ты задумал?

Эсон указательным пальцем очертил кружок в пыли.

— Они говорят, что Дан Уала не отличается от остальных данов. Значит, там есть один или два входа и комнаты воинов, каждая со своей дверью. Мы должны застать их врасплох, подойти со всех сторон, чтобы не сбежала ни одна крыса.

— Как ты хочешь добиться этого? Подойти ночью и напасть с рассветом?

— Нет, с таким числом людей этого не сделать. Нас заметят или услышат... их успеют предупредить. Остается идти быстро. Говорят, что отсюда до Дан Уала день ходьбы. Если мы выйдем с рассветом и будем спешить — успеем раньше всякого гонца.

Интеб поглядел на пьющих мужей.

— Едва ли это им придется по вкусу.

— Ерунда. Взять дан, выиграть битву — только половина дела, мне нужен Темный Человек.

Когда они поднялись, небо еще оставалось черным. Слышались стоны и звучные пинки, которыми пробуждали к жизни самых пьяных. Эсон разрешил быстро перекусить и попить, и с первыми лучами солнца они уже оставили дан. Йернии выражали горькое сожаление относительно состояния усов и прически. Эсон обещал им, что перед битвой даст время, чтобы привести себя в порядок. Он сам задал темп — сперва они бежали легкой рысью, потом перешли на размашистый шаг. Легкий утренний дождь также огорчил франтоватых йерниев, но он стих к полудню, когда воины остановились возле реки, служившей границей земель обеих тевт. Холмы окружали ровное плато, тянувшееся до горизонта, и лишь изредка взгляд встречал редкие деревья. Они добрались до дома одного из отставных воинов тевты Дан Уала, попытавшегося сбежать в дан. Его перехватили и зарубили. Сделали короткий привал, съели все, что нашлось в доме, и отправились дальше. Вдали над равниной поднялась крутая стена дана, над которой завивался дым многочисленных очагов. К досаде Эсона, пришлось сделать еще одну остановку — чтобы йернии могли привести перед битвой в порядок усы и прически. Потом они двинулись дальше.

Воины Дан Уала поджидали их на валу — они успели получить предупреждение. Атакующие йернии остановились, выкрикивая оскорбления стоящим на валу

воинам... Гнев мешал Эсону дожидаться исхода ритуальной перебранки. Он выстроил своих микенцев в линию — но так, чтобы никто не мог подвернуться под меч соседу, и повел их вперед. Они спустились в ров и направились вверх по насыпи. Их встретил неожиданный град камней — йернии Уалы запаслись ими. Камни отскакивали от щитов и доспехов, не причиняя вреда. Микенцы поднялись вверх.

Пытавшихся сопротивляться сразу же перебили. Мечи мерно ходили вперед и назад, йернии гибли под ними. Даже шедший чуть позади Интеб умудрился высунуться из-за спины Эсона и погрузить острие меча в живот йерния. Меч вошел в тело легко, воин выронил топор и со страшным стоном упал на землю. Его руки, стиснувшие рану, мгновенно окрасились кровью. Ощутив легкую дурноту, Интеб решил держаться чуть дальше. И его чуть не сбили с ног союзники-йернии, вспыхнувшие воинственным духом при виде подобных подвигов.

Сражающиеся распались на отдельные группы, воины кричали, визжали, получали раны и умирали. Воинов Дан Уала было много — больше, чем в двух союзных тевтах, и они сражались отчаянно, спасая собственную жизнь. И победили бы, не будь здесь микенцев, беспощадно расправлявшихся с врагами. Те бились доблестно, но их убивали, и очень скоро уцелевшие не выдержали и обратились в бегство. Некоторые бросились через свои комнаты в женские помещения, победители с воем преследовали бегущих. Эсон ткнул мечом в спину одного из них, но легкий укол только ускорил бегство. Через спальные помещения они выбежали на балкон, вокруг с визгом разбегались женщины. Раненый йерний соскочил прямо на землю, Эсон в тяжелой броне мог лишь неторопливо последовать за ним по бревну с зарубками. Очутившись внизу, он бросился следом за раненым, укрывшимся теперь за высоким голубоватым камнем, поднимавшимся подобно колонне из земли. Скривившись от боли в ране, тот отбросил топор и, упав на землю, принялся молить о пощаде. Эсон огляделся — битва почти завершилась. Кое-где еще кружили схватившиеся воины — внутри и снаружи огромного полумесяца высоких камней, располагавшихся внутри дана. Но последние воины Дан Уала

поняли, что побеждены, и побросали топоры. Битва закончилась.

— Отведи меня к Темному Человеку, — обратился Эсон к воину, распростершемуся перед ним на земле, ткнув его кончиком окровавленного меча. Поднявшись на ноги, воин поглядел на него круглыми и белыми, словно собственные волосы, глазами и направился ко входу в дан. Эсон держался у него за спиной, пока они продирались сквозь толпу ликующих йерниев. Те отпиливали кинжалами головы поверженных соперников. Со всех сторон доносились стенания женщин Дан Уала. Один из воинов-неудачников, так и не сразивший в бою противника, возмещал неудачу, взгромоздившись на одну из женщин — прямо между ранеными и убитыми. Вокруг стояли детишки, засунув пальцы в рот, и наблюдали.

Здесь была такая же черная дверь, как виденная Эсоном раньше, и тот же странный запах, — и хозяина снова не оказалось в комнате.

— Он должен быть тут! — заорал Эсон и, ударив краем щита в лицо, сбил воина на землю. Тот взвыл и постарался откатиться подальше, торопливо бормоча:

— Он был здесь, я знаю. Вас заметили, нас предупредили, — мы взяли за топоры. Может быть, он тогда и убежал... не бей меня больше — я не знаю, где он.

Гнев начинал отступать, и Эсон обретал понемногу способность думать. Темный Человек не мог уйти далеко: предупредили обитателей Дан Уала не так давно. Его нужно преследовать. Но куда он мог направиться? В следующий дан, к северу отсюда, в Дан Финмог? Где еще Темный Человек может найти убежище? Его нужно догнать. И Эсон пинком поднял воина на ноги.

— Вставай, води меня в Дан Финмог. Кратчайшим путем.

На открытой равнине негде укрыться, и Эсон побежал, острием меча заставляя раненого йерния бежать перед собой. Они поднялись на небольшой пригорок и увидели, как вдали ровным шагом от них уходили три темные фигуры. Эсон издал победный вопль... и рванулся вперед, оставив йерния позади. Он бежал, как еще никогда не бегал, забыв об утомлении и о тяжелой броне — так раззадорил микенца вид беглецов. Один из них — Темный Человек.

Оказавшись ближе, Эсон заметил, что двое из бегущих — женщины, юбки неуклюже хлопали их по но-

гам, спины отягощали мешки. Одна из них оглянулась и завизжала. Обе остановились на миг и с криками, побросав мешки, пустились бежать в противоположные стороны. Мужчина метнулся за одной, остановился, бросился к оставшимся на земле мешкам... и остался возле них. Он низко поклонился подбежавшему Эсону, потом выпрямился и, сложив ладони перед грудью, проговорил тонким шепелявым голосом:

— Приветствую тебя, о благородный Эсон, сын царя Перимеда, будущий царь Микенский. Приветствую тебя, Эсон.

Он был немолод и жирен, этот человек с оливковой кожей. Черная борода, в которой пробивалась седина, была завитая и напояжена, как и длинные волосы, подстриженные над плечами. На нем была цветастая расшитая шапка без полей, плотно прилежавшая к голове. Темно-синее одеяние, расшитое черной нитью, доходило ему до лодыжек. С подола его свисали кисти, ими же была украшена накидка, наброшенная на плечи. С пояса свисал богато украшенный меч с самоцветами на рукояти. Когда человек потянулся к мечу, Эсон поднял свой. Но Темный Человек, вынув оружие из ножен, бросил его на землю перед Эсоном.

— Кто ты? И откуда знаешь меня? — спросил Эсон.

— Кто не знает Эсона, вершителя великих дел? Я — Сетсус, тот, кто поможет тебе.

— Ты — тот Темный Человек, что поднимал йерниев против меня. Пришло время твоей смерти. — Замахнувшись мечом, Эсон шагнул вперед. Сетсус отступил, глаза его расширились от страха, кожа побледнела.

— Нет, Эсон, нет, витязь из Аргolidы, выслушай меня сперва. Я многое знаю и многое открою тебе. Вот золото, вот сокровища — они будут твоими. — Он упал на колени возле ближайшего мешка, раскрыл его трясущимися пальцами и протянул Эсону горсть золота. — Все это будет твоим, я могу быть тебе полезным.

— Откуда ты? И что делаешь здесь со своим золотом?

Сетсус чуть успокоился — смерть на какой-то миг отодвинулась от него. Он поднялся, не выпуская из рук золотых топоров и дисков.

— Я простой торговец, покупаю и продаю и тем зарабатываю себе на хлеб. Я из города Троя, он далек, настолько далек отсюда, что мне страшно думать об этом, тем более что я перестал быть там желанным

гостем. Есть вещи, которые не должны беспокоить могучего воина: политика, скажем, или борьба за власть. Теперь здесь будут править другие, йернии не будут видеть в Сетсусе друга: он должен возвратиться домой на край света, чтобы спасти свою шкуру. Я бывал в далеких краях, странствовал по многим рекам, торговал в поселках и городах. И я пришел в эти края, в Дан Уала, где пересекаются торговые пути. С востока и юга приносят сюда янтарь, бронзу и драгоценности. Здесь оканчивается тропа, по которой альбии несут свое красное золото с зеленого острова. Здесь я и оставался, а мое скромное умение купить и продать помогало мне выжить.

— Ты лжешь, шмат грязного сала из зловонной Трои. Я знаю людей вашего города — языки их подобны змеиным. Правда не знакома вашим устам, ложь каплет с ваших намалеванных губ, словно дождь из облаков. Погляди-ка — или ты считаешь меня дураком? — Протянув руку, он вырвал небольшой топорик из рук троянца. — Двусторонний топор Атлантиды. Ты здесь служишь атлантам?

— Я торгую с Атлантидой, конечно; выгода есть выгода...

— Новая ложь. Ты здесь ищешь золото — сам же сказал об этом. А зачем тогда привез золото с собой? — Сетсус на мгновение потерял дар речи, Эсон сухо улыбнулся, понимая, что угодил в точку. — Пока я не пришел — ты был в Дан Дер Дак. Ты не торговал, ты следил за копьём. Зачем тебе понадобилось мое олово? Что ты с ним сделал? — Вместе с воспоминанием о набеге проснулся гнев, и Эсон ткнул мечом в щеку троянца. Вниз поползла струйка крови.

— Ты все время следил за копьём, а когда я ушел, ты велел гераманим взять мое олово. Разве не так? — он сильнее нажал на меч, тот рассек щеку троянца и заскрежетал по его зубам.

— Да! Великий Ваал, спаси меня, я скажу правду, истинную правду! Я знаю, я — дурной человек, только не убивай меня, милостивый Эсон. Я продал весть об олове гераманим, и они пришли за ним, потому что знают ему цену, знают, что из него делают. Да, я брал подарки от Атлантиды, бедный человек не может отказаться от того, что ему предлагают. Атланты не хотят, чтобы в твоей копи добывалось олово на благо Микен.

Но разве можно их в этом винить? Это же политика. Да, я ошибся, мне не следовало помогать им. Я все понял, могучий Эсон. Но я теперь буду другим. Я достаточно умен, чтобы склониться перед тобою, Эсон. Я помогу тебе, я очень полезный, я знаю так много.

— Нет, — холодно бросил Эсон, высоко занося меч. — Быстро же ты забыл о моих убитых родичах. Ты науськал на них йерниев. Умри же, троянец.

Завизжав, словно женщина, Сетсус повалился на спину, стараясь прикрыться рукой. Меч ударил прямо по запястью — и кисть, еще не выронившая золото, повисла на ленточке плоти. С ужасом троянец глядел на нее, заливаясь отчаянным воем, но повторный удар меча перерубил ему шею.

6

К тому времени, когда тело Сетсуса доставили к дану, стало темно. Чтобы труп можно было тащить, к лодыжкам привязали веревки, но и после смерти Темный Человек внушал страх йерниям, так что они все быстрее тащили его по меловой равнине. Труп бросили неподалеку от костра совета, но рядом с ним никто не хотел находиться.

Грабеж шел полным ходом. Никогда прежде столько сокровищ не собиралось в одном дане. Победители уже начинали ссориться из-за золота; иные даже исчезали в ночи с награбленным добром. Эсон положил этому конец. Его панцирные воины-микенцы согнали внутрь дана всех йерниев, победителей и побежденных. Здесь, не слушая недовольных, Эсон приказал собрать добычу. Победители сохраняли отрубленные головы и украшения, которые сняли с убитых. Все прочее складывалось перед Эсоном. Скрестив ноги, он восседал перед костром на черной медвежьей шкуре и попивал эль, заедая холодной жирной бараниной. Утомленный событиями дня Интеб находился возле него. Зодчий не верил своим глазам, поглядывая на груды янтарных дисков, чаш для питья, золотых оплечий, браслетов, гривен, крученой проволоки, блях, заколок, медных кинжалов, частей бронзовых доспехов, бусин и фигурок.

— Здесь обрабатывают и золото, и медь, — сообщил он Эсону. — Я видел мастерскую в том круглом доме у задней стены, — Интеб показал в разрыв круга высоких столбов из голубого камня. — Там есть кузница, инструменты — все почти как в Египте, правда, без того размаха и изобилия. Они умеют обрабатывать и камень. Видишь — один из стоячих камней еще не обтесан до конца.

Эсон жевал мясо. Хороший день. Темный Человек мертв, вражеское войско разбито. Убит и Уала — его сразил в поединке Ар Апа, теперь повсюду расхаживавший с отрезанной головой и громко хваставший ею перед каждым встречным. Уала был стар, особой доблести, чтобы его победить, не требовалось. В дане не стало быка-вождя, и уцелевшие воины уже начинали ссориться из-за этого места. Пусть препираются. Теперь по праву сам он, Эсон, может назвать себя предводителем йерниев — всех до единого. Они шли за ним — а те, кто был против него, погибли. Он добыл себе мир.

Интеб подошел к ближайшему камню, ярко освещенному огнем костра, и провел рукой по его поверхности. Она была обработана, неровности сглажены: неплохо, если учесть величину камня. Он высоко вздымался над головой египтянина и был надежно укреплен в земле — зодчий пригляделся — ну, по крайней мере, достаточно надежно. Верхний скрученный конец был вымазан красным, впрочем, густая обмазка местами раскрошилась и отскочила за время дождей. Два ряда камней образовывали разомкнутые круги. Годы труда. И камень-то не из местных. Взглядом зодчего Интеб успел подметить на равнине огромные камни. Серовато-белые, совсем иные, чем здесь. Интеб обошел вокруг вздымавшегося в небо монолита и едва не споткнулся о воина, сидевшего спиной к камню.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил Интеб.

— Мой это камень, мой собственный, — пробормотал воин.

— Подойди-ка сюда, чтобы я мог тебя видеть.

Подволакивая ногу, йерний переполз поближе и сразу же привалился к камню. Это был один из побежденных воинов Уалы. Усы его были разбиты, лицо осунулось. Он получил удар по ноге, кожа почернела от запекшейся крови. Интеб полюбопытствовал:

— А что это значит — твой камень?

— Мой! — отвечал йерний и с возвратившимся отчасти присутствием духа приступил к обязательной похвальбе. — Я — Фан Фална, тот, кто убивает, тот, кого нельзя убить, тот, кто ел медведя, оленя, вепря и лошадь — и сразил их своею рукой. Это мой камень. Камень воина. Он стал моим, когда я отрезал первую голову врага. И я положил голову на этот камень, повесил на него мои драгоценности и раскрасил его. Женщины трепещут перед ним, они боятся взглянуть на него — он такой же большой, красный и твердый, как у меня, — указав на чресла, он устало вздохнул и опустился на землю. — Я — Фан Фална, — пробормотал он с унынием, вспомнив о поражении.

— А у всех ли воинов есть такой камень?

Йерний не ответил. Интебу пришлось, схватив за волосы, стукнуть его головой о камень.

— Только у лучших из лучших, — воин вздохнул. — Уала был моим родичем, я видел, как он погиб. Скоро похороны, но голова его теперь будет глядеть со стен чужого дана.

Интеб вернулся к Эсону и сел возле него. Тот сидел, уставясь в огонь. После выпитого перебродившего молока глаза его налились кровью.

— Мы пробудем здесь до весны, когда корабль можно будет загрузить оловом, — сказал Эсон. Интеб поднял брови, но промолчал. — Халкеи работают, я там не нужен.

— Конечно, ты нужен здесь, — отвечал Интеб, положив руку на бедро Эсона, на теплую твердую плоть. Найкери далеко, она не придет. — Ты прирожденный воин, подобных тебе еще не знали на этом острове. Ты захватил здесь сокровища вождя. За тобой пойдут три тевты. Со своими йерниями ты сможешь добиться чего угодно, теперь они не будут тебе помехой — напротив, они будут лишь превозносить тебя. Оставайся здесь, удерживай их от бесчинств. Темный Человек мертв. Но эти дикари — просто большие глупые дети и могут многое натворить. Оставайся.

Снаружи, от костра поменьше, послышались стоны и крики, перед огнем замелькали фигуры.

— Что там? — спросил Эсон.

— Это друид Немеда. Он взывает к Матери-Земле, — проговорил Ар Апа. — Просит забрать мертвых, кото-

рые теперь принадлежат ей. Мертвые отправляются в путь, и Владычица Курганов ведет их в Мой Мелл.

— Приведите сюда друида, — приказал Эсон.

Воины-йернии отступили и повернулись лицами в темноту, словно бы не слышали его. Микенцы дружно расхохотались, и двое из них отправились за стариком. Немец не сопротивлялся, — это было бесполезно, — но с ненавистью глядел на ухватившие его руки. Он был седоволос, длинное белое одеяние оттопыривалось круглым брюшком. Волосы удерживало толстое золотое кольцо — не чета кожаным ремешкам, которые носили на головах другие друиды, — но никто из йерниев не посмел покуситься на такое сокровище. Стоя перед Эсоном, он глядел поверх головы микенца — во тьму.

— Я знаю тебя, — вдруг заговорил Немец. Поблизости все умолкло. — Ты приплыл издалека по морю, муж с длинным бронзовым ножом. Ты убил Темного Человека, это хорошо. И поэтому я не проклинаяю тебя за все, что ты сделал здесь...

— Ты никогда не проклянешь меня, — негромким голосом произнес Эсон, опуская руку на рукоять меча. — Ты будешь повиноваться мне... Я ведь не из ваших клякстых вояк и выпущу тебе кишки при первой же пакости.

Друид молчал, что само по себе говорило о многом.

— Ваш бык-вождь погиб. Это место теперь зовется не Дан Уала, а Дан Мертвеца, — обступившие воины разразились хохотом при грубой шутке. Выражение лица друида не изменилось, он глядел куда-то вдаль.

— Будет новый бык-вождь, — ответил он наконец. — Он будет из рода Уалы — из них мы выберем вождя, таков у нас обычай.

— Таков у вас был обычай. Но так больше не будет. Это я, Эсон Микенский, назначу нового быка-вождя. Я имею право на это. Иди и вой дальше.

Друид разгневался. Выпрямившись, он поджал одну ногу.

— Одна нога! — закричал он, и молчание охватило дан. Сейчас раздастся пророчество, проклятие, предсказание...

— Одна рука! — продолжал он.

— Один глаз...

— Ты будешь говорить — но только после меня! — вскочив на ноги, вскричал Эсон и выхватил меч. Ору-

жие остановилось, когда между ним и животом друида нельзя было бы просунуть и древесного листка.

— Хорошенько подумай, прежде чем говорить. Ты не проклянешь меня. Этот меч сегодня губил воинов, он охотно заберет и одного друида. Ты не сможешь остановить его. Не забудь об этом, друид, когда будешь открывать рот.

Наступило продолжительное молчание, друид все стоял на одной ноге. Наконец он вымолвил.

— В этой тевте состоялся конец. А теперь начнется начало. Но и у этого начала будет свой конец.

Улыбнувшись, Эсон опустил меч.

— Правильно сказал, седовласый. В меру — не слишком много. Все кончается — так и должно быть. А теперь иди.

Друид ушел не оглядываясь, а Эсон с холодной улыбкой опустил на шкуры.

— Мужа пьянеют, — проговорил Интеб. — И вливают семя в женщин, куда ни глянь. Ночь будет тревожной, если не принять мер.

— Ты мудр, мой египтянин, ты необходим мне.

— Я рад этому, Эсон, — ответил зодчий.

Ночью было не до сна. Еще не остывшие после победы воины пили, ели и хвастали, прославляли собственные подвиги. Побитые телом и приунывшие духом йернии по одному тянулись в свои комнаты, раненых обихаживали сестры и матери. Эсон сидел с быками-вождями двух победивших тевт, но они были готовы лишь пить, бахвалиться и разговаривать о пустяках, пока все еще не будет совершено должным образом. Одно дело — поспешный набег на Дан Уала. Теперь настала пора обсудить более важные вещи, но для этого нужно кое-что сделать. Когда стало светать, послали за главным друидом. Немед, в свою очередь, послал за работавшими в лесу дровосеками. Они убрали мусор из дыр, в которые ставился хендж быка-вождя, и к утру опоры уже стояли. Вождь-бык дана всегда восседал на этом месте, здесь лицо его освещали первые лучи солнца нового дня, а на закате всем приходилось щуриться и прикрывать глаза, обращаясь к нему. Раз в дане находились быки-вожди еще двух тевт, им тоже полагались хенджи — только поменьше, по бокам от главного хенджа, более почетное место — справа. Для них вырыли ямы, достали из кладовой ошкуренные

бревна. Их густо покрывал налипший навоз, но белая краска скроет оставленные им следы.

Интеб ночью спал, пока остальные пили, и теперь бодрствовал вместе с парой мутноглазых микенцев, назначенных в утренний караул. Египтянин с большим интересом следил за возведением хенджей. Все сооружения, которые он видел на Острове Йерниев, были чрезвычайно примитивными — в Египте они сгодились бы разве что для курятника. Взять хоть сами даны — ничего сложного. Деревянный каркас поддерживался прочными бревнами, вертикально врытыми в землю по кругу. Поперечины опирались на насыпь, расстояние между ними определяло ширину одной комнаты. Не слишком-то прочное сооружение скреплял деревянный пол второго этажа. Стены между опорами делали из плетеных жгутов, место они занимали, но прочности сооружению не добавляли. Так был построен и Дан Уала, только он был побольше других. Как и в прочих данах, бык-вождь обитал на втором этаже над широким входом. Нависающая крыша позволяла укрыться от непогоды и защищала от дождя. Внутри дана располагалось два круглых сооружения. В них обитали мастеровые: кожемяки, кузнецы и плотники.

В отличие от прочих тевт, здесь умели обрабатывать и камень. Конечно, работа была несложная — обтесанные камни устанавливались в выдолбленные в твердом мелу гнезда — но и это было уже существенно. А вот что здесь действительно умели — это обрабатывать дерево. Интеб с интересом следил, как йернии обтесывали столбы для хенджей.

Каменными молотками и клиньями они сперва скалывали одну сторону бревна. Когда поверхность его становилась ровной, ее еще сглаживали бронзовыми долотами. Другие мастеровые тем временем обрабатывали концы стояков. Самую точную часть работы делал один старик с узловатыми ладонями. Быстрыми точными ударами короткого топора он обрабатывал торцы бревен, оставляя на них выступы величиной с кулак. Сделав это, он распорядился, чтобы к нему перекатили бревно, предназначенное для поперечины. Тщательно все промерив, с помощью молотка и обломка бронзового кинжала вместо стамески он вырубил гнездо, отвечавшее выступу.

Под надзором друида Немеда поставили опоры первого хенджа. С шумной перебранкой их укрепили, забив куски мела между столбом и краями ямы. Установка поперечин оказалась более сложным делом. Пришлось составить из бревен козлы, с которых и устанавливали обычно перекладину. Бревно закатили на козлы, плотники полезли наверх. По команде Немеда они взяли бревно, приподняли повыше и насадили на шипы. Раздались победные крики, а строители принялись горделиво выхаживать возле хенджа, ощущая себя героями.

Пока шло возведение хенджей, начали сходиться воины-йернии. Когда в деревянных корытах принесли воду и мел, воины оттолкнули строителей и взялись за пучки травы. Немеда указал каждой тевте свой хендж. Воины тут же взялись белить столбы, отбирая друг у друга пучки травы, не забывая при этом намазывать белой смесью усы и волосы на голове.

После полудня началась сходка, и Эсон начал с того, что напомнил всем, кто выиграл битву. С церемонными жестами он подвел Ар Апу к правому хенджу, а потом собственными руками подвесил на поперечину его щит. Аналогичным образом он отвел налево Мовега. И теперь все обратились к центральному хенджу, к пустующей арке, возле которой прежде сидел Уала. Во всеобщем молчании Эсон направился к ней, на ходу извлекая из ножен меч. Потом неторопливо оглядел всех собравшихся: воинов-йерниев, микенцев, друидов, мастеровых из дана. И могучим резким движением вбил меч в опору хенджа. Меч глубоко вонзился в дерево и задрожал.

— Мой, — объявил Эсон и уселся перед хенджем.

Никто не попытался поднять голос, оспорить право Эсона сидеть у хенджа, право говорить за всех воинов тевты. Он победил, и до выборов нового быка-вождя все будет свершаться по его слову.

Быки-вожди начали раскладывать трофеи — воины отвечали громкими воплями одобрения. На поперечинах повисли отрубленные головы, разные украшения. Прежде чем сесть, оба вождя повесили на свои хенджи по топору на волосяной перевязи. Топоры были остры, кинжалы блестели, драгоценности ослепляли.

Сокровище Эсона было самым богатым: с хенджа свисал его собственный панцирь, рядом блестел его щит, лучился острый меч. Золотой поток тек на землю

с белой поперечины. Но выше всего — там, где ее видел всякий, — висела голова Темного Человека, взлохмаченные волосы трепал ветер.

Обряды совершались много дней, едва прерываясь на ночь: всегда находился очередной знатный воин, желавший похвастать собственной удалей. Настал и черед йерниев побежденного дана, позор поражения уходил в прошлое, они снова были воинами. Они уже хвастали и собственными подвигами в недавней битве, и прежние их враги не находили в этом ничего странного.

Потом начались споры из-за добычи. Каждая из тевт считала, что билась лучше и вправе рассчитывать на большую долю. Когда воины начали гневаться и посылались оскорбления, Эсон ограничился тем, что указал на двоих микенцев, сидевших возле него в полной броне, напоминая, кто именно принес победу. Добычу делили неторопливо, все споры так или иначе разрешались, право владеть одной особо красивой гривной из витого золота было определено в кровавом поединке. Эсону вспомнились погребальные игры в Микенах: там подобные споры улаживались в состязании на колесницах: пришедший первым получал собственность убитого воина из рук местного царька. Таким способом его отец объединял Арголиду, заменив бескровными поединками войны между городами, обратив мечи арголидцев против одной лишь Атлантиды.

Здесь можно было бы попытаться заменить скачки состязаниями в беге. Впрочем, Эсон не был уверен в успехе: ни один бык-вождь не имел права так распоряжаться трофеями и не смог бы настоять на своем.

Никто уже не помнил, сколько дней и ночей миновало, когда случилось непредвиденное и нежеланное. Началось с того, что работавшие возле ворот дети и женщины с криками бросились врассыпную. Поднятый ими шум встревожил воинов, сидевших снаружи крута; поворачивая головы, они начали окликать бегущих, спрашивать, что случилось.

Тут смятение добралось и до центра церемониального крута, где Ар Апа как раз требовал возвращения тридцати двух коров, украденных из его дана. Раздосадованный помехой, он заскрежетал зубами и топнул о землю. Хлынувшую наружу толпу остановили воины, расчищавшие дорогу двоим неуверенно продвигавшимся вперед путникам.

Первой шла Найкери в грязной и разодранной ветвями одежде. В руке ее был ремень. За другой конец его держался ковылявший следом за ней мужчина. Он мог держаться только одной рукой, вторая была отсечена — и недавно: на обрубке запеклась кровь, покрывавшая грубую повязку. Он был слеп — пузыри на щеках и лбу свидетельствовали, что глаза его выжгли. Ноги его были босы, от одежды остались жалкие лохмотья; Эсон не сразу узнал его и, вскочив наконец с места, выкрикнул имя:

— Атрокл!

Остановившись, микенец обратил на звук незрячее лицо.

— Атланты пришли, — хриплым голосом проговорил он и качнулся, едва не упав.

7

Слепого микенца отвели в помещение Эсона над входом в дан, прежде принадлежавшее быку-вождю Уале. Эсон велел Атроклу молчать, пока они не оказались за закрытой дверью, перед которой он выставил своих воинов. Атрокл лежал недвижно, кожа его побледнела, грудь вздымалась так, словно каждый вздох мог оказаться последним. Найкери попыталась заговорить, но, подняв руку, Эсон остановил ее. Став на колени возле Атрокла, он приподнял его голову, поднес чашу к губам. Атрокл с жадностью отпил, и Эсон опустил его на мягкие шкуры постели.

— Я умираю, родич, — спокойно сказал Атрокл.

— Все мы умрем. Но сперва назови тех, кто сделал это.

— Для этого я и пришел сюда. В этом мире нет места для воина из Микен, лишившегося правой руки и глаз. Когда я скажу тебе все, что знаю, ты покончишь со мной. — Это не был вопрос, и Эсон отвечал с тем же спокойствием:

— Я сделаю, как ты просишь. Что случилось с родителями, оставшимися на копии?

— Убиты или в плену. Добрая была битва. Все случилось через несколько дней после твоего ухода... нас предупредили альбии, лесные жители. Пришли два ко-

рабля с воинами, они уже были близко. Я послал гонца, чтобы известить тебя, но было поздно, и его сразили на моих глазах. Мы взяли оружие и выстроились. Враги подошли на копейный бросок, и мы увидели, что их действительно два корабля: на каждого нашего приходилось трое или четверо. Я приказал воинам с доблестью умереть, забрав с собою в могилу побольше атлантов. Все вскричали, что так и будет, гулко ударили мечами в щиты и преградили дорогу врагу. Мы славно бились, даже халкеи — но все погибли — кроме единственного халкея, оставшегося возле печей. Атланты убивали на выбор, по слову; так много их было, что они могли выбирать: убивать нас или щадить. У них было много копий, и этот ливень они обрушили на нас. Потом мы сошлись в круг и стали, прикрывшись щитами: многие из атлантов пали тогда от наших мечей. Они не дали мне умереть: сбили копьями и затолкали щитами. Я упал, меня обхватили. Я сопротивлялся. Но руки мои завели за спину, под локти заложили копье и связали. Так меня отвели к атланту, что сидел поодаль в доспехах, но не вступал в битву. Его звали Темис.

— Но Темис, царевич атлантов и сын Атласа, мертв, — проговорил Эсон, поглядев на ладони. — Я сразил его вот этими руками.

— Нет. Он жив. Он назвал твое имя и сказал, что некогда ты победил его подлым ударом. Когда Темис заговорил об этом, лицо его побагровело, он стал заговариваться, на губах выступила пена. Он снял шлем и показал мне голову, на ней теперь нет волос, их обрили... а под льняной повязкой была золотая пластина. Он произнес тогда много слов, которых я не знаю. Но Темис жив — в этом я могу тебя заверить.

— А рана на его голове была в этом месте? — спросил Эсон, кончиками пальцев прикоснувшись к голове Атрокла.

— Тут.

— Значит, Темис жив. Но это был смертельный удар.

— Он много кричал об этом — о боли, о том, что не может теперь драться на кулаках и биться, что привлекает при ходьбе ногу, что теперь он — старик и что таким его сделал ты. Еще он говорил о лекарях Атлантиды, которые высверлили поломанную кость и удалили ее, но всех слов я тогда не понял.

— Эх, жаль — сильнее не ударил! Но и такого удара хватило бы, чтобы насмерть уложить всякого обычного человека.

— Не сомневаюсь, только сделанного не вернешь. Едва ли Темису нужно было захваченное им олово, по-моему, он не станет разрабатывать копь. Просто под руку подвернулось. Он явился сюда за тобой...

— Он будет мой, — тихо проговорил Эсон, взяв Атрокла за руку.

— ...и больше ничего ему здесь не нужно. Как сын царя Атласа, он командует обоими кораблями и, чтобы разыскать тебя, провел их через весенние бури. Я был связан, и он мучил меня, — делал все, что мог, чтобы я заговорил. А ведь я тоже благородный, как он сам, и не лгал. Он не поверил мне и стал грозить, что отсечет мне правую руку, если я не скажу правду. Я вновь повторил те же слова, и тогда один из его людей сделал это огромным топором, а потом перетянул рану, чтобы я не истек кровью. Но Темис снова сказал, что я лгу, и я перестал говорить. Тогда он подошел поближе, и, собрав слюну пополам с кровью, я харкнул прямо ему в лицо. Тогда он сделал вот это с моими глазами, а потом велел девушке отвести меня к тебе, чтобы и ты узнал: он пришел сюда ради твоей смерти. Только я надеюсь, что это ты убьешь его.

— Да будет так! — с этой клятвой Эсон нагнулся и поцеловал кровавые пузыри на месте глаз родича.

— Все, что следовало сказать, — сказано, — спустив ноги с ложа, Атрокл, шатаясь, поднялся. — А теперь где твой меч, добрый Эсон? Ты расскажешь в Микенах, что я умер с честью?

— Никто не умирал столь доблестно.

Достав меч из ножен, Эсон выставил его перед собой и, взяв слепца за руку, положил его ладонь на острие. Тот задрал кверху голову, оскалив зубы, выкрикнул: «За Микены!» — и упал на клинок. Он умер прежде, чем Эсон опустил тело на землю. Выйдя из комнаты, Эсон велел двоим микенцам забрать тело Атрокла и приготовить его к погребению. А потом с края насыпи поглядел через равнину — на кроваво-красный диск солнца посреди сгущающихся облаков. Громко перекликаясь, мимо пролетели два черных ворона и опустились в ров — рыться в отбросах. Знамение — но как его истолковать? Отвернувшись, он за-

метил, что Найкери дожидается его, прислонясь к стене спиной. Поймав взгляд Эсона, она поднялась и прижала ладонями одежду, чтобы Эсон мог увидеть ее округлившийся живот.

— Атланты воевали только с твоими воинами. Им нужны рабы, они сказали, что поэтому оставляют нам жизнь. Но если бы они знали, что я ношу твоего ребенка, то убили бы и меня.

Эсон направился в сторону и остановился, лишь когда она с воплем бросилась за ним и схватила за руку.

— Я знаю, что тебе этот ребенок не дорог, но мне он нужен, помни это!

Он замахнулся, чтобы ударить ее, но она выпустила руку, и кулак его остановился.

— Слушай же, — проговорила она, — слушай же, что я тебе скажу. Пусть я женщина и ничего не значу для тебя, тем более что я не микенка... Но я могу быть полезной тебе. Я рожу тебе сына, он будет таким же великим воином, как ты. Атрокл не все знал об этих атлантах, он не все мог тебе сказать.

— Он умер.

— И живой он не мог этого сделать. С атлантами пришел человек, которого я уже встречала. Он вел их по тропе от берега и всю битву простоял за спиной Темиса. Он уже приходил этим путем, но не с атлантами... с германиями. Он был среди тех, кто похитил олово.

Развернувшись, Эсон ухватил ее за подбородок.

— Знаешь ли ты, что говоришь? — вскричал он.

Найкери улыбнулась в ответ, улыбка ее превратилась в гримасу под пальцами Эсона.

— Конечно, знаю. Мы наслышаны о том, что Темис явился сюда, на край света, чтобы убить тебя. Он слишком громко кричал об этом. И германий привел его сюда, он знал, где искать тебя, где искать олово.

— Темный Человек. Сетсус! Я убил его слишком быстро. Есть и более долгие способы умереть. Даже мертвый, он все вредит мне. Он забрал не только олово, но и жизни всех тех, кто явился сюда добывать этот металл. Олово отправилось в Атлантиду, а вместе с ним и весть обо мне.

— Я с тобой, — проговорила Найкери, обнимая его за плечи.

— Темис должен умереть. Мы вернем копь, — Эсон и не замечал, что она рядом.

— Я помогу. Альбии будут следить за ними. Скажут тебе, когда атланты ослабеют или разделятся.

— У меня есть микенцы и воины трех тевт.

— У тебя есть я.

— Мы должны напасть на атлантов. Прямо сейчас.

— Я всегда буду с тобой.

Не обращая на Найкери внимания, Эсон оттолкнул ее в сторону и заспешил прочь. Отлетев спиной к плетеной стене дана, Найкери провожала его взглядом. Будет ли конец этому смертоубийству? Или оно закончится, когда на всей земле не останется ни одного мужчины?

Вороны с громкими криками взлетели, и она закрыла глаза, чтобы не видеть птиц.

8

Летнее солнце припекало; ветер, дувший над равниной, жег, словно раскаленное дыхание плавильной печи. Ночью становилось прохладнее, но не намного — лишь в недолгие предутренние часы становилось полегче. А потом свет озарял восток, звезды меркли, и огромное раскаленное солнце, подрагивая в потоках жаркого воздуха, медленно восходило над горизонтом. Дождя не было уже тридцать дней. Трава выгорела до желтизны, ручьи пересохли. Дважды в день скот водили на водопой к узкому ручью, оставшемуся от Эвона. Коровы разбивали берега, месили ил, и наконец река превратилась в грязную лужу, посреди которой узкой полоской текла вода.

Женщины, ходившие за водой для дана, вынуждены были подниматься далеко вверх по течению. Только там вода еще оставалась чистой. Вот и сейчас они возвращались, изнемогая под весом кувшинов, которые носили на головах. Их недовольные высокие голоса доносились до Интеба, лежавшего в тени на гребне. Внутри дана царило молчание. Животные невозмутимо жевали жвачку, присмирели даже дети. Из-за жары медники не зажигали печей, и потому тоже лежали в тени, пожевывая травинки, переговариваясь низкими голосами.

Один из камнерезов натянул шкуры на деревянную раму и сидел теперь под навесом, ровняя поверхность столпа из голубого камня. Высоко замахиваясь каменным молотом, он отбивал от камня мелкую крошку. Чуть переждав, наносил новый удар. Нечастые мерные удары, да еще ровное гудение мух только и нарушали тишину. Зевнув, Интеб прогнал насекомых с лица. Он уже жалел, что не пошел на копь вместе с Эсоном. Но Эсон решил, что он должен быть здесь, должен хранить дан до его возвращения, и Интеб не стал возражать. Все-таки он не воин, он всегда это признавал. Не то чтобы здесь нужно было что-то делать. Воины ушли далеко, и жизнь в дане текла размеренной чередой. Один день не отличался от другого. Скрипнула дверь. Приподняв голову, Интеб увидел Найкери, выходящую из комнат Эсона над входом — прежде принадлежавших Уале. Найкери жила там, и никто не видел в этом оснований для возмущения. Она подошла ближе; Интеб отвернулся, изображая интерес к стаду, которое как раз гнали внизу. Услышав, что она присела рядом, зодчий закрыл глаза.

— Надо поговорить, — сказала она.

Интеб не ответил.

— Ты ненавидишь меня, я это знаю, но поговорить надо.

Интеб с удивлением обернулся к ней. Невысокая темноволосая женщина, более чистоплотная, чем йернии, во всяком случае не лишена была известной привлекательности в своей бурой одежде и золотых украшениях. Впрочем, живот ее уже заметно увеличился, а груди налились.

— Зачем мне ненавидеть тебя, альбийка? Ты мне безразлична.

— Но ты любишь Эсона. Я видела, как ты целуешь его и прикасаешься к нему.

— Я люблю его, это не тайна. Но твой язык лишь пачкает все. Не будем об этом говорить.

Как женщина, она знала толк в запретных темах.

— Ты ненавидишь меня, потому что я люблю его так, как ты не можешь любить. Я ношу его сына.

Улыбнувшись, Интеб прихлопнул муху.

— Для дикарки родом с края света неплохо, но твои слова не более интересны, чем если бы кошка заговорила. Слушай себя сама — а к мужчинам не приставай.

Женщины ревнуют мужчин. Так и должно быть, потому что им самим не добиться любви от воина. Родить ребенка, в крови, выкормить его — это вы можете, для этого и предназначены. Такое в порядке вещей.

— Но не в этой земле, чужестранец, — прошипела она. — Быть может, так живут в тех странных краях, откуда ты родом. Для моего народа личность есть личность, мужчина ты или женщина, а женщины моей крови среди альбинов выше прочих. Мои люди умолкают, когда я говорю. Я приказываю — они повинуются. И мы сейчас в этой земле, а не на берегах твоего Нила, о котором ты тут всем рассказываешь... И Эсон тоже здесь, и ему нужна помощь. И вдвоем мы поможем ему больше, чем поодиночке, ненавидя друг друга. Мы могли бы...

— Ничего мы не могли бы. Я говорю тебе это и закрываю глаза. Когда я открою их, тебя не должно быть рядом со мной. Ты — самка: твое дело рожать щенков и выкармливать их молоком. Тебе подобает ходить на четвереньках вместе с коровами, а не говорить с мужчинами, пытаясь убедить их в том, что ты умеешь говорить.

И он действительно закрыл глаза на последнем слове — впрочем, один только прищурил — на случай, если она ударит его. Интебу уже приходилось иметь дело с женщинами. Найкери недолго посидела с ним рядом, а потом неторопливо поднялась и ушла. Интеб улыбнулся и, наверное, не открывал бы глаз, если бы внизу пастухи вдруг не разразились криками. Они подпрыгивали, пытаясь вскарабкаться на спины своих подопечных, чтобы лучше видеть, и показывали на горизонт. Со своего более высокого места на валу Интеб легко мог видеть далекое облачко пыли и темные точки, движущиеся по направлению к дану. Люди.

— Форус, — закричал он, постучав в соседнюю дверь. Изнутри донеслось недовольное ворчание. — Надевай панцирь. Сюда идут воины.

Он нащупал свой собственный доспех, торопливо надел его. За тонкой стеной раздавалось тяжелое дыхание и брань микенца. Топор йерния раздробил ему коленную чашечку, и теперь воин мучился от боли. Он да Интеб — вот и все войско до возвращения Эсона.

В панцирях и при оружии они ожидали наверху вала. Чтоб облегчить боль, Форус привалился к стене.

Вдали огоньком сверкнул бронзовый доспех. Интеб почувствовал, как заколотилось сердце. Неужели — атланты? Неужели войско Эсона разбито? И все они погибли? А теперь атланты пришли, чтобы добить оставшихся врагов. Дневная жара рождала в его голове кошмары, заставляла трепетать воздух, скрывая лица идущих. Прикрыв глаза, Форус удовлетворенно буркнул:

— Микенцы, — и опустился на землю, вытянув вперед ногу.

Убедившись в этом, и сам Интеб снял тяжелый доспех и отправился навстречу воинам.

Пришли только одни микенцы — возвратились немногие. Лица осунулись от усталости, из-за жары все шли без шлемов. Первым, как и положено, шагал Эсон, замыкал шествие Эйас, поддерживавший одного из раненых.

— Воины йерниев пришли? — коротко спросил Эсон, заметив Интеба.

— Вы первые.

Эсон кивнул и, не говоря ни слова, отправился дальше — прямо в собственные комнаты, где Найкери встречала его у двери. Ощувив острый укол ненависти, Интеб повернулся к Эйасу:

— Раненому помогут другие. Пойдем — я напою тебя новым перебродившим молоком.

— Клянусь великим рогатым быком, я не слышал еще речи приятнее, — надтреснутым голосом отозвался кулачный боец.

По покрытому пылью лицу кое-где стекали струйки пота. У входа в комнату Интеба он сбросил панцирь и вылил на голову целый кувшин воды. Потом единым духом выпил чашу перебродившего молока и, рухнув на ложе, устроенное возле стены, принялся потягивать молоко из второй чаши. Интеб опустился с ним рядом.

— Изрядная вышла драка, египтянин, — проговорил Эйас, — но без особой выгоды. Это как если в бою столкнулась пара равных бойцов. Много ударов, никаких ран, нет победителя. Вот будь у нас раза в два больше людей — наша взяла бы. Но на каждое следующее утро йерниев оставалось меньше, чем вечером ложилось спать у костров. Им же эти срубленные головы нужно принести в свои даны. И сокровища тоже. И так уже воевали слишком долго. Словом, на

мечи атлантов им идти не хотелось. И когда дошло наконец до битвы, с нами осталось по горсточке воинов из каждой тевты. Они бежали, только завидев бронзовые мечи. Так что линию атлантов нам не удалось прорвать. Тогда мы укрылись в лесу. Когда они пошли вперед, мы ударили снова. Отогнали их назад. Никто не выиграл, никто не проиграл. Наконец Эсон это понял, и мы бросились сюда, чтобы успеть до возвращения воинов.

Голова Эйаса поникла, и кулачный боец уснул, не проснувшись даже, когда чаша выпала из его руки, залив ноги липким напитком. Глубоко задумавшись, Интеб глядел на равнину. Таким и нашел его на закате Эсон.

— Эйас мне все сказал, — проговорил Интеб, потягиваясь и разминая затекшие конечности.

— Атлантов было слишком много, и йернии бежали. Копь не нужна им, никто не хочет получить мечом в брюхо. Это не победа.

— Но и не поражение, — возразил Интеб, пытаясь взглянуть на дело с более оптимистической точки зрения, чем утрюмый Эсон.

И тут он вдруг понял, что говорит чистую правду, — гораздо более существенную истину, чем прежде представлялось и ему самому, и Эсону. К кругу совета внутри двойного кольца голубых камней он шел глубоко задумавшись, не проронив ни звука. Из-за жары огонь развели самый маленький. Они уселись подальше от жара — Эсон, как и подобает, возле своего хенджа.

— Мы чересчур много думаем о копи и только о ней, — проговорил Интеб. — Эта мысль застилает наши глаза туманом, мешает видеть все остальное.

— Нет ничего остального. Микенам необходимо олово. Его добывают в этой копи.

— Так говорил твой отец, и он не ошибался. Но есть и еще кое-что. Микены не падут без этого олова, во всяком случае не сразу. Ты получишь олово, но сперва нужно сделать иное — нужно преобразиться.

— Ты сегодня говоришь загадками, египтянин, а голова моя и так одурела от этой жары.

— Подумай тогда, и сердце твое забьется чаще. Перед тобой земли йерниев, богатая страна: люди, овцы, коровы; зерно, чтобы варить эль; борти, чтобы собирать мед для пьянящего напитка; сладкое молоко, вкусный сыр; поселки, у которых для торговли собира-

ются пришедшие издалека люди. Нет в этих краях племени воинственнее йерниев, и они будут властвовать надо всеми прочими, только одна тевта будет сильнее остальных. Дан этой тевты самый большой и богатый, возле него скрещиваются торговые пути. А ты Эсон — царь в этой стране.

— Говори дальше, египтянин, — потребовал Эсон, когда Интеб остановился. В голосе вождя слышался интерес.

— Сказать еще можно много. Ты можешь стать вождем-быком в этом дане, и никто не посмеет прекословить тебе. А став быком-вождем, ты можешь сделать здесь то, что твой отец делает в Арголиде.

— Объединить все тевты в одну?

— Это можно сделать. Ты способен на это. Чтобы не было быков-вождей, а был царь. Такой властелин может отбить копь у атлантов. В такой богатой стране есть кем править, и, став царем, ты сможешь помочь Перимеду. У него будет не только копь, но и союзник.

— Какая в нем польза? На таком расстоянии...

— Это расстояние не помешало Сетсусу навредить Микенам. А ты отсюда сможешь помочь своему городу. Герамании не пылают любовью к Атлантиде, в них нет вражды к Микенам: как и все люди, они любят лишь себя самих. Возможно, они смогут доставлять олово в Микены... Или же проведут тебя к оловянным копиям атлантов. Они могли бы сделать многое — под рукой царя. Только бери.

— И я возьму! — вскричал Эсон и расхохотался. Микенцы, сидевшие возле костра, заулыбались, видя своего вождя в таком расположении духа.

Появившийся из темноты первый воин-йерний с удивлением поглядел на Эсона.

— Ты должен объединить племена, — увлеченный видением, заторопился Интеб. — Пусть у них будет одно племя, одна тевта — народ. Пусть они соорудят город, возведут стены из камня, как высекали из скалы свои города микенцы.

Эсон улыбнулся при этой мысли.

— Интеб, мы далеко от дома, здесь не Микены, не Фера, в этой земле нет Фив. Грубый город из дерева — вот и все, что есть у нас.

— Его можно сломать — здесь умеют работать с камнем.

— Насколько же? Скажи мне, если мы используем каждый камень из этих двух крутов, можно ли возвести стену города, или хотя бы заложить основу его?

— Конечно, ты прав, — расхохотался Интеб. — Но на этой равнине я вижу Микены. Не совсем Микены, конечно, — просто высокое каменное кольцо. Пусть у каждого быка-вождя будет свой камень. А вокруг них мы можем возвести круг каменных столпов. Пусть будет круг внутри круга — как каналы на Фере, и у каждого великого воина будет свой камень. Пусть здесь встанут камни всех быков-вождей, и они будут собираться возле них, а ты станешь править над ними.

— Мне потребуется свой камень.

— Ты получишь его, могучий царь. Самый высокий, самый большой, какого еще не видели эти люди. Отовсюду будут сходиться — чтобы только поглядеть на него. Я установлю его сам, как лишь одни египтяне умеют делать. И когда ты будешь сидеть у костра совета, все будут удивляться, глядя на твой столп.

Интеб взволнованно обернулся и указал между опорами хенджа на ровную землю за спиной Эсона. И вдруг замер, открыв рот. На лице его изобразился истинный восторг. Отдавшись ему, египтянин хлопнул в ладоши и, обхватив Эсона за плечи, заставил повернуться.

— Погляди сюда, — вскричал он. — Видишь эту дурацкую арку из деревянных столбов, которую так ценят эти люди: белят, украшают, — жалкий хендж ничтожного похитителя коров. Это же ничто. Но представь себе, что он вырос, стал выше, прочнее, потянулся к небу. В рост человека... в два, три, может быть, даже четыре человеческих роста. Не обхватишь, не дотянешься до верху, не сдвинешь с места. От такого хенджа у них подбородки отвалятся до пупа, а глаза вылезут на лоб.

Руками он очертил контур в небе, так что Эсон едва не увидел его.

— И не из дерева, — проговорил Интеб. — Из камня, прочного доброго камня. Каменный хендж, что будет крепче всех прочих. Тут будет и твое царство, и твой город, Эсон. Прямо здесь. И я построю его!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

1477 г. до Р.Х.

Не в силах справиться с возбуждением, Интеб разбудил Эсона с рассветом. Египтянин долго тряс его за плечи, пока не заставил оставить глубины сна. Оставшаяся в постели Найкери с осуждением поглядела на них, но ничего не сказала. Было еще прохладно, и на востоке над равниной горела утренняя звезда. Интеб отвел Эсона недалеко — к месту, где в изобилии лежали огромные камни. Поспешив к ближайшему, зодчий оглядел его со всех сторон, в одном месте даже принялся рыть по-собачьи, чтобы изучить уходящую под землю часть камня. Эсон улыбнулся и, зевая во весь рот, уселся на камне.

— Что ты видишь? — спросил Интеб.

— Камень.

— Правильно — и ничего больше, но это потому, что ты воин. Но как ты видишь в человеке, умеет ли он обращаться с мечом, видишь его силу и выносливость, так и я вижу то, что скрывается под поверхностью камня. Помнишь стены Микен и ворота со львами... Ты не забыл их?

— Никогда не забуду. И я знаю, кто их построил.

— Я построил их, и в словах моих ты услышишь сейчас истинную правду. Посмотри, как лежат эти камни — их словно разбросали специально для нас.

— Это великая тайна...

— Вовсе нет, в Египте мы знаем это. Твердый камень всегда лежит внизу — его только сверху прикрывает земля. Дождь и ветер потрудились для нас, открыли камень, над которым можно работать. Посмотри на форму, на прямые края, на эти тонкие линии...

— Они ничего не значат.

— Ошибаешься. Этот камень похож на дерево, и в умелых руках будет колотиться так же, как оно. Отсюда мы возьмем два длинных столпа, обтешем их и доставим в дан, где я вкопаю их за камнем говорения. Потом придется потрудиться над третьим камнем — пусть ляжет на них поперечиной. И тогда все будут дивиться делу наших рук.

— А как же ты сделаешь это? — Эсон с недоумением поглядел на громадный каменный блок — явно непомерно тяжелый.

— Умением, Эсон, тем самым умением и мастерством, с помощью которого возведены были стены Микен. Начнем прямо сегодня.

Эсон дремал, улегшись на еще прохладную после ночи скалу. Тем временем Интеб бродил между огромных белых камней, только что не обнюхивая их, словно пес. Наконец он подозвал Эсона к длинному камню, выступавшему из земли на половину человеческого роста.

— Этот подойдет, — египтянин хлопнул ладонью по глыбе. Эсон с сомнением глядел на него.

— Интеб, ты искусный зодчий, я знаю это, но что можно сделать с такой скалой — она же величиной с целый корабль, больше самого большого камня в стенах Микен?

Интеб лишь улыбнулся в ответ, и они залезли на камень, простиравшийся перед ними. Он не только величиной, но и формой напоминал корабль. Широкая в середине скала сужалась к концам. Интеб вымерял камень шагами: в самом широком месте было четыре шага, длиной он был в десять шагов.

— В рост пятерых мужей, — с гордостью проговорил Интеб. — Видишь — сверху он ровный, почти ничего не придется стесывать. Будем надеяться, что и снизу камень окажется таким же. Подрубим торцы, стешем выступ посередине.

— А жизни нашей на это хватит? — с сомнением поинтересовался Эсон. — Ты полагаешь, что камень

можно обработать прямо здесь, без инструментов и устройств, которыми ты пользовался в Микенах?

— Я сделаю все это, Эсон, если хочешь, прямо сегодня.

Эсон с недоверием посмотрел на зодчего, склонив голову набок: он пытался разглядеть в нем лукавство или шутку. Обмана не было. Убедившись в этом, Эсон взревел с одобрением. Он обнял Интеба, положив ему руки на плечи.

— Если ты сумеешь это сделать, то я, конечно же, осилю более легкое дело: я захвачу эту землю и буду править над нею как царь. Йернии еще не знают этого, но сегодня началось их будущее.

— Мне потребуется много помощников, сильных мужей, и каменотес из дана.

— Бери всех, кого нужно. Ты — моя правая рука. Твои приказы — все равно что мои приказы.

Они вернулись в дан за едой и питьем и принялись строить планы на будущее. Прислуживающая им Найкери прислушивалась, но молчала, не понимая, о чем речь. Когда они все продумали, Эсон облачился в новый полированный доспех и отправился за людьми. Интеб палочкой чертил на земле схемы, потом разыскал каменотеса.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Старик оглянулся по сторонам, чтобы убедиться в том, что обращаются именно к нему, и опустил глаза. Интеб повторил обращение в более резкой форме, и йерний, стиснув расплющенные кулаки, нерешительно выговорил:

— Дарсан.

— Кто еще в дане, кроме тебя, умеет тесать камень?

Дарсан оглянулся, но возможности избавиться от смуглого иноземца, говорившего так, что его только едва можно было понять, не представилось. Пришлось отвечать. Он свел руки вместе и пробормотал, что в этой работе ему помогают еще двое. Интеб послал за ними. Ожидая, он водил рукой по голубому камню, который обрабатывал Дарсан.

— Откуда этот камень? — спросил египтянин. — На всхолмьях я такого не видел.

— Это далеко.

— Знаю, иначе не стал бы и спрашивать. Постарайся же объяснить мне, откуда вы их берете.

После словесных понуканий ему удалось вытянуть из Дарсана, что камни доставляют с далекой горы, где они дожидаются воина, способного на такое дело. Все было похоже на правду: простодушный старик не мог придумать столь замысловатую ложь. Воин брал с собой людей, вместе они спускали камень с горы к морю, грузили его на бревенчатый плот. Выгрести из бухты и проплыть вдоль берега было делом нелегким — океан здесь частенько бывал неласков в любое время года. Путешествие по морю заканчивалось в устье реки. Камень поднимали вверх по течению, потом по суше перетаскивали к другой реке, Эвону, протекавшему возле дана. Огромный труд. Интеб подивился усилиям, которые способны потратить эти люди ради почестей.

— Но почему камень берут именно с этой горы? — поинтересовался Интеб. — Наверняка хороший камень можно отыскать и поближе.

— Таков обычай. И они так делали, когда мы их прогнали отсюда во времена моего отца.

— Кто они?

— Донбакшо. Они пасли скот, но не умели драться. А теперь их скот у нас, и они отдают нам зерно. Раньше здесь торговали донбакшо, теперь мы торгуем. При них кто-то всегда обитал на той горе, откуда мы берем камни, — они следили, не плывут ли альбии с Домнанна, ведь с ее вершины виден весь пролив. А теперь альбии приносят сюда свою медь и золото и торгуют с нами, и нам не нужна стража наверху горы. — Воздавая дань воинскому искусству йерниев, Дарсан пренебрежительно фыркнул. А потом показал на большой камень, почти полностью погружившийся в землю.

— Видишь, вот наш камень говорения. А знаешь, как он попал сюда? Это сделал мой отец. У донбакшо этот камень был самым высоким из стоячих камней, это был столп вождя, и всякий хотел прикоснуться к нему. Мой отец вырыл яму и опрокинул в нее камень. И теперь мы стоим на нем, попираем донбакшо.

Скоро появились помощники Дарсана, по лестницам и шестам с зарубками сверху, с балконов, спустились воины-йернии.

И дан вдруг сделался похож на растревоженный муравейник. Воины расхаживали, перекликались, поглаживали боевые топоры, прикасались к усам. Женщины держались поодаль, но им тоже хотелось знать о

причинах поднявшейся суматохи. Все знали только, что микенцы обошли дан по валу и, стуча мечами в каждую дверь, выкликали воинов на совет. Собрались все. Те, у кого был собственный столп, привалились к прохладному камню или устроились в тени. Потом появился Эсон во главе отряда микенцев. Йернии как всегда восхищенно провожали взглядами мужей, с ног до головы закованных в бронзу, в сверкающую, ослепительную бронзу... мужей, что шли с бронзовыми мечами и медными щитами на боку. Возле камня говорения они разошлись кружком вдоль кольца голубых камней, стали позади Эсона. Он поднял меч, и шум сразу же стих.

— Я стою на камне говорения, чтобы сказать вам: сегодня вы увидите такое, чего вам еще не приходилось видеть. Сегодня вы увидите чудо, о котором будете рассказывать вашим детям. А они расскажут об этом детям ваших детей, и не будет конца рассказу. Сегодня вы увидите, как сделается такое, что не может быть сделано. А когда это свершится, вы услышите такое, что никогда не думали слышать.

Голос Эсона потонул в общем гуле, толпа возбужденно зашевелилась. Никто не мог знать, что крылось за его словами, но все понимали, что вот-вот произойдет нечто необыкновенное. Слова Эсона не расходились с делом, все успели уже убедиться в этом. Он вновь обратился к собравшимся, и все умолкли.

— Следуйте за мной, — и отправился прочь от камня к выходу из дана, сопровождаемый микенцами.

Идти пришлось недалеко — к развалу камней. Там Эсон взобрался на выбранный Интебом плоский монолит. Египтянин встал рядом с ним, потом наклонился и взял из рук Дарсана тяжелый булыжник. Когда Эсон заговорил, все умолкли.

— А теперь внимайте Интебу. Он обещал сделать великое для меня.

Интеб тронул ногой округлый зеленоватый камень и указал на него. Воины вытягивали шеи, чтобы видеть.

— Это молот, — объявил он, и все устремились поближе, чтобы разглядеть камень во всех подробностях — как будто не встречали такие в дане на каждом шагу. — Этот камень твердый. Он тверже всех остальных. Такими камнями Дарсан и его помощники обтесывают столпы воинов. Они это делают так.

Нагнувшись, зодчий двумя руками поднял камень — должно быть, в треть собственного веса, — и, приподняв до уровня пояса, уронил вниз. Со знакомым глухим стуком валун ударил в поверхность белого камня. Интеб откатил его в сторону и пальцем смахнул щепотку белой пыли.

— Так действует молот. Ударил раз — отколол от камня несколько зерен. Много раз ударил — поверхность камня сделалась ровной или ты сделал в ней желобок или вмятину. Много дней уходит на то, чтобы обтесать даже небольшой камень. Но ничего другого не остается. Но теперь будет не так. Сегодня вы увидите кое-что новое.

Он медленно прошел вдоль большого камня, вернулся назад. Собравшиеся не сводили с него глаз. Интеб указал на огромную скалу и сказал то, чему трудно было поверить:

— Сегодня мы разобьем пополам этот камень — я и воины. Потом мы доставим его в дан, и он станет камнем Эсона. Мы обтешем его, передвинем и поднимем. Такого камня еще не ставил никто из воинов. Потом будет кое-что еще, но я говорю вам пока только об этом камне.

Кто-то расхохотался, и Эсон рванулся вперед, ото двинув Интеба в сторону. Он ткнул мечом в сторону толпы, так что ближайшие попятились.

— Слова Интеба — мои слова, — в голосе его слышалась смертоносная ярость. — Кто смеется над ним — смеется надо мной. А я отрублю голову всякому, кто посмеет хотя бы улыбнуться. Все слышали?

Оказалось, что расслышали все: женщины прятали лица, иные из детей пустились наутек. Мужчины остались — они же воины, — но лица их были столь же бесстрастны, как поверхность камня перед ними.

— Лишь самые могучие из воинов способны помочь мне изваять камень Эсону, — проговорил Интеб, нарушив молчание. — Молот будет у каждого воина, и чем тяжелее он будет — тем сильнее воин, тем больше ему будет чести потом. Вот молоты, Дарсан найдет еще.

Теперь были задеты гордость и честь. Заткнув топоры за пояса, воины с криками, расталкивая друг друга, бросились искать камни побольше. По большей части они выбирали неподходящие камни — можно было воспользоваться лишь зелеными валунами — и с бранью

бросали их, когда Интеб указывал на ошибку, чтобы тут же отправиться на поиски нужного камня. По одному, вспотевшие и недовольные, они возвращались назад с молотами. Когда молоты оказались человек у двадцати, Интеб остановил их.

— Для остальных нет места. Честь достанется этим воинам, которые сделают небывалое.

Сперва они столпились вокруг камня, потом полезли наверх, на ходу хвастая перед оставшимися без дела. Все взяли с собой молоты. С помощью микенцев Интеб разместил воинов в линию вдоль всего камня. Стоя плечом к плечу, они напряженно слушали объяснения Интеба. Дело не было сложным, но они не привыкли работать вместе и вообще никогда ничего не делали одновременно. Трудно было даже уразуметь, как возможно такое. Он заставил их повторять движения снова и снова, много раз, пока им не удалось все сделать правильно. Наверх передали небольшие камни — в кулак человека, — и они приступили к учебе. Интеб провел углем две черные линии в шаге друг от друга и возобновлял их, когда воины затирали черный след своими ногами. Некоторые ворчали под нос, жалуясь на жару и дурацкое дело, но никто не подумал улыбнуться. Интеб охрипшим голосом все повторял свои наставления:

— Так, в линию, все в линию, ноги на черте. Не перед ней, не за ней — на черте. Хорошо. Подняли молоты над головой, держите, держите, пока я не скажу. Потом вместе — бросайте!

Камни упали вразнобой возле черты, покатались в сторону, некоторые свалились вниз. Микенцы отогнали толпу, но мальчишки подобрали упавшие камни — уж они-то наслаждались представлением — и подали наверх.

— Нет, поднимать не надо, — приказал Интеб. — Сбросьте вниз и остальные. Теперь берем молоты.

Послышались оживленные крики — воины, переключаясь, сбросили вниз голыши и подобрали молоты. Картина была впечатляющей: рослые, мокрые от пота воины плечом к плечу стояли от края до края глыбы. За ними находился Интеб. Толпа стихла.

— Подымай! — приказал Интеб, и йернии пригнулись, поднимая над головой зеленые камни.

— Держи, держи! — завопил зодчий; кое-кто замешкался, а один вовсе выронил камень прямо на ногу и ругался. Наконец все валуны оказались над головами.

— Бросай!

Тяжелые глыбы рухнули с громовым рокотом, воины отпрыгнули назад.

Ничего не случилось. Интеб хриплым голосом распоряжался, покрывая недовольный ропот.

— Плохо, не все разом, не на линию. Делайте правильно, тупоумные твари, или ничего не выйдет. Вместе взяли... вместе подняли... Бросай!

И снова ничего. Среди воинов и в толпе слышались недовольные возгласы. Микенцы подняли мечи и щиты. Вспрыгнув к Интебу на камень, Эсон принялся расхаживать за спиной воинов.

— Значит, у вас хватает силенки, только чтобы убивать псов! — завопил он. — Здесь дело потруднее, чем махать топорами. Делайте правильно, иначе я перебью всех до единого. Вы сделаете как нужно!

Силой своей воли он вынудил воинов оставаться на камне. Громко протестуя, они поднимали и роняли молоты, но безрезультатно. Плоскостью меча Эсон подбадривал тех, кто не прочь был убежать. Он ругался сразу на трех языках. Наконец все снова подняли молоты.

— Над головой, выше, пожиратели коровьих лепешек! — вопил он. — Выше, выше, держите... все держите, делайте, что я говорю, делайте правильно, чтобы на этот раз они упали вместе и точно на черте...

С гневными криками воины-йернии выронили камни, скала под ногами дрогнула.

С оглушительным треском глыба развалилась надвое, засыпая бросившуюся врассыпную толпу обломками камня.

Ошеломленные воины глядели на дело своих рук.

Громадный камень расселся по всей длине — там, где Интеб начертил линию.

2

Случаются такие события, в которые нельзя поверить, даже если ты видел своими глазами, как все произошло. Так и воины не могли уразуметь, что именно их увесистые молоты и раскололи огромный камень. Им легче было поверить, что с неба ударила молния: кто не видел расщепленные деревья и убитых животных...

силу громового удара знали все. Как и свою собственную, несравнимую с могуществом стихии. А потому не могли поверить в то, что сами все и совершили. Попрыгав вниз, воины, растолкав толпу, принялись с открытыми ртами рассматривать белую поверхность скола, подбирали осколки с земли. Их крутили перед глазами, разглядывали, постукивали, лизали, словно бы вкус мог поведать то, что скрывалось от глаз. Но это были только обломки камня, простые камешки — и они не ломались. Некоторые пытались разбить их молотами, однако дело закончилось несколькими разбитыми пальцами на руках и ногах. Камень — подчинившийся им, расколовшийся, остался камнем: прочным, несокрушимым и крепким.

— Слушайте меня, — воззвал Эсон, поднявшись на глыбу. — Этот день вы должны запомнить, сделанное сегодня да останется в памяти. Великий камень Эсона сделали мы сегодня. Пусть будет высоким пламя в костре совета, пусть жарятся коровы и овцы. Будем пить эль, и все воины будут сидеть рядом со мной.

Послышались громкие возгласы одобрения. Когда крики утихли, Эсон продолжал:

— Сегодня вечером перед этими воинами пусть нарекут меня быком-вождем этого дана, что станет зваться теперь Дан Эсон.

Раздались громкие вопли. Недовольны были только те, кто принадлежал к семье погибшего Уалы, из которой прежде полагалось выбирать быка-вождя. Никто, однако, не посмел протестовать. Тевту, которой предводительствует воин, подобный Эсону, ждут одни только почести и победы. Он был среди них самым сильным — грозный воин, по слову которого расседаются камни. За таким вождем-быком пойдет каждый.

— Можно бы обить и вторую сторону, — позабыв о политических тонкостях, проговорил Интеб, заново ощутивший привычную власть над камнем.

— Не стоит, — заверил его Эсон. — Довольно чудес на сегодня. Пусть женщины приготовят пир, а друиды сделают свое дело. Для трудов отведем завтрашний день.

Пока воинов не было, донбакшо продолжали сносить в дан зерно в качестве дани. Женщины готовили напиток в приземистых широких горшках. В такой жаре эль быстро настаивался и зрел. Изрядное количество этого

напитка уже охлаждалось в тенистых уголках. К месту убоя подволокли упитанную корову: почуяв кровь, она мычала, в страхе выкатывала глаза. Первый мясник — уродливый общинник, косоглазый и мускулистый, направился к животному в своем пропитанном кровью кожаном фартуке, с тяжелым топором на плече. Он подождал, пока двое мужчин пригнули пониже рога, и опытной рукой обрушил меткий удар — прямо в лоб. Животное рухнуло на землю, оно погибло мгновенно. Старухи немедленно перерезали глотку корове острыми кремневыми ножами, под вытекавшую струю крови подставили глиняные горшки. Подтаскивали других животных, приготовления к пиру шли полным ходом. И задолго до темноты воины расселись возле костра. Начался пир.

Обряд возведения в быки-вожди совершал друид Немед. Если он еще и испытывал неприязнь к Эсону, то помалкивал. Друид облачился в свое лучшее платье: на нем был высокий колпак, слегка сужавшийся кверху. Настоящее чудо — выкованный из золота, длиной в локоть, он был покрыт узорами из кругов и линий. Сложив руки, друид стоял между костром и Эсоном, выжидая, пока притихнет толпа. И когда все умолкли, он начал нараспев высоким бесстрастным голосом, в котором постепенно начала проступать увлеченность. Издавна памятные строчки повторялись и сочетались по-новому, что лишь усиливало одобрение воинов. Заслышав знакомые слова, все принимались кивать.

*Гром грохочет, ветер бушует,
Ломается камень.
Скала расседается, земля разделяется,
Уши глухнут.*

*Я слышал звуки битвы.
Щиты, ударяясь, грохочут,
Бьют барабаны, трещат топоры,
Проламываются черепа.*

*Какая битва была,
Грозные крики героев.
Вопли гнева сошедшихся в битве.
Суровые дикие мужи, быки-вожди.*

*Там был Эсон,
В середине там был Эсон, быстрый орел.
Пес кровавый, ищущий крови,
Муж с длинным ножом, бык ревущий.*

*И они встретились,
И ударил Эсон.
Скосил голову Уалы,
Рассек его до пупа
И перерубил потом на три части.*

Немед перевел дыхание в общем молчании и закончил уже не останавливаясь, без единой паузы.

*Алый от крови, серый от мозгов,
Отрубил он:
челюсть от головы,
голову от тела,
руки от тела,
ладони от рук,
пальцы от ладоней,
ногти от пальцев рук,
ноги от тела,
голени от ног,
ступни от голеней,
пальцы от ног,
ногти от пальцев ног.
И разбросал во все стороны.
Словно пчел разбросал их,
Жужжащих на солнцебеке.*

Послышались громкие вопли одобрения, началось жужжание, наконец Немед перевел дух и повторил отрывок о пчелах. Речитатив оказался длинным, он был интереснее воинам-йерниям, чем Эсону. Любимые отрывки друид повторял. Что толку в этой лжи — не было такого и быть не может, — и к тому же все это знают. Так шло долго. Немед умело создавал напряженность и наконец, повернувшись, показал на Эсона.

— Ты хочешь спросить? — прокричал друид.

— Я хочу спросить, — Эсон поднялся перед своим хенджем. — Для чего предназначен этот день? Чем он отличается от других?

На этих словах пара друидов подлокла к Немеду слабо сопротивляющегося человека. Пленник ли, провинившийся... и за что? Эсон не знал, это его и не волновало. Мужчину развернули спиной к Немеду, подали острый бронзовый кинжал. Друид коротко кивнул,

жрецы отступили, и, прежде чем человек мог сделать хоть шаг, Немед погрузил кинжал в его спину. Вверх, под ребра — прямо в сердце. Тот упал, содрогаясь всем телом, и, корчась на земле, попробовал дотянуться до кинжала. Снова вздрогнул и испустил дух.

И пока пленник корчился на земле в муках агонии, Немед стоял над ним с напряженным лицом, читал знамения в движениях тела и в том, как именно он наконец разбросал руки и ноги. Движения человека, уже наполовину прошедшего ворота смерти, говорят намного больше, чем облака или полет птиц. Увиденное, должно быть, удовлетворило друида — он выпрямился и указал на Эсона. А потом начал задавать ритуальные вопросы, которые сделают Эсона быком-вождем.

Свершилось.

— Египтянин, ты встаешь с первым светом, — окликнул Интеба Эйас со своего ложа.

Над равниной висел туман. Просыпались начинавшие свой разговор птицы.

— С первыми лучами зари в камне можно увидеть то, что он скрывает в себе.

— Знаю. Дело в тенях.

Интеб остановился и вопросительно поглядел вверх.

— Для кулачного бойца ты хорошо знаешь дело каменотеса.

— Став рабом, я познакомился со многим, для чего нужна крепкая спина, но не голова. Кулачный бой избавил меня от труда. Я успел побывать не только на галерах, но и в каменоломнях Черного Холма*.

— Песчаники Киццуватны, — пренебрежительно фыркнул Интеб. — Их зубами откусить можно. Пойдем, я покажу тебе, что такое настоящий камень.

Утреннее солнце разогнало туман, бросило свои лучи на камень. Интеб переходил от одного конца глыбы к другому, бормотал под нос, делал пометки угольком. Эйас наблюдал, чесался, позевывал — этой ночью он не спал.

— Этот край дастся нам легче, — пробормотал Интеб, — здесь камень тоньше, и он чисто обломится.

* Черный Холм: современное турецкое название этой местности — Каратепе.

Йернии узнали, что их труд окажется не напрасен, возможно, теперь удастся заставить их поработать вместе.

— Кнут, вырезанный из шкуры водяного коня, способен справиться с любым прекословием.

— Эйас, они не рабы и не крестьяне. На этом острове таких нет. Если я попробую кнут на йерниях — живо получу удар топором. Вот когда придет время окончательной отделки, придется поискать работников, быть может, донбакшо, которые пасут стада. Дело простое, нужны только крепкие руки и терпение — чтобы работать от восхода и до заката.

Мальчишки, выгонявшие скот на пастбище, заметили у камня Интеба. Весть разлетелась быстро. Все воины, которые держались после вчерашнего на ногах, поспешили из дана. Впереди были те, кому вчера не удалось поработать молотом. С хохотом они полезли наверх, улыбаясь в ответ на рутань Интеба; своими ступнями они стерли все его отметины. Воины ощупывали каменные молоты, как знатоки обсуждали их достоинства. На каждый молот нашелся воин, скоро собралась толпа. Эйас отправился за Эсоном, чтобы тот увидел самый главный момент.

— Для каждой стороны монолита достаточно одного скола, — пояснил Эсону Интеб. — Я хочу не только сберечь силы и время, следует проявить мастерство, которым владеет не каждый. — В этих словах не было хвастовства, и Эсон согласно кивнул. — Камень будет шире у основания, уже вверху, так, как сделано в храме Ни-весер-ре у Нила или во дворе Саху-ре. Подобная форма вызывает восторг, я предпочитаю ее прямолинейным стенам и колоннам храма царя Хефрена. Ты достоин лучшего — я не стал бы копировать те стелы, даже если бы имел возможность так же обработать камень. Твой обелиск должен получиться живым, теплым; его неотполированная поверхность должна вырастать из земли... Итак, начнем.

На этот раз воины были внимательны, они вслушивались, стараясь все понять и запомнить. Теперь они знали, что небывалое возможно. Толпа наблюдателей отодвинулась подальше, чтобы лучше видеть, некоторые забрались на скалы. Эйас помог Интебу точно расставить людей и руководить их движениями. На упражнение с голышами на этот раз ушло меньше времени. Когда дело дошло до молотов, один из воинов

выкрикнул: «Эсон абу!» Остальные присоединились к боевому кличу. Дожидаясь сигнала, воины высоко воздели молоты, и в нужный момент обрушили их на плиту.

С резким треском камень раскололся, от него отвалился огромный неровный обломок.

Наблюдавшие на миг онемели: все помнили вчерашнюю суматоху и не ожидали быстрого результата. Потом они разразились воплями и бросились вперед, чтобы увидеть новое чудо. Посреди битого камня, обломков, брошенных молотов лежал столп Эсона, ровный и аккуратный.

— А теперь нужно передвинуть его, — проговорил Интеб. — И нечего кивать на вчерашний пир, работа должна быть сделана.

— Да будет, как ты сказал, — согласился Эсон. — Только я не представляю, как можно сдвинуть подобную гору.

— Но я знаю, как это делается, а потому и служу тебе. В Египте мы в незапамятные времена научились работать с камнем. Человек тогда еще не знал письма. Но наше искусство неизвестно чужестранцам, а я мастер-зодчий. Мне нужны лишь кое-какие материалы и рабочая сила.

— Охотники поработать найдутся. Воины уже готовы драться за право помочь тебе. Они устанут, я в этом не сомневаюсь, но их сменят другие, — положишься на мое слово. Какие материалы тебе нужны?

— То, чего мало на этой безлесной равнине. Прочные деревянные брусья толщиной в твою ногу. Бревна, много бревен... и веревки — больше, чем есть на всем острове.

— Ну, лес отыскать несложно. Дан сложен из дерева — ты получишь необходимое до последней щепки.

— Но это еще не все.

— Тогда — разбери мое жилище. Над входом лежат бревна подходящей длины, те, из которых сделаны стены и пол, тоже годятся. Нести прямо сейчас?

— Сразу же, как только их разберут.

Новому приказу обрадовались все, за исключением плотников и Найкери. Ругаясь, женщина принялась швыряться вещами в тех, кто явился разбирать помещение, остановилась она лишь, когда явился Эсон и прогнал ее вместе с пожитками. Плотники, чьими трудами возводился дан, с еще меньшим энтузиазмом смотрели на то,

как рушится их работа. Но комнату разбирали, невзирая на их недовольство, так что они тоже включились в работу и стали распоряжаться, чтобы все шло должным образом и сооружения разбирали в обратном порядке.

Интеб оставался в дане и распоряжался рытьем ямы под новый камень. Здесь, как и повсюду на этой равнине, твердый мел начинался сразу под тонким слоем почвы, и выкапывать яму было нелегким делом. В мел тяжелыми камнями загоняли заостренные оленьи рога, ими как рычагами отделяли куски. Это нужно было повторить много раз. Но когда с дана опустили первые бревна и брусья, ямы уже были готовы, перед ними разместили большие камни.

— Эту балку мы используем как рычаг, — объяснил Интеб. — Вам незачем знать, каким образом это происходит, но рычаг увеличивает силу человека, позволяет ему совершать немыслимое. Этими длинными рычагами мы поднимем камень, но сделаем это не сразу, а понемногу. Когда камень чуть поднимется, каждый раз мы будем подкладывать под него эти бревна, чтобы он не опустился обратно. А потом будем подкладывать бревна с другой стороны. Таков первый шаг. И сейчас мы его сделаем.

Интеб с помощью Эйаса распоряжался людьми у рычагов: он поместил их руки в нужные места, несколько раз повторил, что именно нужно делать. Вместе с двумя микенцами Эйас разместился у камня — чтобы подпихивать под него бревна — дело требовало мгновенной реакции и для йерниев было слишком сложным.

Двенадцать человек встали к трем длинным рычагам и восемь — к четырем коротким. Вцепившись в брусья, они ожидали команды Интеба, проверявшего приспособления. Услышав наконец слова египтянина, они нажали на рычаги. Конечно, йернии все сделали вразнобой: одни тянули бревна вверх, другие толкали их вниз. Одна из жердей подгнила и переломилась, мужи повалились в пыль, посыпался град насмешек. Пристроили другое бревно, и после новых разъяснений шестеро микенцев продемонстрировали, что нужно делать. Поплевав на ладони, йернии взялись за дело.

На сей раз раздались взволнованные крики — громадный камень дрогнул и чуть накренился. В щель быстро вставили бревна. Работу пришлось прекратить — все заглядывали в черную щель и со смехом ловили

разбегавшихся жуков и других насекомых. Каменные опоры сместили вперед, заменив валунами повыше, и огромный блок медленно поднялся в воздух.

— Довольно, — приказал Интеб. — Несите бревна.

Йернии не решались подходить близко к глыбе, опасаясь, что она в любой момент может упасть на землю или повалиться набок и прихлопнуть их. Бревна пришлось подкладывать Эйасу и микенцам. Следуя приказу Интеба, они не оставили под камнем пустого места. Торцы бревен круглыми колесами торчали из-под глыбы. Солнце стояло низко, близился вечер, когда Интеб наконец одобрил сделанное и велел опускать камень на катки.

— Давайте, только медленно, — приказал он, — понемногу, как поднимали. Если камень сорвется, то разнесет бревна в щепки. Тогда придется начинать все сначала.

Потрескивающие рычаги вновь подняли невыразимую тяжесть, по одной удалили опоры. Когда убрали последнюю, весь вес пришелся на застонавшие бревна. Попад на неровности, некоторые из них с треском переломились, но остальные держали.

Интеб не позволил бы взволнованным йерниям тратить попусту время на беготню вокруг камня и восхищенные охи, но, не слушая зодчего, они предавались восторгу, становились на колени и заглядывали под камень — пытались разглядеть просвет с другой стороны. Следуя распоряжению египтянина, перед тонким концом камня друг к другу уложили новые бревна. Чтобы командовать следующим этапом работы, Интеб поднялся на камень, здесь к нему присоединился Эсон.

— Мы подвинем этот камень, — объявил Интеб, — передвинем прямо сегодня — только на несколько шагов, чтобы все видели: это воистину можно сделать, а утром камень будет доставлен к дану. Подведите рычаги.

Вновь под камень подвели мощные брусья — на сей раз сзади, а не сбоку. По сигналу люди навалились на них, и огромный камень стронулся с места.

— Еще... дружнее!

Они навалились изо всей силы, и каменный блок пополз вперед — на первое бревно, на второе... Сзади из-под глыбы появилось бревно. Огромный блок сдвинулся на две ладони.

— Началась его дорога, — с гордостью объявил Интеб.

Вести о том, что происходит в Дан Эсон, быстро доходили до других тевт. Слухи достигали и земледельцев-донбакшо, живших посреди лесов на полянах, доходили в редкие поселения альбиев. Стояло сухое время года. Урожай был уже убран, животные отъелись. Самое время увидеть это новое чудо света: и многие отправились в путь. Каждый день, когда начиналась работа, не было недостатка ни в наблюдателях, ни в желающих помочь, — если в том случалась необходимость. А это требовалось постоянно — чтобы доставить камень Эсона на нужное место, нужно было изрядно потрудиться.

Дорогу до ворот дана следовало сгладить. Разобрали на бревна еще несколько стен — чтобы выровнять путь и заполнить впадины. Теперь от каменной россыпи до дана пролегла дорога, по которой камень мог совершить свой путь.

Все было подчинено строгому порядку. Каждый лоскут кожи — из шкуры ли домашнего скота или дикой лошади — пошел на веревку. Одной из них обвязали камень поперек, к ней прикрепили два толстых каната, смазанных салом — чтобы были мягкими и гибкими. Привязали и другие веревки, чтобы камень могло тянуть сразу побольше народа. Глыба была настолько массивна, что продвигать ее вперед удавалось или рычагами, или усилиями многих людей, налегавших на веревки. Словом, когда собрались все желающие тащить глыбу к дану, йернии не умели даже сосчитать, сколько их оказалось.

— Мне тоже не сосчитать, — признался Эсон. — Неужели в самом деле тебе нужно столько народа?

— Да, — невозмутимо ответил Интеб, не хотевший показывать свою неуверенность: хватит ли собравшихся? Он вроде бы все сосчитал точно, неоднократно проверил. — Чтобы камень шел легко, потребуется не менее пяти сотен мужей, а ведь его еще нужно втащить на невысокий подъем.

— Трудно даже представить столько народа. — вырвалось у Эсона.

— Попробуем это сделать. Всех пальцев на руках и ногах у человека двадцать. У пяти мужей всего будет сотня пальцев. Значит, нам нужно столько людей, сколько пальцев у двадцати пяти человек.

— Это очень много.

— Вообще-то нам нужно еще больше. Чтобы камень продвигался вперед, нужно переносить бревна — по двое людей на бревно, в одиночку такие не поднимешь — для этого потребуется еще две сотни. Они должны забирать бревна сзади и переносить их вперед; когда камень снова наползет на бревно, оно опять станет катком. Все нужно делать очень четко. Я буду приглядывать за теми, кто тянет, Эйас проследит, чтобы бревна вовремя переносили вперед, ну, а кому-то придется ехать на камне, приглядывать и распоряжаться.

— Это мое дело.

— Высочайшее место, Эсон, никто не осмелится покуситься на него. Итак, начинаем?

Несмотря на то что к делу приступили с рассветом, солнце уже подошло к зениту, когда наконец Интеб сам разложил на земле веревки — чтобы тянули в правильном направлении. Перед камнем уложили катки, позади него собрались люди, готовые подхватить первое показавшееся бревно. Интеб поднял ладонь, и Эсон вскричал:

— Начинаем!

Люди, пригнувшись, взяли канаты, приняли их на плечо и, как и было им приказано, остановились, дожидаясь дальнейших распоряжений. Интеб подошел к краю камня, проверил, правильно ли выстроились люди, и стал распоряжаться:

— Крепче держите канаты. Качнитесь вперед. Но не тяните, просто налегайте на канаты всем весом. Ощутите за собой камень. Не тяните руками — ваши ладони только удерживают канат — всю работу сделают ноги. Ну, гнитесь, сгибайте колени, готовьтесь... Ну же... сейчас... Медленно толкайте ногами — тяните. **ТЯНИТЕ!**

И они потянули. Веревки напряглись, бревна под камнем затрещали.

Задрожав, глыба стронулась с места.

Тут некоторые упали, кое-кто оглянулся, остальные же изо всех сил тянули, так что жилы взбухали на лбу. Эсон велел всем остановиться. Действие повторили.

После многих неудачных попыток удалось добиться необходимой координации, и камень наконец ровно и размеренно пополз вперед. Из-под заднего конца его одно за другим появлялись бревна, их подхватывали ждущие руки и несли вперед. Другие тянули веревки, потели и напрягались; Интеб следил за всеми, глыба

двигалась понемногу, и Эсон ехал на каменном корабле — прямо в ворота дана, по его ровной внутренней площадке к уже подготовленной яме возле костра совета. Когда прозвучал сигнал остановиться, иные попадали от усталости, другие же потребовали пива, чтобы утолить жажду.

Эсон тоже уселся отдыхать в тени огромного камня. Он ощущал его всей спиной — как продолжение себя самого. Он ел пищу, принесенную Найкери. Она хотела поговорить с ним о новом жилище, но Эсон отмахнулся. Все мысли его заполнял камень.

— Продолжим? — спросил он обливающегося потом Интеба, едва тот вылез из ямы и опустился возле него на землю.

— Немедленно, пока никто не передумал. Я как раз проверил размеры, все как надо, камень войдет точно. Видишь — Дарсан и его помощники слегка скрутили основание, оббили его. Теперь мы можем установить камень в яме, покачивать его и наклонять, даже повернуть можно, если понадобится.

— Повинуясь какому волшебству этот камень попадет в яму?

— Не по волшебству, а по мастерству. Видишь, эти стенки ямы сделаны с наклоном, а дальняя — ровная и отвесная. Мы поставили возле нее большие брусья, чтобы, когда камень окажется в яме, он не мог разбить мел, погубив все наши труды. А пока мы только слегка подвинем камень вперед, так, чтобы низ его выступил над ямой — с той стороны, где уклон. Когда конец его перевесит и на катках останется меньшая часть, камень сам собой скользнет на место.

— Значит, этот красавец будет стоять под углом — половина в земле, половина наружу.

— У тебя глаз зодчего, Эсон. Ты прав. Когда камень станет в яму, я смогу поднять его вертикально — прислонив к противоположной стене. Мы будем удерживать камень, а пространство между ним и стенками ямы заполнится камнями и кусками мела. Так поднимется твой первый столп. Первая опора хенджа, та, которую друиды зовут Землей-Матерью, с которой все начинается.

Интеб тщательно подготовил камень к спуску в яму. По мере того как глыбу подвигали все ближе и ближе к земляному гнезду, зодчий велел подкладывать бревна потолще — и камень понемногу поднимался повыше. Это было важно, как по опыту знал Интеб, и он не один

раз все промерил и пересчитал, прежде чем продолжать работы. Зодчий осмотрел камень со всех сторон и примерился. Вновь к работе приступили, только когда камень чуть развернули вбок. Сделать это было труднее, чем катить, и возле рычагов то и дело слышалась брань. Наконец Интеб остался доволен. По его сигналу взялись за канаты и осторожно потянули вперед. Камень стронулся с места.

Положив руку на поверхность глыбы, Интеб наблюдал за ее перемещением. Конец камня уже нависал над ямой, когда зодчий остановил движение. Принесли тяжелые деревянные балки. Их спустили вниз у самого края ямы. Крайний каток миновал их, его быстро извлекли из-под камня — прежде, чем бревно успело упасть в яму. Камень вновь двинулся вперед, следующий каток приблизился к брусам и остановился. Но камень продолжал двигаться, опускаясь в яму передним концом. Другой конец его стал подниматься. Толпа расступилась. Камень опускался в яму, поворачиваясь в воздухе, и мужи, бросив канаты, пустились наутек. Камень завис на мгновение, огромная тяжесть влекла его вниз, мел на краю ямы крошился и осыпался на дно. Опорное бревно едва не расплющилось в щепки. И вдруг единым движением камень разом взметнулся в воздух, одновременно с грохотом скользя вниз — в приготовленное гнездо.

Под ногами содрогнулась земля, взметнулось огромное облако пыли.

Под углом наклонившись к земле, столп, словно палец гиганта, указывал в небо.

Пока йернии ликовали и плясали возле громады, Интеб снова взялся за работу. Набрал из толпы помощников и с помощью Эйаса расставил их по местам. Распорку заготовили уже давно, ее принесли и положили возле отвесного края ямы, напротив наклонившегося камня. Она состояла из четырех бревен, соединенных достаточно замысловато: две длинные ноги далеко расходились на земле, но наверху скрещивались и были прочно связаны. В локте от пересечения между двумя ногами была врублена прочная перемычка. Другая, подлиннее, соединяла стойки возле земли. Здесь важно было точное расположение обеих поперечин. Прежде чем поднимать деревянную раму, для ее нижних концов вырыли ямы, чтобы они прочно удерживались на месте.

Снова Интеб приступил к работе, которую, кроме него, никто не мог сделать — он протянул канаты в нужном направлении. К вершине наклоненного камня почти на самом верху привязали толстое бревно. От верхней поперечины распорки через него перекинули канаты. Этими веревками будут поднимать раму, но прежде к самой верхушке рамы подвязали канаты от камня.

Уже просто оторвать от земли эту деревянную махину было достаточно тяжело. Две группы воинов тянули за веревки, что были привязаны к бревну на вершине камня, другие поднимали раму, толкая ее вверх шестами, когда руки уже не дотягивались. Опора медленно поднялась вертикально, встав над землей. Канаты, с помощью которых ее поднимали, привязали к бревну за камнем. Все было готово к началу подъема.

Сто семьдесят пять человек тянули на себя вершину деревянной рамы, а веревки, привязанные к верхней поперечине, должны были поставить камень вертикально. Чтобы не ошибиться, Интеб приказал натянуть канаты и, только проверив буквально все, повернулся к Эсону.

— Мы готовы, — проговорил он.

— Начинай.

Приняв на себя вес камня, деревянная рама закрипела, люди умело налегали на веревки. Огромный камень шевельнулся, оторвался от уклона и стал вертикально.

— Стоп! — крикнул Интеб, когда камень прислонился к отвесной стенке ямы. — Держите, не отпускайте!

Напрягаясь и обливаясь потом, воины тянули. Тем временем Интеб подошел к камню и приложил к поверхности его странный инструмент, сделанный по указаниям зодчего плотниками. Только сам Интеб знал его назначение. Половину небольшого полешка выдолбили в лохань — такую же, как для мелового раствора, только маленькую, — прикрепили к длинной ручке. В лоханке была вода, и Интеб прижимал долбленную деревяшку к камню, читая по воде таинственные знаки: наверное, так и друиды указывают судьбу по позе заколотых пленников. Все дивились, даже пыхтящие мужи, с трудом удерживающие камень.

Интеб понимал, как им трудно, знал, что долго они не выдержат, но камень следовало установить вертикально. Поверхность воды говорила ему все необходимое.

Он велел врезать в дерево глубокую борозду, когда поверхность воды совпадала с ней, палка стояла вертикально. Тщательно и терпеливо зодчий промерил положение камня, потом велел людям отклонить столп рычагами, чтобы выровнять его. Они навалились с одной стороны, с другой, вернулись обратно. Интеб громко распоряжался, Эйас подкреплял его слова проклятиями. Ослабевшие оставляли канаты, их сменяли свежие воины. Наконец он удовлетворился.

— Живо, — велел Интеб. — Засыпайте яму!

С громкими криками йернии принялись валить в яму грязь, куски мела, камни, обломки молотов — лишь бы только заполнить ее. Свежая насыпь сравнялась с землей, ее утрамбовали тяжелыми бревнами, досыпали еще, снова утрамбовали, прозвучал долгожданный приказ, и утомленные люди выпустили веревки.

Колонна горделиво стояла, огромным указующим перстом тень ее пересекала дан... новая тень.

4

Едва стемнело, взошла луна, осветив дан. Пир был в самом разгаре. Сияние ночного светила как бы дало сигнал к новой вспышке восхищения колонной Эсона — в лунном-то свете ее никто еще не видел, все принялись промерять шагами колоссальную тень. Наиболее отважные воины подходили к глыбе, даже прикасались к ней. Эсон прислонился спиной к камню и ничего не опасался. Ему подносили эль, и он пил, не сходя с места. Женщин не было — кроме тех, что разносили питье, — их присутствие в столь важный момент не допускалось. Эсон не обращал внимания на женский голос, настойчиво звавший его. Наконец Найкери появилась прямо перед ним, все еще выкрикивая его имя.

— Прочь, — приказал он, занося руку для удара, на случай, если презренная рискнет подступить поближе.

— Ты должен знать — получены важные вести.

— В другой раз.

— Нет — сейчас, это очень важно. Можно мне подойти, или ты предпочтешь говорить подальше от костра?

Эсон метнулся, чтобы схватить ее, но она увернулась. Не скрывая гнева, он следовал за ней от костров.

Наконец она повернулась к нему. Живот Найкери холмиком выдавался вперед. Поглядев на него, Эсон притих, подумав о своем будущем сыне.

— Есть вести об атлантах, — проговорила Найкери. — Впрочем, теперь, наверное, камень для тебя важней, чем они.

Не обращая внимания на колкость, он обернулся, чтобы полюбоваться на столп под новым углом.

— Ну, что ты там узнала об атлантах?

— Они идут сюда от копи, чтобы напасть на тебя. Их ведет мой родич.

Впервые за многие дни позабыв про камень, Эсон поглядел на нее. Все эти волнения с камнем как-то вытеснили из его памяти отряд врагов.

— Говори все, что знаешь, — бросил он.

— Наконец решил обратить на меня внимание? Оказывается, ты даже можешь говорить со мной, когда я тебе нужна. А во все прочее время ты обращаешься со мной так, слов...

— Говори об атлантах, женщина, — перебил ее сквозь зубы Эсон. — Дашь волю языку в другое время. Что случилось?

Настроение Найкери вдруг изменилось, обхватив Эсона, она прижалась к нему лицом.

— Я хочу только помочь тебе, — прошептала она. — То, что я делаю, я делаю лишь для тебя, мой царь. У меня не было никого до тебя, не будет и после, обещаю тебе. Я понесла твоего сына и хочу только одного — родить его.

Тронутый словами женщины, Эсон поднес мозолистую руку к ее голове, к мягким волосам. И, приникнув к нему, она шепотом рассказала обо всем, что знала, и обо всем, что сделала.

— Мужья-атланты глупы, они думают лишь о рабах. Большая часть донбакшо, что жили неподалеку, уже разбежалась. Теперь, когда атланты ловят донбакшо, то надевают им ошейники и запирают, чтобы те не убежали. Но они знают, что альбии — торговцы, а раз так — альбии полезны атлантам: могут принести пищу, сведения о других племенах. Нас они не делают рабами. Пока. Им помогает Тури, двоюродный брат моего отца, ты видел его в нашем доме. Он рассказывает нам обо всем, что делают атланты, от него я знаю об их планах. Этот Темис потребовал, чтобы Тури повел их против

тебя, но брат боялся, что его убьют. Тогда атланты дали ему кучу подарков, и он согласился. Тури поведет их, но семья его вместе со всеми остальными альбиями сразу же отправится на север, потому что он приведет атлантов через лес туда, где будешь прятаться ты со своими воинами. Он пойдет первым, вы пропустите его, а все остальные пусть будут убиты.

— Когда это будет? — спросил Эсон, сохраняя спокойствие, невзирая на охватившее его волнение.

— Через три дня, ты знаешь эту долину, за лугами Дан Ар Апа, где мы с тобой отдыхали. Мой родич встретит тебя и покажет тропу, покажет двоюродного брата отца моего, чтобы он не был убит.

— Ему не будет вреда — а атлантам пощады. Если мы захватим их врасплох, перебьем всех до единого. Выходим нынче же ночью, ведь нужно прийти вовремя.

Возвратившись к пирующим, Эсон вновь прислонился к камню спиной, упорно обдумывая то, что надлежит еще сделать. Здесь были воины его тевты. Но и не только они. С севера с одиннадцатью воинами пришел сам Маклорби, толсторукий и коренастый. Все помогали ставить этот камень. Были воины из Дан Финмог, был Ар Апа со своими людьми. Если эти воины вместе выйдут в бой, в его распоряжении окажется войско, какого Эсону еще не удавалось собирать под свою руку. Они пойдут с ним, Эсон был уверен в этом. Быки-вожди получают сегодня дары от него, они захотят пойти. Он расскажет им о длинной цепочке воинов, идущих по лесу, расскажет, как нападать на них и убивать, расскажет и о том, как потом разделит доспехи. Сейчас только у каждого десятого найдется бронзовый кинжал, чтобы отрезать головы врагов. Как же они будут ценить мечи! Эсон понимал — нападение может удался. Он научит йерниев, как биться и победить, они последуют за ним.

— Слушайте меня, — провозгласил Эсон, делая шаг вперед, — слушайте то, что я должен сказать. — Он подождал, пока все притихнут, и начал объяснять, что теперь следует делать.

Возле Дан Мовег они оказались как раз с рассветом, там напились и отдохнули. Когда Мовег увидел войско, узнал о задуманном, он немедленно надел волосяную

перевязь с топором и взял щит. Так поступили и все его воины. Опытные охотники и прекрасные следопыты, они понимали — одно дело атаковать крепость прекрасно вооруженного врага и совсем другое — перехватить в густом лесу цепочку воинов. И вышедшее навстречу атлантам войско сразу увеличилось. Они шагали по равнине, первыми шли микенцы в броне, следом воины из Дан Эсон. Все прочие шли как вздумается, вместе или поодиночке. Иные шли параллельными тропами, другие то тащились сзади, то поспешно нагоняли... Не войско — расплзшаяся толпа мужей, соединенных алчностью и воинственностью.

На край равнины они вышли на следующий день. Там на опушке их ждал невысокий темноволосый мужчина. Он двинулся навстречу Эсону, с опаской поглядывая на топоры и мечи.

— Я — Гвин, сын теткой твоей Найкери, — торопливо проговорил он. — Я ждал тебя по ее слову.

— Не бойся ничего — пусть страшатся атланты. Они уже в пути?

— Отстали от меня на день — не умеют быстро ходить по лесу. Идут по этой тропе. Их ведет Тури, он боится, ждет смерти.

— Жизнь его в моих руках, и я сохраню ее.

Когда собралась его не знающая порядка армия, Эсон поднялся на большой валун. Воины обступили его плотной толпой. Ближе всех были микенцы с Эйасом и быки-вожди, со всех сторон напирала армия.

— Отсюда придут атланты, — показал Эсон. Мужики зашевелились, принялись разглядывать брешь в сплошной стене леса. — Здесь густые деревья, вот холм, на который нелегко подняться, ручей и болото. В пути атланты растянутся по тропе. Мы затаимся в лесу по обе ее стороны. Они пойдут мимо и не увидят вас. Вы можете спрятаться, вы — охотники, вы умеете становиться невидимыми. Вы будете лежать в засаде и только по сигналу броситесь в атаку. И не потому, что я убью любого жадного воина, преждевременно бросившегося в бой, — я сделаю это, не сомневайтесь, — но потому, что так нам удастся захватить атлантов врасплох и перебить их. Они пройдут между нами, и когда первые окажутся здесь, вы услышите мой боевой клич — тогда бросайтесь в атаку. Каждый воин повторит его, вступая в бой.

С криками одобрения йернии потрясали в воздухе топорами. Эсон направился в лес, воины двигались следом. Это было их дело, они хорошо умели его делать. Время хвастовства и бахвальства прошло. Как огромные хищники, воины бесшумно шли вперед: могучие, грозные, знающие битву, ничего не боящиеся. Этот огромный остров принадлежит им одним, йернии властвуют здесь. Пусть сюда появились люди с бронзовыми мечами и в бронзовых панцирях. Воины-йернии уважают их, но не боятся, как не страшатся и самой смерти в бою. Последовав за Эсоном, они по его приказу укрылись в выбранных им местах, среди деревьев возле тропы. Эсон спустился с холма к болоту, и воины за его спиной исчезали в тени деревьев. Они умели спрятаться даже среди кочек. Раздвигая тростник так, чтобы не поломать ни листа, ни стебля, йернии опускались в мутную жижу. Эсон приглядел за тем, как исчез из виду последний, и направился обратно. Его микенцы тоже укрылись между деревьями, рассеявшись по одному, чтобы отвлечь атлантов от легковооруженных йерниев.

В лесу воцарилось молчание, лишь только ветер перебирал сучья высоко над головою. Ничего не было слышно. Йернии ожидали, безмолвные, словно деревья. Только Эйас и Гвин остались возле тропы. Вместе с Эсоном они спрятались в лесу, опустившись на прохладный мох за стволом огромного дуба. Гвин припал к земле, Эйас задремывал, что-то бормотал во сне и, вздрогнув, просыпался, принимаясь оглядываться вокруг. Медленно миновал день.

Вдали послышался крик.

Эсон тихо сел, склонив голову, чтобы лучше слышать: не показалось ли ему? Но и вокруг все встрепетнулись и вслушивались в тишину не менее внимательно. А потом крик повторился, мужской голос кого-то окликнул, ему ответили — далеко внизу.

— Идут — шепнул Эйас, подбирая каменный молот.

Он видел, как им орудует мясник, тяжелое короткое орудие смерти понравилось бывшему рабу. Он даже отдал мяснику за молот отличную медную булавку. Молот напоминал ему кулак — куда более привычное, чем меч, и столь же смертоносное орудие.

Все трое бесшумно подобрались поближе к тропе и залегли за густым кустом боярышника. Понизу под толстыми ветвями было прекрасно видно. Послышался

другой голос, потом топот ног. Внизу на тропе что-то мелькнуло: за бурым одеянием альбия показался вооруженный атлант.

— Первый — Тури, — шепнул Гвин.

Прошли и ничего не заметили. Значит, вся цепочка атлантов уже протянулась по лесу между спрятавшимися воинами. Ловушка готова была захлопнуться. И когда шедший за альбием атлант миновал его, Эсон поднялся из-за куста и рванулся вперед.

Он был еще на полпути к тропе — Эйас чуть отставал, — когда первый из атлантов увидел его и закричал, поднимая тревогу и вырывая меч из ножен. Одновременно с ним молчание нарушил Эсон:

— Беги, дурак, беги!

Альбий побежал при первом же звуке — он был готов к засаде. Сопровождавший проводника атлант запоздал, и меч его рассек один только воздух. Он бросился было за предателем, но, поняв, что Эсон уже совсем рядом, повернулся, чтобы защищаться. Обрушив на атланта меч, Эсон изо всех сил выкрикнул:

— Эсон абу!

Меч его ударил в щит атланта, тут же сам Эсон принял его удар на свой щит. И коротким движением ударил его в живот... Эхо боевого клича Эсона еще гуляло по лесу. Эсон абу! Слова эти подхватил один голос, другой, они доносились с обеих сторон тропы.

— Здесь Эсон! — успел выкрикнуть атлант и умолк. Меч вонзился ему в живот — удар пришелся прямо под панцирь.

Из леса доносились вопли и звон металла. Эсон выдернул меч и приготовился защищаться. Все оказавшиеся поблизости атланты и не думали обращать внимание на показавшихся из леса йерниев. Они бежали к нему. Пятеро... шестеро. Мечи, копья, стена щитов. Он отступил, прижавшись к дереву.

— Ко мне! Ко мне! — закричал Эсон, и на зов его ответили.

Рядом крутил огромным молотом Эйас. Позади него набегали воины Дан Эсон. Нужно было только продержаться.

Именно он был нужен атлантам, именно его ненавидел Темис, ради него пришли они в эту невообразимую даль. Атланты напали на него одновременно. Посыпа-

лись удары. Рухнул один... другой — оба были сражены сзади. Им не устоять. Еще немного.

Но его время истекло. Меч ударил о меч Эсона — атлант бил всей силой, всем весом. Эсон встретил щитом другой удар.

Копье ударило из-за плеча ближайшего атланта, подобно терзающему клыку.

Эсон дернулся в сторону, но опоздал.

Бронзовый наконечник копья ударил в горло, пробил шею, пригвоздил ее к дереву.

Кровь хлынула в горло; он не мог крикнуть.

И все закончилось.

5

Черными силуэтами на фоне облаков в бледном небе кружили два сокола — каждый сам по себе, но рядом друг с другом. Самец заметил, что внизу в траве что-то пошевелилось и, быстро трепеща крыльями, завис в воздухе. Движение повторилось. Добыча. Сложив крылья, сокол камнем упал вниз и затормозил в самый последний момент, выставив вперед когти. Так и не коснувшись земли, он забил крыльями и взмыл вверх, — в когтях шевелился бурый комок. Самка подлетела поближе, чтобы осмотреть мышь. И словно листья, гонимые ветром, птицы исчезли в серой дали над равниной.

Прохладный осенний ветер срывал с ветвей и настоящие листья: багровые, желтые, бурые. Они скапливались в низинках, летели над равниной к стадам, подъедавшим последние остатки травы. Ветер нес их дальше — к плетеной ограде дана, поднимавшейся над равниной. Дуновения его еще не были ледяными, но уже несли в себе напоминание о близкой зиме.

Даже легкое прикосновение ветра, вид бледного ясного неба заставляли покрасневшие глаза Эсона слезиться. Он заморгал, смахивая влагу. Невысокое ложе, на котором он лежал, устилали теплые мягкие шкуры, другие укрывали его сверху. Он подумал о днях и ночах, полных боли, вспомнил о том, как просыпался и тут же снова засыпал. Он долго болел. Неподалеку негромко напевал женский голос. Осторожно повернув голову, он увидел Найкери, что сидела, скрестив ноги, возле него. Она раскрыла ворот своей одежды и, поддержи-

вая рукой полную грудь, кормила младенца. Тот усердно чмокал и слегка поводил крошечными кулачками. Найкери раскачивалась взад и вперед, напевая песню без слов. В дверях возникла тень; пригнувшись, вошел Интеб.

— Эсон, ты проснулся? — проговорил он, заметив, что лежащий открыл глаза.

Эсон кивнул и показал на чашу с медом, стоявшую на деревянном сундуке. Египтянин передал ему чашу, и, приподнявшись на локте, Эсон пригубил напиток.

— Вчера ты добрался до двери, — проговорил Интеб, принимая обратно пустой сосуд. — Может быть, выйдем сегодня на балкон?

— Не надо ему еще столько двигаться, — раздраженным тоном возразила Найкери.

Сосок выдернулся изо рта младенца, тот, забулькав, ловил ртом воздух, а потом разразился сердитым криком.

— У него голос льва, — заметил Интеб.

Крик разом прекратился — младенец вновь припал к груди.

С помощью Интеба Эсон ухитрился подняться на ноги. Перед глазами все шло кругом, пришлось покрепче опереться на египтянина, чтобы головокружение прекратилось. Только тогда рискнул он сделать первый неуверенный шаг, за ним второй. Он не ощущал под собой ног и прекрасно знал, что исхудал. Но мясо можно и нарастить. Пора начинать. От усилий на лице Эсона выступил пот, но он шел — через свою, затем смежную комнату. Пинком Интеб распахнул выходящую на балкон дверь, перед ними под лучами осеннего солнца раскинулся двор дана, где повсюду кипела повседневная жизнь. Бродили животные, играли дети, мастера работали возле своих дверей: сто и одно дело, без которых жизнь дана невозможна.

Но было кое-что новое, — Эсон только слышал об этом, но не видал еще. Пальцы его впились в плечо Интеба, микенец выпрямился и улыбнулся, не веря своим глазам.

Там, где минувшим летом из земли поднимался только один камень, теперь выросло два. Белые и сверкающие, одинаковые и прекрасные. Две огромные могучие колонны, вырастая из земли, стремились к небу. Основания их были рядом, они почти соприкасались, но сверху камни сужались и расходились. В столпах была

крепость, мощь и величие, они словно бы дышали могуществом.

— Да, — хриплым голосом проговорил Эсон, пальцы его легли на горло — на багровый неровный рубец.

Он хотел сказать многое, очень многое, но говорить было больно. Правда, эта боль была лишь воспоминанием о той, что так мучила его, но тем не менее она не исчезла. Эсон почувствовал усталость, Интеб помог ему опуститься на высокий сундук. Вождь привалился спиной к стене, радуясь свету, теплым лучам солнца.

— Мы сделали много больше, чем видно отсюда. — Интеб указал на верхушки каменных столбов. — Вот если бы ты поглядел на них сверху, то увидел бы — верхушки обтесаны. Старый Дарсан не слезал с помоста, даже стал говорить, что вот-вот зачирикает. Но кроме него, никто не мог бы этого сделать. Он оббил края камней, оставив в центре выступ. Как в деревянных хенджах — йернии привыкли так делать.

Моргая на ярком свете, Эсон пригляделся внимательнее. Действительно, на макушке каждого камня виднелся выступ — словно на стояке деревянного хенджа.

— Перекладина уже почти готова — видишь, ее обрабатывают возле дальней стены. Ее обтесали прежде, чем доставить сюда, а теперь долбят гнезда. Я велел женщинам сделать плетенки — ты слышал, наверное, как они визжали, когда мы заставляли их лезть наверх по лесам, — эти корзинки в точности повторяют форму выступов и расстояние между ними. И теперь люди Дарсана долбят молотами гнезда. Работа почти закончена.

— А каким... колдовством поднимешь ты эту глыбу в воздух?

— Трудная проблема. — Интеб расхаживал по балкону, сложив перед собой руки. — У нас в Египте это было бы несложно сделать. В моей родной стране что-то, а песок изобилует повсюду. Его сгребают, переносят, из него можно сделать насыпь — дорогу, по которой поднимают камень. Но здесь так не сделаешь. Белый мел ломается очень плохо. Чтобы заготовить нужное количество, нам пришлось бы работать целый год. Есть и другой способ, но для него потребуется лес, много леса, почти целая роща.

— Или целый дан?

Интеб медленно повернулся, приглядываясь к домам и стенам дана:

— Да, здесь много дерева, но ведь потребуется все, что есть. А как же люди — куда им деваться?

— Пусть ставят дома рядом с даном, как женатые воины. Тяжелее жить им не станет. Но прежде чем я велю ломать дан, расскажи, что ты задумал.

— Такой способ мы называем подъемом. Им пользуются внутри гробниц или храмов, чтобы поставить на место большой камень или статую. Я буду рычагами поднимать камень — как это делается, когда подкладывают катки. Но вместо катков мы соорудим прочную платформу, вот так, — он повернул руку вверх ладонью. — Теперь камень на платформе, его вновь поднимают рычагами, делают новую платформу из бревен, укладывая их поперек, — Интеб положил на ладонь вторую, скрестив под прямым углом пальцы. — Получается прочная опора, на ней легко работать — и мы все поднимаем и поднимаем камень, подкладываем новые ряды бревен, и так наконец поднимаемся до самого верха колонны. Потом сдвигаем камень вбок — на место. Но, как ты сам понимаешь, на все нужно много дерева.

— Ты получишь его. Пусть ломают весь дан, если это необходимо. Тогда у меня будет каменный хендж, и я созову здесь пять тевт. Вся сила вернется ко мне, и я буду говорить о том, что следует делать, и камень своею силой будет говорить вместе со мной. Он будет говорить громче меня. — Лицо Эсона внезапно сделалось жестким. — А как атланты? Что слышно о них?

— От альбиев нет никаких вестей об атлантах. После того как незваные гости погубили многих из них, альбии перебрались подальше от копи. И некоторые во всех бедах обвиняют тебя.

— Найкери мне уже рассказала. Она говорит, что это не важно.

— Может, и так, только теперь нам не от кого узнавать об атлантах. Воины, которые ходят к копи бросать камни и браниться, говорят, что внешний вал стал еще выше, на нем даже поставили частокол.

— Подготовились к осаде. Они знают, что йернии не умеют штурмовать стены. — Во внезапном гневe Эсон ударил в ладонь кулаком. — Ох, эта рана! Если бы меня не повалили, мы сразу направились бы к копи, взяли ее и расправились с остальными атлантами.

— Кто пойдет без тебя? Не забывай, что перехваченные нами в лесу атланты погибли до последнего человека. Мы гнали их по лесу, как оленей. Каждый воин получил голову, панцирь или меч. Но это твоя победа, Эсон, и они это знают, — теперь йернии пойдут за тобой куда угодно.

— Я поведу их, как только это хилое тело вновь наберется сил. Тогда я объединю йерниев, сведу тевты воедино. Но будет ли закончен к самайну мой каменный хендж... завершишь ли ты строительство ко времени, когда загоняют скот и приходят торговцы?

— Сделаем, даже если придется работать по очереди, как мы делали прежде. Кто-нибудь всегда работал при свете факелов. Все будет готово.

— Тогда разошли весть не мешкая. Я собираю все тевты йерниев, здесь — перед камнями. И это будет началом. Как ты думаешь, они придут?

— Они ждут лишь твоего слова.

— Тогда передай им — Эсон сказал.

6

В подлеске кто-то возился, с хрустом ломались сучья. Выставив копыта, пригнувшись, люди ждали, готовые прыгнуть, нанести меткий удар. Быстрый вебрь — зверь приземистый и коварный — может ударить в любую сторону. Один только поворот массивной головы, и белые клыки выпустят кишки зазевавшемуся мужу, пропорют ему ногу. Страшнее вепря нет зверя в лесу. И вот выгнанный из леса кабан прячется в рощице посреди просторной равнины.

— Он же подранен, — проговорил Эйас, прячась в кустах и внимательно наблюдая за зверем, как и все остальные. Вместо копыта в руке его был молот.

— Царапина, — бросил, задыхаясь, Эсон. Он охотился впервые после ранения. Охота была легкой, но он и здесь не мог угнаться за остальными. Горло драло, Эсон с трудом проталкивал воздух в легкие, но не обращал на это внимания. Главное, чтобы сил прибавлялось.

— Вебрь! Вебрь! — закричал кто-то по другую сторону кустов.

Послышались крики, гневный визг. Вновь затрещали кусты, и темной молнией кабан метнулся из-под кустов прямо на копья воинов, он метался из стороны в сторону, вилял, отбрасывая острыми копытами комья земли. Хрюкнув, зверь развернулся и бросился прямо на Эсона.

Времени на удар не оставалось, можно было только отпрыгнуть. Так Эсон и поступил, грубая шкура прикоснулась к ноге, послышался вопль Эйаса, ставшего на пути вепря.

Быстр был кабан, но кулачный боец оказался быстрее; молот по короткой дуге угодил в плечо зверю, кабан повалился на бок. На одно только мгновение вепрь оказался на спине, взбрыкивая черными копытами, но Эсон успел ударить. Копье вождя вошло в бок вепря, пригвоздив зверя к земле. Кабан взревел от страха и боли, попытался дотянуться до древка; яростный налившийся кровью глаз был устремлен на Эсона. Ударило еще одно копьё, потом другое. Зверь задергался, и все было кончено.

— Клыки твои, — проговорил Эйас, когда, тяжело дыша, Эсон опустился на землю.

— Нет... твой... был первый удар, — выговорил Эсон.

— Убил вепря ты, царь. Зачем рабу клыки? Я возьму себе хвост — он более подобает такому, как я.

Взяв у Эсона кинжал, Эйас отрезал изогнутый хвост у основания и разгладил кисточку на конце. Потом заткнул его сзади за пояс.

— Ну вот, теперь я в лесу в безопасности, — сообщил он, — кабаны примут меня за своего.

Йернии разразились хохотом, хлопая по ляжкам и по спинам друг друга. Даже Эсон слегка улыбнулся — дыхание начинало успокаиваться. В лесу о дерево застучал острый камень — кто-то из охотников уже вырубал жердь. Другой тем временем связал ноги кабана полосками кожи. Эйас ткнул толстым корявым пальцем в бок вепрю.

— Жирный, наел белое сало на желудях. Я уже чувствую, как тает оно в моем рту. Мед, эль, свинина. Ты правишь доброй землей, великий Эсон.

Опираясь на древко копья, тот поднялся на ноги, и они отправились в обратный путь — к дану. Продев шест под ногами вепря, охотники несли за Эсоном добычу, они хохотали и бахвалились на ходу, сравнивали свои белые изогнутые усы с клыками кабана. И,

завидев дан, принялись, как всегда теперь, удивляться происшедшим в нем переменам. В жизни йерниев такие события случались редко, и о подобной новости следовало говорить и говорить — целыми днями, чтобы привыкнуть.

Перемены и впрямь были изрядными. Частокол из высоких бревен целиком разобрали вместе с комнатами и помещениями, примыкавшими к нему. От дана остался лишь прорезанный входом кольцевой вал. Сохранили только мастерскую. Вдоль вала, а кое-где прямо возле него,строили хижин и разного рода укрытий, где обитали воины с семьями и общинники. Было тесно, случались драки, но по-настоящему йернии не протестовали. Они построят новый дан, Эсон обещал, а пока можно и потерпеть. Неважно. Главное — новое сооружение вознесет Эсона над остальными вождями-быками, а их самих — над воинами всех прочих тевт.

Два камня уже указывали в небо, третий, поменьше, еще только поднимался к нему, повинаясь колдовству египтянина. Завидев каменную громаду, йернии вновь разразились восторженными криками, хотя штабель бревен скрывал ее почти целиком.

Интеб дожидался Эсона у подножия огромного деревянного сооружения.

— Мы готовы, — проговорил зодчий.

Эсон первым полез наверх по высокой лестнице; уходящие вниз бревна слой за слоем были скреплены вместе, образуя прочное основание. На самой верхней платформе покоилась каменная перемычка. Возле нее и на ней сидели работники, поднявшие камень на эту высоту. В нижней поверхности камня были выбиты гнезда, хотя сейчас их и не было видно, — они точно лягут на выступы в стояках. Эсон с восхищением погладил оба стоячих камня, прикинул, сколько же нужно было отбить, чтобы получить такие выступы.

— Обрати внимание на верхушки колонн, — Интеб встал позади Эсона, — видишь, они скошены — и перемычка сама точно ляжет на камни сверху. Ее не требуется поправлять или поворачивать.

— Огромная работа, — восхитился Эсон.

Верхней части столпов почти не было видно, бревна трех последних слоев уже ложились прямо на вершины, как и на остальную платформу.

— А сейчас мы сдвинем перемычку, — произнес Интеб, приказав подавать наверх кожаные ведерки с жиром. Животный жир размешали, сделав его пожиже. Первую пригоршню на бревна бросил сам Интеб.

— Положите сюда, — проговорил он, — на бревна и на помост. Только с краю не мажьте, иначе все вы, дураки, попадаете на землю. Мажьте путь камню, а не себе, — передав ведро, он принялся проверять исполнение.

Когда жир нанесли ровным слоем, Эсон с Интебом отступили в сторону, а работники взяли длинные прочные жерди, в верхнем ярусе помоста проделали отверстия, в них и уперли жерди. За ними разместили длинное бревно — чтобы можно было опереть рычаги. Установив шесты, чуть налегая ими на бревно, все выжидали. Когда все оказались на местах, Интеб затянул нараспев — так он делал уже не раз, чтобы люди работали в унисон:

- Вставляй рычаг, крепче держи.
- Бу! — выкрикнули в ответ воины.
- Берись, готовься, скоро нажмем.
- Бу!
- Жми и жми, жми и жми.
- Бу!

Под ритмичные крики они налегли, помост затрещал. Камень чуть сдвинулся. Это повторялось снова и снова, и наконец между опорным бревном и рычагами показалась вполне заметная полоса дерева. Сдвигаясь, камень все больше и больше заходил на смазанный жиром участок и передвигался все легче.

Когда люди дошли до смазанной жиром поверхности, Интеб послал за ведерками с песком — забросать его. Чтобы сдвигать такие камни, нужно твердо упираться ногами, не говоря уж о том, что падение с такой высоты грозило смертью. Работа продолжалась. Перекладина неторопливо приближалась к своему будущему месту. Интеб бегал взад и вперед, заглядывая под камень, выкрикивал распоряжения. Камень приподнялся с одного бока, потом с торца. Интеб ползал вокруг, вымеряя точность направления. Наконец, удовлетворившись, он приказал сделать перерыв.

— Остался последний шаг, — вытирая пот со лба, объяснил зодчий Эсону. Руки Интеба побурели от коры и от жира. — Вынимаем опоры из-под концов камня, вместо них ставим тесаные плоские доски. И пока

камень лежит на них, начинаем опускать его, как поднимали, только наоборот. Поднимаем конец, вынимаем доску, опускаем. То же самое делаем на другом конце. И камень как перышко сам опустится на нужное место.

И пробормотав молитву какому-то звероголовому египетскому богу, зодчий приступил к завершению всего дела. Начиналась самая тонкая работа.

Когда брусья приняли вес камня, опорные бревна вытащили и спустили на землю. А потом осторожно приподняли плиту и начали извлекать доски.

Все случилось очень быстро. Перекладина осела, и верхушки шипов уже начинали входить в гнезда. Десять мужей удерживали рычаг, двое придерживали доски, третий извлекал верхнюю...

Раздался внезапный треск, кто-то вскрикнул.

Люди, удерживающие рычаг, попадали. Длинный брус сорвался и упал вниз на кучу досок. Вытащенная наполовину доска качалась, застряв нижней частью.

С треском и грохотом поддерживающая перемычку пирамида пошатнулась и развалилась. Всем своим весом глыба рухнула на колонны.

Грохот был сокрушительный и громоподобный. Полетели осколки камня, пошатнулся громадный деревянный штабель. Вздрыгнул и камень — столп Эсона.

Все вокруг затряслось, задрожало, словно заколебалась сама земля. Люди кричали и падали, один сиганул вниз с деревянного помоста, решив, что все рушится.

И время, только что мчавшееся, почти остановилось. Мгновения нерешительно капали — как вода с оплывающей на солнце ледяной глыбы. Мир дрожал и колебался.

И замер. Перепуганные люди смотрели друг на друга, подмечая на лицах соседей только что пережитый ужас, но земля более не дрожала, и они с трепетом огляделись.

С одного конца платформа разрушилась. Каменная плита удерживалась в неустойчивом равновесии немногими сохранившимися брусьями. С другого конца поперечина легла на одну из каменных опор. Выступ погрузился в гнездо.

Пронзительный вопль вдруг заставил всех вздрогнуть. Интеб рванулся вперед.

— Опоры, — закричал он. — Поставьте опоры, прежде чем тот край рухнет. Прыгай же, прыгай!

Стоны не умолкали. Эсон заметил, что один из рабочих попал под камень — тело и голова его были раздавлены. Этот молчал. Он умолк навеки. Но другой был еще жив, он-то и кричал без перерыва. Рука его оказалась под камнем, когда перемычка рухнула. Расплющенная рука была зажата между обоих камней.

Случившееся и без того встревожило всех, а вопли только мешали тонкой работе. Во избежание новой трагедии Эсон шагнул вперед, извлек меч из ножен и рукоятку ударил раненого в висок...

По сравнению с огромной болью это был всего лишь комариный укус, и, не переставая кричать, несчастный только дернулся. Во второй раз Эсон не был столь мягок. Бронзовая рукоятка обрушилась тяжелым ударом, и человек мгновенно затих.

Из щели между камнями выступила кровь — совсем немного, настолько плотно стиснута была рука — почти вся до локтя. Оторвав кожаный шнурок, Эсон перетянул руку несчастного выше локтя.

— Подержи, чтобы не упал, — приказал он ближайшему йернию. Проверил помост над собой, убедился, что под ногами нет жира, и занес меч над головой. Размашистый удар пришелся прямо в сустав, раздавленная рука отделилась от тела.

Тело не пришедшего в себя человека содрогнулось от удара.

— Унесите и спустите на землю, — приказал Эсон.

— Теперь все в порядке, — проговорил бледный Интеб.

Он все еще дрожал. Эсон обнял друга за плечи.

— Потери есть всегда, не думай о них.

— На мгновение мне показалось, что все сейчас...

— Камни устояли. Ты — умелый зодчий, Интеб.

Каменный хендж почти окончен.

— Кровь. И рука. Эти кости останутся здесь навечно...

— Кровь на камнях — дело обычное. У нас в Микенах с каждой стороны ворот над столбом лежит по рабу, чтобы камни крепче держались. Не тревожься. Ты продолжишь работу.

Интеб отодвинулся, стиснув руки, он старался унять дрожь.

— Да, конечно. Дело должно быть закончено. Сейчас и немедленно, — осталось сделать немного.

Некоторые воины не хотели снова приступать к работе, но Эсон только молча показал им свой окровавленный меч — оружие говорило без слов. Осторожно, медленно доски по одной вытащили из-под другого конца перекладины. Наконец вытащили последнюю, камень заскрежетал о камень и встал на место. Интеб положил руку на поперечину.

— Вот, Эсон, твой каменный хендж, он готов для самайна. Такого еще не было. Ты будешь царем, Эсон.

Мужи-йернии не понимали смысла того, что происходит, но вполне постигали величие сделанного ими. Они кричали, выкрикивали свой боевой клич, пока наконец не охрипли. На земле внизу творилось то же самое. Лишь сброшенные с самого верха останки раздавленного йерния безгласно лежали у основания хенджа.

7

Темный силуэт был издалека виден над равниной, он высоко поднимался над округлым холмом. Хижины, лепившиеся снаружи, только подчеркивали его величие. Завидев его, воины из других тевт издавали изумленные вопли, быки-вожди начинали трогать усы и покусывать губы. Это был хендж! Шедшие с мешками за спиной альбии восхищались им; они-то умели работать с камнем и сооружали громадные гробницы. Донбакшо с товарами на продажу или без них приходили, только чтобы взглянуть на него. Даже осторожные охотники по ночам пробирались по равнине, разыскивая укромное место, откуда можно все высмотреть днем, и, досыта наглядевшись, возвращались к своим лесам и болотам.

Цепочкой шли рослые герамании, мужчины и женщины — иногда еще более рослые и сильные, чем мужи, оставив корабли на берегу, они уже знали, что в этой земле появилось нечто невиданное.

Настал самайн. Год оканчивался, зима была не за горами, и тевты собирались. Настало время забивать скот и пировать, время торгу и пьянству, время возводить в быки-вожди и сжигать пленников в клетке. Время для всего.

И для сбора всех тевт йерниев, обитавших на холмах. Этого не было еще никогда. Над этим думали и думали. Но быки-вожди получили теплое золото и мягкие янтарные диски в знак того, что Эсон ждет. Каждого уверяли, что прочие просто рвутся прийти. Так предложил Интеб, знавший толк в интригах: это сработало, преодолев все сомнения быков-вождей. Разве может один противиться объединенной воле всех остальных? Они начистили украшения, отполировали бронзу и выступили в путь, прихватив с собой все, что было припасено для торговли. Племена, торговавшие прежде с другими данами, направились теперь к Дан Эсон. Приходили все новые и новые. Никогда еще не было такого самайна, никто не помнил ничего подобного.

Вокруг костра воздвигли еще четыре хенджа для быков-вождей четырех тевт — два по одну руку от хенджа Эсона, два по другую. Эсон был благороден: для хенджей гостей взяли самые высокие бревна из дана, их снабдили подходящими поперечинами. И теперь каждый из быков-вождей мог восседать под величественной аркой, что была раза в два выше, чем делалось прежде.

Ну, а над ними гордо возвышался хендж из белого камня. Ворота в Мой Мелл, в Землю Обещанную... Новый друид вождя увенчал хендж сушеной бычьей головой, увенчал оружием, золотом, головами врагов. Трудно было поверить глазам: хендж из камня, а не из дерева, камня твердого, как боевой топор. И быки-вожди сидели и пили — в молчании, потому что стоило поглядеть в сторону, рано или поздно взгляд обращался к этим вздыбленным глыбам... все выше и выше.

В своей новой круглой плетеной хижине снаружи вала Эсон надевал панцирь, блестящий и полированный. Пока он завязывал кожаные шнурки, яркая штука заинтересовала лежавшего на полу младенца, тот довольно загукал. Эсон ногой пододвинул к нему щит, чтобы крошечные руки могли потрогать блестящую поверхность.

— Бык-вождь Маклорби допоздна проговорил с друидом Немедом, — проговорила Найкери. — Я не видела этого, но женщины передали.

— Разговоры жен мне не интересны.

— Еще как интересны: Немед постоянно говорит с людьми из рода Уалы и читает знаки для них.

— Бык-вождь мертв и более не опасен мне.

— Но живые всегда опасны, тем более если они спрашивают совета у мертвых.

— Я не боюсь ни живых, ни мертвых, ни быков-вождей, ни друидов. У меня есть зуб, опасный для каждого, — и Эсон хлопнул по мечу.

— Но лучше и проще знать все заранее. Ты стал здесь быком-вождем вместо человека из рода Уалы. Они не забудут, что прежде были высокими, а теперь стали ничем.

Водрузив шлем на голову, Эсон вышел, не потрудившись ответить. Младенец завопил, когда отец забрал яркий щит. Найкери подняла дитя и прижала к себе.

Остальные быки-вожди уже сидели у хенджей. Когда появился Эсон, от костров принесли мясо. Он должен сделать первый надрез, взять долю самого сильного, тогда и начнется пир. До ноздрей его донесся дивный запах: огромную тушу свиньи, дымящуюся и истекающую жиром, поместили на козлы. Ее поймали этим летом и обильно кормили, пока она не стала похожа на толстый древесный ствол. Поросят ее давно уже съели, теперь пришел черед и дородной мамыши. Эсон извлек кинжал и пальцем попробовал острие.

— Я — Маклорби, — поднявшись, провозгласил бык-вождь самой северной тевты. — Чтобы прийти на этот пир, я прошел сотню миль и еще сотню. Со мной пришла сотня мужей. Над дверью моей прибито столько голов, что не счесть и ста воинам. Сотню воинов сразил я в битве: я первым разрежу мясо.

После этих слов упало молчание. Маклорби провел рукой по усам и ударил себя в грудь... невысокий, но крепкий, мышцы бутристой корой вздымались на его теле. Руки у него были толще, чем ноги у многих. Он был знаменитый воин, и теперь вызывал Эсона на бой возле собственного очага. Найкери была права — вот и повод для беспокойства. Эсон оглядел безмолвные лица и понял, что от поединка нельзя отказаться. Он не хотел крови, но если так — Маклорби придется умереть.

— Мясо режу я, — Эсон поднял кинжал. Маклорби в первый раз поглядел на него.

— Я — Маклорби, мужи трепещут, слыша мое имя. На ночь я подкладываю себе под колено голову вождя-быка. Сегодня я усну, положив ногу на голову Эсона.

Вызов был сделан. И оставив кинжал, Эсон извлек меч из ножен. Не отводя глаз от Эсона, Маклорби указал на хендж за собой.

— Вот мое золото, оно висит на хендже, чтобы каждый мог видеть его. Я брал в боях шлемы и панцири — вот они, пусть все видят. Я бился с морскими людьми и отбирал у них оружие. Я бился, как положено йернию: волосяная перевязь через плечо, на шее кинжал и гривна, в руке топор, грудь — открыта, и ноги босы, и волосы на лице моем белы, как подобает йернию. Так мы воюем. Так бьется бык-вождь йерниев. Мы — йернии.

Воины тевты Маклорби отвечали громкими воплями одобрения, хлопали себя по ляжкам. Кое-кто в кругу поступил так же, другие же бормотали и оглядывались.

Эсон ощутил, как кожу тронул невольный озноб. Поздно — ничего не сделаешь. Теперь он все понял. У него есть враги в дане, и они хорошо продумали свой план. Эсон еще не пришел в силу после ранения, а сильнее Маклорби среди йерниев не было никого. В броне и с мечом Эсон победил бы любого. Но сейчас он обрек себя на поражение. Он стал быком-вождем йерниев и, принимая вызов, должен биться как положено йернию, и никак иначе. А они сражались нагими — лишь с волосяным поясом на чреслах, без брони, взятой в бою у микенцев. И если он хочет остаться быком-вождем своей тевты, придется биться без панциря. Нет другого выхода, если хочешь стать царем йерниев. Герой наг. Враги хорошо все продумали. Эти мысли мгновенно пролетели в его голове, и Эсон понял, как надлежит поступить. Нельзя отговариваться раной — вождь-бык всегда могуч. Нет отговорок, нет возможности отказаться от поединка.

— Маклорби прибежал к моему порогу и затыкал, как собака в жару, — проговорил Эсон, — Маклорби хочет усесться у моего очага и резать первым мое мясо по праву сильного. Я скажу всем, что будет с Маклорби. Он не будет впредь есть, ему более не суждено пить — потому что я убью его и ножом отрежу голову, чтобы сегодня ночью положить ее под колено.

С этими словами Эсон опустил меч и щит на землю и рванул шнурки на панцире и поручнях, отбросил их в сторону, за ними последовал шлем. Наконец на Эсоне остался только шнурок с кинжалом. Тогда он взял щит и, вдев в петли руку, провозгласил:

— Я Эсон Микенский. Я — йерний Эсон из Дан Эсон, и вот мой хендж. Я — убийца мужей. Я убью Маклорби топором. Пусть приблизится друг мой Ар Апа из Дан Ар Апа — я хочу оказать честь его топору и зарубить им Маклорби.

Вскочив на ноги, Ар Апа перебросил топор через огонь. Эсон в воздухе подхватил его.

— Маклорби абу! — вскричал Маклорби и, ударив в щит топором, бросился вперед.

— Эсон абу! — отвечал Эсон, делая шаг вперед.

Топор ударил в щит, и битва началась.

Уже после первых ударов стало ясно, кто победит. Маклорби был сильнее. Когда топор против топора — исход решает сила. Каменное лезвие ударило в щит Эсона, рука микенца ощутила удар. Собственный удар его был отброшен и перехвачен. Рука Эсона не отошла еще после первого удара, когда на щит обрушился второй и третий. Эсон отступал, но безжалостный как сама смерть Маклорби следовал за ним, нанося удары сильной, не знающей усталости рукой, словно рубил дерево. Сейчас он рубил человека, и с каждым новым ударом Эсон ощущал, как оставляет его сила. Он задыхался, пытаясь выстоять. Эсон не был достаточно быстр и точен в движениях: принимая следующий удар, он не успел подставить щит — топор Маклорби задел плечо Эсона, пролилась первая кровь.

Завидев ее, все воины взревели, а Маклорби остановился и, отступив назад, потряс топором и щитом над головой, провозгласив свой боевой клич.

Эсон чувствовал рану, она была неглубокой, но кровоточила, и с каждой каплей сила понемногу оставляла его тело. Оставалось умереть?.. Но Эсон не хотел умирать. Маклорби повернулся и снова издал боевой клич. Тогда Эсон освободил руку от петель щита и взял его за край.

— Эсон абу! — хрипло вскричал он, бросаясь вперед.

Расставив ноги, Маклорби стоял на месте и улыбался, дожидаясь Эсона, так что видны были желтые зубы. Эсон широко замахнулся топором, метя в бок Маклорби. Бык-вождь повернул щит, чтобы отразить удар, и тогда Эсон метнул свой щит ему в лицо.

Край щита угодил прямо в зубы Маклорби. Взыв от боли, тот отшатнулся. Топор Эсона отскочил от щита и ударил йерния по руке, выбив топор из руки Маклорби.

Прежде чем Эсон успел нанести новый удар, Маклорби отбросил свой щит и бросился вперед, впившись пальцами прямо в горло Эсону.

Боль едва не лишила микенца сознания. Как в тумане, мелькнуло перед ним лицо Маклорби, сплевывавшего зубы вместе с кровью. В голове гудело, и Эсон попытался замахнуться топором, но противник был слишком близко. Микенец выронил топор, ударил вперед кулаками, но без успеха. Вокруг кричали, орали, один голос был знаком — он ревел громче прочих: Эйас что-то советовал. Что-то о кулачном бое, Эсон едва разбирал слова. Но когда смысл дошел до измученного болью и дурнотой мозга, Эсон послушно выставил руки вперед. Не к горлу Маклорби протянулись они — в честном поединке двух сил сейчас он слабее, — но к лицу. Пальцы поползли вверх по скулам. И большие пальцы Эсона впились в глаза Маклорби.

Так поступали рабы, когда их заставляли биться без оружия. Воину такое обычно не могло прийти в голову. Пальцы погружались в глазницы, ковыряли, слепили.

Боевой клич Маклорби превратился в вопль боли, и руки его, выпустив горло Эсона, прижались к погубленным глазам.

Эсон сорвал с шеи кинжал. И единым движением погрузил его прямо под ребра противника — в сердце.

Задыхаясь, — голова еще кружилась от боли, глаза застилал туман, и Эсону приходилось моргать, чтобы видеть, — микенец нагнулся над трупом. Вокруг гремело «Эсон абу», клич повторялся снова и снова, а он пилил, пока голова не отделилась от тела. Руки были по локоть в крови, кинжал выскользнул из пальцев Эсона. Ухватив голову за длинный ус, микенец распрямился и неторопливо направился к своему каменному хенджу. Бросил голову между вертикальных камней, пустыми глазницами она уставилась на костер совета.

— Я — Эсон, вождь-бык йерниев, — хриплым голосом провозгласил он, привалившись спиной к прохладному камню — чтобы не упасть.

8

Эсон с жадностью припал к элю, потом густой мед принес некоторое облегчение его горлу. Потихоньку

боль отступала. Трое остальных быков-вождей в молчании пили, огромная свинья нетронутой остывала на козлах. Подошли воины из тевты Маклорби, они хотели унести тело. Эсон не позволил и приказал им вернуться на место. Потом Эсон встал и вырезал свою долю мяса. Начался пир — и лишившийся головы труп служил йерниям безмолвным напоминанием.

Но, невзирая на присутствие трупа, угощение и напитки быстро подняли общее настроение. И уже скоро у костра зазвучали привычные хвастовство и бахвальство. Стемнело, в костер подложили смолистых сосновых поленьев, в воздух с треском взвились искры. Освещенный огнем, каменный хендж сделался еще более внушительным; быки-вожди и простые воины не могли противиться искушению потрогать зернистую поверхность камня. Эсон заметил это и, когда настало время, встал и сам прикоснулся к хенджу. Все умолкли.

— Я — Эсон. Я убил сто раз по сто мужей. Я убивал быков-вождей. Я убивал атлантов. Я убивал всякого зверя, что бродит по суше, я ловил каждую рыбу, что водится в море. Я бык-вождь в этом дане. Я построил этот хендж.

Правда была более внушительной, чем любая ложь. Он в самом деле совершил все это. Огромные камни подтверждали его слова. Никто не посмел возразить.

— Сегодня, на этом самайне впервые сошлись вместе пять тевт йерниев. Вы здесь потому, что вы — быки-вожди в ваших данах, — и так будет впредь. Но мы здесь не только воины, все мы йернии. И, когда мы вместе, никто не посмеет противостоять нам. Я прошу вас присоединиться ко мне, пусть будет союз пяти тевт. Я прошу вас сделать это здесь, в дане всех йерниев, в дане, какого еще не было. В каменном дане. Присоединяйтесь ко мне, и мы низложим ваши деревянные хенджи — вы поставите на их место каменные, как это сделал я. Так будет.

Все поглядели на деревянные хенджи и на огромные камни за Эсоном; умственным взором быки-вожди уже видели за собой такие же каменные арки. Вот это будет вещь! Сидя перед деревянным хенджем, Ар Апа увидел, ощутил эти камни. И с восторгом вскричал:

— Ар Апа абу! Эсон абу!

— Эсон абу! — вместе слилось множество голосов, и, когда крики стихли, Ар Апа спросил:

— Эсон, ты будешь быком-вождем всех йерниев?
Положив руки ладонями на камень, Эсон отвечал:
— Я буду.

Раздались новые громкие крики, все как будто бы одобряли план. Ни быки-вожди, ни тевты ничего не теряли, но приобрести могли многое. Там, на севере, за лесами жили племена, совершавшие набеги на юг за скотом. Теперь на них можно будет навалиться всей силой. Будет большая добыча. А хендж — останется хенджем. И когда они проявили наибольший энтузиазм, Эсон вновь потребовал тишины, указав на Интеба.

— Вот Интеб-египтянин, он — зодчий. Он огранил эти камни и возвел их. Он расскажет вам о том, что будет здесь сделано.

Сперва Эсон усомнился в плане Интеба, но чем больше думал, тем более привлекательной казалась ему мысль египтянина. Нужно не только заключить союз с вождями-быками, но и заручиться поддержкой воинов. Интеб знал, как это сделать.

— Здесь встанут пять хенджей для пяти быков-вождей, — указал Интеб, и все оборачивались, следя за его рукой. — А вокруг будет каменный дан для воинов. Будет кольцо камней, поверху перекрытых плоскими глыбами, в стене этой будут ворота, чтобы воины входили и выходили.

Вокруг заохали, слышались возгласы одобрения. Интеб подождал, пока все снова стихло.

— Как у всех воинов Дан Эсон есть здесь свой камень, так и самые отважные воины всех данов получают свои врата в этом каменном дане. Они повесят на перекладины отрубленные головы, во время пиров увешают его добычей и сокровищами. Таким будет дан всех йерниев, таким будет он высечен из камня.

Тут уж никто не мог сдержаться. Слышались возгласы, боевые крики, взметнулись вверх топоры... похвальба заглушалась другой похвальбой. Посреди общего шума и возбуждения Ар Апа подошел к Эсону и уселся рядом. Они выпили, Эсон возвратил топор.

— Ты был рядом, когда я нуждался в тебе, — проговорил Эсон.

— Ты хорошо поработал моим топором, об этом будут вспоминать. Но я хочу спросить у тебя кое о чем. Твой египтянин не сказал, сколько дверей будет в каменном дане.

— Никто не спросил его.

— Верно. Но я думал о моем дане и вратах для его воинов, думал обо всех воинах, собравшихся здесь. Каменный дан будет огромным?

— Конечно, но не чересчур. Переставим голубые камни, возведем кольцо. Всего будет тридцать дверей, так сказал мне Интеб. Это большой труд.

— А тридцать — это много?

Эсон растопырил пальцы на правой руке.

— Вот пять пальцев. Тевт тоже пять. — Он приставил к пятерне большой палец левой руки. — А это шесть. Каждой тевте будет отведено шесть дверей. Если шесть взять пять раз, то и получим тридцать.

Хмурясь, Ар Апа поскреб землю пальцами.

— В моей тевте не шесть воинов.

— Так. Но почести будут принадлежать лишь шестерым. Это будут твои родичи, самые сильные из воинов. Каждый будет гордиться, владея дверью. Воины будут усердно трудиться, чтобы стать одним из шестерых. Они будут стараться, помогая тебе. И ты всегда будешь знать, что можешь рассчитывать на их поддержку.

Хорошенько подумав, Ар Апа кивнул и едва улыбнулся. Остаться вождем-быком подчас сложнее, чем стать им. Раздоры и соперничество в тевте никогда не утихали. И эти шесть дверей помогут ему, очень помогут. Он вернулся назад к своему хенджу и снова выпил, радуясь: сход всех йерниев принес удачу.

Эсон спокойно пил, с благодарностью прислонясь к своему хенджу. Он устал, горло все еще болело. Но Интеб оказался прав — все были за него. Хенджи будут построены.

Ночь шла, воины постепенно пьянели. Эсону хотелось лечь спать, но он не мог этого сделать, пока шел пир. Явился Интеб, опустился рядом с Эсоном, отпил эля из чаши.

— Приключился несчастный случай, — объявил египтянин. — Умер друид Немед.

— Приятно слышать, — Эсон кашлянул. — Как же он умер?

— Его нашли лежащим, голова друида оказалась на камне. Упал, должно быть, разбил голову и умер.

— Вот не подумал бы, что у него такой тонкий череп. Интересно, не отправил ли его кто-нибудь в это путешествие?

— Такое всегда возможно. Но говорить об этом вслух не будут. Они с Маклорби замыслили погубить тебя. Но вместо того погибли в одну и ту же ночь. Я думаю, хитроумные утихомятятся на какое-то время.

— Я тоже так считаю. Но друида надлежит похоронить с почестями после погребальных ристалищ.

Эсон поглядел через костер в сторону Эйаса. Сидели бывший раб на своем месте весь вечер? Эсон не помнил. А сейчас кулачный боец пил, чаша казалась маленькой в огромной ручище. Этим кулаком можно сломать челюсть, убить... можно проломить голову. Впрочем, лучше не допытываться. Главное, что друид более не будет злоумышлять против него.

— Великий Эсон, я принес янтарь с севера. По тропам несли мы его через великий лес, вниз по реке Рен, через узкое море — чтобы ты увидел солнечные камни своими глазами.

Подняв глаза, Эсон увидел, что перед ним склонился один из гераманиев, разворачивавший на земле сверток. Гераманий опустился на корточки, поправил на шкуре куски и пластины разноцветного янтаря.

— Меня зовут Гестум, за мной следует клан.

Эсон потрогал камни, поглядел сквозь лучшие на костер.

— Хорошо. Пусть мои мастера увидят этот янтарь.

— Так. Я показываю тебе их, чтобы поговорить. На нас глядят многие. Не тянись к своему запятанному кровью кинжалу, чтобы погрузить его в мое сердце, когда я скажу тебе, что я служил атлантам.

Эсон все еще держал в руке янтарь, но больше не смотрел на камень. Муж-гераманий был высокого роста. Длинный плащ на шее удерживала изогнутая золотая застежка, тяжелая и драгоценная. Концы ее сверкали в складках ткани. На руках прищельца были золотые браслеты. Золотые бляхи украшали и рогатый бронзовый шлем. За пояс герамания был заткнут бронзовый меч, бронзовый топор лежал рядом на земле. Холодными глазами глядел он на Эсона и не обнаруживал трепета.

— Ты знаешь, что я воюю с атлантами?

— Поэтому я здесь, хотя остальным это не нравится. Я скажу тебе: народ мой помогает атлантам — иначе мы не можем. Они добывают олово в наших долинах и плавят его. Атланты слишком сильны, мы не можем

враждовать с ними. Но, помогая им, приобретаем и мы. Теперь мы сами делаем бронзу, наши торговцы странствуют по рекам к востоку и к западу. Мы знаем, что Атлантида воюет с Микенами. Это хорошо. Мы знаем теперь, что ты, микенец, объединил племена йерниев.

— Вы знаете много, — холодно отвечал Эсон. — Должно быть, троянец Сетсус о многом поведал вам... Вы помогали ему?

— Да, это было так.

Гестум распрямился следом за Эсоном, они стояли лицом к лицу.

— Не стану лгать тебе, — проговорил Гестум, — я делаю только то, что идет на благо гераманиям. Мы продавали вести троянцу, помогали ему, мы забрали и твое олово. Теперь он погиб. А ты стал силой на острове, поэтому мы будем помогать тебе. А ты можешь помочь нам.

Быть царем не такое уж и счастье. Эсон-воин, зная все про Гестума, охотно вонзил бы меч ему в нутро. Но Эсон-правитель не мог этого сделать. Человек этот говорил правду. Они могут помогать друг другу и иметь от этого выгоду. Даже олово можно отправлять по Истру в Микены. Дан Эсон заплатит за это своим золотом.

— Садись рядом и пей со мной, — проговорил Эсон. — Твой янтарь восхищает меня.

— Я буду пить. Твое решение восхищает меня.

9

— Ар Апа абу!

Кричали воины тевты Ар Апы — и все прочие последовали их примеру, когда повалилась огромная пирамида из бревен, открывая могучие камни нового хенджа. Сделанный из того же обтесанного камня, он стоял по правую руку от врат Эсона. Новый каменный хендж был чуть пониже, такое лишь справедливо — но над равниной высились теперь два гиганта. За погасшим костром совета поднимались столпы третьего хенджа — перемишки сверху еще не было. Когда крики приутихли, издали донесся стук камня о камень, четкий в сухом и холодном воздухе.

В низинах уже белел снежок, небо цвета шифера грозило разразиться новым снегопадом.

Ар Апа молчал — он просто не мог найти нужных слов — и приплясывал от радости на месте, потрясая топором над головой. Все понимали, что творится у него на душе. Зима была полна непривычных трудов, но жаловались только рабы. Повседневное совершавшееся чудо — мощь камня, покорившегося воле и руке человека, — по-прежнему завораживало воинов. Они приходили из данов других тевт, приводя с собой рабов, нагруженных припасами на целую зиму. Забивали скот, вялили мясо, варили эль. До весны делать было нечего, развлечься можно только на охоте, а эта возня с камнями приносила куда большее удовлетворение. Они сбивали себе пальцы, отдавливали ноги, четверо воинов погибли — но это не значило ничего. Йернии бились с камнем и побеждали.

Но приходилось думать и про другую войну.

— Атланты рассылают охотничьи отряды, — проговорила Эсон. — Так говорят альбии и охотники и те йернии, кто следит за копьём.

— Они хорошо вооружены и осторожны, — отвечал рассеянным тоном Ар Апа, не отводивший глаз от своих камней.

— В лесу йерниями они не соперники. Атлантов можно захватить врасплох — только лучше подождать, когда они повернут обратно.

Ар Апа расхохотался:

— Подобное могло прийти в голову одному тебе, Эсон. Взять не только их головы и мечи, но и добычу.

Радостная зима, такая запомнится надолго. Труды над камнями прерывались только ради набегов на атлантов. Приятные хлопоты. Пока атланты не стали наконец держаться осторожнее, их отряды было даже легче выследить, чем лесную дичь — такая охота приносила сразу и мясо, и головы. Отличная зима. Вот придет весна и потеплеет — придется возвращаться в свои даны, к обязанностям и делам. И воины старались пробыть у огромных камней как можно дольше.

Работа шла быстро. Когда были закончены пять хенджей, йернии с прежним усердием взялись за установку внешних камней — врат воинов. Потом из них сложится целое кольцо, но сейчас на это еще ничто не намекало. Каждый воин сам выбирал себе место для

своих ворот и куда они будут обращены. Двадцать четыре уже поставленных камня весьма неровным кольцом обступали хенджи. Три вместе, три порознь и восемнадцать рядом. Установили только шесть поперечин. Их было труднее обтесать и поднять, а потому лишь пять уже лежали на месте, шестую поддерживала бревенчатая опора. Работа была в разгаре.

Утро ничем не отличалось от прочих, дело шло само собой, привычной чередой; все сделалось привычным, после того как установили первый камень. Эсон услышал вдалеке крики — кажется, его окликали по имени. Но близкие голоса наверху деревянного штабеля заглушили далекие вопли. Осторожно спускали на место одну из перемычек внешнего круга. Камни эти воистину были обтесаны с невиданным мастерством: в них не только были выбиты гнезда, отвечающие выступам на вершинах стояков — каждая пара поперечин соединялась с помощью впадин и выступов. Ставить их на место было нелегким делом. Крики вдали раздались снова, на этот раз Эсон расслышал собственное имя. Он обернулся, смахнул со лба капли пота и поглядел на равнину.

Трое мужей появились в служившем входом разрыве вала. Двое воинов принадлежали к его собственной тевте. Вдвоем они полунесли, полуподдерживали между собой облаченного в бурые одежды альбия. Голова его качалась из стороны в сторону, он совсем изнемог. Это был Тури, двоюродный брат Найкери. Заметив наверху Эсона, один из воинов, поднеся ко рту ладонь, выкрикнул:

— Атланты!

Эсон бросился к лестнице и слетел вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Воины бежали к дану, не жалея сил, и теперь задыхались. Альбий повалился на землю сразу же, как только его отпустили.

— Мы нашли его утром, — проговорил воин. — На равнине. Хромая, он брел в эту сторону. Сказал только, что сюда идут атланты, и назвал твое имя.

— Хорошо бы, — проговорил Эсон. — Мы потеряли много хороших воинов, пытаюсь пробиться за построенную ими стену. — Он понимал, что с такими силами атланты не могут представлять опасности, но волнение невольно стиснуло желудок в комок. Но, должно быть, случилось нечто неожиданное, иначе Тури не бросился бы бежать сюда.

Изможденный альбий припал к воде, отпил половину чаши. Подняв ее над головой, вылил на голову остатки.

— Сюда... идут атланты, — выдавил он наконец. — Прямо по нагорью, их ведут сюда.

— Мы поприветствуем их, — проговорил Эсон.

— Нет... приплыли новые... они высадились и идут сюда.

— Новые приплыли... сколько же их? Корабли пришли? Сколько?

— Вот, — Тури растопырил пальцы на одной руке и приставил еще два.

Семь кораблей. Эсон выпустил альбия, и тот осел на землю. Семь кораблей. Сколько же людей они привезли? Закованных в панцири, вооруженных мечами воинов морского царя. Явились по велению Темиса. Так вот почему царевич атлантов отослал назад захваченный микенский корабль с небольшим экипажем. Об этом Эсону доложили альбии — но тогда он не обратил внимания. Конечно, на него погрузили и олово, но нужны Темису были воины. Эсон ощутил, что вокруг воцарилось молчание и что воины не сводят с него глаз.

— Ты, — он обратился к ближайшему воину, — беги туда, где мы добываем камни. Скажи вождям-быкам Ар Апе и Мовегу, что я желаю их немедленно видеть.

Воин немедленно отправился за вождями, а Эсона обступили и воины, и рабы, понимая — случилось что-то необычное. Оглядев всех, Эсон быстро пришел к решению. Он подозвал к себе двух воинов.

— Коми, ты умеешь выслеживать человека и зверя. Корм, я слышал, что ты можешь насмерть загнать оленя, — и движением руки он остановил уже готовую вырваться похвальбу.

— Вы должны сделать так. Я узнал, что сюда приближаются атланты, вам еще не приходилось видеть сразу столько воинов Атлантиды. Они хотят захватить нас врасплох, но в такую игру могут играть двое. Говорят, они идут от копи — по нагорью. Вы знаете эту тропу?

Знали оба. Расспросив их, Эсон узнал, каков там путь.

— Быстро они не пойдут — дорога неровная, воинов много. И вы поступите так: возьмите с собой мяса и мех с водой. И тихо, как лис на охоте, отправитесь по

тропе. Атланты не должны вас увидеть. Вы увидите их — и пойдете, пока они не станут лагерем на ночь. Тогда ты, Комн, останешься следить за ними, а ты, Корм, должен возвратиться сюда. Тогда мы выйдем навстречу им. Поняли?

Когда каждый повторил полученный приказ, Эсон отпустил их. Воины взяли с места бегом. Появились Ар Апа и Мовег, пробились через взволнованную толпу. Кончив возиться с камнем, вниз спустился Интеб. Секретов здесь не было: все действия тевты воины обсуждали сообща.

— Что там с атлантами? — поинтересовался Ар Апа.

— Идут сюда, их много, — ответил Эсон. — Пришли корабли, привезли воинов. Они уже в пути, хотят напасть на наш дан.

Раздались яростные вопли, слышалась кровождающая похвальба, сулившая незванным гостям страшную участь. Эсон дал гневу воинов утихнуть, прежде чем снова потребовал внимания.

— Они пришли издалека — чтобы умереть здесь, — провозгласил он. Слышались вопли одобрения, но скоро голоса стихли, чтобы каждый мог слышать речи быков-вождей. — Они пойдут по холмам, пойдут не быстро. Может случиться, что они придут сюда еще до темноты, но едва ли. Скорее всего, они остановятся на ночлег. Я послал двоих воинов, чтобы они дали нам знать об этом. Надо послать за всеми воинами-йерниями, выступаем немедленно — со всеми, кто под рукой. Мы найдем место, где остановились атланты. И как волки, мы нападём ночью на лагерь. Мы — лесные охотники, мы — охотники на мужей... Мы — убийцы мужей...

Слова его потонули в громких боевых кличах, грохотали топоры, ударяя в щиты. Обычно йернии ночью не воевали, но битва всегда радость, и они изливали восторг.

Разослали гонцов. Эсон позвал быков-вождей в свой дом. Интеб следовал за ними — сейчас будущее besпокоило его одного. Их ждала Найкери, Эсон приказал ей подать эль, мясо и соль. Вожди сели, Найкери поставила перед ними подносы. Они макали мясо в соль и ели, передавали друг другу чашу и пили. Тут, вдали от толпы, Интеб ощутил, что неясное будущее томит Эсона не менее, чем его самого.

— Я — тот, которого стремится убить Темис-атлант, — объявил Эсон. Вожди согласно кивнули. Рассказ о засаде и битве уже передавали из уст в уста. История постоянно делалась все более впечатляющей. Все слышали ее неоднократно, только еще не успели наслушаться вдоволь. — Я вызову его и убью перед воинами.

— Нет, — отвечал Ар Апа. — Сейчас Темис — хромой калека, он больше не муж. Темис не будет биться. Нам придется биться со всеми.

— Это моя битва.

— Это наша битва, — гневно вскричал Мовег. — Атланты пришли на нашу землю, они нападают на даны, они хотят смерти вождя-быка. Это наша битва. — И он свирепо впился в мясо, так что захрустели хрящи. Ар Апа согласно кивал. Все было решено.

— Сколько кораблей пришло?

— Тури сказал, что семь.

— Это очень плохо.

— Этого следовало ожидать.

— А нужно ли с ними биться? — спросил Интеб.

Эсон удивился:

— Конечно. А что же еще остается?

— Много чего, — закричала Найкери, она лишь сделала шаг назад, когда Эсон жестом велел ей умолкнуть. — На этом острове можно отыскать лишь того, кто хочет, чтобы его нашли. Пойти атлантам навстречу — значит самому искать смерти. Это просто безумие...

— Тихо, женщина!

— ...Ты найдешь одну только смерть. Ведь можно поступить иначе.

Быки-вожди йерниев жевали мясо, поглядывали на дверь. Женщинам не положено открывать рот в подобном обществе. Найкери обратилась к Интебу:

— Помоги мне, египтянин. Нет, не мне — ради меня ты рукой не пошевелишь. Помоги Эсону. Ты знаешь тайные кривые пути, найди другой способ управиться с атлантами. Ты умеешь это.

Нерешительно кивнув, Интеб повернулся к Эсону:

— Я знаю, что йернии, как и мужи Арголиды, презирают женщину. Но мы, египтяне, знаем, что устами женщины, случается, говорят не только они сами, и тогда мы слушаем их. С атлантами можно воевать и не врукопашную.

— Ночью мы захватим их сонными и перебьем, — проговорил Ар Апа.

— Хорошо бы — на лучший результат нечего даже надеяться. Но разве ты уверен в победе? А если погибнут не все, если их войско многочисленно и сильно, то утром уцелевшие...

— На этот раз я не могу воспользоваться твоим советом, — ответил Эсон. — Настало время битвы.

Быки-вожди торжественно склонили головы.

— Опять убивать! — отчаянно закричала Найкери, с размаха бросив на пол чашку. Чашка разбилась, во все стороны брызнул эль. В соседней комнате жалобно заплакал ребенок. — Убивать! Умеете ли вы делать что-нибудь другое? Неужели это все, на что вы способны? Мы, альбии, обходимся без ваших войн и вечных убийств. У нас в жизни есть еще кое-что... А у вас? Мечи, топоры, смерть... есть же в мире что-то другое?

Оскорбленный словами Найкери, Эсон повернулся спиной к женщине, а вожди обнаружили нечто весьма любопытное за распахнутой дверью. За всех ответил Интеб — тоже разгневавшийся:

— Есть и другое, но что в том — пусть все будет как будет. Мужу дано благородство, которое неведомо низшим животным. И в жизни воина, в битвах оно проявляется самым высоким образом. Благородство, женщина, — слово это прозвучало плевком, — такая вещь, которой тебе не понять.

— И понимать нечего. Это безумие. Вы как олени весной... они бьют друг друга рогами, а потом погибают. Сцепятся рогами — и погибли оба. Не хочу понимать. Убийства...

Эсон вскочил на ноги. Схватив за плечи, он вытолкал Найкери из комнаты и захлопнул за ней дверь. В словах ее звучало проклятие, и на мужей словно пал мрак.

— Эсон — ты воитель, — невозмутимо произнес Интеб. — Муж битвы стоит во главе прочих мужей. Ты стоишь выше всех воинов. Сотни витязей кидаются исполнять твое слово. Куда же ты поведешь нас?

Эсон коснулся рукояти меча.

— Конечно, на битву. Если нам суждено умереть, встретим смерть, как подобает воинам.

ЭПИЛОГ

Первым шел невысокий смуглый мужчина в бурой одежде — как те стволы, среди которых вела их тропа. Рядом с ним шагал воин в бронзовом панцире. Муж не молодой, но еще стройный, не согнувшийся под весом доспехов и длинного меча. Позади из леса появлялись все новые и новые воины, шедшие легко, не чувствуя ни веса брони, ни тяжести заплечных мешков, они перекликались и пели песни. Золоченой змеей извивался отряд по равнине, в нем было более сотни воинов.

Когда солнце достигло зенита, они остановились, чтобы подкрепиться и утолить жажду, и после короткого отдыха направились дальше. Наконец стемнело, и проводник, мужчина в белой одежде, указал на холм посреди равнины. Над ним висел дымок костров и серыми тенями поднимались огромные каменные глыбы. Отряд шел вперед, люди перекликались, обсуждая странное зрелище. Оказалось, что холм имеет форму кольцевой насыпи. Воины направились к прорезавшей ее выемке и нестройной толпой миновали узкий вход.

К внутренней стороне вала жались деревянные хижины, небольшие домишки. Из дверей выглядывали испуганные лица. Появились мужчины с каменными топорами, они отступили, заметив появление все новых и новых воинов. Предводитель велел отряду остановиться и один направился к кольцу каменных ворот, за которыми вздымались еще более могучие каменные арки. Их было пять: величественных, вселяющих трепет.

Рядом с ними предводитель отряда казался себе карликом.

— Во всем мире ты не увидишь ничего подобного, — послышался рядом голос, и воин быстро обернулся, привычно хватаясь за меч.

Навстречу ему ковылял одетый в лохмотья невысокий смуглый человек, похожий на приведшего их проводника. Предводитель опустил меч. Старый шрам натягивал кожу на лице подошедшего, изувеченная нога мешала ему ходить.

— Ты не атлант, — проговорил он. Чистый голос и четкая речь не вязались с лохмотьями. — Будь добр, скажи мне, кто ты и зачем пришел сюда.

— Я — Форос Микенский. Мои люди родом в основном из Микен, есть еще из Асины и Тиринфа, из других городов Арголиды.

— Тогда приветствую тебя, приветствую. Твое лицо сразу показалось мне знакомым: мы встречались. Я — Интеб-египтянин.

— Зодчий? — Форос пригляделся и покачал головой. — Похож, только...

— Много лет миновало, много всяких бед приключилось со мной. Сядем? Нога не дает мне стоять. Вон туда — на этот длинный камень. Некогда его называли камнем говорения. Поговорим же.

Следуя за прихрамывающим Интебом, Форос снова покачал головой. Судя по разговору египтянина, душа его была изранена столь же, как и тело. Они сели, глядя на возвышающиеся над головой камни.

— Моя работа, — сказал Интеб, и в голосе его прибавилось силы. — Я поставил эти камни для Эсона. Место это зовется Дан Эсон, дан йерниев.

— А где сам Эсон? Мы ищем его. Торговцы с севера, герамании, донесли весть о нем царю Перимеду.

— Ты опоздал.

— Войны были, и путь неблизок.

— Войны есть и были всегда... война — дело мужское. Мы здесь воевали с атлантами. И я в том числе — видишь эти благородные раны? Великая была битва, пусть мы и проиграли ее.

— Эсона убили?

— Нет, захватили живым, но перед этим он успел сразить многих. Я видел, как его уносили, раненого, потерявшего сознание. Потом я узнал, что он был еще

жив, когда атланты уплыли отсюда. Они увезли его на своем корабле. Так что сейчас он, конечно, мертв.

— Когда это случилось? — негромко, чтобы скрыть волнение, спросил Форос.

— Когда? Я потерял счет месяцам. — Зодчий огляделся. — Сейчас у нас сухой месяц пейни, по египетскому счету. Значит, это случилось месяцев тринадцать назад — в месяц эпипи.

Поднявшись на ноги, Форос стал взволнованно прохаживаться.

— Мы мечтали найти его живым, но, мне кажется, и сам Перимед уже не надеялся на это. Мы знали, что атланты послали сюда отряд, поэтому я взял семь кораблей. Но атланты давно уплыли, лишь небольшой отряд оставался на копи — все они мертвы. Значит, они увезли Эсона с собой в Атлантиду?

— Куда же еще идти кораблям атлантов? — вопросительно произнес Интеб, потирая ногу.

— Действительно, куда? Если ветер был попутным, они успели вовремя. Эсон, брат мой двоюродный, мертв, но он принял благородную смерть, зная, что Атлантиду ожидает неизбежная гибель.

— Ты говоришь загадками, а я очень устал.

— Тогда слушай, египтянин. Ты знал его...

— Любил.

— Тогда узнай, как он умер. Мир стал другим. Был день огня, солнце побагровело и стало черным, земля содрогалась, и в Микенах с неба сыпался пепел. А когда мы спустились к морю, оказалось, что воды вздыбились и смыли в море все города, что были на побережье. Люди еще не видели подобных волн. Пострадали и далекие города, до самой Трои. Все корабли погибли, все побережье было разрушено. Мы построили корабли и поплыли на Крит. Нет больше Феры, священной отчизны атлантов. Берега Крита опустошены, корабли утонули. Микены правят теперь Атлантидой и Арголой, могучие Микены правят всеми со своего утеса, далекого от моря.

— Не понимаю...

— Не понимаешь? Разве тебе не ясно, что захваченный атлантами в плен Эсон погиб на Крите вместе со своими врагами, зная, что смерть их дарует Микенам жизнь? Он встретил свою победу.

— Он погиб. Что в том, как это случилось? После него остались эти арки, эти хенджи из камня. Они будут жить после его смерти и напоминать о нем. Мужики будут видеть их и помнить, что некогда здесь произошло великое. Ты возвратишься в Микены?

— Без промедления. Надо обо всем известить Перимеда.

— Возьмешь ли меня с собой? Думается, я хорошо послужил Микенам. А теперь я мечтаю вновь увидеть зеленый Египет. За мой проезд я заплачу Перимеду настоящим сокровищем. Его внуком.

— Неужели Эсон здесь женился?

Интеб криво усмехнулся:

— По обряду здешних людей он был женат на местной царевне. Мы с ней любили Эсона и в конце концов сумели забыть о прежней ненависти друг к другу. Она спасла мне жизнь. Семя Эсона вновь ожило в ней, но я не сумел отплатить ей тем же за жизнь, которую она мне вернула. Она умерла, и с ней дочь Эсона. Но сын его жив. Вот он за камнем — тот, что посмелей йернийских мальчишек. — Он громко позвал:

— Атрей, поди-ка поближе. Это твой родич.

Мальчик медленно подошел. Если он и был испуган, то не обнаруживал этого. Широкоплечий и крепкий, как отец, с таким же настойчивым взглядом.

— Я учил его микенскому языку, — сказал Интеб, — надеюсь, что день этот все-таки настанет.

Мысли его отвлеклись, зодчий задумался. Скоро он оставит эти края. Скоро увидит дом свой, золотой Египет, но часть его души — Интеб понимал это — все равно останется в этих краях. Эти великие камни принадлежат Эсону. Если где-то сейчас живет частица его — так именно тут. Интеб медленно хромал между камней, прикасаясь к их ровной поверхности, ему вспоминались боевые кличи йерниев, грохот топоров о щиты.

Все. Кончено. Наконец-то впереди встреча с домом. Неровные шаги привели египтянина к камню, над которым он так долго трудился. Восхитительно твердым был этот камень. Рука его погладила поверхность колонны. Собственными руками совершил он это. Каменным молотом, обломком медного меча вместо зубила — металл стерся о камень. Но чем тверже камень, тем дольше сохранит он на себе знаки.

— Эсон, — проговорил Интеб.

Перед этим камнем и пал его друг. Зодчий провел пальцами по кинжалу, выбитому, выгравированному им на поверхности камня. Длинный узкий микенский кинжал с крестообразной рукоятью. Царский кинжал Эсона.

Знак Микенского царства.

Охваченный усталостью, Интеб повернулся к нему спиной и захромал прочь — крошечная фигурка среди гигантских блоков. Больше он не оборачивался.

Он оставил и Дан Эсон, и Остров Йерниев.

Оставил йерниев, сильно поредевших в числе и рассеявшихся, потерявших свою силу.

И пала тогда тьма на остров и длилась она долго.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1

В этом романе много крови и жестокости — так и должно быть, если пишешь об истории бронзового века в Европе. Примерно таким и был мир за полторы тысячи лет до Рождества Христова, таким изображал его Гомер. Конечно, Гомер прославлял отвагу и храбрость воинов: они были не единственной составляющей общества героического периода, но ведущей. Все, кто изучает времена Гомера, прекрасно понимают это. Возникает вопрос: что означают 20-30 бронзовых клинков, обнаруженных в одной из микенских гробниц, и как добывал себе пропитание их владелец? Ответ ясен без слов. В поэтических произведениях, созданных по заказу вождей, встретится много поэтических преувеличений, вне зависимости от того, связаны ли эти сказания непосредственно с Микенами или нет. Но, невзирая на любые преувеличения, нельзя сомневаться в том, что век Стоунхенджа — это век героев.

Наш роман начинается с цитаты из «Крития», с отрывка, в котором Платон повествует об истинно первой мировой войне на нашей планете. С одной стороны выступал союз греческих городов Аргολиды. Противостоял им царь Атлантиды, нами названный Атласом, основатель империи атлантов, называемой историками минойской, — империи, погибшей под ударами микен-

ских греков и погрузившейся в волны Эгейского моря, над которым она господствовала.

В этой войне участвовали почти все древние страны — от Трои до лесной глуши Центральной Европы, от маленьких крепостей-дворцов Арголиты до величественной Атлантиды.

Война эта велась за сырье не менее важное, чем то, от которого получил имя наш нефтехимический век. Тогда это было олово, теперь — нефть. Без олова не было бы бронзового века. Уже на заре металлургии стало ясно, что чистая медь слишком мягка, из нее не получается надежных инструментов и оружия. Чтобы получить твердый сплав, требовалось олово, металл, не часто встречающийся в природе. Одна его часть, прибавленная к девяти частям меди, превращает ковкую, повсюду встречающуюся медь в твердую бронзу. Если олова слишком много, бронза становится хрупкой, как и сама отверждающая компонента этого сплава; если слишком мало — бронза останется мягкой, как и сама медь. Но олово встречается редко, тем более что древние не так глубоко вгрызались в землю, как это делаем мы. Они искали комочки касситеритов в ручьях, протекающих через оловоносные земли. Нигде теперь на всей земле не встретишь эти комки, похожие на орех, наши предки давным-давно освободили поверхность ее от этих самородков.

В настоящем романе мы используем сведения о древних способах добычи руды и примитивных методах плавки. Мы ничего не придумывали, так все и делалось, так выплавляли олово, ковали медь, плавали под парусами, тесали камень, так ставили камни Стоунхенджа, так делали все прочее... Приведенные нами технические подробности основаны на истинном знании, полученном с помощью археологии.

Что же касается персонажей — борьбу за олово ведет герой, представитель той группы населения, которой оно необходимо, — царек бронзового века и его воины. Обе соперничающие стороны ищут ценный металл далеко от собственного дома и в свою борьбу втянули всех, кого только можно. Атланты из Средиземного моря направлялись в Черное, поднимались до середины реки Дунай, там были их оловянные копи. Другая сторона искала олово в западных пределах, за

Гибралтарским проливом в Атлантическом океане — в Британии, в оловянных копиях Корнуолла.

Другой стороной были микенцы, и Стоунхендж был построен в ходе войны их с атлантами почти три тысячи пятьсот лет назад. Его не могли не построить. Он был необходим — в качестве оборонительной меры против атлантов.

Это историческое повествование? Да. Построенное на истинных фактах — да, в том смысле, что мы не опустили ни одного факта и не придумали ни одной недостоверной детали ради развития сюжета. Но это не исторический роман, это роман об истории. Мы нигде не вышли за пределы того, что действительно могло произойти. Выдуманы сами личности героев, их поступки — но облик культур, представителями которых они являются, оставил свои следы в камне. Вся приключенческая интрига построена на строгих фактах. Рассмотрим некоторые из них.

2

В 1953 г. в Стоунхендже на внутренней поверхности одного из пяти трилитов, входящих в это каменное сооружение, было обнаружено изображение кинжала. Археологи усмотрели в этом изображении аналогию с кинжалами, обнаруженными в царских гробницах Микен. Таким образом, было предположено, что возведение Стоунхенджа отражает связи со Средиземноморьем, — так утверждали заголовки газетных статей об уникальном открытии. По ряду соображений создание кольца мегалитов было датировано примерно 1500 г. до н. э.

Дату определили следующим образом. Во-первых, было установлено сходство между весьма отчетливым изображением кинжала в Стоунхендже и оружием того же типа, обнаруженным в царском захоронении в Микенах возле Львиных ворот. Там среди погребальной утвари обнаружены предметы из Египта, в том числе и керамика, которая поддается точной датировке, поскольку различные типы сосудов соотносятся с современными им записями, содержащими даты египетского солнечного календаря. Оказалось, что в микенских шахтовых царских могилах рядом с бронзовыми кинжалами

находится египетская керамика середины второго тысячелетия до н. э. Форма этих кинжалов в точности соответствует изображению на внутренней поверхности камня номер пятьдесят три. Таким образом, можно предположить, что эта фаза развития комплекса Стоунхенджа, с ее массивными трилитами и сарсеновым кольцом, соответствует именно этому времени. Позже дата нашла подтверждение с помощью радиоуглеродного анализа: было исследовано органическое вещество — роговой наконечник, обнаруженный у подножия одного из камней. Позже радиоуглеродная хронология была пересмотрена, и, в соответствии с новым, более сложным эталоном, все даты отодвинулись в прошлое. Теперь Стоунхендж оказался датированным 2000 г. до н. э.: другими словами, было предположено, что он возведен за пять столетий до возвышения Микен и прочих городов Арголиды (микенского союза, именуемого по своему главному городу).

Однако потом археологическая мысль совершила свой полный оборот. Помимо изображения на камне были обнаружены другие свидетельства связей с Микенами: на юго-западе Британии возле оловянных месторождений был найден настоящий микенский кинжал и слиток микенского образца, не говоря уже о ребристой золотой чаше из Риллатона, расположенного неподалеку, подобной тем, что были обнаружены в шахтных погребениях. Возможно, что радиоуглеродный метод дал здесь ошибку — связи со Средиземноморьем значительно более достоверны. Можно заключить, что в 1500 г. до н. э. микенцы действительно присутствовали у Стоунхенджа.

Примерно в этот же период катастрофическое вулканическое извержение на острове Фера в Эгейском море погубило столицу островного царства минойцев, известного и под именем Атлантида. Невзирая на все облако тайн, которым окутано это государство, легендарная страна, описанная Платоном, давно приобрела реальный облик: начиная с 1909 г. некоторые археологи видят в ней изображение минойской державы, что тоже явилось объектом для броских газетных заголовков. Эта вполне респектабельная старинная новость была позабыта за волной новейших оккультных фантазий; тем не менее она до сих пор в ходу в научной литературе. Итак, факты гласят, что морская держава

атлантов располагалась на двух островах, Фере и Крите, первом — маленьком и округлом, втором — большом и прямоугольном — так писал Платон. Она существовала одновременно с Микенским союзом и конфликтовала с ним.

Основываясь на этом, мы в романе воспользовались предположением, что резное изображение кинжала на поверхности камня и даже сам Стоунхендж возникли в результате стечения обстоятельств во время продолжительной войны Микен и Атлантиды. Фантастика? Ни в коей мере. Свидетельство Платона о существовании у египтян записей о долгой войне с Атлантидой историкам не кажется удивительным. Они оспаривают представление об Атлантиде, созданное трудами любителей разных тайн. Эту загадку можно легко разрешить, если предположить, что Платон допустил элементарную ошибку в дате. В результате явной описки переписчика, которую старательно не замечают все, кто рассчитывает воспользоваться ею в тех или иных целях, у Платона суперцивилизация Атлантиды процветает как раз в те времена, когда человечество на всей Земле еще не вышло из стадии охоты и собирательства. Историю Атлантиды Платон узнал от Солона, тот — от египетских жрецов. В соответствии с сообщением Солона, жрецы утверждали, что Атлантида погибла за 9000 лет до его посещения Египта, где греческий мудрец изучал библиотеку храма Нейт в Саисе, столице Нижнего Египта. Подобная датировка отодвигала события к окончанию плейстоценового, или ледникового, периода. Ни одна человеческая культура еще не сделала тогда революционного шага от собирательства и охоты, характерных для древнего каменного века, или палеолита, к земледелию и скотоводству, ставшим преобладающими в новом каменном веке, неолите, не говоря уж о развитии городов. В то время не существовало даже самой египетской цивилизации, а тем более — жрецов, способных зарегистрировать это событие. Подобно египетской, цивилизация Атлантиды принадлежала бронзовому веку — с его парусниками и торговлей, металлургией и дворцовыми ремесленниками, величественными дворцами и храмами, монументальными общественными сооружениями. Солон легко мог принять сотни за тысячи — типичная ошибка, если имеешь дело с египетскими числительными. На самом же деле жрецы

называли 900 лет, а не 9000. Эта дата более правдоподобна: тогда война должна была происходить около 1477 г. до н. э.: именно тогда, как утверждают геологи, случилась катастрофа на Фере.

Действие нашего романа начинается за три года до этой даты. Столько лет потратил наш герой — средиземноморец, микенский царевич Эсон, на возведение Стоунхенджа как сооружения, необходимого для войны с Атлантидой.

Жившие в дельте Нила египтяне имели все основания надолго запомнить гибель Атлантиды, они были потрясены этим событием. Взрыв Феры сопровождался землетрясением, приливными волнами, выпадением пепла. Он был мощнее извержения Кракатау. Предполагается даже, что евреев в их исходе через пустыню, лежавшую почти на уровне моря, преследовала именно армия Тутмоса III, уничтоженная волнами цунами, распространявшимися к югу из Эгейского моря. Но Египет уцелел, а второй главный остров Атлантиды, Крит, подвергся разрушениям. Огромный дворец в Кноссе был разрушен, последующий этап в истории Крита оказался микенским, как это следует из смены алфавита дворцовых надписей. Падение Атлантиды позволило микенцам занять и перестроить Кносс, далее на пути их в восточное Средиземноморье лежала Троя. Запечатленное Гомером падение Трои, в свою очередь, знаменует окончание микенского периода в истории Греции.

3

От Гомера мы переходим к другим культурам европейского бронзового века: культуре Унетице на территории нынешней Чехословакии, родине наших герамниев, и уэссекской культуре юга Британии, созданной йерниями, завершившими строительство Стоунхенджа. Микены, а к северу от Альп Унетице и Уэссекс — вот точки наивысшего развития в Европе тех времен. Минойскую культуру Атлантиды можно считать вариантом микенской — пусть и более сложным, — но война между ними засвидетельствовала равенство соперников, о чем сообщает Платон; в тяжелой борьбе сходятся только равные. В обоих государствах записи велись на

табличках из необожженной глины; сохранился лишь хозяйственный архив. Отзвуки истории Микен нашли место в произведениях Гомера, созданных около 750 г. до н. э., через несколько столетий после падения этой культуры, уже на грани железного века, в самом начале классического периода греческой истории. Из Центральной Европы до нас не дошло никакого подобия этому эпосу, однако в известном смысле Гомера можно считать и североевропейским поэтом. Героический быт благородных воинов бронзового века одинаков повсюду, вне зависимости от того, воюют они бронзовыми мечами (Микены и Унетице) или каменными боевыми топорами (Уэссекс). В конце концов, каменные топоры эти являются копией металлических. Воины Уэссекса предпочитали выбирать драгоценные породы камней для своих двусторонних секир, полировка придавала такому камню металлический блеск.

Параллельно героической традиции Европы развивается цивилизация на Ближнем Востоке: шумерская — в междуречье Тигра—Евфрата и египетская — на узкой полоске плодородных земель, вытянувшихся вдоль Нила. Обе традиции восходят к бронзовому веку, но каждая по-своему. Конечно, обе цивилизации порождены неолитическим производством, использующим одомашненные растения и животных. Такая культура имеет два варианта — или оседлое земледелие, или кочевое животноводство. Последний вариант традиционен для древней Европы, которую заселили пришедшие с востока люди культуры боевых топоров; их родиной, родной всех индоевропейцев перед расселением были степи Южной России, Украины. Люди культуры боевых топоров, родоначальники индоевропейцев, первоначально были неолитическими племенами со смешанным типом сельского хозяйства, а уже потом сделались кочевниками-пастухами. Почему это случилось, пока непонятно. Возможно, причину следует искать в состоянии почв региона. Первые земледельцы начали сводить лес, деревья на заброшенных расчистках не вырастали, и лесные края стали степью, и постепенно земледелие было заброшено, сменившись чистым животноводством. В то же время эти племена испытывали воздействие шумерской цивилизации, возникшей тогда на далеком юге — в Месопотамии, — цивилизации, почти уничтоженной ими в процессе окончательного становления воинствен-

ных кочевых пастушеских племен, известных как люди культуры боевых топоров. Они воевали каменными топорами. Оружие это в камне воспроизводило форму бронзовых боевых топоров шумеров. Точнее сказать, предметом для подражания являлись боевые топоры, поставлявшиеся в Шумер в качестве товара общиной богатых кузнецов, жителей Кавказа, где был расположен один из двух самых древних центров металлургического производства на нашей планете. Другой находился в Хорватии в отрогах Восточных Альп, где имеются месторождения олова и меди.

После миграций и захватов, в конных повозках и боевых колесницах, эти племена пришли в Западную Европу и Британию, неразлучные со своим каменным боевым топором даже после освоения металлургии. Люди боевых топоров распространились повсюду. Говорили они на общем индоевропейском языке, позже разделившемся на санскрит, греческий, кельтский и сотню других. Вступив в хараппскую Индию, они сделались ариями, сокрушителями городов, их эпос — «Ригведа». В Греции люди боевых топоров стали микенцами, Гомер воспел их. В Западной Европе они сделались предками кельтов. Итак, люди боевых топоров явились общими предками и микенцев, и уэссекских воинов — наших йерниев, построивших Стоунхендж. К этому времени колесницы еще не успели пересечь Ла-Манш. Это событие состоялось уже в железном веке.

В Европе они образовали военную аристократию, осевшую среди местных земледельческих, еще неолитических племен, создав внутриплеменное деление на героев-воинов и производителей сельскохозяйственной продукции. Возникшая политическая система в обществе героического периода характеризовалась сосредоточением власти в руках вождей. Племена возглавлялись выборными вождями, а не королями-династами. По сути дела, царь Перимед не был царем, не были городами и Микены, — как и дан йерниев. Это была крепость-дворец, в которой восседал Перимед, распределяя добычу, захваченную в сухопутных и морских набегах; в основном он копил сокровища для себя, а часть раздавал в виде даров приближенным, воинам и вождям-соперникам. Подобный дипломатический обмен уже подводил его к истинно царской власти, позволял положить начало династии. Этой политической эво-

люции содействовала война с Атлантидой, требовавшая от всей Арголиды единства действий, как от одного царства, подчиняющегося единому властелину. Развитие подобных отношений во всей остальной Европе еще не заходило так далеко, в лучшем случае образовывались весьма непрочные союзы между племенами. Всюду речь шла об обладании драгоценными металлами. Вожди создавали свои отряды ради грабежа, воинская потеха и угроза мести укрепляли их власть.

Герои-вожди варварской Европы не похожи на цивилизованных владык подлинных царств, располагавшихся на Ближнем Востоке. Там цари и фараоны также стремились заполучить драгоценные для цивилизации металлы, однако решали этот вопрос как государственные мужи, покровительствуя торговле в широких масштабах. Частично объяснение этому следует искать в том, что в пределах Шумера и Египта отсутствуют месторождения полезных ископаемых. Руды металлов добывались в Европе, возле первых рудников началась и металлургия. Поэтому основной заботой древних царей были непрекращающиеся поиски олова и меди; владыки рассылали купцов, лазутчиков и воинов-авантюристов далеко от дома. Их добыча служила искусству царских плотников, скульпторов, ювелиров; на нее содержались солдаты и придворные. Здесь возникает еще один контраст с европейскими племенными государствами, где воины образовывали не армию, но слой аристократии, а ремесленники скитались, следуя традиции бродячих медников. Еще более разительное отличие заключается в том, что цари Шумера и Египта обитали в истинных городах, где городская жизнь проявилась уже во всех известных нам аспектах, а не в населенных аристократами поселках. Города существовали за счет окружающих неолитических земледельческих поселений, за счет налогов вырастали из таких поселений. Городской жизни отвечала государственная организация, ориентированная на потребности элиты культура — все это отсутствовало у племенных государств, и в Европе, узнавшей железо, все они покорились наследникам царств бронзового века, когда те приступили к территориальным приобретениям.

Здесь я имею в виду расширение территории Римской империи, покорение Галлии Цезарем. Будущий император молниеносно разгромил героев-воинов, пред-

почитавших индивидуальные поединки, руками обученной дисциплинированной армии. К счастью, он описал уничтоженную им культуру, используя при этом свидетельства классических авторов. Среди них следует выделить грека Посидония, умершего в 51 г. до н. э., ко времени написания собственных записок Цезаря. Посидоний описывает келтов, обитателей Галлии; нам они известны из классической истории под именем кельтов. Археологически этим племенам соответствует последний горизонт доримского железного века, так называемая латенская культура.

Железный век в его римском воплощении принес не только дешевое железо для оружия и орудий труда, он дал алфавит, монеты, гильдии свободных ремесленников, связь с помощью конной почты. Дешевые доступные мечи и доспехи уничтожили военную монополию аристократии бронзового века; стало возможным появление организованных армий; алфавитное письмо покончило с монополией на грамотность, находившейся в руках жрецов-писцов, служивших царям бронзового века; монеты сделали возможной мелкую торговлю, сменившую колоссальные обороты царей, дешевые инструменты сделали возможным независимое существование ремесленников под защитой гильдий. И новые правители железного века вели другую политику — имперскую по образу мысли.

Граничившая с Римом латенская Европа, тем не менее, социально не слишком отличалась от предшествовавшей ей Европы бронзового века. Посидоний описывает нам кельтских воинов с железными мечами, выходивших на героический поединок — не на общую битву. Цезарь обнаружил в Британии колесницы — как у героев Гомера. В источниках по истории кельтской Европы отсутствуют сообщения о династических королевствах, тем более об империях; ремесленники были независимы — гильдий не существовало — и странствовали, работая то у одного, то у другого племенного вождя. Функции жрецов исполняли друиды; они не пользовались письмом: все знания, в том числе генеалогии и подвиги вождей, запоминались ими и пересказывались. Если отнять железо — получим гомеровские Микены. Даже крупная конфедерация племен, находившаяся под властью военных предводителей, по словам Цезаря, выступившая против него, появилась

скорее всего в результате реакции на нападение внешнего врага. Таким врагом была и Атлантида для враждующих крепостей микенской Аргολиды, в которой правил выдуманный нами царь Перимед, прототипом для которого явился ополчившийся против Трои Агамемнон. Лишь ради такой цели города-крепости могли оставить взаимные набеги и похищение скота. Это те же самые воины-пастухи, которые построили Стоунхендж в бронзовом веке в Британии; их двойные каменные боевые топоры с просверленным отверстием, а также захваченные драгоценности обнаруживаются в курганах возле этого мегалитического сооружения. В радиусе двух миль от него находится около 460 таких курганов. И если кельты проводили племенные сходки на кладбищах, окруженные своими мертвыми героями, значит, и окруженный погребениями Стоунхендж мог служить подобной цели. Действительно, и уэссекские воины, создатели монумента, и центрально-европейские витязи, погребенные вместе с бронзовыми мечами под курганами Унетице, археологической науке известны под общим именем протокельтов. Наши йернии и герамани — просто бедные родственники героев Гомера. И мы вполне оправданно прибегаем к проекции некоторых базовых элементов кельтской культуры железного века в прошлое, во времена их непосредственных предков, современников бронзового века. В кельтах мы можем видеть кое-что от наших протокельтских уэссекских воинов, йерниев, если угодно, тех, о ком не дошло ни письменных, ни изустных исторических свидетельств.

4

Полученные от очевидцев сведения о жизни и обычаях кельтов использовались греческими авторами, такими, как географ Страбон, историк Диодор Сицилийский и более всего этнограф Посидоний. Страбон говорил о кельтах: «Они обожают войну, вспыльчивы и драчливы». Можно не сомневаться, такими были и йернии, такими мы изобразили их в нашем романе.

В пятом столетии нашей эры последнюю уцелевшую твердыню кельтской культуры Св. Патрик обнаружил в Ирландии. Это был пережиток индоевропейской куль-

туры времен Гомера и «Ригведы»: с колесницами, кражами скота, постоянными войнами, громогласными хвастунами-героями, основными добродетелями которых являются отвага и боевая удаля. Изустные повествования превозносили такие деяния. Христианские монахи записывали эти сказания, в том числе и «Похищение быка из Куалнге».

Военная аристократия, ее набег и бои — единственное, что интересует Гомера и создателя «Похищения». Описывая обычаи галльских кельтов на пирах, Диодор делает прямую ссылку на Гомера:

«Возле них находятся пылающие очаги и котлы, и вертела с огромными кусками мяса. Храбрых воинов почитают лучшими кусками — так, по словам Гомера, приветствовали Аякса вожди, когда победил он Гектора в единоборстве — *...Но Аякса героя особо хребтом бесконечным сам Агамемнон почтил **».

Посидоний видел нечто подобное. И его описания в более драматической форме предстают в ирландских сагах.

Иногда за обедом кельты затевают поединок. Взяв оружие, они наносят друг другу легкие удары и отражают их, но иногда случаются раны, и раздражение, вызванное ими, может повести даже к гибели соперников, если их не разведут очевидцы. А в прежние времена пекли целиком заднюю часть свиньи, и самый храбрый вырезал из туши лучший кусок; тот, кто возражал, поднимался, и они бились насмерть.

В ирландских героических сагах доля сильного называется *cuadmig*. Буквально — это кость состязания или раздора. Но как же определить сильнейшего? В «Повести о свинье Мак-Дато» воины один за другим требуют права разрезать свинью на пиру; каждый уступает сопернику после взаимных оскорблений и хвастовства. Наконец, силач из Коннахта, Кет мак Матах, собирается резать жаркое, посрамив нескольких соперников. Тогда в зал входит Конал Кернах, и разыгрывается та же самая сцена, которую за тысячу лет до того видел в Галлии Посидоний. Разве можно лучшим образом подтвердить архаизм ирландской традиции! Жива латенская культура!

* Гомер. Илиада. Пер. Н. М. Гнедича.

«...В то время как он с ножом в руке уже готов был приняться за свинью, все увидели Конала Победоносного, входящего в дом. Одним прыжком очутился он среди собравшихся. Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал. — Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас, — сказал Конхобар. — Кету, сыну Матаха.

— Правда ли, — воскликнул Конал, — что ты, Кет, делишь свинью?

— Верно, — отвечал Кет.

— Эй, отойди от свиньи! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на нее? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копье в руку свою, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь здесь Анлуан, брат мой, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от свиньи, и Конал занял его место*.

Повествование о свинье Мак-Дато — лишь одна из героических саг, к которым относят и «Похищение», совместно именуемых уладским циклом. Общим героем их является король Конхобар, аналог гомеровского царя Агамемнона. Богатырем является Кухулин, ирландский Ахиллес. Ирландскими троянцами можно назвать людей короля Коннахта, одним из которых является Кет мак Матах. На самом деле «Илиада» достаточно

* «Повесть о Свинье Мак-Дато». Пер. А. А. Смирнова в книге «Ирландские саги». М., АCADEMIA, 1933.

точно иллюстрирует жизнь кельтов Галлии и Ирландии. Гомеровские Микены представляют собой отнюдь не городской элемент индоевропейской культуры, вправленный в средиземноморскую оправу. Скот есть форма богатства, приобретение его является целью многих набегов и битв уладского цикла. Это мера благосостояния у Гомера; захваченный панцирь оценивается не менее чем в девять — до ста голов скота, ради такого стоит рискнуть.

Быть может, единственное различие заключается в том, что саги уладского цикла, с не меньшим восторгом описывающие придворный церемониал, чем делал Гомер, предпочитают окончание церемоний самим церемониям, которые греческий аэд описывает в развитии. Самые благородные ирландские герои забывают о достоинстве ради юношески живой драки, невзирая на обилие ритуальных тонкостей, соблюдаемых в пиршественном зале, центре дворцовой жизни. Кельтские пиры у Посидония и старинные ирландские саги населены хвастливыми рыгающими вождями, наделенными сильной рукой и крепкой глоткой, предводителями гнусных шаек несовершеннолетних гангстеров. При любом надуманном оскорблении все хватаются за мечи; с губ под сальными усами срываются угрозы, брань, хвастовство — в самой напыщенной форме. Создатели Стоунхенджа действительно могли быть такими грубыми варварами. Конечно, ирландские саги дают более точные описания, чем Гомер. Впрочем, не следует забывать, что греческий аэд прославляет отнюдь не городское общество, а героическое.

Куда более отталкивающей, чем плохие манеры и хвастовство, чертой общества йерниев являются человеческие жертвоприношения. Мы здесь также воспользовались кельтским обычаем. В одном из самых ярких эпизодов «Записок» Цезарь так говорит о человеческих жертвоприношениях в Галлии:

«Некоторые племена употребляют для этой цели чучела, сделанные из прутьев, члены которых наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени»*.

* Записки Юлия Цезаря. Пер. М. М. Покровского.

У Страбона человеческие жертвоприношения осуществляются и сожжением, и ударом кинжала:

«Обреченного на смерть человека они закалывают, ударяя в спину кинжалом, а по конвульсиям его читают будущее. При жертвоприношениях не обходится без друида. Об их человеческих жертвоприношениях говорит и другое; в обычае их сбивать людей стрелами и сажать их на копыя в храмах, или же делают они огромную фигуру из соломы и прутьев, загоняют туда скот, диких животных и человеческие существа и сжигают приношение».

Жертвами этого жуткого обряда становились военнопленные, он напоминает разнообразные ирландские повествования о мести, где жертвы сжигались в домах. Однажды подобное жертвоприношение прекратила сверхъестественная женщина, приведшая в качестве замены корову. История эта имеет параллели в традициях индийских ариев, где в свое время человеческие жертвоприношения были заменены закланием животных. Однако в ирландской ветви индоевропейской культуры они сохранились. Сам Цезарь не находил ничего экстраординарного в подобных обычаях. С его точки зрения, галлы просто сохраняли древний обряд человеческого жертвоприношения, практиковавшийся и в его родной Италии вплоть до первого века до н. э.; однако Цезарь не мог знать, что этот обряд был установлен пришедшими туда индоевропейскими воинами. Подобные жертвоприношения совершались и в начале существования Римского государства.

Охота йерниев за головами тоже основана на кельтском обычае. Вот описание поведения кельтов в битве из труда Диодора:

«В путешествиях и боях пользуются они двуконными колесницами, несущими колесничего и воина. Встречаясь в бою, они бросают дротики во врага, а потом, спускаясь с колесницы, вступают в бой на мечах. Некоторые настолько презирают смерть, что идут в бой нагими, в одной набедренной повязке. Когда сходятся два войска, они выходят из рядов и вызывают самых отважных на поединок, потрясая при этом оружием, чтобы утратить врага. Когда вызов на бой бывает принят, они начинают громко превозносить деяния и отвагу предков и расхваливают собственное мужество, стараясь одновременно оскорбить и унижить соперника,

заранее лишить его боевого духа. Они отрезают головы врагов, убитых ими в битве, и вешают на шеи лошадей. Эти кровавые трофеи они передают щитоносцам и увозят в качестве трофеев; воспевая пэан, победную песню, они прибывают эти плоды войны к своим домам, так же, как и головы диких зверей, которых удалось добыть на охоте».

Этот текст прекрасно согласуется с ирландскими сагами. В «Похищении быка из Куалнге» воины отправляются на битву в колесницах, вызов на единоборство имеет здесь столь же важное значение, как в «Илиаде». Герой Кухулин, стоящий в своей двуконной колеснице со щитом, мечом и копьем, — это же просто кельтский герой Посидония.

Об охоте за головами упоминает и Страбон, видевший в этом:

«...варварскую жестокость, особенно характерную для северных народов, которые покидают поле боя, привязав к шее коня головы убитых врагов, и по возвращении домой приколачивают эти замечательные предметы к стенам своих домов».

Кельтское общество представляет собой героическое общество аристократических племенных государств, занимающееся войной, а отрубленные головы, любимая тема кельтского фольклора, являются самыми почетными боевыми трофеями. Подобное характерно и для ирландского эпоса.

В соответствии с данными археологии, классической истории и индоевропейской эпической литературы, мы имеем право в культуре ирландских кельтов-латенцев усматривать аналогию культурного ландшафта Британии бронзового века в 1500 г. до н. э. — времени, когда протокельты-йернии строили Стоунхендж. В Галлии латенская культура вымерла к началу христианской эры, в Британии — к концу первого ее столетия. Ирландские латенцы восходят к галлам, и культура их исчезла бы примерно к 150 г. н. э., — если бы римское завоевание дотянулось и до этого острова. Но этого не произошло. Римляне, во всяком случае в лице своих легионов, не вступили в Ирландию, и латенская культура, последний доримский горизонт железного века, сохранилась там в изоляции, в качестве последнего уцелевшего осколка кельтской культуры. Такой и обнаружил ее в пятом веке новой эры Св. Патрик.

Рим все-таки пришел в Ирландию, но в лице монахов, позже записавших там героические сказания, основывавшиеся на устной традиции, сохраненной бардами от прихода латенцев в Ирландию до четвертого столетия н. э. Сами кельты как отдельный народ появились в Западной Европе в лице людей боевых топоров с их племенными государствами. Их коровьи вожди добились власти над местными неолитическими земледельцами. По дороге в Хорватии они познакомились с производством бронзы у тамошних металлургов, что подобно жителям Кавказа жили, выменивая металлургическую продукцию на ближневосточные продукты. Итак, бронзовый век в Европе начинается с появления протокельтов — хотя в это время металлические вещи еще редки (йернии носят бронзовые кинжалы в качестве украшения), — со своим любимым оружием, чтимым привязанностью и традицией: каменным боевым топором. Незадолго до 1500 г. до н. э. только что сформировавшиеся кельтские племена появляются в Южной Британии, где начинают доминировать над неолитическими земледельцами (донбакшо в нашем романе); для них Стоунхендж, чьи руины мы видим сегодня, олицетворял символ власти вождя. Запечатленная своими бардами дохристианская Ирландия железного века моложе на 1000 лет — достаточно долгий срок в истории консервативных культурных традиций. Вспомните, что временной разрыв между кельтами Посидония и Ирландии куда меньше. Социальное и политическое развитие протокельтов прекрасно описывается ирландскими сагами, если убрать из них технику железного века. В уладском цикле и Конал, и Кухулин бьются железными мечами, пару раз упоминается огамический алфавит, созданный не без некоторого влияния римского. Ирландские герои разъезжают на боевых колесницах бронзового века, не на верховых лошадях, их повозки подобны тем, которые описывал Гомер в микенские времена. Уберите железные мечи, и увидите, что героические саги Ирландии описывают деяния героев бронзового века. Теперь уберем еще и колесницы — получим протокельтские племенные государства Уэссекса в Южной Британии, существовавшего во времена, когда йернии строили Стоунхендж.

Более того, как уже говорилось ранее, Стоунхендж расположен в центре огромного кладбища. Здесь под курганами похоронены герои-воины со своими боевыми топорами, бронзовыми кинжалами, с кувшинами пива и награбленными сокровищами. О функциях этого монумента свидетельствует уже само его расположение; вне сомнения, он служил местом племенных сходов, такой вывод можно сделать, воспользовавшись примером классических кельтов, воины и вожди которых регулярно собирались на кладбищах. О подобных сходах в дохристианской Ирландии нам известно из героических сказаний и сводов законов христианских времен, где упоминается об этом древнем обычае, связанном с периодическими ярмарками, где вожди объявляли законы, а барды славил вождей. Всех свободных людей привлекали подобные периодические сходы, где происходили и разного рода состязания, в том числе гонки на лошадях. Не знавшее городов население собиралось под открытым небом, часто возле старинных могильных курганов или у священных колодцев, в которые бросали отрубленные головы.

Одним словом, без особого труда можно предположить, что подобные периодические сходы существовали и у протокельтов Уэссекса, там избирали новых вождей, когда прежние низлагались по старости или были убиты в бою. В соответствии с общей индоевропейской традицией выборы короля или вождя происходят на советах родственной ему знати. По древнейшей части старинного Брегонского законодательства, в подобных мероприятиях участвовали четыре поколения родственников, естественным образом увеличивая конкуренцию! Генеалогические корни играют существенную роль при определении права на лидерство, этот неотъемлемый аспект любой устной традиции в военно-аристократических государствах находился в руках специалистов. В Галлии эту роль исполняли друиды, поддерживавшие древний, уже по свидетельству Цезаря, обычай. Они также рассчитывали по ритуальному календарю время наступления ежегодных праздников и сходов. И старинный племенной кругооборот жизни уэссекских воинов, здесь именуемых йерниями, весьма возможно, был связан с ритуальным годом классических кельтов.

Они подразделяли год на две основные части: холодное и теплое время, наступление их разделялось праздниками самайн и белтин. Последний из них был пастушеским праздником, начинавшим теплое время, когда скот из стойл выгоняли на пастбища. В нашем календаре он приходится на 1 мая, но кельты праздновали его в предшествующую ночь. Реликты кельтского исчисления времени сохранились в ряде слов английского языка, а также в праздновании сочельников, новогоднего и рождественского, а также кануна Дня Всех Святых. Слово «белтин» переводится как «огонь Бела», иначе Белениуса, одного из старейших кельтских богов, почитавшегося по всему континенту. Ход белтина описывался в «Глоссарии» Кормака. В девятом столетии Кормак, архиепископ Ирландский, записал смысл устаревших слов галльского языка. На пути к летним пастбищам стада и люди проходят между двух костров, разложенных друидами неподалеку друг от друга; целью обряда являлось предохранение от заболеваний в грядущем году. В самайн зажигались другие костры — для жертвоприношения детей и животных, если, конечно, верить Кормаку. Его сообщение может быть сопоставлено с сожжением плетенок с людьми и скотом по свидетельствам Цезаря и Страбона.

У ирландцев еще два сезонных праздника — имболк (1 февраля) и лугнасад (1 августа). Имболк соответствует пиршеству Святой Бригиты по британскому календарю. Имя ее, родственное санскритскому «бхрати» («возвышенная»), являет еще один пример культурной неразрывности всего индоевропейского ареала — от арийской Индии до языческой Ирландии. Имболком называется овечье молоко, это время отела суягных овец, время начала дойки. Лугнасад — это пир Луга, бога урожая, праздник, совпадающий со временем пастушеской экономики посреди летнего перегона скота. Праздник явно принесен в Ирландию более поздними аграрными поселенцами. Имя Луга отразилось в наименовании Лиона и других континентальных городов.

Наиболее ярким среди всех истинно архаических праздников являлся самайн, сбор или сход всего племени, приуроченный к окончанию сезона выпаса скота. В дохристианской Ирландии регулярная ежегодная сходка именовалась «оснах», она и была главным событием

самайна — осеннее возобновление связей внутри туаты или племени. «Книга Бурой коровы», составляющая часть уладского цикла, говорит, что оснах:

«...был временем, которое улады каждый год отводили для праздника самайн, справлявшегося на равнине Муртемне; в это время они только состязались и играли, проводили время в удовольствиях и развлечениях, ели и пировали, а более ничего не делали».

Эти ярмарки посещали люди из различных кланов, племен, иногда из обитавших в достаточно далеких краях, вечные войны на это время прекращались, наступало священное перемирие, как это было в Греции во время Олимпийских и Истмийских игр. Как и ярмарки древней Ирландии, что служат нам историческим напоминанием об индоевропейской традиции, частью которой является уэссекская культура, племенные форумы, происходившие на Стоунхендже, включали не только состязания и игры, но и торговлю. Конечно, неотъемлемой частью осеннего забоя скота являлись пиры, но особую роль должна была играть торговля — учитывая, что Стоунхендж расположен на перекрестке важных древних торговых маршрутов. Антропологическое изучение примитивной экономики часто связывает торг с более широким общественным, зачастую праздничным, содержанием, чем это имеет место в контексте нашей рыночной практики. Более того, этот каменный монумент мог возводиться в ходе праздника — постепенно, год за годом. Всем делом обязательно распоряжался могучий и пьяный боевой вождь с жареной говядиной и пивом в руке, власть его получала сверхъестественную санкцию от друидов, ее подтверждали духи убитых в бою предков, чьи курганы окружали место сбора. Это следует уже из самого слова «оснах». Во-первых, оно означает «воссоединение» (а значит, и встречу или сходку), а во-вторых, «кладбище» — то есть место, где они происходили. Игнорировать тот факт, что Стоунхендж расположен посреди обширного кладбища, на котором похоронены многие поколения воинов-пастухов и их вождей, — значит отделять сам монумент от наиболее важной из особенностей его расположения. И тогда возникает возможность самых разнообразных спекуляций.

Итак, все, что мы знаем о кельтах и о варварской Европе к югу от Альп во времена Гомера, свидетельствует, что Стоунхендж представляет собой памятник героического периода. Он не мог быть астрономической обсерваторией — как предположил Джеральд Хокинс в своей работе 1965 года «Разгадка Стоунхенджа», — построенной для определения зимних и летних солнцестояний и предсказания затмений; утверждать подобное — значит переносить интересы вавилонян четвертого столетия до н. э., если не наши собственные научные интересы, — на весьма архаическое прошлое.

К тому же пастухи ранней Европы свои знамения искали, обратившись к земле, и о начале зимы или весны судили по состоянию травы, так они определяли наступление самайна и белтина по кельтскому календарю, Дня Всех Святых и Майского Праздника по нашему. Самайн обозначал наступление нового языческого года, поворот к осени, когда кельты загоняли домой коров, которых они могли прокормить зимой, и забивали на мясо лишних. Праздник этот, когда домой являлись и души умерших, был христианизирован при Карле Великом, около 813 г. н. э. в виде кануна Дня Всех Святых. К тому времени новогодний сочельник уже сдвинулся к середине зимы, в 1 января, в соответствии с римским календарем, зафиксировавшим сельскохозяйственный календарь первых лет существования Рима. Учитывая разницу между цивилизованным и варварским обществами древности, мы полагаем, что пастухи-йернии собирались на День Всех Святых; тогда и происходило в Стоунхендже великое собрание всех пяти племенных государств.

Установленная связь с Микенами позволила нам драматизировать события с помощью Эсона, усмотревшего в сооружении Стоунхенджа способ объединить йерниев, дать их воинственным государствам политический центр и место сбора и, таким образом, отвлечь от постоянных набегов на оловянную копь его отца Перимеда, расположенную в западной части Корнуолла. Он совершил героический подвиг в войне между Микенами и Атлантидой, но исход ее был решен взрывом Феры. От незавершенного Стоунхенджа остались только руины, которые мы видим ныне.

Но что это за руины! В Великобритании Стоунхендж представляет собой второй по привлекательности аттракцион, который посещает около миллиона туристов в год. Во все более увеличивающемся количестве они посещают руины, начиная с 1740 г., когда антиквар Уильям Стакли опубликовал свой «Стоунхендж: реставрированный храм британских друидов». Эта книга не только впервые сделала монумент популярным, но и создала образ друидов в национальном сознании британцев. Конечно, Стакли имел в виду друидов Кельтской Британии, а не Древний орден друидов, своим появлением на свет обязанный его писаниям. Не имея на то никаких оснований, псевдодруиды присвоили белые одеяния и ритуал Вольных Каменщиков, и в середине лета их можно встретить среди камней Стоунхенджа, одновременно привлекающих к себе и маньяков от астрономии. По каким-то непонятным причинам интеллектуалы, чтобы дискредитировать этих ложных друидов, старательно уверяют, что реальные друиды не имеют со Стоунхенджем ничего общего. Конечно, Стакли не имел представления об истинной древности монумента, однако он обладал бесспорной проницательностью, позволившей ему понять природу создавшего монумент общества, в котором жрецы — шаманы или друиды, служили политическим нуждам вождей. И хотя он видел в Стоунхендже «храм», а не «форум» или, точнее, нечто вроде парламента, как это делаем мы теперь, вполне очевидно, что если в кельтские времена воины и жрецы совместно правили классом производителей, то аналогичные отношения должны были складываться уже в протокельтском обществе. Если возле Стоунхенджа обитали воины бронзового века, похороненные вокруг него со своими боевыми топорами, значит, вместе с ними существовали и друиды бронзового века. Так было устроено общество в индоевропейских племенных государствах повсюду от Индии до Ирландии. В арийской Индии мы встречаем браминов, а в кельтской Европе — друидов. Обнаруженные Цезарем в Галлии общественные структуры известны ирландским героическим сагам. С ними мы сталкиваемся и в Пенджабе времен вторжения ариев. Их существование отражено

и в прославляющих победы ариев гимнах, созданных как раз во время сооружения Стоунхенджа. Таким образом, жрецы-друиды, воины и неолитические общинники составляют основу социального порядка всех племенных государств в индоевропейском ареале. В качестве обобщения можно привести следующую таблицу:

	Арийская Индия	Кельтская Галлия	Кельтская Ирландия
жрецы	брахманы	друиды	друи
воины	кшатрии	всадники	ри
производители	вайшью	плебе	айре

Более того, слово, обозначающее друидическую мудрость и знания, сходно во всех трех языках: санскрите, гальском и староирландском.

Санскритское слово «веда», присутствующее в обозначении ведических гимнов, обозначает знание или, дословно, видение, умение зреть, и связано с гальскими и ирландскими словами, обозначающими мудреца или друида.

«Ригведа», самая священная книга индуизма, окончательно записанная британскими колонистами в начале 1800-х гг., многие столетия передавалась в устной традиции потомками захватчиков-ариев, погубивших хараппскую цивилизацию на северо-западе Индии. Книга эта написана на санскрите, языке, являющимся мертвым для всех на земле, кроме браминов, которые пользовались им только в устной речи, позже и в письменной форме. Брамины в арийской традиции соответствуют друидам, поэтам-панегиристам, и до сих пор прославляют героев-богов, некогда вторгшихся в Пенджаб, а позже обожествленных. По сути дела, «Ригведа» состоит из 1028 стихов, восхваляющих разных богов, вождем которых является Индра, громовержец и колесничий, — именуемый у римлян Юпитером, у греков — Зевсом и Тором — у скандинавов. В Индре мы видим апофеоз индоевропейского вождя-воина. «Как птиц небесных разметывает он достояние врагов». Он — «тот, который властвует над лошадьми, колесницами, деревнями и скотом». Более того, он «разрушитель городов», как и Одиссей, носящий почетный титул «полипторос» — «штурмующий города». В качестве бога Индра мечет молнии с колесницы, в другие моменты обходится стрелой и луком.

*В бой за боем ты вступаешь храбро,
Крепость за крепостью ты разбиваешь...
Ты убил Каранджу и Парнаю
Острейшим ободом колеса Атитхичвы...
Ты вместе с Сумравасом,
оставшимся без сторонников,
Этих царей народов — два десятка пришедших
Шестьдесят тысяч девяносто девять воинов,
о знаменитый,
Поверг ниц колесом от колесницы...**

«Риг» на санскрите означает хвалебную песню, а «веда» означает знание, слово это родственно английскому «вит», обозначающему ум, разум и в конечном счете восходящему к индоевропейскому корню слова «видеть». В эту категорию попадает и слово «видео». Слово, обозначающее происходящее на экранах телевизоров, восходит к корню, обозначающему священное знание у браминов Индии и кельтских друидов...

Кельтские мудрецы в записках Цезаря именуются по множественному числу галльского наименования: друиды — «трижды зоркие». К корню «ид» или «вид» (видящий, мудрый) присоединяется усилительная приставка дру или три, отсюда и «трижды мудрые», галльская форма друи. Число три служило интенсификатором во всех индоевропейских языках, ср. французское «tres» и английское «tergific».

Индоевропейские божества образуют триады: Брахма, Шива и Вишну у индусов; Зевс, Посейдон и Аид у греков. Боги эти олицетворяют универсальные принципы, правящие небом, землей и подземным миром: создание, разрушение и сохранение. Можно предположить, что трилиты Стоунхенджа также символизировали эти космические основы. Подобный смысл им могли приписать друиды, связанные с уэссекскими воинами, чьим политическим монументом и является Стоунхендж. Архитектура его безусловно должна согласовываться с функциональной ролью памятника, выполняющего роль центра хорошо спланированного некрополя.

Деяния нашего героя, друида Немеда, полностью согласуются с классической моделью. В героическом обществе друиды и брамины легитимизируют политиче-

* Ригведа. Мандала 1 «К Индре», 53. Пер. Т. Я. Елизаренкова.

скую власть воинов над классом производителей, хранят в памяти генеалогии вождей и если не воспевают их доблесть, то освящают места племенных сходов, соблюдают обрядовый календарь, совершают жертвоприношения и читают знамения. Друидические обряды в латенской Европе требовали человеческих жертвоприношений; обреченные в жертву закалывались кинжалами или сжигались, так свидетельствует Посидоний, однако нынешние псевдодруиды и их романтически настроенные почитатели предпочитают не задумываться об этом.

В той же мере подлинны и воинственные йернии. В нашем романе они изображены как герои, а не солдаты. В эпической литературе героев уподобляют диким зверям. Кухулин именуется «кровавым псом», воины у Гомера «хищные львы» или «шакалы». Действительно, герои сами выбирают себе соответствующий символ, они ценят особую свирепость в диких животных. О многом говорит описание внешности галлов, приводимое Посидонием:

«Галлы высоки, плоть их бела и водяниста, они не только светловолосы от природы, но еще усиливают это качество искусственными способами. Для этого они мочат головы в известковом растворе и откидывают их со лба к макушке и на шею, в итоге получается нечто, похожее на голову Сатира или Пана, волосы делаются от такой обработки настолько жесткими, что напоминают лошадиную гриву. Некоторые сбрасывают бороды, другие носят короткие, аристократы же выбривают щеки, но дают усам полную свободу, и они закрывают рот. Поэтому за трапезой усы попадают в пищу, а когда они пьют, жидкость попадает в рот через нечто вроде цедила».

Латенское искусство оставило немало изображений загнутых вверх кельтских усов и зачесанных со лба волос, вне сомнения, отвердевших. О волосах Кухулина говорили, что они окрашены в три цвета и торчат остриями кверху, так что яблоки, падая с деревьев, накалываются на них. Подобное описание соответствует внешности кельтского воина с выбеленной головой. Следует заметить, что у воинов латенской культуры глаза всегда велики и навывкате. Быть может, это глаза пастуха, вечно оглядывающего далекие горизонты, подобно «дальнозрящему» Зевсу Гомера.

Усы кельтов в латенском искусстве зачастую подобны клыкам дикого вепря. Это не первая культура из тех, что пользуется охотничьей символикой для отображения воинской доблести. Лев, медведь и орел до сих пор сохраняют место в геральдике всех западных наций. Охота, потеха королей, не дает того удовольствия, когда объектом ее является слабый зверь. Охотясь на дикого вепря на горе Парнас, Одиссей получил рану в ребро. Шлемы из голов вепря упоминаются в «Одиссее», фрагменты их обнаружены при раскопках в Микенах. Римские legionеры носили шлемы со стоячим гребнем из конских волос, однако их стоячая грива имитировала скорее кабана, а не дикую лошадь. В кельтской культуре изображение вепря характеризуется стоячей гривой и длинными изогнутыми клыками. Длинные изогнутые усы кельтских воинов и зачесанные назад шевелюры, без сомнения, символизируют кабана.

Различие между кельтскими усами и римским шлемом заключается в том, что усы вырастают на теле воина, а шлем представляет собой изделие из части тела животного-символа. Усы сочетаются с устной культурой, а шлем — с письменной. В культуре, лишенной письменности, существует лишь произнесенное слово, и воспоминания остаются незаписанными, отраженными в украшениях тела. Воин, украшенный усами-клыками, на голове которого по-кабаньи щетинятся волосы, сам является знаком, говорящим о воинской удали племени. Римский шлем с кабаньей гривой, часть официального обмундирования, является знаком организованной армии государства, в которой героизм отдельных воинов уступило место массовому истреблению врагов. Там, где римский шлем сталкивается с маской воина, трофеем становилась не отсеченная голова, а захваченная территория. Война как дело личного престижа и обогащения через убийства и ограбления уступила место войне за территориальные приобретения, которую вели легионы Цезаря. Вражда и грабеж — дело воинское, покорение земель — уже труд солдата.

В любом случае в кельтском обществе усы носили одни только воины. Друиды должны были сбривать усы, но они отращивали бороды. Наши современные псевдодруиды носят и то и другое — обычно наклеивая оба атрибута — и допускают в этом ошибку. Неправы и те, кто из чистого снобизма отрицает связь истинных дру-

идов со Стоунхенджем. Как в протокельтском, так и в кельтском обществах друиды играли важную роль, в этом нельзя усомниться.

7

Посетители Стоунхенджа видят лишь то, что в романе построил Интеб: трилиты и сарсеновое кольцо. Однако эти внушительные камни представляют собой финальную стадию развития монумента, называемую Стоунхендж III и датирующуюся (опять) 1500 г. до н. э., но строительная деятельность на этом месте началась за 900 лет до этого. Настоящее послесловие нельзя закончить, не упомянув об этом.

Первоначально Британию населяли охотники и собиратели, жившие в покрывавших весь остров лесах. Примерно в четвертом тысячелетии эти края посетила неолитическая пищевая революция в лице мигрантов из-за пролива. Они делали в лесу расчистки для своих полей, их пасущийся скот усиливал эрозию лесного покрова, что привело к образованию знакомых нам лишенных леса нагорий. В результате земледельцы начали склоняться к пастбищному животноводству, осталось место и для аборигенов-охотников и собирателей, уцелевших до времени Стоунхенджа III; в настоящем романе они называются «охотниками». Подвижность и знание троп в лесных чащобах предоставили им новые перспективы для жизни. К охоте добавилась торговля — топорами из ирландского жадеита, золотом и бронзой.

Тем временем появившиеся пастухи, известные под названием людей Виндмилл Хилл, возводили земляные укрепления, называемые стоянками насыпного типа. Они располагались на вершинах невысоких холмов (образцом послужил Виндмилл Хилл) и состояли из двух или трех концентрических валов, имеющих два или три разрыва. Похоже, они являлись местами сбора самостоятельных хозяев, приуроченного ко времени осеннего забоя скота; таким образом, превратившийся в День Всех Святых праздник самайн может оказаться древнее кельтской и протокельтской традиции. Существование подобных земляных сооружений облегчило впоследствии воинам культуры боевых топоров вторжение в эти места и завоевание их. Однако, еще до того как это

случилось, люди Виндмилл Хилл упростили свои стоянки и стали строить их уже на равнинах в виде одного округлого вала и рва с одним только проходом вовнутрь. Их называют хенджами, наиболее заметным из всех является Стоунхендж, внутри которого имеется сарсеновое кольцо.

Стоунхендж I и представляет собой земляное сооружение подобного вида, к которому строители Виндмилл Хилл добавили ямы Обри (ямы-кострища) и пяточный камень. Это они начали хоронить своих покойников под курганами, в данном случае имеющими продолговатую форму, такие курганы укрывают погребения семьи или клана, округлые курганы с одиночным погребением появились одновременно с героями.

Первыми героями были люди культуры кубков, пришедшие через 800 лет, которые внесли дополнения в сооружение, получившее вид, ныне именуемый Стоунхенджем II. Люди культуры кубков (названной по большим пивным кувшинам в погребениях; с ними находят бронзовые кинжалы и комплекты принадлежностей для стрельбы из лука) являются представителями культуры боевых топоров в их западно-европейском варианте, уже позаимствовавшими в Хорватии искусство обработки металла. Тамошние мастера изготавливали металлические орудия на продажу. Потом люди культуры кубков продолжали миграцию на запад, уже располагая собственными кузнецами. Они не только перебрались в Британию, но и вышли по Иберийскому полуострову к Атлантическому океану. А потом повернули обратно. В Иберии они как будто бы столкнулись с еще одной группой металлургов, по крайней мере так утверждает одна из теорий, и мы попытались ее использовать, так как только она объясняет присутствие в тогдашней Ирландии мастеров, знающих секрет бронзы, с ними торгуют охотники, получающие от них бронзу и золото, в то время как йернии в Уэссексе получают металлические изделия также и из Унетице от гераманиев. Этот народ кузнецов, начинавших с обработки меди, медленно продвигался вверх по Атлантическому побережью Европы, потом он перебрался в Ирландию, Домнанн нашего романа. Эти торговцы и изыскатели были родом из Средиземноморья, поддерживали редкие контакты с Микенами. Их гробницы — громадные, поставленные на ребро валуны, перекрытые необработанными мас-

сивными плитами — называются дольменами, уже они одни отмечают движения этого народа. Оказавшись в Домнанне, они повторно изобрели бронзу.

Остров, у берегов которого разбился корабль Эсона, усеян их дольменами. Сейчас он известен под названием островов Силли и представляет собой не один остров, а несколько, так как уровень моря с тех пор поднялся. Строители гробниц, альбии романа, обитали в Корнуолле и Девоне, где находятся оловоносные ручьи, из-за которых придуманный царь Перимед вступил в войну с Атлантидой. Разыскивавший для Микен олово дядюшка Ликос должен был только осмотреть медные рудники альбиев; иногда оба металла обнаруживаются вместе.

Во всяком случае, люди кубков возвели в Стоунхендже почти полный двойной круг голубых камней (которые, возможно, были доставлены с горы Присцилл в Уэльсе; впрочем, вопрос этот до сих пор с жаром обсуждается геологами). Люди, которыми они правили, относились к неолитической пастушеской культуре Виндмилл Хилл, наследниками их, создателей Стоунхенджа I, являются донбакшо. Через сто лет, к моменту появления Эсона, положение изменилось. Культура кубков процветала и превратилась в уэссекскую; с ней связывают разборку Стоунхенджа II и возведение Стоунхенджа III с его монументальными сарсеновыми камнями строго местного происхождения, которые мы видим здесь сегодня. Воинов обеих культур — кубков и уэссекской — хоронили неподалеку в круглых курганах. Это кладбище является частью монумента в той же степени, что и сами стоячие камни.

8

Действительно, и сами камни, и их расположение обладают погребальным символизмом, подобающим монументу, расположенному посреди огромного кладбища. Отсюда ни в коем случае не следует, что Стоунхендж является храмом, где отправлялся культ мертвых. Определенные черты погребальной архитектуры, позаимствованные из интерьера окружающих гробниц, могут попросту служить для освящения места собраний племен под открытым небом. Вспомните, что христианские церкви служат местом коронации королей. Епи-

скопы и короли, друиды и вожди-быки — этот тип взаимодействия прослеживается во всей западной культуре. Погребальный с точки зрения архитектуры монумент может воплощать военную и светскую власть вождей; политическая власть обретает сверхъестественную поддержку религиозных авторитетов, друидов, обеспечивающих потустороннюю поддержку мертвых, а также прочих сверхъестественных и космических сил. Поэтому связанные с культом мертвых черты погребальной архитектуры трилитов проявляются в политическом монументе.

Трилиты — сооружения, состоящие из двух каменных столбов и поперечины над ними, — получили свое имя от Уильяма Стакли; пять трилитов находятся внутри сарсенового кольца в центре Стоунхенджа. Как уже указывалось, они могут воплощать триаду космических принципов, силу троицы индоевропейских богов: создателя, разрушителя и обладателя. Племенные государства индоевропейцев от Индии до Европы несли в себе расслоение на жрецов, воинов и крестьян-производителей; и мудрецы повсюду изобретали богов, ведающих определенными департаментами, чтобы выразить тем общественную реальность различных прослоек; подобным образом они объяснили обществу его состояние, заставили его работать. В арийской Индии богом друидических жрецов, формулировавших и проповедовавших эти взгляды, был Брахма, воинам покровительствовал Шива, торговцам — Вишну. Брахма — создатель, Шива — разрушитель и Вишну (единственное женское божество в этой триаде) * — обладатель сексуальной силы. В мифологии Северной Европы это Один, Тор и Фрейя. В данном и в прочих случаях они олицетворяют мудрость, силу и богатство: поучительную мудрость священников (брамины то или друиды), эротическое плодородие богатства, заключенного в животных и растениях неолитического земледелия. И когда индоевропейские племенные государства исчезли как социальные структуры, их боги остались жить в качестве мифического идеала, воплощая, например, средневековую социальную идею трех сословий: священства, рыцарства и простолюдинства.

* Вишну является мужским божеством, в образе женщины он только отнимает у асуров амриту, добытую после пахтанья океана.

Во всяком случае мифология является весьма древним способом постижения космоса в целом. Так дело обстояло и в Стоунхендже. Здесь в одном из круглых курганов героических времен обнаружен жезл вождя, выполненный в форме стилизованного боевого топора, с головкой из редкого и драгоценного камня, деревянная рукоять его (сгнившая к нашему времени) была украшена зигзагообразными костяными кольцами, воплощающими мотив вспышки молнии. Это же молот Тора! Во всех ветвях индоевропейской мифологии у боевых топоров были свои боги, бог-громовик всегда воин. Он известен под многими именами: Тор, Донар, Юпитер, Тауранос (кельтский Зевс), Тешуб — бог погоды у хеттов, и Индра. Знаменитый молот Тора Мьолнир, воплощающий разрушительную силу небес, гром и молнию, представляет собой не что иное, как мистическое преображение боевого топора. Таков космизм уэссекских воинов в понимании их друидами.

Это в отношении неба, но друиды занимаются и подземным миром. В Стоунхендже имеются сооружения, в точности подобные трилитам, куда меньшего размера и с более широким дверным проемом, они расположены внутри долгих курганов и служат входом в трансепту, то есть дверным проемом, ведущим в погребальные камеры из главной галереи (круглые курганы с их индивидуальными погребениями содержат единственную камеру). В окрестностях Стоунхенджа наиболее заметной среди подобных гробниц, сложенных из крупных камней и потому именуемых мегалитическими, является длинный курган Уэст Кеннет. Он представляет собой пятикамерный кээн, за пятью трансептами его — входными проемами в форме трилита — расположено пять погребальных камер, служивших для захоронения пяти различных семей или кланов. Эта гробница относится к неолитическим временам и являлась центральной в Уэссекском регионе, месте возникновения Стоунхенджа III. Пять трилитов явно соответствуют неизменной форме местной социальной организации. Повсюду на Британских островах мегалитические гробницы обозначают границы общинных территорий, подкрепляют право на владение землей. Курганы не просто гробницы для мертвых, это и пространственные ориентиры для живущих. Площадки перед ними завалены объедами, оставшимися от ежегодных пи-

ров, самайна и ему подобных. В ирландском фольклоре курганы — обитель фей и эльфов, это старинное воспоминание о пирах, служивших ритуальным подкреплением права на священные племенные земли. Большое кладбище Стоунхенджа, впрочем, свидетельствует не только об этом. Здесь явно находился фокус межплеменных контактов, осуществлявшихся в широком регионе, здесь погребена не только местная знать, — детали художественного оформления погребений характерны для пяти различных областей. Пять трилитов снаружи знаменуют реалии той же самой политической географии. Арки, уводящие в различные камеры мегалитической гробницы, были увеличены и поставлены над землей, трилиты представляют собой стилизованные трансепты и являются знаками пяти династических быков-вождей, встречавшихся за внутривременными делами в Стоунхендже, парламенте героев. Каждый вождь находился перед своим порталом, свидетельствовавшим о его происхождении, напоминавшим о предках, имена которых назывались друидом.

Эта картина заставляет оживиться воображение, стоит только посмотреть на карту: кроме Стоунхенджа в Уэссексе существует еще четыре крупных могильника, а всего их пять. Каждое связано с мегалитическим местом схода. С севера на юг они расположены у Лэмберна на Беркширских плоскогорьях, Эйбери на плоскогорье Марлборо, у Стоунхенджа на равнине Солсбери (здесь самые обширные пастбища), у Крэнбери Чейз на плоскогорье Оукли в Дорсете и у Дорчестера — также в Дорсете. Эти места соответствуют нашим пяти родовым государствам йерниев: Дан Маклорби, Дан Финмог, Дан Уала (потом Дан Эсон), Дан Мовег и Дан Дер Дак.

Пять трилитов, пять могильников. Один из трилитов расположен в середине подковы, он мощнее и выше остальных четырех. Могильник у Стоунхенджа также обширнее прочих. Огромные арки, прежде уводившие к погребальным камерам различных родственных единиц, теперь ведут наружу к семействам вождей, объединенным племенным союзом и общим кладбищем на квазидинастическом могильнике сильнейшего партнера. Об этом свидетельствуют региональные погребальные группы, четко различающиеся могильным инвентарем.

Подобные отношения свидетельствуют, что пять трилитов в известной мере символизируют силы, в древности соперничавшие в пяти пастбищных районах юга Британии, «договором меча» — слова эти встречаются в ирландских сагах — соединенных под влиянием одного выдающегося военного предводителя. В настоящем романе роль подобной энергетической личности исполняет Эсон, помогающий здесь отцу в войне с Атлантидой. Но он приступает к задаче, погружаясь в местные дразги, используя локальную религиозную идеологию для достижения политического единства. Его зодчий, Интеб, понимает значение деревянных сооружений, которые йернии называют хенджами. Друиды возводили эти деревянные трилиты ради прославления боевых подвигов своих вождей. Такую вещь нетрудно представить, поскольку известные нам каменные трилиты сооружены по плотницким принципам: шипам наверху опор отвечают выемки в перемычках. Подобное представляет собой пример перенесения на камень техники обработки дерева; объяснить эту странную особенность можно тем, что трансепты гробниц сперва сооружались из дерева; так поступали и позже там, где камня было мало.

Чтобы перевести разговор на язык средневековой Ирландии, предположим, что в Стоунхендже один «верховный король» доминировал над четырьмя ему подчиненными королями. В ирландской мифологии пятерка имеет священное, а также политическое значение. Число это связано с делением Ирландии на пять частей: четыре четверти и *axis mundi* *, поворачивающаяся там, где восседает центральная власть. Быть может, проемы меньших дверей в сарсеновом кольце символизируют военные отряды меньшей величины, союзные большой пятерке, привлеченные с периферии к союзу уже во время сооружения Стоунхенджа.

Хотя нам остается лишь спекулировать относительно парламентских функций Стоунхенджа, едва ли можно сомневаться в символическом значении пространственного расположения самих трилитов. На наш современный взгляд, все пятеро расположены в форме подковы. Это интересный факт. В соответствии с популярными

* Ось мира (лат.).

суевериями этот предмет следует прибивать над дверью амбара в качестве доброго талисмана — таково наследие индоевропейского пастушеского общества. Подкова была добрым талисманом именно потому, что ее обращенные вверх края напоминают рога быка; и подкову прибивают, заменяя ею натуральные рога, как делалось прежде. Кельты носили подкову на шее — золотая гривна и есть подкова. Расположенные в том же порядке трилиты символизируют рога быка.

Остатки рогов и копыт найдены в некоторых неолитических длинных гробницах близ Стоунхенджа. Возможно, прежде их увенчивали головами и даже чучелами животных. По сообщению Геродота, могильные курганы скифских царей украшали чучелами коней. Но так было на прародине индоевропейцев, когда уже была одомашнена лошадь — значительно позднее, чем овцы, козы, свиньи и крупный рогатый скот.

В плейстоцене лошадь была распространенным объектом охоты, однако в послеледниковое время кони обитали практически только в евразийских степях. Люди культуры боевых топоров приучали их не к верховой езде, а впрягали в повозки и колесницы. Повозки использовали для перевозки добычи, награбленной с помощью колесниц. Верховые воины и всадники появились, только когда в позднеримское время была выведена новая, более крупная порода лошадей. В торговых перевозках и для обработки земли коней начали использовать в еще более позднее время. В романе Йернии все еще охотятся на лошадей, одомашненная порода еще не вступила в Британию вместе с народом кубков.

Тем не менее поклонение лошади сохранилось у европейцев гораздо дольше, чем поклонение корове. Благородный человек стал называться не господином коров, а всадником: кавалером, кабальеро, шевалье, рыцарем. После изобретения автомобиля объектом поклонения сделался автомобиль, самобеглая колесная повозка. Но до лошади почет приносило обладание коровами. Героическая аристократия индоевропейских племенных государств, которую мы превосходно знаем по Гомеру, своим благосостоянием обязана скоту, традиция эта следует со времен культуры боевых топоров, на чьем еще не разделившемся перед миграцией языке *rescupius* обозначало собственность в коровах, слово «военный отряд» — орду, разыскивающую коров, ко-

рень в слове «защита» — охрану коров. Титул вождя — «господин коров» — определялся его способностью забить животное для гостей.

Исходя из изложенного, советуем читателю воздержаться от смеха, представив себе чучела коров на перемышках трилитов Стоунхенджа. Наши йернии не дураки. Картина эта весьма разумна, если рассматривать ее с исторической точки зрения. Уже отмечалось, что на поверхности длинных курганов в окрестностях Стоунхенджа и в иных местах обнаруживались коровьи рога и копыта. Перед могильниками обнаружены кучи коровьих костей, что свидетельствует, что забитые там животные служили пищей не только живым. В кельтской мифологии потусторонний мир именуется Обещанной Землей; это Мой Мелл, где павший воин будет пировать посреди нескучеющих стад коров и пить из остающихся полными кувшинов пива. В Мой Мелл всегда изобилие. И если с архитектурной точки зрения Стоунхендж является могильником под открытым небом, мы вполне вправе предполагать, что и его украшали эмблемами скота, целыми тушами или просто рогами. Их могли прибавлять к деревянным пробкам, на три дюйма уходившим в поперечины сарсенового кольца; гнезда под ними обнаружены совсем недавно. Астрономы предпочитают считать их предназначенными для установки точных визиров. Мы же полагаем, что они несли на себе всякую бычью эзотерику, быть может, даже позолоченные овечьи рога или их бронзовые копии.

Символические бычьи рога самым широким образом прослеживаются во всем европейском неолите. Наиболее известны рога, послужившие для украшения критских дворцовых сооружений. Крито-минойская культура является результатом отличной от индоевропейской эволюции той же самой неолитической основы, и мы ничего не выдумали, описывая архитектуру атлантов.

И все же мы должны спросить себя: что все-таки кроется за этим бычьим символизмом? Ответ здесь дает Демокрит, объяснивший, как растут рога у животных. За этим образчиком древней естественной истории кроются еще более древние предположения и представления о природе. Рога, как считает Демокрит, вырастают потому, что жизненная сила тяготеет к голове и мозгам; то, что вырастает на голове, есть проявление заключен-

ного внутри нее, порождение жизненной субстанции. Рога растут, их увлажняет телесная влага, исчезающая со смертью; «сухим» (так, по Гомеру, называются мертвые) она поставляется возлияниями. Значит, рога являются проявлением заключенной в мозгу жизненной силы. В индоевропейских языках слова, обозначающие рога и мозг, родственны (например, латинские *corni* и *cerebrum*). Отделенный от головы рог изобилия, снабжающий потусторонний мир едой и пивом, является другим воплощением этой созидательной и восстановительной силы, в первую очередь вызывающей рост рогов.

Символические коровы рога на выстроенных подко-вой трилитах Стоунхенджа приличествуют месту, где коровьи вожди различных отрядов собираются, чтобы заключить новые союзы и отпраздновать это событие. Коровы — ценная собственность, они — предмет набегов и мера богатства. Что может быть важнее для героев пасторального общества, чем владение скотом? Какой символ им подходит более, чем рога, знак силы, порождение жизненной субстанции? Воины ищут добычи, они ждут, что вождь поведет их за ней; в «Ригведе» слышатся их вопли, выражающие решимость — добыть корову, добыть скакуна. Что делать им, когда предводитель вместо походов хочет заключать союзы и прекратить вечную войну всех со всеми? Где найти развлечение? Где взять добычу? Об этом и думал Эсон, захватив Дан Уала. У него был зодчий, его Интеб, способный поставить трилиты, символические ворота в потусторонний мир Мой Мелл. Каждый вождь вставал на племенном форуме перед своим трилитом, добивался сверхъестественной поддержки, раздавая одновременно обещания проявить щедрость в этом мире пиров и пьянства, помогавшие удерживать в узде воинов. И теперь сами вожди вынуждены были следовать за верховным королем, царевичем микенским, желавшим ликвидировать помехи делу своего отца со стороны йерниев. При этом он воздействовал на местную культуру способом, породившим Стоунхендж, столь привлекательный для современных туристов. Сооружение так и осталось незавершенным, что свидетельствует о том, насколько скоротечной была природа варварских королевств на самой границе гомеровского мира и сколь шатки были альянсы между ними.

Насколько нельзя было избежать сцен насилия в реалистическом повествовании об этих временах, настолько же следует уклониться от любых ссылок на астрономические теории и другие неприемлемые объяснения причин возведения Стоунхенджа. Рассматривать астрономические теории может лишь человек, не знающий Гомера, не говоря уже об известных археологических реалиях. Общество в древней Британии времен Стоунхенджа III не было цивилизованным, его нельзя считать городским. Там не было городов, не было даже сельскохозяйственной основы для их существования, не говоря уже о таких обитателях городов, как математики и астрономы, нуждающихся в письме и библиотеках. Британцы, завершившие создание последней фазы Стоунхенджа, были пастухами, известными археологической науке как воины из Уэссекса, принадлежащими к протокельтской ветви культуры боевых топоров, связанной с областью обитания индоевропейцев, простирающейся от Индии до Ирландии, от Северной Европы до Средиземноморья. Боевые топоры уэссексцев покоятся вместе с ними на просторных погребальных полях, окружающих Стоунхендж; их подвиги в битвах и краже скота находят отражение в устной литературе, посвященной любому индоевропейскому воину-герою, о чем свидетельствуют «Илиада», «Ригведа», «Похищение быка из Куалнге». Гомерова «Илиада» была составлена в восьмом столетии до н. э. на основе устных преданий о микенских героях Греции бронзового века, живших около 1500 г. до н. э. «Ригведа» описывает вторжение в цивилизованную Индию воинственных колесничих, осаждающих города, любителей красть коров. Вторжение, происшедшее примерно в то же самое время. Эпическая поэма была старательно сохранена браминами в устной традиции (за тридцать пять столетий не было забыто ни единого слова!) и зафиксирована во время британского правления. А в «Похищении» описывается героический характер соперничающих индоевропейских племенных государств, уцелевших в изолированной Ирландии, не затронутой римскими завоеваниями до прихода христианских миссионеров в пятом столетии н. э. Мы в долгу перед монахами, примерно в седьмом столетии записавшими «Похищение», поскольку они сохранили для нас устную

традицию, которая, как это ни невероятно, открывает нам окно в протокельтское прошлое и вдыхает жизнь в кости уэссекских воинов, умерших около 1500 г. до н. э., примерно в одно и то же время с героями гомеровских Микен. И если в Микенах, наиболее развитом из европейских героических обществ того времени, нет солнечной обсерватории для расчета затмений, то незачем искать их и в варварской Британии того же периода.

Стоунхендж астроархеологов или археоастрономов — они еще не решили, как себя называть, — в действительности не существует. Чтобы представить Стоунхендж астрономическим инструментом, необходимо фальсифицировать археологические данные, поскольку необходимо создать впечатление, что монумент был построен в один исторический момент, одним народом, для одной цели. На самом деле он возводился в течение тысячи лет тремя различными культурами: Виндмилл Холл, кубков и уэссекской. Астрономический Стоунхендж представляет собой наложение всех трех стадий. Действительно, четыре оси Стоунхенджа II (прямоугольное расположение камней и курганов) совпадает с гнездами Обри Стоунхенджа I, но ведь все части должны объединяться в единый механизм. Более того, эта идея оказывается сомнительной уже со статистической точки зрения. Дуглас Хетти, преподающий математику и астрономию в Эдинбургском университете, определил это в своей книге «Мегалитическая наука», вышедшей в 1982 г. Из 240 визирных линий, обнаруженных Хокинсом в Стоунхендже, 48 должны были чисто случайным образом совпасть с направлениями на то или другое положение Луны или Солнца, однако он обнаружил только 32 значимых визирных направления. Итак, чистый случай предоставляет больше возможностей. Повторные вычисления показали, что лишь 25 направлений дают ошибку, укладывающуюся в 2° азимутальной дуги, что, по мнению Хокинса, необходимо для астрономических наблюдений.

Мы надеемся, что наше собственное произведение послужит доказательством правды об историческом Стоунхендже, каменном хендже, который точнее будет называть коровьим.

*Леон Стоувер,
доктор философии, доктор литературы, профессор антропологии.
Иллинойский технологический институт*

Примечание от редакции

Научная позиция, столь категорически изложенная в послесловии доктором Стоувером, может создать у читателя впечатление, что в истории человечества совсем уже не осталось белых пятен. Отдавая должное убеждениям автора, необходимо, однако, отметить, что роль, отводимая им Стоунхенджу, как и представление об острове Фера как о платоновской Атлантиде, — не более чем гипотезы, не располагающие пока что достаточным фактическим обоснованием, чтобы их можно было возвести в ранг теорий. Столь пренебрежительно отвергнутая автором интерпретация Стоунхенджа как неолитической обсерватории находит многих сторонников среди ученых. В свете новейших данных антропологии, на десятки и сотни тысячелетий отодвинувших возникновение *homo sapiens*, не столь уж убедительным выглядит довод, что за девять тысячелетий до цивилизации Египта существование развитой цивилизации Атлантиды было невозможным.

В оригинале послесловие сопровождается списком рекомендованной литературы. Мы не приводим его, поскольку большинство этих книг не переведено и недоступно русскому читателю. Однако история — захватывающе интересный предмет, и книг на русском языке, посвященных затронутым в настоящем романе проблемам, предостаточно. Желаем читателю увлекательного и полезного знакомства с ними.

Об авторах

Гарри Гаррисон родился в Стэмфорде, штат Коннектикут, вырос в Нью-Йорке, по достижении восемнадцати лет был призван на службу в армию. Возвратившись к гражданской жизни, работал художником, администратором и издателем, пока наконец не обрел себя в качестве свободного литератора. С тех пор вместе с семьей проживал более чем в двадцати семи странах, в том числе в Мексике, Англии, Италии и Дании. Сейчас Гаррисоны живут в Ирландии.

Леон Стоувер, профессор антропологии в Технологическом институте штата Иллинойс, читает не знающий равных курс лекций о Стоунхендже. Предложенная им новая теория, объясняющая возведение этого монумента политическими мотивами, в настоящее время завоевывает признание — даже среди астрономов, прежде представлявших себе Стоунхендж солнечно-лунной обсерваторией и компьютером для вычисления затмений, что находит в настоящем романе игривое объяснение. Ученые степени доктора философии по антропологии и синологии Стоуверу присвоил Колумбийский университет; он является автором ряда теоретических работ, объединяющих обе области знания. Добавим к их числу ряд научно-фантастических произведений, антологий и критики и небольшой идеологический роман в форме диалога между Лениным и Г. Уэллсом «Карл Маркс бритый». В 1980 г. его первая альма матер, Колледж Западного Мэриленда, где Стоувер преуспевал в английском, присвоил ему звание доктора литературы.

Содержание

Плененная вселенная, роман, <i>перевод с английского А. Александровой</i>	5
Стоунхендж, роман, <i>перевод с английского Ю. Соколова</i>	171

Миры Гарри Гаррисона кн.12 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 447 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга двенадцатая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы Т. Бережных, М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Н. Дундина, И. Лаздина
Оператор компьютерной верстки А. Дашкевич
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление обложки и форзаца: Л. Булыкина
Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 08.08.94. Формат 84х106/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2817 С 037

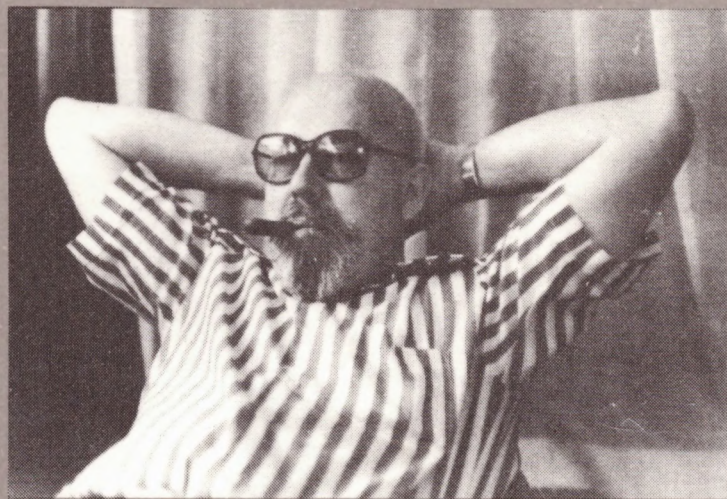
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

12